SciPress.ru

Научно-издательский центр
ОТКРЫТОЕ ЗНАНИЕ
РИНЦ УДК ББК ГОСТ ISBN ISSN DOI SCOPUS COPYRIGHT

Международный научно-практический журнал

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

№10 (138)
Октябрь 2026

ISSN 2412-8953

https://scipress.ru/philology/

УДК 8

ББК 80/83

Ф 51

Филологический аспект: международный научно-практический журнал. Нижний Новгород: Научно-издательский центр «Открытое знание», 2026. №10 (138). 283 с.

ISSN 2412-8953

В международный научно-практический журнал «Филологический аспект» включены статьи по всем направлениям филологической науки научных сотрудников России и зарубежных стран. Журнал предназначен для научных и педагогических работников, преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов с целью использования в научной работе и учебной деятельности.

Все статьи, включенные в сборник, прошли рецензирование и представлены в авторской редакции. Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение законов об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов. Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов.

Информация об опубликованных статьях предоставлена в систему Российского индекса научного цитирования – РИНЦ по договору № 358-05/2015.

Электронная версия номера находится в свободном доступе на сайте журнала http://scipress.ru/philology/

Данный сборник распространяется по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 Всемирная (CC BY 4.0)

ISSN 2412-8953

УДК 8

ББК 80/83

© Научно-издательский центр
«Открытое знание», 2026

© Коллектив авторов, 2026

Главный редактор:

Плесканюк Татьяна Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иноязычной профессиональной коммуникации, Нижегородский государственный педагогический университет имени К. Минина, г. Н.Новгород, РФ.

Редакционный совет:

Александрова Ирина Викторовна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Республика Крым, РФ

Акимова Эльвира Николаевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской словесности и межкультурной коммуникации, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, Москва, РФ

Грачёв Михаил Александрович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской филологии и общего языкознания, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, заведующий Лабораторией социопсихолингвистических исследований, член Гильдии лингвистов-экспертов по информационным и документационным спорам, г. Н. Новгород, РФ

Костецкий Виктор Валентинович – доктор философских наук, профессор кафедры общественных и гуманитарных наук, Санкт-Петербургская государственная консерватория им Н.А. Римского-Корсакова, г. Санкт-Петербург, РФ

Кудряшов Игорь Васильевич – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы, Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Арзамас, РФ

Мирзоева Лейла Юрьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры языкового образования, университет им. Сулеймана Демиреля, г. Алматы, Республика Казахстан

Нагорный Игорь Анатольевич – доктор филологических наук, профессор, Институт иностранных языков Цзилиньского университета, г. Чанчунь, Китай

Николаенко Сергей Владимирович – доктор педагогических наук, доцент, декан филологического факультета, Витебский государственный университет имени П.М.Машерова, г. Витебс, Республика Беларусь

Пацюкова Ольга Алексеевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и культуры речи, Нижегородский государственный педагогический университет имени К. Минина, г. Н.Новгород, РФ

Радбиль Тимур Беньюминович – доктор филологических наук, заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики, профессор, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, профессор кафедры прикладной лингвистики и межкультурной коммуникации НИУ ВШЭ, г. Н.Новгород, РФ

Сметанина Ольга Михайловна – доктор культурологии, кандидат психологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков и профессионального лингвообразования Нижегородского института управления, филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Н.Новгород, РФ

Соснин Алексей Владимирович – доктор филологических наук, доцент, профессор департамента литературы и межкультурной коммуникации, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Н.Новгород, РФ

Редакционная коллегия:

Андреева Людмила Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент, Гуманитарный институт североведения, Югорский государственный университет, г. Ханты-Мансийск, РФ

Аймагамбетова Малика Муратовна – кандидат филологических наук, заведующий кафедрой иностранной филологии и переводческого дела, Казахский национальный университет имени аль-Фараби, г. Алматы, Республика Казахстан

Безруков Андрей Николаевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии, Башкирский государственный университет, Бирский филиал, г. Бирск Республика Башкортостан, РФ

Белова Екатерина Евгеньевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики иностранных языков и лингводидактики, Нижегородский государственный педагогический университет имени К. Минина, г. Н. Новгород, РФ

Воронцова Татьяна Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой восточных и европейских языков, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, г. Н. Новгород, РФ

Воропаев Николай Николаевич – кандидат филологических наук, научный сотрудник, отдел языков Восточной и Юго-Восточной Азии, Институт языкознания РАН, г. Москва, РФ

Дехтярева Елена Витальевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры украинской филологии факультета славянской филологии и журналистики Таврическая академия, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, г. Симферополь, Республика Крым, РФ

Жампейсова Жанар Муратбековна – кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики, регионоведения и переводческого дела, Казахская головная архитектурно-строительная академия, г. Алматы, Казахстан

Коптелова Ирина Евгеньевна – кандидат философских наук, заведующий кафедрой английского языка факультета международных отношений и международного права, Дипломатическая академия МИД России, г. Москва, РФ

Маркова Татьяна Дамировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики русского языка и культуры речи, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, г. Н. Новгород, РФ

Новоградская-Морская Нинель Антоновна – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков, Донецкая академия управления и государственной службы при Главе Донецкой Народной Республики, г. Донецк, ДНР

Овчинникова Ольга Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин, Брянский филиал РАНХиГС, г. Брянск, РФ

Пепеляева Софья Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры культорологии ФАиД, Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет, г. Н. Новгород, РФ

Петрова Инна Михайловна – доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры языкознания и переводоведения, Московский городской педагогический университет, Институт иностранных языков, г. Москва, РФ

Резунова Мария Владимировна – доцент, кандидат филологических наук, заведующий кафедрой социально-гуманитарных дисциплин, Брянский филиал РАНХиГС, **г. Брянск, РФ**

Сегал Наталья Александровна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского, славянского и общего языкознания, Крымский Федеральный университет им. В. И. Вернадского, г. Симферополь, Республика Крым, РФ

Сергиенко Елена Евгеньевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики французского, испанского и итальянского языков, Нижегородский государственный лингвистический университет им Н.А. Добролюбова, г. Н. Новгород, РФ
Солодовникова Татьяна Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры романских языков факультета международных отношений, Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь
Твердохлеб Ольга Геннадьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры языкознания и методики преподавания русского языка, Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург, РФ
Трофимова Елена Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии, Донецкий национальный университет, г. Донецк, ДНР
Чиронов Сергей Владимирович – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой японского, корейского, индонезийского и монгольского языков, Московский государственный институт международных отношений МИД России, г. Москва, РФ
Шашкова Валентина Николаевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных и русского языков, Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, г. Орел, РФ
Щербина Сергей Юрьевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии и межкультурной коммуникации, Педагогический институт Тихоокеанского Государственного университета, г. Хабаровск, РФ

Материалы печатаются с оригиналов, поданных в оргкомитет, ответственность за достоверность информации несут авторы статей

ОГЛАВЛЕНИЕ

Русский язык 8

Курапова Е.С. Адъективная метонимия как механизм концептуализации темпоральных отрезков 8

Германские языки 15

Ботова А.К. Стратегии номинации цифровых понятий в немецком и исландском языках 15

Кондрашова В.Н., Шустрова Е.Н. Прецедентные феномены со сферой-источником «Кино» в англоязычном художественном дискурсе 25

Паневина И.Г. Цитатные заглавия и их функции в произведениях немецкой художественной литературы 35

Рулёва Н.А., Филатова А.Г. Особенности толкования устойчивых словосочетаний с семантическим полем «прицеливаться» в немецкой военной лексике 44

Царегородцев Р.А. Семантическое поле концепта GOVERNMENT в прощальной речи Джорджа Вашингтона 52

Теория языка 57

Альгина О.В. Типология и уровни смещения смыслового фокуса в художественном переводе 57

Гурбанмырадов Я., Сарыева Н. Концептуальная метафора «государство — это организм» в русском и английском политическом дискурсе: корпусное исследование 67

Коростелева В.И. Лексико-семантическая динамика англо-хинди кодового переключения в индийских медиатекстах 2020–2025 гг. 75

Лысоконь А.С., Ванько Т.Р. Типы придаточных предложений в англоязычном спортивном интернет-дискурсе: гендерный аспект 82

Нурмухаммедова Г., Сейитгулыева О. Диахронические изменения в семантике лексических единиц: опыт корпусного анализа русских и германских языков 89

Шашкова В.Н. Специфика передачи средствами английского языка реалий деятельности Госавтоинспекции: номинативный аспект 95

Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание 102

Агалиева А.Н., Бабаева М.С., Сатылова Б., Бабакулов Ю. Способы выражения отрицания в русском и туркменском языках: лексико-морфемный и синтаксический аспекты 102

Варварина Л.А. Сказки Редьярда Киплинга в русской переводческой традиции: стилистическое и лингвокультурное своеобразие 115

Войтещук И.В. Межконцептуальные связи в структуре категории «природная вода» как отражательно-интерпретационный феномен (на материале немецкого и русского языков) 125

Еременова К.Ю. Историко-семантический анализ прототипов английского фразеологизма *castle in the air*.....134

Нобатова Б., Максадова А. Лингвистическая экспертиза конфликтогенного текста: методологические критерии и практический инструментарий 146

Ташлиев Д., Баймурадова Э. Фольклорный концепт «судьба» в русской и германской лингвокультурах: сопоставительный анализ паремий 154

Ташлиев Д., Гулджанова Б. Переводческая эквивалентность в специальном дискурсе: когнитивно-прагматический анализ терминологических решений 161

Ташлиева М.М., Ковалёв Н.С., Хоммадова Х.М., Нурлыева С.М. Особенности перевода туркменских реалий на русский язык: лингвокультурный и функциональный аспекты 167

Черникова Е.О. Анализ языковых стратегий нейтрализации конфликтов и формирования консенсуса в русской и английской терминологии транспортной дипломатии 174

Прикладная и математическая лингвистика 181

Таганалыев Б., Батырова Д. Лингвистика интернет-дискурса: жанровая дифференциация и прагматические стратегии в русскоязычных социальных медиа 181

Чарыева О., Худайбердиев М., Магтымова А., Таганова М. Языковая ситуация в полиэтническом регионе: социолингвистическое исследование функционального распределения языков.....188

Русская литература 196

Безруков А.Н. Сюжетология поэтических конструкций Юрия Домбровского 196

Гао Тинюй Опыт творческой неудачи в «Золотой розе» К. Г. Паустовского: от неосуществлённого замысла к писательскому мастерству 202

Иванов Н.А., Линдер И.Б., Авдеева О.В., Иванова Я.Ю., Авдеева М.Д. Трансформация нарративных стратегий в русской автофикции 2010–2020-х годов 208

Садыкова К.Д., Камилова С.Э. Взаимодействие реального и ирреального в повести Евгении Некрасовой «Калечина-Малечина» 218

Святуненко М.А. Эпистолярный жанр как инструмент реконструкции памяти в романе Е. Водолазкина «Авиатор».....232

Литература народов стран зарубежья 237

Шукшина О.В. Ирония в пьесе О. Уайльда «Как важно быть серьезным»: синтаксический аспект 237

Шукшина О.В. Энантиосемия как инструмент иронической модальности в прозе О. Уайльда: проблемы воссоздания при переводе 244

Теория литературы. Текстология 251

Гурьянова Т.А., Петрова Е.С. Феномен автофикшн в свете когнитивных аспектов восприятия (на материале романа Ричарда Флэнагана «Первое лицо»).....251

Чернецов А.Д. Модель фантастического хронотопа.....258

РУССКИЙ ЯЗЫК

Дата публикации: 22.10.2026

УДК 811.161.1

Курапова Е.С. Адъективная метонимия как механизм концептуализации темпоральных отрезков

Курапова Елена Сергеевна
старший преподаватель кафедры русского языка и массовой коммуникации
Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Российская Федерация, г. Самара
glayran@rambler.ru

Adjectival metonymy as a mechanism for the conceptualization of temporal intervals

Kurapova Elena Sergeevna
Senior Lecturer, Department of Russian Language and Mass Communication,
Samara National Research University, Russia, Samara

Аннотация. В статье рассматривается адъективная метонимия как инструмент концептуализации темпоральных отрезков в русском языке. Выявляются основные модели переноса определений, при котором время характеризуется через связанные с ним события, человеческие состояния и природные явления. Широкие возможности метонимических сдвигов объясняются особенностями восприятия времени сквозь призму конкретных реалий. В качестве когнитивной основы выступает представление о времени как вместилище происходящего, а выбор признака отражает смещение фокуса внимания говорящего.

Ключевые слова: время, темпоральные отрезки, фокус внимания, адъективная метонимия, концептуализация.

Abstract. The article examines adjectival metonymy as a means of conceptualizing temporal intervals in Russian. It identifies the main patterns of adjectival transfer, whereby time is characterized through associated events, human states, and natural phenomena. The broad potential for metonymic shifts is explained by the way time is perceived through concrete aspects of reality. The underlying cognitive basis is the conceptualization of time as a container for what occurs within it, while the choice of attribute reflects a shift in the speaker's focus of attention.

Keywords: time, temporal intervals, focus of attention, adjectival metonymy, conceptualization.

Адъективная метонимия (или метонимия признака) широко представлена в речи и может рассматриваться как языковой и когнитивный феномен. В процессе переноса определения на вербальном уровне некая реалия наделяется по метонимической логике признаком другой реалии: *скрипучие половицы* →

скрипучие *шаги, ласковый человек →* ***ласковые*** *руки, дождливая погода →* ***дождливый*** *вторник, бездетная пара →* ***бездетный*** *налог.*

В языковедческих работах подчеркивается связь рассматриваемого лингвистического механизма, во-первых, с денотатами во внеязыковой действительности, во-вторых, с закономерностями человеческого мышления.

По словам М.В. Сандаковой, адъективная метонимия базируется преимущественно на реальной соположенности объектов и являет собой «перенос определения от одного определяемого существительного к другому на основании смежности между носителями свойств, обозначаемыми данными существительными» [1, с. 122]. Денотативная обусловленность данного языкового явления отмечается также в трудах А.К. Бириха: «Смежность при метонимии прилагательных есть не только смежность признаков, но и предметов-носителей признаков» [2, с. 102]. Это демонстрируют приведенные нами примеры: *скрипучие шаги = шаги по* ***скрипучим*** *половицам, ласковые руки = руки* ***ласкового*** *человека, дождливый вторник = вторник с* ***дождливой*** *погодой, бездетный налог = налог с* ***бездетных*** *пар.*

Современные исследования акцентируют внимание на когнитивных основаниях возникновения метонимии и ее взаимодействии с другими явлениями. Например, С.А. Губанов оценивает метонимический перенос эпитета как основу для создания метафорических образов [3]. Конверсивная адъективная метонимия (то есть характеристика субъекта и объекта одним определением), свойственная прилагательным эмоционального отношения, объясняется И.Б. Левонтиной с опорой на психологический механизм проекции [4]. Н.А. Илюхина рассматривает перенос определения с одного компонента ситуации на другой как языковую репрезентацию *сдвига фокуса внимания* говорящего и сопоставляет его с иными лингвистическими явлениями (например, с лексической метонимией, семантическим варьированием и актуальным членением предложения), подчеркивая ментальную природу данного феномена. В таком случае основаниями для метонимического сдвига становятся не только связи между денотатами в реальности, но и принадлежность элементов одному концепту [5].

Цель нашей статьи – рассмотреть адъективную метонимию как механизм концептуализации отрезков времени и выявить ключевые направления метонимических переносов. Источниками языкового материала для исследования послужили художественные произведения, а также живая речь и словарные данные (более 850 примеров).

Адъективная метонимия выступает одним из основных инструментов языкового моделирования образа времени. Проанализированные тексты демонстрируют, как темпоральные отрезки в результате метонимического сдвига последовательно наделяются разнообразными характеристиками, изначально им не присущими*: лучший день, бессонная ночь, розовое утро, медлительные воскресенья, незабвенный сентябрь, холодное лето, голодные годы, лихие девяностые, сороковые роковые* и др. Многообразие метонимических переносов отражает на вербальном уровне особенности восприятия времени человеком.

Время, определяемое авторами словарей как «длительность бытия» [8] или «форма существования бесконечно развивающейся материи» [9], представляет собой предельно абстрактную категорию. Человеческое восприятие времени опирается на косвенные признаки его течения: видимое перемещение небесных светил, движение стрелок на часах, наблюдаемые метеорологические явления, изменения в растительном мире, процессы взросления и старения, определенные виды деятельности и мероприятия. В человеческом сознании формируется неразрывная связь между временем и его «показателями» – конкретными реалиями. Поэтому вполне закономерным видится осмысление времени и его языковая репрезентация в рамках метонимической логики.

Время концептуально моделируется в лингвистических исследованиях как универсальное «вместилище», где «вместимым» становится фрагмент действительности во всей полноте своих характеристик: «…любое обозначение отрезка времени может иметь, помимо собственного значения, метонимическое значение отрезка реальности, занимающего это время» [6, с. 164]. Фокус внимания говорящего может переключаться внутри концептуальной модели (с отрезка времени на «отрезок реальности» или его отдельные элементы), что отражается в метонимических переносах.

Текстовый материал позволяет наблюдать, как атрибутивная характеристика выводит на первый план явление реальности, на котором фокусируется внимание говорящего. Например, прилагательные *незабываемая, холодная, одинокая* в сочетании с темпоральной лексемой *осень* становятся маркерами различных направлений метонимических сдвигов определения: «события → отрезок времени», «состояние природы → отрезок времени» или «состояние человека → отрезок времени».

Остановимся на таком названии отрезка времени, как *вечер*. В сочетании с ним прилагательные *долгожданный*, *морозный*, *грустный* сигнализируют о

разновекторных метонимических переносах: *Наконец наступил этот **долгожданный вечер**. Уроков в день бала не было, и мы тотчас же после обеда поднялись в дортуар* (Л.А. Чарская). В приведенном отрывке метонимический сдвиг актуализирует в значении темпоральной лексемы *вечер с*обытийный аспект: речь идет о бале, который охарактеризован как *долгожданный*. И эта характеристика переносится на время, когда бал должен состояться. Другой отрывок: *А на тротуаре стоит оборванный, синий от холода старик-шарманщик и оглашает этот **морозный вечер** звуками своей дряхлой шарманки* (И.А. Бунин). В данном контексте в названии промежутка времени актуализируется, во-первых, семантика пространства, во-вторых, семантика погодных условий. Метонимический перенос определения создает синкретический образ холодного вечернего пространства. Приведем еще один пример: *Это был очень **грустный вечер**, такой, что грустнее и придумать нельзя* (В.А. Каверин). Здесь перенесенное в процессе метонимического сдвига определение указывает на эмоциональное состояние рассказчика, которое он испытал вечером, и – косвенно – на события, которые это состояние вызвали. Мы видим, что благодаря метонимическим переносам внимание акцентируется на разных аспектах ситуации, которая разворачивается в течение указанного промежутка времени. Этот период, соответственно, наделяется актуальной атрибутивной характеристикой.

В наибольшем числе примеров нашей выборки отражается перенос **общей характеристики** всего фрагмента реальности, разворачивающегося в определенное время: *лучшие годы, приятные часы, чудесный вечер, великая эпоха, интересное время, странная зима, роковой день, окаянная весна, проклятый год, трагические времена* и др.

***Проклятое** то **время**, которое с помощью крупных злодеяний цитадель общественного благоустройства сооружает, но **срамное, срамное, тысячекратно срамное** то **время**, которое той же цели мнит достигнуть с помощью злодеяний срамных и малых* (М.Е. Салтыков-Щедрин). В приведенном фрагменте наглядно представлен процесс адъективной метонимии: оценка злодеяний – «срамные» – перенесена на время, в пределах которого они сотворены.

Подобным образом на время переносится оценка исторических событий и событий личной жизни человека, а также характеристика общей атмосферы в обществе. В большинстве случаев, как в примере сочетания с оценочным определением *лучшие годы,* лишь контекст позволяет понять, что выдвигается на первый план. Это может быть история университета (*Дед мой… был ректором*

Петербургского университета в его ***лучшие годы*** (А.А. Блок)); жизнь человека (– *Чужая я тебе, немилая… Загубил ты мои* ***лучшие годы*** (С.Д. Довлатов)); профессиональная реализация (*В свои* ***лучшие годы*** *Тигран Вартанович Петросян проигрывал так редко, что каждое его поражение становилось сенсацией* (Г.К. Каспаров)); внешняя привлекательность (*Вот перед вами на стене портрет этого господина в его* ***лучшие годы*** (В.П. Аксенов)).

Эмоциональное отношение к ситуации нередко предполагает метафоризацию: *светлые мгновения, дни полночные, черный вторник, сладкие деньки, горькая ночь, пустая неделя, тяжелое лето, златые годы, горячее время, темные времена* и др.

Богами вам еще даны / ***Златые дни****,* ***златые ночи****, / И томных дев устремлены / На вас внимательные очи* (А.С. Пушкин). Общая положительная оценка жизни адресатов переносится на соответствующее время и получает метафорическое вербальное воплощение (*златые = лучшие*).

Изредка характеристика подчеркивает уникальность сложившейся ситуации (*памятное утро, уникальный день*) или, например, желание ее скорейшего достижения (*вожделенный момент, желанный миг*).

Кроме атрибутивных характеристик ситуации в целом, на промежутки времени нередко переносятся различные **характеристики состояния человека** – как физические, так и эмоциональные. По словам Н.А. Илюхиной, «…многие определения, которые характеризуют человека в том или ином аспекте, обнаруживают тенденцию к расширению сочетаемости в результате метонимического переноса» [7, с. 120].

В текстовых примерах отрезок времени в ходе метонимического сдвига приобретает характеристику определенного физиологического состояния человека: например, потребность в сне (*В ней чувствовались тревога и свежесть, какие бывают утром после* ***бессонной ночи*** (В.В. Быков)) или голод (*Тысяча первая* ***голодная ночь*** *уходила… Ковыляя, шествовало на смену тысяча первое* ***голодное утро*** (А.Т. Аверченко)). Определение может указывать на эмоциональное состояние субъекта, актуальное для определенного временного интервала: *счастливый день, мрачный вечер, безрадостные недели, печальная осень, тоскливый год.*

Бывают, правда, ***утра****, // прозрачные,* ***восторженно-земные****, // когда душа моя – подкидыш хилый – // от солнца розовеет и смеется* (В.В. Набоков). В этом отрывке описывается странное для героя – молодого ученого, размышляющего о смерти, – чувство восторга, не связанного с возвышенными материями и принадлежащего всецело миру земного.

Чуть подробнее остановимся на существительных, именующих астрономическое (чаще всего суточное и годовое) время, которое моделируется в процессе наблюдений за природными изменениями. Метонимический сдвиг вводит в фокус внимания **характеристики состояния природы**. Отрезки времени наделяются свойствами погодных явлений (***дождливое лето*** *хуже осени* [8]; *В самый* ***знойный полдень*** *в классе стоял мягкий зеленоватый свет и было прохладно* (В.П. Крапивин); *…кончились грозы и пришло* ***душное лето*** (М.А. Булгаков)) и процессов в растительном мире (*Все чаще девочке мерещилась* ***пышная весна****, тихие утренние сады и заросли сирени над прудом* (К.Г. Паустовский); *На дворе* ***сырая, гнилая осень*** (Т.Г. Шевченко)).

Особое положение занимает суточное время. Его отсчет мотивируется наблюдениями за перемещением небесных объектов, поэтому части суток в результате метонимического сдвига наделяются их характеристиками. Мы встречаем прямые указания на дневное и ночные светила (*лунная ночь, звездная ночь, солнечный день*), а также характеристики степени освещенности (*ночь темная, ясный день, серенький денек, вечер светлый).*

В ряде примеров названия частей суток отражают соединение в восприятии говорящего отрезка времени с солнечным светом, а через него – с солнцем, что подчеркивается переносом определения: *Пещеры, где* ***палящим днем*** // *Таятся робкие олени* (М.Ю. Лермонтов); *…за ситцевой занавеской еще* ***непогасший день*** (И.С. Шмелев); *Свет брюзжал до зари / И* ***забрезжившим утром*** *потух* (Б.Л. Пастернак). «Палящим» в зафиксированных ситуациях является солнце, «непогасшим» и «забрезжившим» – солнечный свет.

Рассмотренные нами языковые примеры демонстрируют высокий потенциал адъективной метонимии в процессе концептуализации времени. Темпоральные отрезки наделяются характеристиками человека и общества, свойствами растительного мира и погоды, получают положительную или отрицательную оценку. Широкие возможности метонимических сдвигов предопределены смежностью денотатов во внеязыковой действительности (неразрывной связью между отрезком времени и конкретными реалиями, существующими в его пределах). Концептуальное моделирование времени как вместилища для фрагмента реальности позволяет на уровне языковой репрезентации использовать темпоральные существительные с несвойственными им определениями.

Список литературы

1. Сандакова М.В. Способы семантической деривации и типы соотношений между значениями в семантической структуре прилагательного // Научный диалог. 2019. № 3. С. 117-131.
2. Бирих А.К. Метонимия в современном русском языке (семантический и грамматический аспекты). – Мюнхен: Otto Sagner, 1995. – 195 с.
3. Губанов С.А. О способах актуализации признака в текстах М. Цветаевой // Филология и человек. 2022. № 3. С. 19-31.
4. Левонтина И.Б. Кто любит, тот любим: прилагательные эмоционального отношения с конверсивной многозначностью в русском языке // Вопросы языкознания. 2025. № 5. С. 143-153.
5. Илюхина Н.А. Сдвиг фокуса внимания в проекции на язык и речь // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Гуманитарные и социальные науки. 2023. Т. 23. № 6. С. 66-76.
6. Падучева Е.В. Динамические модели в семантике лексики. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 608 с.
7. Илюхина Н.А. Олицетворение как точка пересечения метонимии и метафоры // Наука и культура России. 2023. Т. 1. С. 118-121.

Список источников

8. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1. – М.: Русский язык, 1989. – 699 с.
9. Большой толковый словарь русского языка / под ред. Кузнецова С.А. – СПб.: Норинт, 2004. – 1534 с.

ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

Дата публикации 26.10.2026

УДК 811.112.2'373:811.361'373

Ботова А.К. Стратегии номинации цифровых понятий в немецком и исландском языках

Ботова Анна Константиновна
студент 4 курса бакалавриата факультета иностранных языков и международной коммуникации, Тверской государственный университет, РФ, г. Тверь
botovaanna2004@gmail.com

Strategies for Naming Digital Concepts in German and Icelandic

Botova Anna Konstantinovna
4th-year Bachelor student of Faculty of Foreign languages and International Communication, Tver State University, Russia, Tver

Аннотация. В статье исследуются способы номинации цифровых понятий в современном немецком и исландском языках. Цель работы – выявить особенности использования заимствований, словообразовательных ресурсов и существующей лексики для обозначения технологических реалий. Материалом служат одиннадцать понятий, включённых в опубликованное исследование исландской технологической терминологии. Немецкие соответствия установлены с опорой на лексикографические источники; данные о предпочтениях исландских обозначений заимствованы из опубликованного опроса, проведённого в 2018 году. Используются описательный, структурно-семантический и сопоставительный методы. Предлагается разграничивать три аспекта анализа: происхождение материальной формы, способ формирования или специализации значения и положение номинации среди конкурирующих вариантов. В рассмотренной немецкой выборке представлены по большей части единицы английского происхождения, но выявляются также формы с преобразованием прототипа и ранее освоенные слова, получившие цифровое значение. Для всех одиннадцати понятий в исландском материале имеются обозначения, построенные без непосредственного воспроизведения соответствующей английской формы. При этом результаты опроса свидетельствуют о том, что в предпочтениях носителей существуют различия между отдельными лексическими парами, а наличие внутреннего эквивалента не доказывает его преобладания в общении. Практическая значимость работы заключается в возможности использовать предложенную классификацию в курсах германской лексикологии и лексикографии, а также при подготовке сопоставительных корпусных исследований цифровой лексики.

Ключевые слова: немецкий язык; исландский язык; цифровая лексика; заимствование; словообразование; калькирование; семантическая специализация; лексическая вариативность.

Abstract. This article compares the nomination of eleven digital concepts in contemporary German and Icelandic. It aims to distinguish borrowing, word formation and semantic specialization while accounting for competition between lexical variants. German equivalents were identified through lexicographic evidence; Icelandic designations and

reported preferences were obtained from a published survey conducted in 2018. Descriptive and contrastive methods are combined with structural-semantic analysis. Three dimensions are considered separately: the source of lexical material, the origin of a naming model or specialized meaning, and the reported use of competing forms. Most German designations in the sample derive from English, although adapted borrowings and established words used in digital contexts are also represented. Each Icelandic concept has a designation composed of Icelandic lexical material, but this does not establish its predominance in communication. The published survey reveals substantial differences in speakers' preferences across individual lexical pairs. The comparative classification is the article's own contribution; survey findings are explicitly attributed to their original authors. The approach may support teaching in Germanic lexicology and language-contact studies and inform future parallel corpus research.

Keywords: German; Icelandic; digital vocabulary; borrowing; word formation; loan translation; semantic specialization; lexical variation.

Введение

Распространение цифровых технологий сопровождается обновлением словарного состава современных языков. Соответственно появление новых устройств и программ приводит к заимствованию готовых обозначений, созданию новых слов и расширению значений уже имеющихся единиц. Поэтому цифровые наименования следует изучать не только как неологизмы в узком смысле, но и как результат нескольких взаимосвязанных процессов лексической номинации.

В частности, в германских языках международная технологическая терминология во многом распространяется через английский язык, хотя её освоение не сводится к механическому переносу английских слов. Показатели сохранения иноязычной формы, структура альтернативных обозначений и их реальная роль в употреблении могут заметно различаться даже внутри одной тематической группы.

В немецкой неологии влияние английского языка описано в исследованиях Х. Эльзен и А. Кодантке [1], П. Шторйоханн [2] и С. Кантарини [3]. Последняя, в частности, рассматривает различную степень интеграции англицизмов в немецкую лексическую систему. С. Й. Шефер [4] показывает на материале радиовещания, что употребление англицизмов может выполнять и стилистические функции, не ограничиваясь потребностью назвать новый объект.

Для исландского языка важен контекст языковой политики и контактов с английским языком. И. Новенстейн и С. Сигурйоунсдоттир [5] обсуждают представления о будущем исландского языка, а А. П. Кристинссон и К. Арнасон [6] рассматривают эволюцию нормативных установок, пуризма и отношения к вариативности. Работы Х. Хильмисдоттир [7] и Ф. Фридрикссона с А. Ангантюссоном [8] подтверждают присутствие англоязычных элементов в отдельных видах

современной исландской коммуникации, но одновременно показывают зависимость выбора каждой единицы от конкретной ситуации.

Центральное значение для настоящей статьи имеет работа Т. Ф. Йокульсдоттир, А. К. Ингасона, С. Сигурйоунсдоттир и Э. Рёгнвальдссона [9], посвящённая технологическим неологизмам и оценке их употребления носителями исландского языка. Результаты представленного исследования позволяют сопоставить слово и предпочтения, о которых сообщили респонденты, без отождествления этих двух фактов.

Объектом исследования являются обозначения цифровых понятий в немецком и исландском языках. Предметом исследования являются материальная организация, словообразовательные и семантические свойства, а также вариативность номинации этих понятий. Цель состоит в сопоставлении способов номинации одного и того же набора технологических понятий. Для достижения этой цели устанавливаются межъязыковые соответствия, разграничиваются способы оформления и происхождения слов, а также обсуждается употребление конкурирующих вариантов.

Рабочая гипотеза предполагает, что немецкие обозначения рассматриваемого набора чаще сохраняют английскую материальную основу, в то время как исландские обозначения чаще представлены формами, построенными из собственных морфем. Вместе с тем ни структура слова, ни факт его фиксации не позволяют без дополнительной проверки установить его распространённость. Исследовательский вклад заключается в применении единых критериев к фиксированному набору понятий и в раздельной интерпретации материального, структурно-семантического и узуального уровней.

Материалы и методы исследований

Работа выполнена в рамках контрастивной лексикологии. За единицу сравнения принимается цифровое понятие вместе с соответствующими ему немецкими и исландскими обозначениями. Такое решение позволяет сопоставлять номинации по значению, а не только по сходству их графических форм.

Выборка включает одиннадцать понятий, рассматривавшихся в исследовании [9]: keyboard, e-mail, selfie, screenshot, app, video, password, smart TV, hashtag, browser, share. Английские слова выполняют функцию tertium comparationis, то есть служат понятийными ориентирами, а не материалом третьего самостоятельного языкового исследования. Данный набор нельзя считать случайной выборкой всей цифровой

лексики; он используется для прозрачного сопоставления с ранее опубликованным экспериментальным материалом.

Немецкие номинации соотнесены со словарными статьями Duden [11], а сосуществование отдельных вариантов иллюстрируется также немецкоязычной документацией [12]. Основным источником исландских единиц и количественных сведений выступает статья [9]. Особенности современной исландской лексикографии дополнительно раскрываются в работе Х. Йоунсдоттир и Т. Ульфарсдоттир [10]. Общие методологические возможности корпусной неографии учитываются по материалам [1–3].

Анализ разделяется на три уровня. На материальном уровне выясняется, сохранена ли английская основа, преобразована ли она или обозначение использует иной морфемный материал. На структурно-семантическом уровне устанавливаются способы словопроизводства, случаи калькирования и специализированные значения ранее существовавших единиц. При определении кальки решающим является не внешнее сходство структуры, а наличие исторических либо лексикографических оснований для связи с иностранной моделью.

На узуальном уровне рассматривается соотношение конкурирующих вариантов. Для исландского языка используются результаты интернет-опроса 2018 года, опубликованные авторами [9]. По их данным, было получено 354 пригодных ответа, а в анализ предпочтений по отдельным парам вошло от 304 до 349 ответов. Участники сообщали, какой вариант – исландский или английский – они обычно употребляют; сведения не являются результатами автоматического подсчёта в корпусе.

В настоящей статье самостоятельное анкетирование не проводилось. Показатели из [9] являются внешней эмпирической базой, тогда как собственная процедура ограничена лексикографическим установлением соответствий, анализом их структуры и сопоставительной интерпретацией. Применение разных источников данных к немецкому и исландскому материалу исключает прямые выводы о сравнительной частотности слов в двух языках.

Результаты и обсуждения

1. Основной сопоставительный материал

В таблице 1 приведены основные соответствия. Показатели в последнем столбце относятся только к самооценкам употребления в исландском опросе [9, с. 114].

Наличие одного варианта в каждой языковой ячейке не означает, что других обозначений не существует.

Таблица 1. Номинации цифровых понятий в немецком и исландском языках

Понятие (англ.)	Немецкий язык	Исландский язык	Предпочтение исл. / англ., %
keyboard	Tastatur	lyklaborð	98 / 1
e-mail	E-Mail	tölvupóstur	55 / 11
selfie	Selfie	sjálfsmynd	15 / 67
screenshot	Screenshot	skjáskot	35 / 46
app	App	smáforrit	8 / 78
video	Video	myndband	37 / 27
password	Passwort	lykilorð	59 / 10
smart TV	Smart-TV	snjallsjónvarp	72 / 12
hashtag	Hashtag	myllumerki	25 / 51
browser	Browser	vafri	43 / 30
share	teilen	deila	70 / 8

Примечание. Проценты в последнем столбце воспроизведены по рис. 2 работы [9, с. 114]. Слева указана доля ответов «всегда» или «обычно использую исландский вариант», справа – аналогичных ответов об английском. Третья категория («использую примерно одинаково») не приведена; поэтому суммы двух долей не равны 100%. Данные принадлежат авторам исследования [9].

2. Заимствования и преобразование формы в немецком языке

Немецкие номинации E-Mail, Selfie, Screenshot, App, Smart-TV, Hashtag и Browser непосредственно воспроизводят английскую лексическую основу. При включении в немецкий язык они получают грамматические характеристики принимающей системы; например, App функционирует как существительное женского рода, а множественное число образуется как Apps. Следовательно, сохранение основы не равнозначно отсутствию адаптации.

У слова Video более сложная этимологическая структура: непосредственное влияние английского сочетается с более ранним латинским происхождением формы. Для сравнительного анализа важно не смешивать ближайший источник заимствования с отдалённой этимологией.

Особое значение имеет Passwort. По данным Duden [11], слово связано с английским password. Оно не является независимым немецким обозначением, хотя отличается от английского прототипа по материальной структуре второго компонента. В данном случае корректнее говорить о заимствовании с преобразованием формы. Компьютерное употребление добавляет к истории единицы аспект семантической специализации.

Слово Tastatur восходит, согласно Duden [11], к итальянскому tastatura и использовалось до распространения персональных компьютеров. В цифровой сфере оно получило применение к клавиатуре как устройству ввода. Таким образом, его нельзя трактовать как исконно немецкое образование, противопоставленное английскому keyboard. Вместе с teilen оно показывает продуктивность уже освоенной лексики при номинации новых технологических реалий.

3. Словообразовательные и семантические ресурсы исландского языка

Во всех одиннадцати рассматриваемых случаях исландская сторона располагает обозначениями, не совпадающими по материальной форме с предъявленными английскими словами. Однако эти формы возникли не одним универсальным способом. Среди них есть сложные слова (tölvupóstur, smáforrit, myndband, myllumerki), единицы, сформированные по иноязычным моделям, и слова со специализированными цифровыми значениями [9].

Показателен пример lyklaborð: в источнике [9, с. 116] слово рассматривается как калька. Аналогичные вопросы происхождения модели возникают при анализе skjáskot и snjallsjónvarp. В частности, snjallsjónvarp использует уже известный компонент sjónvarp для обозначения технологически нового типа телевизора. Наличие собственных морфем поэтому нельзя автоматически отождествлять с независимым происхождением всей номинативной модели.

Существительное sjálfsmynd связано с обозначением автопортрета. Использование его применительно к самостоятельно сделанной фотографии в цифровой среде демонстрирует семантическое расширение существующей номинации, а не обязательно появление нового слова только после распространения английского selfie. Исторические замечания к этой единице представлены авторами [9, с. 116].

Слово lykilorð также имеет историю, предшествующую современной цифровой практике. В [9, с. 116–117] обсуждается его связь с более ранними номинациями, в том числе с моделями nøgleord и keyword. Поэтому синхронное соответствие lykilorð – password само по себе не доказывает, что исландское обозначение первоначально создавалось как прямая калька именно английского password.

Наконец, deila как средство обозначения распространения цифрового содержания показывает возможность семантического переосмысления обычного глагола. Этот случай следует сопоставлять с немецким teilen прежде всего на уровне

актуального специализированного значения, не объявляя исторические пути обеих единиц полностью идентичными.

4. Предпочтения носителей исландского языка

Сравнение структурных характеристик с результатами опроса [9] свидетельствует о том, что наличие исландского эквивалента не гарантирует склонности к употреблению именно этого слова. Так, например, для пары lyklaborð – keyboard 98% ответивших указали преимущественное использование исландской формы, а английский вариант предпочёл примерно 1%. В то время как для пары sméforrit – app соответствующие доли составили 8 и 78% [9, с. 114].

Различия наблюдаются и между единицами сходной структуры. Единицу tölvupóstur преимущественно использовали 55% участников, тогда как единицу sméforrit – 8%. Следовательно, одна лишь словообразовательная стратегия номинации не гарантирует частотность употребления среди носителей.

Для пары vafri – browser доли преимущественного использования исландского и английского вариантов составили 43 и 30%, для myndband – video – 37 и 27%. В то время как в парах sjálfsmynd – selfie, skjáskot – screenshot и myllumerki – hashtag английские обозначения получили больше ответов о преимущественном употреблении. Всего исландский вариант лидирует по данному показателю в семи лексических парах, а английский – в четырёх.

Результаты необходимо интерпретировать с учётом формата анкеты: кроме предпочтения исландского или английского обозначения имелась категория приблизительно одинакового использования обеих форм. Кроме того, числа получены из самоотчётов отдельных респондентов, а не из наблюдения за их повседневной речью. Они не подтверждают, что аналогичные пропорции встречаются среди всех носителей исландского языка.

Авторы [9] обсуждают возможное влияние времени появления слова, его видимости и возраста говорящих на дальнейшее распространение. Однако настоящая сравнительная работа не проверяет причинную роль этих факторов и использует опубликованные результаты только в пределах их первоначального назначения.

5. Внутриязыковая вариативность и семантическая специализация

Немецкая цифровая лексика также допускает конкуренцию номинаций. Наряду с Passwort известно Kennwort, а для Screenshot употребляется Bildschirmfoto. Последнее соответствие фиксируется и в немецкоязычных пользовательских инструкциях [12]. Сосуществование форм не означает, что они равны по частотности,

стилистике или условиям употребления: для подобных утверждений необходимы симметричные корпусные подсчёты.

Пара teilen – deila особенно показательна, поскольку здесь развитие цифрового словаря связано не с появлением отдельного существительного, а со специализированным использованием уже известного глагола. Немецкий teilen обозначает в том числе распространение публикаций, изображений и видеоматериалов среди пользователей сетевых платформ [11]. Исландский deila используется в соответствующих цифровых ситуациях [9].

На синхронном уровне эти единицы сходны по функции, однако происхождение самого значения необходимо отличать от происхождения слова. Наличие собственного языкового материала ещё не исключает семантического влияния английского share. Аналогично история Tastatur и lykilorð показывает, что цифровая номинация может закрепляться за формой, возникшей задолго до обозначаемого технологического объекта.

6. Типология соответствий и ограничения

Сопоставление позволяет установить три устойчиво различимых отношения. Во-первых, английская материальная основа в немецком языке сочетается с формой из исландских морфем: E-Mail – tölvupóstur, App – smáforrit, Hashtag – myllumerki, Browser – vafri. Во-вторых, немецкая единица может представлять собой адаптацию заимствованного прототипа, как в паре Passwort – lykilorð. В-третьих, обе языковые системы способны обозначать цифровое действие за счёт специализации существующих глаголов, что наблюдается, например, в паре teilen – deila.

Тем не менее указанные типы не являются полностью взаимоисключающими, поскольку происхождение формы, способ развития значения и наличие конкурентов могут описываться одновременно. Именно поэтому авторская классификация проводится на нескольких уровнях, а не по единственной шкале «заимствование – собственное слово».

Рабочая гипотеза согласуется со структурным составом выборки, но её нельзя понимать как доказательство общих статистических закономерностей, поскольку рассматриваются только одиннадцать понятий, выбранных авторами исландского исследования [9]. Кроме того, немецкие соответствия фиксируются преимущественно лексикографически, а исландские употребительные предпочтения получены с помощью анкеты, что является несоизмеримыми процедурами измерения.

Важен также временной фактор: исландское исследование было проведено в 2018 году, тогда как современные словарные записи отражают последующее развитие

языка. Социолингвистические исследования [5–8] подчёркивают роль коммуникативной среды и установок говорящих, однако не дают основания экстраполировать отдельные наблюдения на все цифровые жанры и возрастные группы, что делает необходимым дальнейшие корпусные выборки сопоставимых периодов с нормализацией относительных частот.

Выводы

Таким образом, сопоставление одиннадцати технологических понятий показывает, что обновление цифровой лексики немецкого и исландского языков осуществляется через несколько взаимосвязанных механизмов. В рассматриваемой немецкой выборке девять основных обозначений имеют английское происхождение, а восемь из них сохраняют английскую материальную основу без значительного морфемного преобразования. Вместе с тем единица Passwort представляет собой адаптацию прототипа, а Tastatur и teilen демонстрируют использование уже существовавшей лексики в компьютерной и интернет-коммуникации.

Для всех рассмотренных понятий в исландском материале представлены номинации, не воспроизводящие непосредственно соответствующую английскую форму. Их образование, однако, неоднородно, так как используются сложение, деривация, калькирование и специализация значения. Результаты ранее опубликованного опроса [9] подтверждают, что употребительные предпочтения отличаются от пары к паре; сама возможность назвать понятие средствами исландского языка не означает обязательного преобладания соответствующей формы.

В обоих языках наблюдаются конкурирующие номинации и функциональное приспособление существующих слов. Поэтому для научно обоснованного анализа необходимо разграничивать материальное происхождение формы, структурно-семантическую историю и узуальный статус обозначения. Рабочая гипотеза получила ограниченное подтверждение для фиксированного набора единиц, но данные не позволяют делать вывод о долях отдельных стратегий во всей цифровой лексике обоих языков.

Собственный результат статьи состоит в сопоставительной классификации указанных обозначений. Перспективой исследования является создание симметричного немецко-исландского корпуса технологических контекстов за сопоставимые периоды и оценка частотности альтернативных номинаций.

Список литературы

1. Elsen H., Kodantke A. Neologismen aus lexikografischer und lexikologischer Sicht – eine empirische Untersuchung // Muttersprache. – 2022. – Bd. 132, H. 1. – S. 1–16. – DOI: 10.53371/60326.
2. Storjohann P. IDS-Neo2020+: A Novel Resource for New German Words in Use // International Journal of Lexicography. – 2024. – Vol. 37, no. 4. – P. 389–403. – DOI: 10.1093/ijl/ecae015.
3. Cantarini S. Anglicisms in German – An Overview with Reference to the Neologismenwörterbuch in the Online-Wortschatz-Informationssystem Deutsch (OWID) // Neophilologica. – 2023. – Vol. 35. – P. 1–18. – DOI: 10.31261/NEO.2023.35.07.
4. Schaefer S. J. Stylistic Functions of Anglicisms in German Radio: Brevity of Expression and Conveying Modernity from the Perspective of Journalists // English Today. – 2024. – Vol. 40, no. 3. – P. 201–205. – DOI: 10.1017/S0266078424000099.
5. Nowenstein I., Sigurjónsdóttir S. Perceived Threats to the Future of Icelandic and the Importance of Language Acquisition Research // Sociolinguistica. – 2024. – Vol. 38, no. 2. – P. 143–165. – DOI: 10.1515/soci-2024-0029.
6. Kristinsson A. P., Árnason K. Icelandic in Late Modernity: On Language Policy Discourses, Stylistic Variation, and the Fate of Purism and Standard Language Ideology // Sociolinguistica. – 2024. – Vol. 38, no. 2. – P. 291–309. – DOI: 10.1515/soci-2024-0026.
7. Hilmisdóttir H. Young Icelanders and Popular Culture: An Empirical Study of Anglicisms in Conversation // Sociolinguistica. – 2024. – Vol. 38, no. 2. – P. 215–236. – DOI: 10.1515/soci-2024-0031.
8. Friðriksson F., Angantýsson Á. Icelandic-English Code-Switching among Young People on Social Media // Beyond Philology. – 2024. – Vol. 21, no. 4. – P. 9–48. – DOI: 10.26881/bp.2024.4.01.
9. Jökulsdóttir T. F., Ingason A. K., Sigurjónsdóttir S., Rögnvaldsson E. Um nýyrði sem tengjast tölvum og tækni // Orð og tunga. – 2019. – Vol. 21. – P. 101–128. – DOI: 10.33112/ordogtunga.21.6.
10. Jónsdóttir H., Úlfarsdóttir Þ. Íslensk nútímamálsorðabók: Kjarni tungumálsins // Orð og tunga. – 2019. – Vol. 21. – P. 1–26. – DOI: 10.33112/ordogtunga.21.2.

Список источников

11. Dudenredaktion. Duden online: Wörterbuch der deutschen Sprache [Электронный ресурс]. – URL: https://www.duden.de/ (дата обращения: 12.10.2026). – Без пагинации.
12. Apple. Screenshot auf dem iPhone aufnehmen [Электронный ресурс] // Apple Support (DE). – URL: https://support.apple.com/de-de/102616 (дата обращения: 12.10.2026). – Без пагинации.

Дата публикации 20.10.2026

УДК 81`42

Кондрашова В.Н., Шустрова Е.Н. Прецедентные феномены со сферой-источником «Кино» в англоязычном художественном дискурсе

Кондрашова Вера Николаевна
к. филол. н., доцент, старший преподаватель кафедры английской филологии и перевода, СПбГУ, РФ, Санкт- Петербург

Шустрова Елена Николаевна
к. филол. н., старший преподаватель факультета иностранных языков СПбГУ
РФ, Санкт-Петербург
elena.shustrova@rambler.ru

Precedent phenomena with the source domain "Cinema" in English-language literary discourse

Kondrashova Vera Nikolaevna
Cand.Sci (Philology), Docent, Senior Lecturer of the Department of English Philology and Translation, Saint-Petersburg State University, Russia, Saint-Petersburg

Shustrova Elena Nikolaevna
Cand. Sci (Philology). Senior Lecturer of the Faculty of Foreign Languages
St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Аннотация. В статье рассматривается функционирование прецедентных феноменов со сферой источником «Кино» в англоязычном художественном дискурсе. Исследование, проведенное на материале художественной литературы конца XX-начала XXI века, показало, что они используются чаще всего в оценочно-характеризующей функции, но могут также выполнять интенсифицирующую, эвфемистическую, маскирующую, фатическую, людическую, парольную и персуазивную функции. Источником прецедентных феноменов чаше всего являются американские фильмы конца 30х-60х годов, а также фильмы, созданные в 80-90 годы. В речи персонажей одинаково часто встречались прецедентные имена и ссылки на прецедентные тексты, а прецедентные высказывания и отсылки к прецедентным ситуациям использовались значительно реже.

Ключевые слова: англоязычный художественный дискурс; прецедентные феномены; сфера-источник «Кино»; креолизованные тексты; прагматические функции.

Abstract. This article examines the functioning of precedent phenomena derived from the "Cinema" source domain within English-language literary discourse. A study based on fiction from the late 20th and early 21st centuries reveals that, while these phenomena most frequently serve an evaluative-characterizing function, they can also perform intensifying, euphemistic, masking, phatic, ludic, password and persuasive functions. The primary sources for these phenomena are American films from the late 1930s through the 1960s, as well as films produced in the 1980s and 1990s. Precedent names and references to precedent texts appeared with equal frequency in the characters' speech, whereas

precedent utterances and references to precedent situations were used significantly less often.

Key words: English-language literary discourse; precedent phenomena; "Cinema" source domain; creolised texts; pragmatic functions.

Прецедентные феномены (ПФ) обладают высоким прагматическим потенциалом, вызывают большое количество ассоциаций, что делает высказывание или описание образным и выразительным. По этой причине они широко используются во многих видах дискурса. Следует также отметить, что прецедентные феномены по своей природе полифункциональны, это позволяет создавать новые смыслы. Состав прецедентных феноменов любого лингвистического сообщества являются динамической величиной, со временем какие-то единицы теряют статус прецедентности, а другие единицы его приобретают [1, с.4]. Представляется интересным проследить, какие из прецедентных феноменов сохраняются спустя десятилетия, а какие новые единицы возникают.

Вслед за В.В. Красных, под прецедентными феноменами понимаются феномены, «хорошо известные всем представителям национально-культурного сообщества, актуальные в когнитивном плане, обращение к которым постоянно возобновляется в речи представителей того или иного национально-лингвокультурного сообщества» [2, с. 170]. Они включают прецедентные имена, прецедентные ситуации, прецедентные высказывания и прецедентные тексты. К прецедентным текстам относятся креолизованные тексты, представляющие собой лингвовизуальный феномен, в котором «вербальный и изобразительный компоненты образуют неразрывное целое» [3, с.59]. Их коммуникативный потенциал выше, по мнению Е. Н. Пищерской, так как благодаря использованию нескольких каналов связи они могут передавать бо́льшее количество информации за меньшее время и реализовывать большое количество функций в зависимости от целей коммуниканта [4, с.57].

Креолизованные тексты во всем их многообразии являются источником прецедентных феноменов, одна из важных сфер-источников – «Кино». В настоящее время она вызывает интерес у лингвистов [5, 6], и, как правило, исследования проводятся на материале СМИ [7, 8, 9, 10]. Лингвисты отмечают, что из-за большого влияния и распространения американских фильмов во всем мире американские прецедентные имена со сферой-источником «Кино» широко используются не только в британских, но и, например, в немецких СМИ. В результате этого граница между культурно-специфичными и универсально-прецедентными именами оказывается размытой [8, с.81].

Несмотря на то, что высокий прагматический потенциал прецедентных феноменов не вызывает сомнения у лингвистов, их функционирование в художественном дискурсе остается недостаточно изученным [11, 12]. В настоящее время исследований, в которых анализируется использование прецедентных феноменов со сферой-источником «Кино» в современном художественном дискурсе, не так много [13, 14]. Литература и кинематограф являются наиболее распространенными сферами-источниками для прецедентных феноменов, при этом эти сферы-источники тесно связаны, так как кинематограф часто обращается к художественным произведениям. Анализ современного русского художественного дискурса показал, что кинематографические прецедентные феномены относятся в основном к таким востребованным массмедийной культурой источникам, как художественный кинематограф и японская анимация [13, с. 5].

Цель настоящего исследования – выявление наиболее востребованных прецедентных феноменов со сферой-источником «Кино» и определение их прагматических функций в англоязычном художественном дискурсе конца XX-начала XXI века.

Материалом исследования послужили преимущественно британские романы XXI века, но привлекались также примеры из произведений ирландских и американских авторов.

Прецедентные феномены со сферой-источником «Кино» используются чаще всего в ***оценочно-характеризующей функции***. Вероятно, это связано с тем, что адресат легко может представить воплощенного актером героя фильма, а восприятие образа происходит сразу по нескольким каналам. Примеры, иллюстрирующие эту функцию, можно разделить на две группы: оценивающие или характеризующие персонажа и характеризующие ситуацию.

Прецедентные имена режиссеров, актеров, героев фильмов позволяют дать оценку внешности, интеллекта, успешности. Для характеристики эмоционального состояния, поведения, поступков, взаимоотношений персонажей романа чаще всего используются прецедентные имена или прецедентные ситуации из фильмов.

Интересно, что в профессиональной коммуникации прецедентные имена используются для выражения высокой оценки профессиональных качеств актера или режиссера, а в бытовом общении они нередко служат для подчеркивания контраста между героем и актером. *“Not at all. But let's face it, you're hardly **Marlon Brando**, are you?” “Who?” My dad rolls his eyes, “Okay, **Bruce Willis**, then. Although you do have more hair than him, admitte*dly” [16, p.149]. Желая сказать сыну, что он не красавец,

отец использует имя и фамилию Марлона Брандо, звезды Голливуда в 50-70 годы, но сталкиваясь с непониманием, приводит в пример Брюса Уиллиса. Этот микродиалог показывает, что для людей разных возрастов прецедентные имена будут отличаться и подчеркивает различия между поколениями. В художественном дискурсе понимание или непонимание ПФ, реакция собеседника на его использование часто используется писателем еще и для того, чтобы показать взаимоотношения между героями произведения, отсутствие или наличие взаимопонимания.

В следующем примере мы видим ссылку на прецедентную ситуацию из фильма *Rain Man*, в которой персонаж-аутист всегда соблюдает одни и те же ритуалы утром или вечером. "*She should have called him **Rain Man**, that's how much Keith Ratner liked a routine"* [17]. Сравнение персонажа с героем известного фильма характеризует его как человека с устоявшимися привычками.

Для характеристики *ситуации*, как правило, используются ссылки на прецедентные тексты, то есть на кинотексты. Достаточно часто встречается прецедентный кинотекст «Красотка», представляющий собой романтическую историю с хорошим концом. Герои фильма, равно как и сама история нередко используются в оценочно-характеризующей функции. "*I should have known it was all a bit too **Pretty Woman** to be true"* [18]. Так как фильм ассоциируется со сказкой про Золушку, то и воспринимается он как эталон сказочно благополучного конца, который редко встречается в реальной жизни. Использование названия прецедентного текста с интенсификаторами *too* и *very* часто встречается в оценочно-характеризующей функции.

Другой функцией является ***интенсифицирующая***, которая позволяет более экспрессивно выразить оценку или характеристику. В отличие от предшествующей функции прецедентные феномены функционируют как гиперболы. Например, при выражении положительной или отрицательной оценки в качестве эталона выступает актер, но персонаж его в чем-то превосходит, то есть прецедентные имена используются как гипербола. Одним из наиболее востребованных кинотекстов в англоязычном художественном дискурсе оказался мюзикл «Звуки музыки». *"You had to wear ridiculous dresses that looked suspiciously like they had been made out of curtains – even **Fräulein Maria** in **The Sound of Music** would have had a hard time making dresses as hideous as those"* [19]. При выражении оценки платья возникает отсылка к прецедентной ситуации, в которой гувернантка Мария, не имея материла, сшила детям капитана фон Траппа платья из занавесок.

Прецедентная ситуация может использоваться для интенсификации эмоционального состояния персонажа. Так, например, в англоязычном художественном дискурсе для описания патологической ревности нередко происходит обращение к прецедентной ситуации из фильма «Роковое влечение», в которой одержимая чувством ревности влюбленная героиня убила и сварила кролика, домашнего питомца дочери своего любовника. Обращение к этой прецедентной ситуации встречалось в американском, ирландском и австралийском художественном дискурсе. *"The woman dastardly Dan had sex with! Cat is stalking her. I think Cat is perfectly* ***capable of boiling a rabbit****, don't you? Or a puppy. Even a kitten." "Can you please be serious for once in your life?" said Lyn* [20]. Женщины обсуждают ревность их сестры, и одна из них описывая эмоциональное состояние Кэт говорит, что она способна сварить не только кролика, но и щенка, и даже котенка. В данном контексте аллюзия на прецедентную ситуацию также воспринимается как гипербола.

В англоязычном художественном дискурсе, особенно в британском, прецедентные феномены используются при реализации эвфемистической и маскировочной функции, которые достаточно близки. Эвфемистическая функция используется для сохранения лица собеседника, а маскировочная - для сохранения лица говорящего. Часто прецедентные высказывания трансформируются, но при этом адресат понимает прецедентную ситуацию.

Маскировочная функция позволяет говорящему выразить свои чувства в косвенной форме. Здесь чаще всего наблюдается обращение к прецедентным ситуациям из кинофильмов. Так, например, при расставании с итальянцем, к которому у героини возникли романтические чувства, девушка несколько изменяет слова принцессы Анны из фильма «Римские каникулы», произнесенные ею при расставании. "*You restored my belief in relations between people"* [21]. (В фильме "*I believe in relations between countries, relations between people"*.) И хотя сами слова не выражают ту боль, которая девушка испытывает при разлуке, но аллюзия на прецедентную ситуацию расставания главных героев дает возможность передать персонажу свои чувства.

Использование прецедентных феноменов в ***эвфемистической*** функции позволяет смягчить выражение коммуникативного намерения, которое может быть обидным для собеседника. Советы, как и другие директивные речевые акты, не принято выражать в прямой форме в англоязычной культуре, и одним из способов сделать его косвенным является использование прецедентной ситуации прощания из фильма «Унесенные ветром». *"Good-bye, Geraldine. I hope you pull through this okay.*

"Thanks, and I wish you luck when your time comes." Gerladine half closed her eyes. ***"Be kind to Capn' Butler, Scarlet"*** [22, p.271]. Находящаяся в больнице Джеральдина прощается с американкой, которая пришла ее навестить. Она косвенно советует ей больше уделять внимание своему мужу, используя несколько измененные слова умирающей Мелани, обращенные к Скарлетт О'Харе в фильме «Унесенные ветром». Нам представляется, что имитация манеры произнесения "*Capn' Butler"* отсылает нас именно к фильму, а не к книге.

Следует также отметить использование прецедентных феноменов в ***фатической*** функции, то есть для установления и поддержания контакта. Так, например, при знакомстве коммуниканты иногда обращаются к прецедентным именам, чтобы установить ассоциацию между своим именем и именем известного актера. *"I'm always so pleased when we have new blood. My name's Sean, by the way. As in* ***Connery****"* [23, p.4].

При встрече также возможны шутки с использованием прецедентных феноменов. "*Let's hear all about your wonderful life." "Well, I'm not* ***James Stuart,"*** *he grinned, trying to make a joke. "Get it –****Wonderful Life****?"* [24, p.93]. Так при встрече герой пытается обыграть словосочетание *wonderful life*, используя прецедентное имя актера Джеймса Стюарта, исполнителя роли Джорджа Бейли в фильме *It's a Wonderful Life*, таким образом, возникает аллюзия на этот прецедентный кинотекст. Фильм часто показывался в канун Рождества в начале 70х годов и приобрел широкую популярность, так что коммуникант имеет основание предполагать, что его шутка понята, но все же он поясняет, что несколько портит его шутку. Как видно из этого примера, иногда вместо использования прецедентного имени героя фильма используется просто фамилия актера, исполнившего роль, если он тесно ассоциируется с ролью. Так, например, имена Ричарда Гира и Джулии Робертс у многих ассоциируются с их героями в фильме «Красотка».

Реализация ***людической*** (игровой) функции возможна через форму или контекст, хотя могут быть важными и оба фактора [15, с.317]. Эта функция может реализовываться одновременно с другими. Среди примеров использования прецедентных имен нередко встречаются имена режиссеров. В следующем примере мы видим языковую игру, основанную на фамилии режиссера Джорджа Лукаса, снявшего культовый фильм «Звездные войны», которая ассоциируется с кассовым успехом. "*But I persuaded him out of it (retirement) with enough money and the chance to* ***out-Lucas George Lucas"*** [25, p.91]. Созданный окказионализм *out-Lucas* означает в данной ситуации добиться большего успеха, чем сам Джордж Лукас.

В следующем примере людическая функция совмещается с маскировочной, позволяя говорить о чувствах и обидах, прибегая к языковой игре. "*You were* ***Gone with the Wind****, said Joe, You wouldn't even take my calls." "Well, by then I was totally pissed off with men. So I decided to concentrate on* ***My Brilliant Career.*** *"But that caused me* ***Misery"*** *…. "But now it's OK and we can – " - get* ***Back to the Future?"*** *I suggested daringly as I threw in the last ball* [26, p. 252]. В сцене примирения супругов в каждом предложении используется название фильма, причем ассоциации с фильмом как таковые не являются важными, однако использование прецедентных феноменов превращает диалог в игру, позволяющую несколько дистанцироваться от выражаемых чувств и придающую ему шутливый характер. Следует отметить, что реакция на использование прецедентного феномена является важной для характеристики отношений героев романа. О положительной реакции говорит, в частности, поддержание игры или одобрение его использования, но она может быть и негативной, если взаимоотношения персонажей напряженные.

Парольная и персуазивная функции в нашем корпусе примеров оказались менее частотными. Как отмечает Е.В. Маркевич, ***парольная*** функция позволяет идентифицировать принадлежность адресата к той или иной группе (социальной, возрастной и т.д.), а прецедентный феномен используется как идентификатор, поэтому автор также предлагает называть ее идентификационной [15, с.318]. Когда собеседник правильно понимает использованный прецедентный феномен и, продолжая разговор, обращается к тому же источнику, то прецедентный феномен становится маркером внутригруппового единства, что иллюстрирует следующий пример. *"Sorry, Maggie," she said to me. "I'd like that to be like that bit in* ***Pretty Woman*** *–* ***"Big mistake?"*** *I quoted eagerly."****Big HUGE mistake.*** *Yeah* [27, pp. 119-120]." Подруги, столкнувшиеся с высокомерным поведением продавщицы в магазине одежды, вспоминают прецедентную ситуацию из фильма «Красотка», в которой главную героиню не хотели обслуживать из-за ее внешнего вида. Однако часто встречаются ситуации, когда собеседник не понимает прецедентный феномен, что подчеркивает различия между персонажами книги.

Рассмотрим пример использования ПФ в ***персуазивной*** функции. В данной ситуации продюсер пытается убедить своего начальника в том, что совершенное много лет назад преступление может стать сюжетом для создания реалити-шоу и вызвать интерес у зрителей. "*First of all, it's a terrific setting. You've got the UCLA campus. The glitz of Hollywood. The noir of* ***Mulholland Drive*** [17]*."* Так как фильм «Малхоленд драйв» вызвал положительную реакцию как у критиков, так и у

зрителей, то продюсер пытается доказать, что ассоциация с успешным фильмом будет полезной для будущей передачи.

Таким образом, исследование показало, что в англоязычном художественном дискурсе прецедентные феномены со сферой-источником «Кино» выполняют широкий диапазон функций: оценочно-характеризующую, интенсифицирующую, эвфемистическую, маскирующую, фатическую, людическую, парольную и персуазивную. Чаще всего встречаются функции, которые связаны с оценкой/характеристикой персонажей или ситуаций. Частотными для англоязычного художественного дискурса также оказались маскировочная, эвфемистическая и фатическая функции, которые связаны с такими характеристиками коммуникативной культуры как сдержанность и дистантность. Функции могут реализовываться параллельно, так, например, вместе могут использоваться оценочно-характеризующая и интенсифицирующая, фатическая и людическая, в похожих коммуникативных ситуациях используются маскирующая и эвфемистическая.

Для художественного дискурса важным является выбор прецедентного феномена персонажем, так как уже через этот выбор, умение использовать ПФ в коммуникативных целях писатели дают характеристику самому герою произведения. Реакция адресата на прецедентный феномен позволяет показать взаимоотношения персонажей. Способность адресата понять прецедентный феномен и поддержать его использование в диалоге, как правило, свидетельствует о близких отношениях между членами семьи, друзьями, являясь маркером групповой принадлежности, а непонимание прецедентного феномена показывает противоречия между ними.

В нашем корпусе примеров основным источником ПФ послужили американские фильмы конца 30х-60х годов, а также фильмы, снятые в 80-90 годы. Доминирование американских фильмов как источников прецедентных феноменов отмечалось в романах американских, британских и ирландских писателей, то есть они становятся универсально-прецедентными. Как показал материал, жанровая принадлежность фильмов достаточно разнообразная. Чаще всего встречались драмы, мелодрамы и комедии. Реже встречались триллеры, мюзиклы, фэнтези и научно-фантастические фильмы.

Было выявлено, что чаще всего используются прецедентные имена и ссылки на прецедентные тексты, они встречаются одинаково часто. Реже используются прецедентные высказывания и отсылки к прецедентным ситуациям. Таким образом, прецедентные феномены со сферой-источником «Кино» позволяет писателям давать

персонажам яркие речевые характеристики и делать описания взаимоотношений более живыми.

Список литературы

1. Петрова Е.В. Когнитивный потенциал прецедентного имени: автореф. канд… филол. наук. Красноярск, 2024. – 26 с.
2. Красных, В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В.В. Красных. – Москва: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 375 с.
3. Слышкин Г.Г., Ефремова М.А. Кинотекст. Опыт лингвокультурологического анализа. М.: Водолей Publishers, 2004. 153 с.
4. Пищерская Е.Н. Креолизованный текст как объект изучения в лингвистике // Litera. 2023. № 5. Режим доступа: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40748 (Дата обращения: 30.09.2026)
5. Крылова М.Н. Кино как источник интертекстуальности (на материале сравнительных конструкций) // Азово-Черноморская государственная агроинженерная академия. 2012. № 12-1. С. 355-361.
6. Халгаева Д.Д. Сангоряева Н.В. Ахатова Т.Р. Очирова А.Б. Прецедентные высказывания сферы-источника «Кино» в англоязычной и русскоязычной культуре // Universum: филология и искусствоведение: электрон. научн. журн. Халгаева Д.Д. [и др.]. 2024. 6(120). Режим доступа: https://7universum.com/ru/philology/archive/item/17733 (Дата обращения: 20.09.2026).
7. Косарев М. И. Прецедентные феномены со сферой-источником «кино» в печатных СМИ Германии / М. И. Косарев // Известия Уральского государственного университета. Сер. 1, Проблемы образования, науки и культуры. 2007. № 50, Вып. 21. С. 109-116.
8. Будаев Э.В. Кино как сфера-источник прецедентных имен в СМИ Великобритании (2010-2019 гг.) // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2020. Т.6, N 3. С. 72-84.
9. Баско Н. В. Прецедентные тексты из сферы «Кино» в российских СМИ: лингвистический и методический аспекты // Лексикология и лингводидактика. 2020. № 4. С. 393-403.
10. Мищенко А.М., Сегал Н.А. Прецедентные феномены со сферой-источником «Кино» в русскоязычных СМИ (На примере к/ф «Москва слезам не верит») // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2025. №4. С. 112-114.
11. Золотарев М.В. Прецедентные феномены: роль культурных аллюзий в романе Ф.М. Достоевского «Бесы»// Precedent Phenomena: the Role of Cultural Reference in Dostoyevsky’s Novel Demons. Saarbrucken: Lap Lambert Academic Publishing, 2014. 93p.
12. Назарова Р.З. К вопросу о людической функции прецедентных феноменов в художественном дискурсе // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2017. Т. 17, Вып. 1. С. 29-32.
13. Попова Е.Ю. Прецедентные феномены в современном художественном дискурсе: на материале романов В. Пелевина "Generation "П" и "Числа»: автореф. дисс. ... к. филол. н. Саратов, 2012. 22с.

14. Куряев И.Р. Киноцитата в прозе В. Пелевина (на материале Романов «Чапаев и пустота», «Generation "П"», «Священная книга оборотня»)// Палимпсест. Литературоведческий журнал. 2019. № 4. С. 80-89.
15. Маркевич Е.В. Функциональный потенциал прецедентных феноменов // Вестник ИрГТУ. 2014. №9 (92). С. 315- 319.

Список источников

16. Dunn M. Dunn M. The Good Bride Guide. London: Pocket Books, 2009. 377 p.
17. Higgins Clark M., Burke A. The Cinderella Murder. Режим доступа: https://royallib.comread/Clark_Mary/the_cinderella_murder.html#0/(Дата обращения 21. 09.2026)
18. Parsons T. Die Last. London: Century, 2017. 399 p.
19. Moriarty S. Whose Life is it Anyway? Режим доступа: https://oceanofpdf.com/ authors/sinead-moriarty/pdf-epub-whose-life-is-it-anyway-by-sinead-moriarty-download/(Дата обращения 25. 09.2025)
20. Moriarty L. Three Wishes. Режим доступа: https://oceanofpdf.com/ authors/ sinead-moriarty/pdf-epub- /(Дата обращения 25. 09.2025)
21. Harmel, K. Italian for Beginners. London: Little Black Dress, 2009. 340p.
22. Bentley U. Private Accounts. - Sevenoaks: Sceptre, 1988. 315 p.
23. Appleton A. The Bride Hunter. London: Orion, 2008. 304p.
24. McNamarra A. From Nottinghill with Love. Actually. London: Sphere, 2011. 431p.
25. Holden W. Beautiful People. London: Headline Review, 2009. 695p.
26. 26)Wolff I. The Making of Minty Malone. Режим доступа: https://www.litres.ru/ book/isabel-wolff/the-making-of-minty-malone-39817857// (Дата обращения 29. 09.2026)
27. Keyes M. Angels. London: Penguin Books, 2013. 482 p.

Дата публикации 20.10.2026

УДК 811.11-112

Паневина И.Г. Цитатные заглавия и их функции в произведениях немецкой художественной литературы

Паневина Ирина Григорьевна
кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков
Военная Академия Связи им. С.М. Буденного, РФ, г. Санкт-Петербург
zarina_4@rambler.ru

Quotation-based titles and their functions in works of German fiction

Panevina Irina Grigoryevna
PhD in Philology, docent, professor of the foreign languages department
St. Petersburg Military Academy of Telecommunications named after S.M. Budyonny
Russia, Saint-Petersburg

Аннотация. Статья посвящена изучению структурных и стилистических особенностей заглавий художественных произведений, включающих цитаты из других источников. Материалом исследования послужили произведения немецкой художественной литературы, относящиеся к разным временным периодам. Цитатные заглавия рассматриваются как один из характерных типов интертекстуальных включений, обладающих благодаря своей сильной позиции в структуре произведения особым стилистическим потенциалом. В результате анализа были выявлены основные источники заимствования цитат, специфичные для немецкой художественной литературы, выявлены их функции и особенности использования в произведениях.

Ключевые слова: интертекстуальность, цитаты, заглавия, немецкая художественная литература, прецедентные тексты

Abstract. The article examines the structural and stylistic features of titles in works of fiction that incorporate quotations from other sources. The study draws on German literary works spanning various time periods. Titles containing quotations are viewed as a distinctive type of intertextual element that possesses unique stylistic potential due to its prominent position within the work's structure. The analysis identifies the primary sources of these quotations – specific to German literature – and explores their functions and usage in the literary works.

Key words: intertextuality, quotations, titles, German fiction, precedent texts

Цель статьи – рассмотреть структурные и стилистические особенности цитатных заглавий на материале произведений немецкой художественной литературы.

К задачам статьи относятся:

1) Рассмотреть понятие интертекстуальности и виды интертекстуальных включений;

2) Выявить особенности цитат как отдельного вида интертекстуальных включений;

3) Определить источники заимствования цитат, используемых в качестве заглавий для произведений немецкой художественной литературы;

4) Описать основные функции, выполняемые цитатными заглавиями в структуре произведения.

Хотя отдельные виды интертекстуальных включений неоднократно становились объектом исследования лингвистических и литературоведческих работ, однако структурные и стилистические особенности цитатных заглавий на материале немецкого языка изучены недостаточно, что обуславливает научную новизну настоящей работы.

При проведении исследования применялся интертекстуальный анализ, позволивший установить претекст для каждого рассматриваемого заглавия и описать тип связи между заглавием и источником; структурно-семантический анализ, с помощью которого удалось раскрыть, как заглавие соотносится с текстом; функциональный анализ, использовавшийся для определения функций заглавий в произведении.

Заслуга введения самого термина «интертекстуальность» в современный научный обиход принадлежит французскому литературоведу и семиотику Юлии Кристевой. По утверждению исследовательницы «поэтическое означаемое отсылает к иным дискурсивным означаемым таким образом, что в поэтическом высказывании становятся читаемыми множество дискурсов». В результате, вокруг поэтического означаемого создается множественное текстуальное пространство, чьи элементы могут быть введены в конкретный поэтический текст. Это множественное текстуальное пространство Ю. Кристева и называет интертекстуальным [1, с. 39].

Интертекстуальность отражает непрерывный процесс взаимодействия текстов и мировоззрений в общей цепи мировой культуры. Она реализуется как включение в текст либо целых других текстов с другим субъектом речи, либо их фрагментов в виде цитат, аллюзий, реминисценций, либо даже отдельных лексических или других языковых вкраплений, контрастирующих по стилю с принимающим текстом [2, с. 354].

Можно с уверенностью утверждать, что в любом произвольно взятом тексте есть *нечто,* отражающее эксплицитно или имплицитно некие связи данного текста с предыдущими текстами или позволяющее искать и находить эти связи [2, с. 366].

Выделяют внутреннюю и внешнюю интертекстуальность. Внутренняя интертекстуальность предполагает отсылки к текстам того же автора или внутри одного произведения (например, повторяющийся образ, цитата, реминисценция в разных главах). Внешняя интертекстуальность – отсылки к текстам других авторов, к чужому творчеству, к общекультурному контексту [3].

Интертекстуальные включения могут иметь разный объем. Это могут быть как целые дневниковые вставки, письма и т.д., так и цитаты, и отдельные аллюзии [2, с. 420].

Согласно определению, в энциклопедическом справочнике «Die Deutsche Sprache» под цитатой в лингвистике понимают:

1. Дословно приведенный отрывок из чьего-либо произведения (возможны небольшие сокращения и видоизменения);

2. Цитата на письме выделяется графически (кавычки, разрядка, особый шрифт);

3. Цитата снабжается точным указанием на источник;

4. Цитата приводится с целью подтверждения или опровержения каких-либо мыслей и преподносится обязательно как продукт чужого ума [10, с. 601].

Все вышесказанное относится, прежде всего, к научному стилю, где большое значение имеют точность цитирования, соблюдение авторских прав. В текстах же художественной литературы цитата становится средством эстетического воздействия на читателя.

Цитата и ее новый контекст взаимосвязаны сильнее, чем цитата и ее оригинальный контекст. В чужом тексте цитата приобретает новый смысл, негативный или позитивный, в зависимости от того, одобряется или критикуется мысль, содержащаяся в ней [4, с. 30].

Само присутствие цитаты обнаруживается читателем по нарушению связности или собственной нормы текста, а также благодаря специальным средствам маркировки. В тех случаях, когда автор рассчитывает на эрудированность читателя и его догадку, источник может и не называться, или автор может по-разному намекать на него, что создает некоторую игру с читателем и повышает интерес. В других случаях источник так или иначе указывается [5, с. 44].

Нередко источником цитирования в художественной литературе становятся прецедентные тексты – тексты, значимые для национальной и мировой культуры и известные практически каждому представителю того или иного сообщества [6, с. 27]. Одним из самых заметных прецедентных текстов является Библия, помимо этого

сюда можно причислить мировых классиков: У. Шекспира, Данте, Сервантеса, Й.В. Гёте, а в русской литературе А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, А.С. Грибоедова, Ф.М. Достоевского и др. К прецедентным текстам также относят пословицы и поговорки, анекдоты, мифы и сказки и т.п.

Цитаты в художественном произведении выполняют целый ряд функций, в том числе оценочную, образную, характерологическую, комментирующую и многие другие. Они фиксируют внимание на узловых моментах содержания, повышают экспрессивность. Большое место среди разнообразных функций интертекстуальности занимает ирония, пародийное использование и пародия [7].

Например, в основе цикла рассказов Агаты Кристи «The Labours of Hercules» лежат сюжеты и названия из греческой мифологии (в частности миф о двенадцати подвигах Геракла) [11]. Писательница выстраивает параллель с мифом сознательно и с иронией. Имя детектива Пуаро – главного героя этого цикла рассказов – Эркюль (французская форма имени Геракл). Все проводимые им расследования идейно пересекаются с подвигами героя древнегреческих мифов. Однако внешне он полная противоположность античному Гераклу, кроме того совершает свои подвиги не с помощью грубой физической силы, а посредством интеллектуальных догадок. Все вместе создает комический эффект и повышает эмоциональное воздействие произведения.

Очень важно для раскрытия замысла автора место включения цитат. Психологически обусловлено наличие сильных позиций в любом тексте; прежде всего, это начало и конец произведения. Следовательно, помещение цитаты в заглавие с первых минут фокусирует на ней внимание потенциального читателя, оказывает на него эмоциональное воздействие, может заинтриговать, пробудить любопытство, вызывает в нем ряд ассоциаций [8].

Цитатные заглавия, как правило, представляют собой фрагменты предложений. Нарушение формы и фрагментарность мобилизуют на активное декодирование и интерпретацию. Цитатное заглавие редко становится понятным с самого начала, и полностью осознается уже при значительно продвинутом чтении. Для полного понимания смысла цитаты читателю приходится мысленно к ней возвращаться в процессе чтения [2, с. 357].

Так при прочтении романа Г.Бёлля «… Und sagte kein einziges Wort» (И ни сказал ни единого слова…) (1953) лишь спустя несколько глав мы узнаем, что это слова из негритянского спиричуэлса (духовного гимна) «He Never Said a Mumbaling Word», которые описывают мученическую смерть Христа на кресте [12]. И уже ближе к концу

нам становится ясно, что заглавие имеет непосредственную связь с главной героиней романа, которая также стойко и терпеливо несет свой крест, не сгибаясь и не говоря ни единого слова.

Цитатные заглавия в художественной литературе выполняют несколько взаимосвязанных функций. Они работают на разных уровнях — от смыслового до эмоционального — и часто совмещают несколько задач сразу.

1. Смыслообразующая функция.

Заглавие-цитата задаёт «ключ» к пониманию текста. Оно подсказывает, в каком культурном контексте следует читать произведение, и программирует ожидания читателя.

2. Интертекстуальная (диалогическая)

Такое заглавие вступает в диалог с первоисточником. Автор либо продолжает традицию, либо полемизирует с ней. Читатель, узнавший цитату, включается в эту игру смыслов. Это создаёт «вертикальный контекст» — связь с другими текстами культуры.

3. Компрессивная (экономия средств)

Короткая цитата вмещает целый пласт культурного опыта. Вместо развёрнутого объяснения автор несколькими словами отсылает к известному сюжету, образу или идее. Заглавие становится «свёрнутым текстом».

4. Экспрессивно-оценочная

Цитата часто несёт эмоциональный заряд первоисточника. Она может придавать тексту иронический, трагический или торжественный оттенок.

5. Ассоциативная

Заглавие-цитата вызывает у читателя цепочку ассоциаций, связанных с источником. Это обогащает восприятие текста дополнительными образами и смыслами, которые не выражены прямо.

6. Структурирующая (композиционная)

Цитатное заглавие может становиться лейтмотивом, проходящим через всё произведение. Оно задаёт систему образов и мотивов, организуя композицию. Иногда цитата из заглавия повторяется в тексте, связывая главы [9].

Среди основных источников цитат для заглавий в немецкоязычной литературе можно отметить следующие:

1. Библия.

В качестве примера можно привести название пьесы Фридриха Дюрренматта «Es steht geschrieben» (Так написано) (1946) [13]. Фраза, взятая для заглавия, является

стандартной формулой из Библии («ибо так написано»), ею предваряются ссылки на священные пророчества. Сюжет пьесы основан на реальных событиях, случившихся в XVI веке в городе Мюнстере. Захватившие город фанатики, принадлежащие к секте анабаптистов, попытались установить в нем «Новое Иерусалимское царство». Персонажи оправдывают любые свои действия – включая казни и безумства – ссылкой на «написанное» слово Божье. Название указывает на то, как религиозный текст превращается в инструмент манипуляций и насилия.

Отсылку к библейскому тексту содержит произведение Лиона Фейхтвангера «Die Füchse im Weinberg» (Лисы в винограднике) (1946), посвященное эпохе Просвещения и Французской революции [14]. Название восходит к ветхозаветной «Песни песней» Соломона: «Ловите нам лисиц, лисенят, которые портят виноградники, а виноградники наши в цвете». «Лисами» в романе являются его герои — интриганы и политики, которые подбираются в «виноградник» (цветущую, но уже обреченную Францию старого порядка). Они «портят» его, подтачивая устои монархии идеями свободы и помогая американской революции, которая станет искрой для будущей французской.

2. Античные источники

Название еще одного рассказа Г. Бёлля «Wanderer, kommst du nach Spa...» (Путник, когда ты придешь в Спа...) (1950) [15] является началом эпитафии древнегреческого поэта Симонида Кеосского, посвященной спартанцам, павшим при Фермопилах, когда в 480 году до нашей эры триста спартанцев сражались против целого персидского войска. В немецкой культуре эта цитата была известна в переводе Фридриха Шиллера: «Wanderer, kommst du nach Sparta, verkündige dorten, du habest / Uns hier liegen gesehn, wie das Gesetz es befahl» (Путник, когда ты придешь в Спарту, поведай там, что ты видел нас лежащими здесь, как того повелел закон).

Главный герой рассказа, как и тысячи других мальчишек, одураченных гитлеровской пропагандой, попадает на фронт прямо со школьной скамьи и через три месяца возвращается в родную школу, превращенную во временный госпиталь, искалеченным инвалидом, (как того повелел закон). На школьной доске он видит отрывок этой цитаты, которую когда-то, до ухода на фронт, сам и написал. Прослеживается горькая ирония автора над тем, как античные идеалы героизма использовались нацистской пропагандой для внушения определенных идей целому поколению юных немцев.

3. Официальные документы

Цитата в заглавии романа Эриха Марии Ремарка «Im Westen nichts Neues» (На Западном фронте без перемен) (1928) – это сухая фраза из официальных сводок немецкого генштаба времен Первой мировой войны [16]. В то время как на фронте ежедневно гибли тысячи людей, в штабах считали ситуацию «стабильной» и не заслуживающей подробных отчетов. Название подчеркивает цинизм войны и обесценивание человеческой жизни.

4. Пословицы и поговорки

Первую часть поговорки использует Ганс Фаллада в своем романе «Wer einmal aus dem Blechnapf frisst» (Кто однажды отведал тюремной похлебки) (1934) [17]. Полное выражение имеет вид: «Wer einmal aus dem Blechnapf fraß, das Wiederkommen nicht vergaß» (Кто однажды ел из жестяной миски, тот не забыл вернуться). Эта поговорка выражает предубеждение, касающееся бывших заключенных, которые с высокой степенью вероятности повторят свою судьбу, вновь оступятся и неизбежно вернутся в тюрьму. Существовавшее, как свидетельствуют лексикографические источники, и до Г. Фаллады, это выражение стало крылатым и получило широкую известность именно благодаря включению его в заглавие данного произведения [18].

5. Произведения классиков мировой литературы.

Примеры таких источников заимствования цитат для немецкой художественной литературы немногочисленны. Одна из глав произведения «Das Känguru-Manifest» (Манифест кенгуру) (2011) немецкого писателя Марка Уве Клинга носит название «Portrait des Kängurus als junges Känguru» (Портрет кенгуру в юности), представляющее собой намеренно искаженную цитату из Джеймса Джойса «Portrait of the Artist as a Young Man» (Портрет художника в юности) [19]. Писателя заменяет художника на кенгуру, создавая комический эффект за счет несоответствия «высокого» модернистского романа и абсурдного персонажа-кенгуру. Этот прием, типичный для постмодернистской литературы, носит название пародийной деконструкции. Цитатное заглавие часто становится в этом случае предметом языковой игры: оно может пародироваться, переосмысляться, сталкиваться с другим контекстом [8].

Таким образом, цитатные заглавия в произведениях художественной литературы обладают значительным стилистическим потенциалом. Поскольку заглавие книги априори находится в сильной позиции, оно изначально задумано автором как некий «ключ» ко всей идейно-смысловой структуре произведения.

Согласно результатам проведенного исследования, основными источниками цитирования для немецкой художественной литературы являются прецедентные

тексты: Библия, произведения мировых классиков, античные источники, пословицы и поговорки; помимо этого могут использоваться цитаты из официальных документов.

Заглавия-цитаты выполняют в произведении ряд функций: несут определенный эмоциональный заряд (например, могут придавать тексту иронический, трагический или торжественный оттенок); задают систему образов и мотивов, организуя композицию; вызывают у читателя цепочку ассоциаций, связанных с источником. Главная же функция цитатных заглавий, как и прочих интертекстуальных включений: создание диалогичности – диалога между цитирующим и цитированным автором, между их эпохами и культурами.

Список литературы

1. Ямпольский М.Б. Память Тиресия. М.: РИК «Культура», 1993. 173 с.
2. Арнольд И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. М: Флинта, 2019. 448 с.
3. Рыжаков В.С. Лингвистические основы теории интертекстуальности // Litera. 2024. № 1. Режим доступа: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69595 (Дата обращения: 05.10.2026).
4. Даирова К.Н. Языковые особенности и виды функционирования цитаты // Связь теории языка с практикой преподавания в школе и вузе. Алма-Ата, 1982. С. 25-42.
5. Фатеева Н.А. Интертекст в мире текстов: Контрапункт интертекстуальности. М: КомКнига, 2022. 280 с.
6. Гусева Е.В. Прецедентные имена собственные и цитаты в заглавии как маркеры информативности и интертекстуальности художественного текста // Поволжский педагогический вестник. 2018 Т.6. № 2 (19). С 24-32.
7. Каркавина О.В. Стилистический потенциал аллюзивных включений в романе Джоанн Харрис «Шоколад» // Филология и человек. 2023. № 1. С. 72-84. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/stilisticheskiy-potentsial-allyuzivnyh-vklyucheniy-v-romane-dzhoann-harris-shokolad (Дата обращения: 05.10.2026)
8. Силина Л.А. Поэтика заглавий-цитат в художественном тексте (на материале рассказов И.А. Бунина) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2025. Том 18. Выпуск 7. 2794-2797. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/poetika-zaglaviy-tsitat-v-hudozhestvennom-tekste-na-materiale-rasskazov-i-a-bunina (Дата обращения: 20.09.2026)
9. Файзуллаева Х.Э. Интертекстуальность и ее функции в литературе // Oriental Rennaissance: innovative, educational, natural and social sciences. 2024. № 4 (11). С. 441-445. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/intertekstualnost-i-ee-funktsii-v-literature. (Дата обращения: 07.10.2026).

Список источников

10. Die Deutsche Sprache. Kleine Enzyklopädie. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2002. 846 s.
11. Christie A. The Labours of Hercules. Режим доступа: https://royallib.com/read/Christie_Agatha/The_Labours_of_Hercules.html#0
12. Böll H. ... Und sagte kein einziges Wort. Köln: Kiepenheuer & Witsch, 1953. 192 s.
13. Dürrenmatt F. Es steht geschrieben. Zürich: Diogenes, 2020. 317 s.
14. Feuchtwanger L. Die Füchse im Weinberg. Режим доступа: https://archive.org/details/diefuchseimweinb0000feuc/page/6/mode/1up (Дата обращения: 01.10.2026)..
15. Böll H. Wanderer, kommst du nach Spa... Режим доступа: https://www.rulit.me/books/wanderer-kommst-du-nach-spa-read-728586-3.html. (Дата обращения: 01.10.2026)..
16. Remarque E.M. Im Westen nichts Neues. Режим доступа: https://royallib.com/read/Remarque_Erich/Im_Westen_nichts_Neues.html#0 (Дата обращения: 01.10.2026)..
17. Fallada H. Wer einmal aus dem Blechnapf frißt. Aufbau Taschenbuch, 2005. 583 S.
18. https://www.redensarten-index.de/suche.php?suchbegriff=blechnapf&bool=relevanz&gawoe=an&sp0=rart_ou&sp1=rart_varianten_ou (Дата обращения: 07.10.2026)
19. Kling M.U. Das Känguru-Manifest. Berlin: Ullstein Taschenbuch, 2011. 304 s.

Дата публикации 31.10.2026

УДК 81

Рулёва Н.А., Филатова А.Г. Особенности толкования устойчивых словосочетаний с семантическим полем «прицеливаться» в немецкой военной лексике

Рулёва Наталья Алексеевна
канд. филол. наук, доцент 7 кафедры иностранных языков, Военная академия связи имени Маршала Советского Союза С.М. Буденного РФ, г. Санкт-Петербург
natkatrik@gmail.com

Филатова Алёна Григорьевна
канд. филол. наук, доцент 7 кафедры иностранных языков, Военная академия связи имени Маршала Советского Союза С.М. Буденного РФ, г. Санкт-Петербург
alyonafilatowa@gmail.com

Specifics of interpreting set phrases within the semantic field of "aiming" in German military vocabulary

Rulyova Natalia Alexeevna
PhD in Philology, Assoc. Prof. of the Department of Foreign Languages
Military Academy of the Signal Corps named after S.M. Budyonny, Russia, St. Petersburg

Filatova Alyona Grigoryevna
PhD in Philology, Assoc. Prof. of the Department of Foreign Languages
Military Academy of the Signal Corps named after S.M. Budyonny, Russia, St. Petersburg

Аннотация. В статье рассматриваются устойчивые словосочетания немецкого языка, восходящие к военной лексике и объединённые семантическим полем «прицеливаться/следить». Уточняется понятийный аппарат исследования и обосновывается положение о регулярном характере семантического переноса, объясняющее переход военной лексики в общеупотребительную сферу. На материале толковых и этимологических словарей немецкого языка, а также текстов СМИ прослеживается хронология появления данных единиц, обусловленная развитием средств прицеливания и наблюдения, и описывается утрата ими прямого значения. Устанавливается, что исследуемые словосочетания функционируют преимущественно в переносном значении, нередко приобретают отрицательные коннотации и выполняют в тексте эмоционально-выразительную функцию.

Ключевые слова: устойчивое словосочетание, военная лексика, переносное значение, коннотация, семантическое поле.

Abstract. The article deals with German set phrases originating in military vocabulary and united by the semantic field of "aiming/tracking". The conceptual apparatus of the study is specified, and the regular character of semantic transfer accounting for the transition of military vocabulary into common usage is substantiated. Drawing on explanatory and etymological dictionaries of German and on media texts, the authors trace the chronology of these units, determined by the development of aiming and tracking devices, and describe the loss of their literal meaning. It is established that the phrases

under study function mainly in figurative meaning, often acquire negative connotations and perform an expressive function in the text.

Keywords: set phrase, military vocabulary, figurative meaning, connotation, semantic field.

Военная сфера традиционно служит источником образных выражений: наименования оружия, прицельных приспособлений, элементов снаряжения и тактики со временем начинают употребляться для обозначения явлений мирной действительности. Изучение подобных единиц требует предварительного уточнения ряда теоретических положений, без которых невозможно корректно описать исследуемый материал. Прежде всего это касается самого понятия «устойчивое словосочетание», которое активно исследуется в современной лингвистике [1, 2, 3, 4, 5], а также причин, по которым специальная военная лексика закрепляется в общеупотребительном языке в переносном значении.

В лингвистике до настоящего времени не выработано единого определения термину «устойчивое сочетание». Его можно отнести к числу универсальных терминов языкознания, вследствие чего он имеет в некоторой степени неопределённое содержание: одни исследователи (В. В. Виноградов, Н. М. Шанский) отождествляют устойчивость с воспроизводимостью и сближают устойчивые сочетания с фразеологизмами, другие (В. Л. Архангельский, И. А. Мельчук) понимают устойчивость как ограничение в выборе переменных на лексическом, семантическом, морфемном и синтаксическом уровнях и относят к устойчивым сочетаниям не только фразеологические единицы, но и другие разновидности несвободных сочетаний [6; 7; 8; 9]. Вслед за В. П. Жуковым под устойчивостью в настоящей работе понимается мера семантической слитности и неразложимости компонентов, а устойчивое словосочетание рассматривается как воспроизводимая в речи раздельнооформленная единица, обладающая целостным, как правило, образным, экспрессивно-оценочным значением и относительно постоянным компонентным составом [10]. Такой подход позволяет, с одной стороны, не отождествлять исследуемые единицы с идиомами (их внутренняя форма остаётся мотивированной и «читается» носителем языка), а с другой – отличать их от свободных словосочетаний, поскольку выбор компонентов в них ограничен узусом. Существенно при этом, что профессиональная речь традиционно относится к числу основных источников устойчивых выражений наряду с разговорной речью, устным народным творчеством и терминосистемами, а военная сфера, будучи одной из наиболее динамично развивающихся терминосистем, не только порождает новые номинации, но и

поставляет языку образные единицы, обладающие высокой экспрессивностью и оценочностью.

Материалом для данной статьи послужили устойчивые словосочетания с семантическим полем «следить/наблюдать», которые были образованы в военной сфере и со временем перешли в общеупотребительную лексику. Анализ данных лексических единиц представляет интерес для исследования, поскольку позволяет расширить лингвострановедческие знания, способствует развитию межкультурной компетенции обучающихся военных заведений, а также помогает выполнить точный устный и письменный перевод в ходе военно-профессиональной деятельности. Методологической основой исследования послужили лексико-семантический анализ слов и словосочетаний, описательный, этимологический анализ.

Методом сплошной выборки для анализа определены устойчивые выражения, которые объединены одним семантическим полем «брать во внимание/следить»: aufs Korn nehmen, auf dem Schirm haben, ins Fadenkreuz nehmen/geraten, ins Visier nehmen, auf dem Kieker haben, auf dem Radar haben (взять на мушку, следить за кем-либо).

Только одно из исследуемых выражений используется в прямом значении в современных текстах: aufs Korn nehmen (взять на мушку). Согласно толковому словарю немецкого языка данное устойчивое словосочетание используется в значении: jemanden/etwas als Ziel für einen Schuss, einen Angriff nehmen; etwas/jemanden als Angriffsziel vornehmen (использовать что-то или кого-то в качестве цели для нападения). Например, Im Kriegsfall hätte vielleicht statt seiner kamerabewehrten Drohne eine Kampfdrohne die Feuerwehrmannschaft aufs Korn genommen (В случае войны пожарный расчёт, вместо оснащенного камерой дрона, мог бы стать целью для боевого дрона) [11]; Der für den Test verwendete Apache hat Drohnenziele aus verschiedenen Entfernungen aufs Korn genommen (Задействованный для теста вертолет «Апачи» брал на прицел дроны с различных дистанций) [12]. В данных примерах толкование устойчивого выражения в прямом значении возможно благодаря контексту и наличию военных лексических единиц (die Kampfdrohen (боевой дрон), im Kriegsfall (в случае войны), Apache (вертолет «Апачи»)).

По своей структуре исследуемые в статье устойчивые словосочетания сходны: они образованы из трех компонентов (существительного с предлогом и глагола). Интерес представляет многообразие выражений, которое основано на варьировании существительных в составе данного словосочетания, обозначающих инструмент для наведения выстрела или слежения. Учитывая военно-технический прогресс и развитие вооружения, а также данные этимологических словарей немецкого языка,

можно расположить данные устойчивые выражения в хронологической последовательности следующим образом:

1. aufs Korn nehmen, где лексема das Korn (мушка, прицел) зафиксирована в значении части огнестрельного оружия (ср.: Kimme und Korn, bei der Jagd einen Hasen aufs Korn nehmen) и связана с военным либо охотничьим делом. Общеизвестно, что прицелы применялись уже в арбалетах и далее с появлением огнестрельного оружия широко использовались в начале XVI века [13]. Данное устойчивое словосочетание, как и все словосочетания из исследуемой группы, употребляется в переносных значениях: *обращать на кого-либо внимание; высмеивать кого/либо с целью указать на недостатки; критически относиться к кому-либо*. Например: Hildenbrandt war einer, der die Politiker nicht nur **aufs Korn genommen** hat, sondern die Politik beeinflusst hat [11].

2. ins Visier nehmen – согласно толковому словарю немецкого языка первоначально лексема das Visier обозначала подвижную решетку шлема как части рыцарских доспехов средневековых рыцарей, закрывающая лицо и оснащенная смотровыми щелями. Слово das Visier было заимствовано из среднефранцузского языка примерно в XV веке и образовано от глагола visiére, восходящего к старофранцузскому visiere (решетка шлема), которое в свою очередь является производным от старофранцузского слова vis (взгляд, лицо). В XVIII веке в немецком языке закрепились устойчивые выражения с данной лексической единицей: mit offenem Visier (действовать открыто, не скрывая своих намерений) и das Visier lüften (показать истинное лицо, которые сохранились в современном немецком языке [14]. С развитием техники, в том числе и военной, слово das Visier стало употребляться в значении *устройства для прицеливания на огнестрельном оружии* (ср.: zum Zielen dienende Vorrichtung an Feuerwaffen). Данное значение словари фиксируют XVI веком, например, visieren – Ziel ins Auge fassen (брать на прицел, целиться) [11]. Новейшие виды оружия оснащены механическими и оптическими прицелами, например, Eisenvisiere werden oft mit den optischen Visieren verglichen [15], что свидетельствует о том, что слово закрепилось в языке в значении *прицела* и описывает данное устройство, претерпевающее с течением времени технические модернизации, уже на протяжении нескольких веков. Устойчивое словосочетание ins Visier nehmen употребляется в немецком языке в значении следить/наблюдать за кем-либо/сосредоточить своё внимание на ком-либо (etwas zum Ziel haben, die Aufmerksamkeit auf etwas richten), а также критиковать кого-либо (kritisch beobachten). Таким образом, первоначальное значение было утрачено и словосочетание ins Visier

nehmen существует в современном немецком языке в переносном значении: Haben die Banken eine spezielle Zielgruppe im Visier? Peter Fuchs hat bereits die nächsten Projekte im Visier (Есть ли у банков на примете специальная целевая аудитория? Петер Фукс наметил себе уже следующие проекты) [11]. Данное словосочетание обладает нейтральной окраской и могло бы быть заменено в тексте сходными по значению выражениями с нейтрально окраской без потери смысла высказывания. Следует отметить, что исследуемое семантическое поле «следить/брать на прицел» объединяет устойчивые выражения с нейтральной окраской, широко представленные в немецком языке (ins Auge fassen/im Auge behalten, unter Beobachtung stellen, kritisch betrachten, im Blick haben), которые, безусловно, не придают выразительность контексту по сравнению с эмоционально окрашенными фразами, содержащими военную лексику. Обладая способностью создавать образы в сознании читателей, эмоционально окрашенные устойчивые выражения обращают на себя внимание, усиливая восприятие информации.

3. auf dem Kieker haben – лексема der Kieker (подзорная труба), образованная от глагола kīken, который в средневерхненемецкий период употреблялся в значении gucken, sehen (смотреть, видеть), характерна для профессионального языка мореплавателей и зафиксирована в немецком языке в XVIII веке (um mit dem Kieker in der Hand über das Meer zu schauen) [14]. Интересно, что в современном немецком языке данное выражение, как это отмечалось выше, утратило свое первое значение и используется в переносном значении, а именно: *постоянно сосредотачивать внимание на каком-либо человеке с целью причинить ему вред; критически/с подозрением наблюдать за кем-/чем-либо* (die Aufmerksamkeit auf eine bestimmte Person richten, mit der Absicht, ihr zu schaden; eine Person, eine Institution kritisch beobachten). Например, Egal, was ich tat, hatten sie mich auf dem Kieker [11]. Таким образом, данное устойчивое выражение с появлением переносного значения приобрело отрицательную эмоциональную окраску, по сравнению, например, с более нейтрально окрашенным выражением ins Visier nehmen (см. выше).

4. auf dem Radar haben/auf dem Schirm haben (*наблюдать за кем-то, следить, иметь в поле зрения*) – данные устойчивые словосочетания можно объединить, поскольку их появление связано с временем Второй мировой войны и развитием радиолокационных устройств. Новые технологии слежения давали большие преимущества в ведении боя в воздухе [16], что безусловно скоро нашло свое отражение в языке. Наряду с исследуемыми устойчивыми словосочетаниями в немецком языке зафиксированы и другие единицы, содержащие лексемы

Radar/Schirm, например, aus dem Radar/Schirm verschwinden (*пропасть с радара*), jemanden/etwas nicht auf dem Schirm/Radar haben (*не иметь кого-либо в поле зрения, не воспринимать, игнорировать*). В авиации, в профессиональной среде, данное выражение всё ещё используется в первом значении, в случае слежения за летательными объектами в небе;

5. ins Fadenkreuz nehmen/geraten – наличие данного выражения, датируется второй половиной XX века, когда активно развивались оптические технологии, где das Fadenkreuz – крестообразное расположение нитей на оптическом приборе, в данном случае – на оптическом оружии. Согласно примерам, приведенным немецкими толковыми словарями, данное выражение используется как в прямом, так и в переносном значении, ср.: Beim Aufstehen finden wir uns im Fadenkreuz von zwei Kameras (когда мы встаём, то попадаем под прицел двух камер); Zum ersten Mal seit drei Jahren steht sie im Fadenkreuz der Kritik (впервые за три года она подверглась серьезной критике) [11].

Таким образом, устойчивые словосочетания с лексическими единицами, обозначающими в военной сфере устройство для прицеливания/прицельного наблюдения (das Korn, der Kieker, das Visier, der Radar, der Schirm, das Fadenkreuz) утратили со временем своё прямое значение (*прицеливаться для нанесения удара*) или зафиксированы в текстах узкой (военно-профессиональной) тематики для описания повседневной жизни артиллеристов, служащих флота и военно-воздушных сил. В общеупотребительной гражданской лексике данные словосочетания используются в основном в переносном смысле, что подтверждается примерами из текстов средств массовой информации: Will Trump China wirklich treffen, muss er die chinesische Elektronikbranche **aufs Korn nehmen** (Если Трамп хочет нанести удар Китаю, он должен взять на прицел китайскую электронную промышленность); ein freier Tag, was **hat** man da nicht alles **auf dem Schirm** (свободный день, сколько всего надо держать во внимании/в поле зрения); Da **gerate** ich manchmal **ins Fadenkreuz**, das ist mir dann unangenehm (иногда я и сам оказываюсь под прицелом, отчего мне становится неприятно); zunächst nahm er die Deutsche Bahn ins Visier (сначала он взял на прицел Немецкие железные дороги) [11].

Как было отмечено в ходе анализа, исследуемые устойчивые словосочетания с семантическим полем «следить/прицельно наблюдать» наделены нередко отрицательными коннотациями, а также функционируют в письменной и устной речи для придания тексту эмоциональной выразительности.

Список литературы

1. Королев С. В. Когнитивная основа английских устойчивых словосочетаний с сочинительной связью: специальность 10.02.04 «Германские языки»: дис. ... канд. филол. наук / С. В. Королев. – 2022. – 173 с.
2. Насри Р. Сопоставительный анализ общеупотребительных устойчивых словосочетаний алжирского диалекта и русского языка / Р. Насри // Русистика без границ. – 2026. – Т. 10, № 1. – С. 22-35.
3. Мамедова А. А. Структурные особенности устойчивых словосочетаний / А. А. Мамедова // Языки и литература в поликультурном пространстве. – 2026. – № 12. – С. 175-181.
4. Магомедрасулова А. С. Устойчивые словосочетания с компонентом цвета в прилагательных английского языка / А. С. Магомедрасулова // МНКО. – 2023. – № 3 (100). – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/ustoychivye-slovosochetaniya-s-komponentom-tsveta-v-prilagatelnyh-angliyskogo-yazyka (дата обращения: 30.10.2026).
5. Минова М. В. Тенденции фразеологической деривации: формирование новых фразеологизмов на основе вычленения компонентов из устойчивых словосочетаний / М. В. Минова, Е. В. Копылова, Е. Г. Долгова [и др.] // Филология: научные исследования. – 2026. – № 1. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/tendentsii-frazeologicheskoy-derivatsii-formirovanie-novyh-frazeologizmov-na-osnove-vychleneniya-komponentov-iz-ustoychivyh (дата обращения: 30.10.2026).
6. Виноградов В. В. Избранные труды: Лексикология и лексикография / Под ред. В. Г. Костомарова. М.: Наука, 1977. – 318 с.
7. Архангельский В. Л. Устойчивые фразы в современном русском языке: Основы теории устойчивых фраз и проблемы общей фразеологии / отв. ред. Г. В. Валимова. – Ростов-на-Дону: Ростовский-на-Дону педагогический институт, 1964. – 315 с.
8. Мельчук И. А. О терминах «устойчивость» и «идиоматичность» // Вопросы языкознания. – 1960. – № 4. – С. 73-80.

Список источников

9. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка: Учеб. пособие для вузов по спец. «Русский язык и литературы». – 4-е изд. испр. и доп. СПб.: Специальная литература, 1996. – 192 с.
10. Жуков В. П. Семантика фразеологических оборотов. Учеб. пособие для пед. ин-тов. – М.: Просвещение, 1978. –160 с.
11. Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache / Berlin-Brandenburgische Akademie der Wissenschaften. Режим доступа: https://www.dwds.de/ (дата обращения: 28.10.2026).
12. Zwerger P. Apache-Kampfhubschrauber auf Drohnenjagd: Neue Munition mit Abstandszünder // Flug Revue. – 2026. Режим доступа: https://www.flugrevue.de/apache-kampfhubschrauber-auf-drohnenjagd-neue-munition-mit-abstandszuender/ (дата обращения: 28.10.2026).
13. Мушкет // Российская историческая энциклопедия / Российское военно-историческое общество. Режим доступа: https://history.ru/encyclopedia/mushket (дата обращения: 28.10.2026).
14. Etymologisches Wörterbuch des Deutschen / W. Pfeifer [et al.] // Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. Режим доступа: https://www.dwds.de/wb/etymwb (дата обращения: 28.10.2026).

15. Präzision und Geduld: Die Kunst des Zielens mit Visieren // Feyachi. – 2024. Режим доступа: https://feyachi.com/de/blogs/news/the-art-of-aiming-with-iron-sights (дата обращения: 28.10.2026).
16. Friedl F. Redewendungen aus der Militärfliegerei: Von der Startbahn in den Alltag // Bundeswehr. – 2022. Режим доступа: https://www.bundeswehr.de/de/meldungen/redewendungen-aus-der-militaerluftfahrt-und-ihre-herkunft-5340556 (дата обращения: 28.10.2026).

Дата публикации 17.10.2026

УДК 81’25

Царегородцев Р.А. Семантическое поле концепта GOVERNMENT в прощальной речи Джорджа Вашингтона

Царегородцев Роман Анатольевич
Старший преподаватель кафедры Б5 «Теоретическая и прикладная лингвистика»
Балтийский государственный технический университете «ВОЕНМЕХ»
им. Д.Ф. Устинова, РФ, г. Санкт-Петербург
romants@inbox.ru

The Semantic Field of the Concept GOVERNMENT in George Washington's Farewell Address

Tsaregorodtsev Roman Anatolyevich
Senior Lecturer at Department B5 "Theoretical and Applied Linguistics"
Baltic State Technical University "VOENMEH" named after D.F. Ustinov
Russian Federation, St. Petersburg

Аннотация. В статье проводится лингвистический анализ концепта GOVERNMENT в одном из фундаментальных политических документов США — «Прощальной речи» Джорджа Вашингтона (1796 г.). Исследование опирается на методы компьютерного моделирования семантических полей. На основе частотных и контекстуальных характеристик выявлена иерархическая структура концепта. Ядро поля образует сама лексема government. В результате установлено, что Вашингтон концептуализирует правительство не как нейтральный аппарат, а как сакральный институт, неразрывно связанный с религией, моралью и национальным единством.

Ключевые слова: политический дискурс, семантическое поле, концепт GOVERNMENT, Джордж Вашингтон, прощальная речь, компьютерная лингвистика, гражданская идентичность, лингвистическая онтология.

Abstract. The paper presents a linguistic analysis of the concept GOVERNMENT in one of the fundamental political documents of the United States — George Washington's Farewell Address (1796). The study employs methods of computational modeling of semantic fields. Based on frequency and contextual characteristics, a hierarchical structure of the concept is revealed. The core of the field is formed by the lexeme government itself. As a result, it is established that Washington conceptualizes government not as a neutral apparatus, but as a sacred institution, inextricably linked with religion, morality, and national unity.

Keywords: political discourse, semantic field, concept GOVERNMENT, George Washington, Farewell Address, computational linguistics, civic identity, linguistic ontology.

«Прощальная речь» Джорджа Вашингтона (1796 г.) является хрестоматийным памятником американской политической мысли, заложившим фундаментальные принципы внешней и внутренней политики США. В этом тексте первый президент США формулирует свое видение государственного устройства, предостерегая нацию

от регионализма, духа партийности и пагубных иностранных альянсов. Политический дискурс по своей природе проективен: как отмечается в исследованиях способов репрезентации «возможного мира» [1], политические тексты конструируют не только настоящую реальность, но и альтернативные сценарии развития. В «Прощальной речи» Вашингтон активно использует эту стратегию, противопоставляя «возможный мир» процветающего Союза миру хаоса, фракционности и тирании.

Традиционный лингвистический анализ этого текста опирался преимущественно на герменевтический подход. Однако применение методов компьютерной лингвистики и математического моделирования семантических полей позволяет объективизировать архитектуру документа. Как показано в исследовании Е.Д. Власовой, анализ структуры лексико-семантических полей даёт возможность выявить дискурсивно зависимую семантику лексических единиц и формализовать результаты [2]. В работе В.Г. Будыкиной и Е.А. Кутепова аналогичный полевой подход был успешно применён для изучения концепта GOVERNMENT в британском политическом дискурсе [3], что подтверждает эвристическую ценность данной методики.

Материалом исследования послужил текст «Прощальной речи» Дж. Вашингтона [4]. Методологическую основу составил подход к построению семантических полей с использованием программы для создания полевой структуры леммы [10]. Применение методов компьютерного моделирования перекликается с современными трендами цифровизации гуманитарного знания и опытом построения лингвистических онтологий аксиологем в политическом дискурсе [5]. Опираясь на этот подход, мы рассматриваем концепт government не как изолированную лексему, а как узел в системе аксиологических и политических координат.

Каждая лексема получила свои координаты в семантическом пространстве (x, y), а также количественные показатели: частоту, индекс частотности (IPM) и принадлежность к определенной зоне. Зонирование позволяет определить степень семантической близости лексемы к концепту-доминанте.

Абсолютным ядром исследуемого поля задана сама лексема government (IPM 13863.55), являясь самой частотной (за исключением служебных слов). Высокий индекс подтверждает, что правительство является главной осью координат всего текста. При этом, как отмечает М.В. Гаврилова, концепт „государство“ является динамическим образованием, которое преобразуется в соответствии с политическими

задачами [6]; в случае Вашингтона такой динамический аспект проявляется в сакрализации government через связь с религией и моралью.

Ближняя периферия формирует непосредственное окружение концепта. Анализ массива лемм этой зоны позволяет выделить два мощных семантических кластера:

– институциональный: administration, department, system, institution описывают правительство как сложный механизм. Вашингтон использует лексику, подчеркивающую целесообразность: establish, conduct, maintain.

– нравственно-этический. Наиболее уникальной чертой модели является присутствие в ближней периферии лемм, относящихся к морали и религии: duty, obligation, morality, religion, virtue, faith. Вашингтон концептуально связывает понятие государственного управления с категорией морального долга. Правительство не может существовать вне религии и морали («Religion and Morality are indispensable supports»). Лексемы sacredly, inviolable переводят политические категории в разряд религиозных заповедей.

Дальняя периферия охватывает более широкие политические реалии. Здесь выделяются три тематических вектора:

– национальное единство: union, liberty, country, nation, people, constitution. Анализ дальней периферии демонстрирует, как происходит конструирование гражданской идентичности. Опираясь на типологию языковых средств репрезентации этого феномена [7], можно утверждать, что Вашингтон использует такие маркеры, как Union, American, Patriotism, выполняя консолидирующую и символическую функции. Концепт government здесь неразрывно связан с конструированием образа «нации» и «гражданского сообщества» в оппозиции к «чужим» (foreign influence).

– угрозы – в дальней периферии концентрируется лексика, описывающая опасности: party, faction, spirit, ambition, foreign, influence, intrigue, corruption. Правительство в модели Вашингтона находится в состоянии перманентной обороны: изнутри — от амбиций политических элит, снаружи — от интриг европейских держав.

– внешняя политика. Лексемы treaty, commerce, neutral, peace, war отражают прагматический подход. Лексема neutral становится ключевым маркером желаемого внешнеполитического статуса.

Значительный массив лемм, попавших в зону «Вне поля» (state, common, happy, find, time), представляет собой общедискурсивный фон. Тот факт, что базовые политические термины (такие как state) смещаются на границы поля, свидетельствует

о том, что для Вашингтона абстрактное state уступает по смысловой плотности конкретному government (как действующей власти и институту доверия) и union (как высшей ценности).

Компьютерное моделирование семантического поля концепта GOVERNMENT в «Прощальной речи» позволило визуализировать идеологическую архитектуру текста.

Анализ позволил сделать следующие выводы о тексте: правительство выступает как абсолютная, сакрализованная ценность, government нежизнеспособно без religion и morality, насыщено лексикой угроз (faction, foreign influence).

В этом контексте „Прощальная речь“ предстает не просто политическим документом, но и классическим актом трансляции ценностей. Как показано в исследовании О.В. Атьман, прощальная речь как жанр президентской коммуникации характеризуется особым сочетанием риторических категорий пафоса, логоса и этоса [8]. Вашингтон мастерски использует этос — апелляцию к морали и этике — для конструирования сакрального образа government, что отличает его речь от сугубо информативных политических выступлений. В рамках герменевтической модели [9] этот текст можно рассматривать как диалог с будущим, где традиция и нарратив становятся механизмами передачи сакрального отношения к government и constitution новым поколениям, преодолевая границы временного понимания. Таким образом, семантическое поле отражает патриархально-республиканскую модель власти, где государство мыслится как хрупкий моральный организм, требующий от граждан не просто правового послушания, но и гражданской добродетели.

Список литературы

1. Щастливый А.О., Лаптева А.В. О способах репрезентации «возможного мира» // Молодёжь. Техника. Космос : Труды XVI международной молодёжной научно-технической конференции, приуроченной к 90-летию Юрия Алексеевича Гагарина, летчика-космонавта СССР, Героя Советского Союза, первого человека, отправившегося в космическое пространство. В 4-х томах, Санкт-Петербург, 25–29 марта 2024 года. – Санкт-Петербург: Балтийский государственный технический университет «ВОЕНМЕХ» им. Д.Ф. Устинова, 2024. – С. 139-142.
2. Власова Е.Д. Анализ лексико-семантических полей в политическом дискурсе о международном вооружённом конфликте в Сирии (на материале русского и французского языков) // Вестник Московского Университета. Серия 22. Теория перевода. – 2023. – № 4. – С. 104-119.
3. Будыкина В.Г., Кутепов Е.А. Полевая структура концепта government в британском политическом дискурсе // Молодой ученый. – 2022. – № 21 (416). – С. 230-232.

4. Washington G. Farewell Address. Original Text, 1796. // The Avalon Project, Yale Law School. – URL: http://avalon.law.yale.edu/18th_century/washing.asp (дата обращения: 04.09.2026).
5. Мамаев И.Д., Лаптева А.В. Лингвистическая онтология аксиологем Российской Федерации // Политическая лингвистика. – 2026. – № 2(116). – С. 282-291.
6. Гаврилова М.В. Экспликация концепта «государство» в торжественной политической речи // Политическая лингвистика. – 2020. – № 2(80). – С. 10-24. – DOI 10.26170/pl20-02-01. – EDN CDTYXS.
7. Лаптева А.В., Мамаев И.Д. Языковая репрезентация дискурсивного феномена гражданской идентичности (на материале русского, английского и немецкого языков) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2025. – Т. 18, № 6. – С. 2452-2458. – DOI 10.30853/phil20250344. – EDN WIMXEK.
8. Атьман О.В. Риторические особенности президентского дискурса США // Lingua Mobilis. – 2009. – № 2(16). – С. 127-135. – EDN MSXZXX.
9. Лаптева А.В. Диалог, традиция и границы понимания: операциональная герменевтическая модель трансляции ценностей // Философская мысль. – 2026. – № 6. – С. 134-145. – DOI 10.25136/2409-8728.2026.6.80092. – EDN KXKNIW.

Список источников

10. Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2026660215 Российская Федерация. Программа создания семантических полей SemField : заявл. 03.04.2026 : опубл. 10.04.2026 / Мамаев И.Д. ; заявитель Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Балтийский государственный технический университет «ВОЕНМЕХ» им. Д.Ф. Устинова». – EDN CJSSDM.

ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

Дата публикации 23.10.2026

УДК 81

Альгина О.В. Типология и уровни смещения смыслового фокуса в художественном переводе

Альгина Ольга Владимировна
канд. филол. наук, старший преподаватель кафедры английской филологии и перевода, Санкт-Петербургский государственный университет,РФ, Санкт-Петербург
olga.alg@yandex.ru

Typology and Levels of Semantic Focus Shifts in Literary Translation

Algina Olga Vladimirovna
PhD in Philology, senior lecturer of the Department of English Philology and Translation
Saint Petersburg State University, Russia, Saint Petersburg

Аннотация. В статье исследуется проблема сохранения смыслового инварианта художественного произведения в процессе межъязыковой передачи. Предметом анализа выступает феномен дефокусировки смысловой структуры оригинала. Цель исследования – систематизировать типологические особенности и уровни смещения смыслового фокуса при переводе англоязычной прозы на русский язык.

На основе сопоставительного, контекстуального и лексико-стилистического анализа в работе уточнено понятие «смысловой фокус», предложена дифференциация смысловых сдвигов на вынужденные (обусловленные межъязыковой и этнокультурной асимметрией) и невынужденные (связанные с субъективным выбором переводчика). В результате исследования охарактеризованы механизмы смещения фокуса на лексико-грамматическом, фразовом, синтаксическом уровнях и лексико-стилистическом уровнях. Установлено, что накопление невынужденных локальных сдвигов искажает авторскую аксиологическую систему и дезориентирует читателя.

Ключевые слова: смысловой фокус; смещение смыслового фокуса; художественный текст; художественный перевод, вынужденные и невынужденные смещения.

Abstract. The article investigates the problem of preserving the semantic invariant of a literary work in the process of interlingual transfer. The subject of analysis is the phenomenon of defocusing within the source text's semantic structure. The study aims to systematize the typological features and structural levels of semantic focus shifts in translating English prose into Russian.

Based on comparative, contextual, and lexical and stylistic analyses, the paper clarifies the concept of "semantic focus" and differentiates semantic shifts into forced (conditioned by interlingual and ethnocultural asymmetry) and unforced (resulting from the translator's subjective choices). As a result of the study, the mechanisms of focus shifting are characterized at the lexical and grammatical, phrasal, and syntactic levels, as well as at

the lexical and stylistic level. It is established that the accumulation of unforced local shifts distorts the author's axiological framework and disorients the target reader.

Keywords: semantic focus; semantic focus shift; literary text; literary translation, forced and unforced shifts.

Художественный перевод традиционно признается одной из наиболее сложных разновидностей переводческой деятельности. Процесс межъязыковой передачи художественного текста сопряжен с необходимостью учета целого комплекса экстралингвистических и внутритекстовых факторов: идиостиля автора, лингвокультурного контекста, исторических реалий и эстетических констант оригинала. Переводчик обязан не только адекватно интерпретировать исходное произведение, но и выработать оптимальную стратегию его воссоздания на языке перевода (ПЯ). Применение переводческих трансформаций способно как обеспечить предельную эквивалентность и адекватность текста (в ряде случаев обогащая его рецептивный потенциал), так и привести к искажению авторских интенций или нежелательной деформации смысловых доминант. В последнем случае у читателя формируется неполное либо искаженное представление о концептуальной картине художественного мира произведения и психологической мотивации персонажей.

Актуальность настоящего исследования обусловлена неослабевающим интересом лингвистики и переводоведения к рецептивно-прагматическим аспектам перевода художественной прозы, а также возрастающими требованиями к сохранению авторского смыслового инварианта. В связи с этим ключевой задачей переводчика становится максимальное сохранение смыслового фокуса исходного текста.

Научная новизна работы заключается в комплексной систематизации факторов и механизмов смещения смыслового фокуса в художественном переводе. В статье верифицируется и уточняется понятийный аппарат исследования, определяется уровневая иерархия возникновения смещений, а также вводится разграничение между конвенционально обусловленными (вынужденными) и субъективными (невынужденными) сдвигами фокуса на конкретном эмпирическом материале.

Цель статьи – выявить и охарактеризовать основные типологические особенности смещения смыслового фокуса при переводе художественного текста.

Для достижения поставленной цели решаются следующие **задачи:**

1. уточнить дефиницию понятия «смысловой фокус текста» в контексте переводоведения;

2. систематизировать уровни текстовой структуры, на которых фиксируется смещение смыслового фокуса;

3. на материале сопоставительного анализа оригинальных и переводных художественных текстов выявить закономерности и последствия дефокусировки смысловой структуры высказывания.

Методологическую базу исследования составил комплекс общенаучных и специальных лингвистических **методов:**

- теоретико-методологический анализ литературы по проблемам текстовой фокусировки, фокализации, прагматического фокуса и теории перевода;
- описательно-аналитический метод;
- метод сопоставительного анализа оригинала и переводного текста;
- контекстуальный и семантико-стилистический анализ;
- метод переводческого анализа;
- приемы обобщения, классификации и типологизации полученных данных.

Исследование феномена текстового фокусирования относится к числу относительно недавних направлений лингвистической мысли. В широком смысле фокус текста трактуется как «развитие одной ключевой идеи от тезиса к выводу» [1, с. 45]. Н. А. Пром применительно к медиадискурсу определяет фокусирование как «языковое акцентирование, которое обеспечивает привлечение внимания к определенной части текста и ее выдвижение на передний план в обработке информации» [2, с. 13–20]. Репрезентативные факты выполняют функции информирования, фасцинации и создания информационно-эмоционального фона, выступая основным языковым инструментом их реализации [Там же]. Данный механизм организует читательскую интерпретацию, актуализирует систему фоновых знаний, мнений и эмоциональных установок реципиента, оптимизируя восприятие информации [3, с. 96–100]. В медиатекстах и оригинальных произведениях с отражательным типом идиостиля фокусирование предстает действенным инструментом имплицитного воздействия: его декодирование требует интерпретативных усилий, а подтекстовая природа актуализирует ассоциативные связи, формирующие отношение реципиента к фокусному объекту.

В художественном дискурсе категория фокусности реализуется как специфическая стратегия выделенности (салиентности), неразрывно связанная с ключевыми нарративными параметрами – перспективацией, точкой зрения и фокализацией [4]. Как отмечает О. П. Воробьева, в литературном тексте фокусировка

формируется посредством динамических нарративных и герменевтических приемов, противопоставляющих детализированный фокус размытому фону; их архитектоника моделирует нарративное познание и эмоциональный отклик читателя [5, с. 148]. В когнитивном аспекте процессы фокусировки и дефокусировки опираются на ментальные механизмы распределения внимания, служащие смыслопорождению в дискурсе [Там же].

Е. С. Никитина указывает, что смысловые фокусы структурируются в смысловом пространстве произведения: их конфигурация детерминирована взаимодействием с потенциальным реципиентом и находит отражение в языковом коде, стилевых регистрах, маркерах специализации и функциональной направленности текста [6, с. 136–140].

В современном языкознании отмечается терминологическая вариативность: исследователи оперируют понятиями «фокализация», «фокус внимания», «коммуникативный фокус», «прагматический фокус» и др.

Т. А. Жалагина, рассматривая коммуникативный фокус на материале диалога, соотносит его с коммуникативно-информационным членением, разграничивая «фокус внимания» и «информационный фокус» [7]. М. Крифка в рамках теории информационной структуры понимает фокус как репрезентацию альтернатив, релевантных для интерпретации высказывания [8].

Прагматический фокус предстает как прагмасемантическая текстовая категория, отражающая селекцию наиболее существенной и коммуникативно новой информации, статус которой определяется конкретной интенцией. Согласно Т. А. ван Дейку, прагматический фокус репрезентирует акт коммуникативного выбора, подчиненный критериям эффективности интеракции [9, с. 259–336]. О. А. Богданова определяет прагматическое фокусирование как иерархическую систему формально-содержательных средств выделения информации с целью аттракции внимания читателя [10]. В художественном тексте данная категория дополнительно маркирована реализацией эстетической функции и ориентацией на читательскую апперцепцию.

В рамках настоящего исследования **смысловой фокус** дефинируется как смысловая доминанта, концентрирующая генеральную идею отдельного высказывания или текстового фрагмента. Наряду с информативным фокусом правомерно выделить *оценочный фокус*, нацеленный на формирование определенной модально-аксиологической установки реципиента по отношению к персонажам или описываемым событиям.

В процессе перевода смысловой фокус может либо адекватно сохраняться, либо подвергаться смещению (дефокусировке). Смещения смыслового фокуса локализуются на различных структурных уровнях: лексико-семантическом, фразовом, синтаксическом. По своей природе они дифференцируются на:

1. **вынужденные**, детерминированные межъязыковой асимметрией, различиями грамматического строя и несовпадением этнокультурных реалий;
2. **невынужденные**, обусловленные субъективными решениями переводчика (недостаточной глубиной предпереводческого анализа, неверной декодировкой концептов или неудачным выбором переводческой стратегии).

Невынужденные сдвиги, как правило, носят антропоцентрический характер и влекут за собой деформацию авторской концептуальной программы, создавая когнитивный барьер для адекватного эстетического восприятия произведения.

Анализ эмпирического материала

Рассмотрим трансформацию смыслового фокуса на конкретных примерах.

В ряде контекстов опущение элементов поверхностной структуры оригинала представляется прагматически мотивированным шагом, направленным на устранение избыточности. Англоязычная детективная проза нередко характеризуется высокой степенью детализации рутинных физических действий персонажей, что при буквальной передаче на русский язык воспринимается как стилистическая перегруженность. В романе А. Михаэлидеса «Безмолвный пациент» представлен следующий фрагмент:

Оригинал:

We left the goldfish bowl and walked to Alicia's studio. Yuri unlocked the door and opened it. He flickedon the light.[11]

Перевод:

Мы направились в кабинет, отданный под мастерскую для Алисии. Юрий открыл дверь и щелкнул выключателем. [12]

В данном случае элиминация предикативных сегментов *«We left the goldfish bowl»* и *«Yuri unlocked the door»*функционально оправдана: эти пропозиции легко восстанавливаются реципиентом из ближайшего контекста. Избыточная пошаговая конкретизация утяжелила бы русскоязычное высказывание, в то время как выполненная компрессия сохраняет смысловой инвариант и прагматический фокус предложения.

Иная картина наблюдается в рассказе Э. Хемингуэя «Не в сезон», где редукция смыслового элемента приводит к смещению смыслового фокуса на **синтаксическом**

уровне. Главный герой стремится приобрести вино, однако видит закрытые двери лавки:

Оригинал:

Peduzzi came down the steps. He felt hurt. Never mind, he said, we can get it at the Concordia. [13]

Перевод:

Педуцци спустился по ступенькам. – Не беда, – сказал он. – Достанем в «Конкордии» [14]

Опущение короткого предложения *«He felt hurt»* элиминирует маркер психологического состояния персонажа. В результате нивелируется тонкая авторская ирония, раскрывающая несоответствие между внешней бравадой героя и его внутренним разочарованием. Таким образом, невынужденное устранение предикативной единицы влечет за собой утрату эмоционально-оценочного фокуса целого эпизода.

В следующем примере переводческая модификация образного строя влечет рассогласование смыслового и прагматического уровней, что приводит к **смещению смыслового фокуса на уровне фразы**:

Оригинал:

A girl who leaves her husband is the rot of a harvest. [15]

Перевод:

Без мужа жена кругом сирота [16]

Экстралингвистический контекст фрагмента отражает драматический конфликт: героиня (бабушка рассказчика) бежит от нелюбимого супруга в традиционном патриархальном Вьетнаме. Подобный поступок расценивался как несмываемый позор для семьи. Мать героини отрекается от дочери и захлопывает перед ней дверь, произнося указанную фразу. Переводчик стремился передать регистр разговорной речи персонажа посредством адаптации яркой метафоры оригинала (*«rot of a harvest»* – гниль, порча урожая, угрожающая гибелью всей семье) через фразеологический фонд ПЯ (*«без мужа жена – кругом сирота»*). Однако семантическое наполнение русского фразеологизма строится вокруг концепта сиротства, неизменно апеллирующего к состраданию, беззащитности и необходимости опеки. В результате происходит существенный сдвиг смыслового и оценочного фокусов: возникает парадоксальное противоречие между вербальным высказыванием матери и ее прагматическим действием (изгнанием). Вместо жесткого порицания и отвержения русская фраза эксплицирует жалость. Смысловой

фокус оригинала (проклятие, клеймение позором) смещается на мотив сочувствия. Возможно, более адекватным инвариантом, сохраняющим инвективно-осуждающую модальность, могла бы послужить поговорка: *«Жена без мужа – вдовы хуже»*.

На **лексико-грамматическом уровне** показательна трансформация грамматической семантики:

Оригинал:

I was born, I have lived, and I have been made over. [17]

Перевод:

Я родилась, я жила и я изменилась. [18]

Данное предложение открывает автобиографию американской писательницы М. Антин и представляет собой риторически выверенную структуру. Исходная конструкция опирается на синтаксический параллелизм, завершающийся формой пассивного залога (*«have been made over»*). Грамматический фокус пассива принципиален: он маркирует воздействие внешних, непреодолимых социально-культурных сил на становление личности героини. В переводе пассивная конструкция замещена активным возвратным глаголом (*«я изменилась»*), что превращает субъекта претерпевающего в субъекта действующего. Наряду с вынужденным грамматическим сдвигом здесь фиксируется и невынужденное смещение лексического фокуса: фразовый глагол *make over* в автобиографическом нарративе реализует значение глубинного духовно-культурного перерождения, трансформации идентичности («была пересотворена заново»), тогда как нейтральный глагол *«изменилась»* существенно редуцирует этот масштаб.

Лексико-семантический сдвиг, провоцирующий смысловой диссонанс, представлен в следующем контексте того же произведения:

Оригинал:

In these discriminations I emerged, a new being, something that had not been before. [17]

Перевод:

В условиях этой дискриминации появилась Я, новое создание, которого ранее не существовало. [18]

Нарратив описывает позицию родителей писательницы, предоставлявших ребенку автономию суждений и право на познавательный выбор, что и предопределило формирование ее индивидуальности. Английское существительное *discrimination* употреблено здесь в следующем значении: *the ability to see the difference between two things or people* [19]. Переводчик же некритично актуализировал социально-политическое значение слова – ограничение прав и

свобод по какому-либо признаку. В итоге в русскоязычном тексте возникает явный логический диссонанс: дискурс семейной заботы и свободы самоопределения вступает в противоречие с лексемой «дискриминация». Референциальный фокус смещается на диаметрально противоположный денотат. Корректный вариант перевода требует компенсации исходного значения, например: *«Благодаря такой чуткой родительской проницательности на свет появилась я – новое, не существовавшее прежде существо»*.

Наконец, смещение смыслового фокуса может протекать **на лексико-стилистическом уровне:**

Оригинал:

Then we rode in a cab for ever so long, and I saw the most beautiful streets and shops and houses, much bigger and finer than any in Polotzk. [17]

Перевод:

Из-за толпы кузина всегда держала меня за руку. Потом мы целую вечность ехали в такси, и я видела прекраснейшие улицы, магазины и дома, они были намного больше и красивее, чем в Полоцке. [18]

Денотат слова *cab* в синхронии действительно коррелирует с понятием автомобиля-такси. Однако в хронотопе повествования (конец XIX века, переезд эмигрантов из дореволюционного Полоцка в Бостон) лексема «такси» порождает грубый хронологический анахронизм, разрушающий историческую стилизацию текста. Смысловой и стилистический фокус размывается: историко-бытовая реалия модернизируется. Для сохранения историко-культурной аутентичности лексему целесообразно передать контекстуальными субститутами: *извозчик, двуколка* (или транслитерированным термином *кэб*).

Выводы

Проведенное исследование демонстрирует, что смещение смыслового фокуса в художественном переводе реализуется на различных уровнях текстовой структуры:

- на уровне отдельной лексемы;
- на фразовом и фразеологическом уровнях;
- на синтаксическом уровне;
- на лексико-стилистическом уровне.

Применение переводческих трансформаций способно деформировать смысловую иерархию первоисточника. Если вынужденные смещения обусловлены системными расхождениями контактирующих языков и культур и минимизируются компенсаторными техниками, то невынужденные смещения приводят к системной

дезориентации читателя. Накопление локальных сдвигов фокуса в конечном счете трансформирует концептуальный уровень всего произведения, препятствуя полноценной читательской рецепции исходного авторского замысла.

Список литературы

1. Короткина И. Б. Текст как вклад в научную дискуссию: что такое «фокус»? // Высшее образование в России. № 6, 2015. С. 44-51.
2. Пром, Н. А. Фокусировка и коммуникативная структура новостного медиафакта / Н. А. Пром // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2023. – № 4. – С. 13–20.
3. Пром, Н. А. Фокусирование скрытого смысла в медиафакте / Н. А. Пром // Гуманитарные исследования. – 2021. – № 4 (80). – С. 96–100.
4. Художественный текст: формулы смысла : коллективная монография / Е. А. Гончарова, Е. Ю. Ильинова, В. И. Карасик, И. В. Кононова [и др.]. – Москва : Флинта, 2022. – 296 с.
5. Vorobyova, O. P. Focus dissipation as a narrative and mimetic technique: A case study of Virginia Woolf's "Blue & Green" / O. P. Vorobyova // Studia Linguistica Universitatis Iagellonicae Cracoviensis. – 2021. – Vol. 138, № 3. – P. 145–157.
6. Никитина, Е. С. Semantic focuses of a text. Communicative sense / Е. С. Никитина // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. – 2022. – № 5. – С. 136–145.
7. Жалагина, Т. А. Коммуникативный фокус в английской диалогической речи : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Жалагина Татьяна Анатольевна. – Ленинград, 1988. – 16 с.
8. Krifka, M. Basic notions of information structure / M. Krifka // Interdisciplinary Studies on Information Structure. – 2007. – Vol. 6. – P. 13–56.
9. Дейк, Т. А. ван. Вопросы прагматики текста / Т. А. ван Дейк // Новое в зарубежной лингвистике. – Москва : Прогресс, 1978. – Вып. 8: Лингвистика текста. – С. 259–336.
10. Богданова, О. А. Цвето- и светообозначения как одна из форм прагматического фокусирования в структуре художественного текста: на материале прозы Г. Грасса : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Богданова Ольга Александровна. – Санкт-Петербург, 1999. – 202 с.

Список источников

11. Michaelides A. The Silent Patient. Celadon Books, 2019. 336 p.
12. Михаэлидес А Безмолвный пациент: Эксмо, 2023. 352 с.
13. Hemingway E. Three Stories & Ten Poems [Электронный ресурс]. – URL: https://www.gutenberg.org/ebooks/59603 (дата обращения: 11.10.2026).
14. Хемингуэй Э. Рассказы [Электронный ресурс]. – URL: http://www.nau-band.ru/rasskazi/index.html (дата обращения: 11.10.2026).
15. Antin, M. The Promised Land / Mary Antin ; with a foreword by Oscar Handlin. – New York : Houghton Mifflin Company, 1912. – xxii, 373 p.
16. Антин, М. Земля обетованная : пронзительная история об эмиграции еврейской девушки из России в Америку в начале XX века : [документально-художественная литература] / Мэри Антин ; перевод с английского Т. Ю. Адаменко. – Москва : Директ-Медиа, 2021. – 376 с.

17. Vuong, O. On Earth We're Briefly Gorgeous : a novel / Ocean Vuong. – New York : Penguin Press, 2019. – 246 p.
18. Вуонг, О. Лишь краткий миг земной мы все прекрасны : [роман] / Оушен Вуонг ; перевод с английского П. Кузнецовой. – Москва : Манн, Иванов и Фербер, 2020. – 270 с. – (МИФ. Проза).
19. Cambridge Dictionary URL: https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/discrimination (дата обращения: 11.10.2026)

Дата публикации 31.10.2026

УДК 81'42:811.161.1+811.111'373.612.2:32

Гурбанмырадов Я., Сарыева Н. Концептуальная метафора «государство — это организм» в русском и английском политическом дискурсе: корпусное исследование

Гурбанмырадов Ягшымырат
Преподаватель, Туркменский национальный институт мировых языков имени Довлетмаммета Азади, Ашхабад, Туркменистан

Сарыева Назик
Студент, Туркменский национальный институт мировых языков имени Довлетмаммета Азади, Ашхабад, Туркменистан

The Conceptual Metaphor "state is an organism" in Russian and English Political Discourse: A Corpus-Based Study

Gurbanmyradov Yagshymyrat
Lecturer, Dovletmammet Azadi Turkmen National Institute of World Languages Ashgabat, Turkmenistan

Saryyeva Nazik
Student, Dovletmammet Azadi Turkmen National Institute of World Languages Ashgabat, Turkmenistan

Аннотация. В статье представлены результаты корпусного сопоставительного исследования концептуальной метафоры «государство — это организм» в русском и английском политическом дискурсе. Актуальность работы обусловлена необходимостью выявления национально-специфических особенностей метафорического моделирования политической реальности, что позволяет глубже понять когнитивные основания политической коммуникации. Цель исследования — выявить и сравнить структурные и функциональные особенности метафорической модели «государство — это организм» в русскоязычных и англоязычных политических текстах. Материалом послужили корпусы политических речей, интервью и публицистических статей на русском и английском языках общим объёмом 5 млн словоупотреблений. Методологическую основу составили теория концептуальной метафоры и метод метафорического моделирования. В результате выделены и количественно сопоставлены четыре метафорических слота: «голова/глава», «сердце», «кровь», «болезнь/здоровье». Установлено, что в русском дискурсе доминирует слот «голова/глава» (42 % от общего числа метафорических употреблений), что отражает акцент на вертикали власти и централизации. В английском дискурсе более равномерно представлены слоты «здоровье/болезнь» (31 %) и «сердце» (24 %), что указывает на акцент на функциональном состоянии и балансе. Показано, что обе модели восходят к архетипическому представлению о «политическом теле», однако их актуализация имеет национально-культурную специфику. Полученные результаты могут быть использованы в практике политической коммуникации, лингвокультурологии и преподавании иностранных языков.

Ключевые слова: концептуальная метафора, политический дискурс, корпусная лингвистика, метафорическое моделирование, государство как организм, сопоставительный анализ, национальная картина мира.

Abstract. The article presents the results of a corpus-based comparative study of the conceptual metaphor "state is an organism" in Russian and English political discourse. The relevance of the work is due to the need to identify nationally specific features of metaphorical modeling of political reality, which allows for a deeper understanding of the cognitive foundations of political communication. The aim of the study is to identify and compare the structural and functional features of the metaphorical model "state is an organism" in Russian and English political texts. The material was a corpus of political speeches, interviews and journalistic articles in Russian and English with a total volume of 5 million tokens. The methodological basis was the theory of conceptual metaphor and the method of metaphorical modeling. As a result, four metaphorical slots were identified and quantitatively compared: "head", "heart", "blood", "disease/health". It has been established that in Russian discourse the slot "head" dominates (42% of the total number of metaphorical uses), which reflects an emphasis on the vertical of power and centralization. In English discourse, the slots "health/disease" (31%) and "heart" (24%) are represented more evenly, which indicates an emphasis on functional state and balance. It is shown that both models go back to the archetypal idea of the "body politic", but their actualization has national and cultural specifics.

Keywords: conceptual metaphor, political discourse, corpus linguistics, metaphor modeling, state as an organism, comparative analysis, national worldview.

Введение. Политический дискурс представляет собой одну из наиболее метафорически насыщенных сфер коммуникации. Политики и журналисты постоянно прибегают к образам, которые делают абстрактные понятия (власть, экономика, государство) более осязаемыми и понятными для широкой аудитории. Однако метафора в политике — это не просто риторическое украшение. Как показывают исследования в области лингвоэкологии, язык политики формирует общественное сознание, а его состояние напрямую влияет на здоровье социальной коммуникации [1]. Загрязнение информационного пространства агрессивными или манипулятивными метафорами может приводить к деградации общественного диалога, тогда как сбалансированное использование образов способствует конструктивному взаимодействию.

Среди множества метафорических моделей особое место занимает концептуальная метафора «государство — это организм» (STATE IS AN ORGANISM), восходящая к античному учению о «политическом теле» (body politic). Эта модель позволяет осмыслить государство как живое существо, которое рождается, растёт, болеет, выздоравливает и умирает. Теоретическую основу для анализа подобных моделей заложила теория концептуальной метафоры, которая рассматривает метафору не как свойство языка, а как феномен мышления [2]. В последние годы эта

теория получила дальнейшее развитие, включая уточнение механизмов концептуального смешения и роли контекста [3]. Кроме того, современная когнитивная метафорология активно развивает альтернативные концепции, позволяющие учитывать динамику метафорических систем в дискурсе [4].

Актуальность настоящего исследования определяется тем, что данная метафора не просто отражает политическую реальность, но и активно конструирует её. Выбор тех или иных метафорических образов отражает глубинные когнитивные структуры, свойственные определённой лингвокультуре. Изучение дискурса политических лидеров и их языковой личности является важным направлением современной политической лингвистики [5]. Сопоставительный анализ русскоязычного и англоязычного политического дискурса позволяет выявить, какие аспекты «организмической» модели актуализируются в каждой культуре и как это связано с национальными политическими традициями и картиной мира.

Цель настоящей статьи — провести корпусное сопоставительное исследование концептуальной метафоры «государство — это организм» в русском и английском политическом дискурсе, выявить её структурные компоненты и определить количественные и качественные различия в их использовании. Для достижения цели решаются две задачи. Первая: сформировать корпус текстов и провести идентификацию метафорических употреблений, относящихся к модели «государство — это организм». Вторая: провести количественный и качественный анализ выделенных метафорических слотов, сопоставив данные по двум языкам.

Материалы и методы исследования. Материалом исследования послужили два корпуса текстов. Первый корпус (русскоязычный) включает в себя стенограммы выступлений политических лидеров, тексты официальных заявлений, а также аналитические статьи из ведущих российских изданий за период с 2020 по 2025 год. Объём корпуса составил 2,5 млн словоупотреблений. Второй корпус (англоязычный) включает в себя речи политиков США и Великобритании, тексты дебатов, а также публицистику (The Guardian, The New York Times, The Economist) за аналогичный период. Объём — 2,5 млн словоупотреблений.

Методология исследования опирается на теорию концептуальной метафоры и метод метафорического моделирования. В соответствии с этим методом, метафорическая модель рассматривается как ментальная схема, связывающая понятийные сферы «источника» (организм) и «цели» (государство). Внутри модели выделяются слоты — конкретные концепты, репрезентирующие отдельные части или состояния организма.

Для идентификации метафорических употреблений использовался комплексный подход. С одной стороны, применялись инструменты автоматизированного поиска, основанные на современных методах обработки естественного языка. Как отмечается в исследованиях, разработка объяснимых моделей идентификации метафор, вдохновлённых теорией концептуальной метафоры, позволяет значительно повысить точность корпусного анализа [6]. С другой стороны, для верификации данных применялся метод лексического прайминга, который доказал свою эффективность при анализе корпусов, например, при изучении пищевых метафор в политическом дискурсе [7]. Важность комплексного использования корпусных методов и теории концептуальной метафоры подчёркивается в современных обзорах, посвящённых изучению метафор в различных типах дискурса [8].

Для поиска использовались ключевые слова, относящиеся к соматической лексике (голова, сердце, кровь, тело, рука, нога) и лексике состояния (здоровье, болезнь, лечение, паралич, кризис). Далее проводилась ручная верификация контекстов для исключения буквальных употреблений. Полученные данные были обработаны статистически (подсчёт абсолютной частоты и процентного соотношения).

Результаты исследования. Анализ корпусов показал, что метафора «государство — это организм» широко представлена в обоих языках, однако её внутренняя структура имеет существенные различия. В ходе исследования были выделены четыре основных слота: «голова/глава», «сердце», «кровь» и «болезнь/здоровье».

Таблица 1. Распределение метафорических слотов в русском и английском корпусах

Метафорический слот	Русский корпус (кол-во / %)	Английский корпус (кол-во / %)
«Голова/глава»	420 / 42 %	150 / 15 %
«Сердце»	110 / 11 %	240 / 24 %
«Кровь»	150 / 15 %	100 / 10 %
«Болезнь/здоровье»	320 / 32 %	310 / 31 %
Итого	1000 / 100 %	1000 / 100 %

Рассмотрим каждый слот подробнее.

Слот «Голова/глава». В русском языке метафора «глава государства» является конвенциональной и абсолютно доминирующей. В корпусе зафиксированы многочисленные примеры: «во главе страны», «глава региона», «вертикаль власти». При этом метафора головы часто сочетается с идеей управления и контроля: «голова

должна думать о теле», «без головы тело не может функционировать». В английском языке метафора «head of state» также существует, однако её частотность значительно ниже. В англоязычном дискурсе она чаще используется в нейтральном, номинативном значении, без развёртывания образа управления телом.

Слот «Сердце». В английском политическом дискурсе слот «сердце» используется значительно активнее (24 % против 11 % в русском). Это связано с концептом «heartland» (сердцевина, центр) или «heart of the economy» (сердце экономики). Метафора сердца актуализирует идеи жизненной силы, центральности и эмоциональной связи: «The heart of the nation beats in its small towns» (Сердце нации бьётся в её маленьких городах). В русском дискурсе метафора сердца в политическом контексте встречается реже, чаще она используется в публицистике для создания эмоционального фона («сердце Родины»), но не для описания структурных элементов государства.

Слот «Кровь». В обоих корпусах метафора крови используется для описания ресурсов, прежде всего, экономических и человеческих. «Кровь экономики» — это деньги или инвестиции, «кровеносные сосуды» — транспортные артерии. Однако в русском дискурсе чаще встречается метафора «проливать кровь» в контексте исторических или военных событий. В английском дискурсе преобладает экономическая метафора: «blood of the economy» (кровь экономики), «cash flow» (денежный поток). В русском корпусе метафора крови имеет более выраженную сакральную или трагическую коннотацию.

Слот «Болезнь/здоровье». Этот слот оказался единственным, где частотность в двух языках практически совпала (32 % в русском и 31 % в английском). Государство часто описывается как «больной организм», который нуждается в «лечении», «оздоровлении», «вакцинации» от коррупции или кризиса. При этом в русском дискурсе акцент делается на «оздоровлении» через централизованные меры, в то время как в английском — на «иммунитете» (resilience) и «профилактике».

Особый интерес представляет анализ того, как эти метафоры встраиваются в процесс проектирования социально-политического дискурса. Исследования электорального дискурса показывают, что метафорические модели активно используются для конструирования привлекательного образа кандидата или политической силы [9]. В этом контексте метафора «государство — организм» позволяет политикам позиционировать себя в роли «врачей», предлагающих «лекарство» от «болезней» общества.

Однако необходимо отметить, что функционирование концептуальных метафор в политическом дискурсе имеет свою специфику по сравнению с другими сферами. Например, в литературном дискурсе метафора может выполнять эстетическую функцию, создавая сложные и многозначные образы. Исследования литературного творчества, в частности, мира Мартина Эмиса, показывают, как концептуальные метафоры (например, «смех» и «страх») могут становиться основой для построения целостной художественной картины мира [10]. В политике же метафора направлена, прежде всего, на убеждение и мобилизацию, что делает её инструментом прагматического воздействия.

Примеры из корпусов:

Русский: «Экономика — это кровеносная система государства, а банки — её сосуды. Если сосуды забиты, организм начинает задыхаться» (из аналитической статьи).

Английский: «We need to restore the health of our democracy. The body politic is ailing, and we must prescribe the right medicine» (из предвыборной речи).

Обсуждение результатов. Полученные данные позволяют сделать вывод о наличии национально-специфических черт в метафорическом моделировании государства как организма.

Доминирование слота «голова/глава» в русском дискурсе отражает культурно-историческую традицию централизованной власти, где государство мыслится как иерархическая структура, управляемая единым центром. Это согласуется с исследованиями национальной языковой картины мира, в которой вертикаль власти является одним из ключевых концептов. Метафора головы в русском языке тесно связана с идеей ответственности и контроля, что делает её удобным инструментом для легитимации политических решений. С точки зрения лингвоэкологии, такая метафора, при условии её умеренного использования, поддерживает ясность коммуникации, но при чрезмерном употреблении может способствовать авторитарному дискурсу [1].

В английском дискурсе большее разнообразие и частое обращение к слоту «сердце» и «здоровье» указывает на акцент на функциональном состоянии и балансе. Государство мыслится не столько как иерархия, сколько как система, где важны все элементы, а здоровье нации зависит от благополучия каждого её члена. Это отражает либеральную традицию, в которой акцент делается на правах и благополучии граждан. Теория концептуальной метафоры в её современном виде подчёркивает, что

такие различия не случайны: они коренятся в различных культурных контекстах и когнитивных моделях, которые разделяются членами языкового сообщества [2; 3].

Интересно, что слот «болезнь/здоровье» оказался универсальным. Это объясняется тем, что концепт «кризиса» является центральным для современной политики. Политики в обеих культурах используют медицинскую метафору для описания экономических и социальных проблем, что позволяет им предлагать «рецепты» и «лечение» в виде политических программ. Как отмечают исследователи, использование корпусных методов позволяет проследить, как эти метафоры эволюционируют во времени и адаптируются к новым реалиям [7; 8].

Ограничения исследования связаны с тем, что корпус ограничен временными рамками и включает только публичные выступления и СМИ. Дальнейшие исследования могли бы включать анализ социальных сетей и неформальной политической коммуникации, а также применение более совершенных алгоритмов автоматической идентификации метафор [6].

Заключение. Проведённое корпусное исследование подтвердило, что концептуальная метафора «государство — это организм» является продуктивной моделью в русском и английском политическом дискурсе. Однако её актуализация имеет существенные различия.

В русском дискурсе доминирует слот «голова/глава», что подчёркивает иерархичность и централизацию власти. В английском дискурсе более равномерно представлены слоты «сердце» и «здоровье/болезнь», что отражает акцент на функциональном балансе и благополучии. Слот «болезнь/здоровье» является общим для обеих культур, что объясняется универсальностью концепта кризиса.

Научная новизна работы состоит в том, что впервые проведён количественный сопоставительный анализ метафорических слотов модели «государство — это организм» на материале двух корпусов с учётом современных достижений в области автоматической идентификации метафор. Практическая значимость заключается в возможности использования результатов при разработке стратегий политической коммуникации, а также в преподавании курсов по лингвокультурологии и политической лингвистике. Перспективным направлением является дальнейшее изучение лингвоэкологических аспектов использования метафор в политическом дискурсе с целью повышения его конструктивности и снижения уровня агрессии.

Список литературы

1. Боженкова, Н. А. Русский политический дискурс в фокусе лингвоэкологии / Н. А. Боженкова, П. А. Катышев, С. В. Ионова [и др.] // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. — 2019. — Т. 18, № 3. — С. 76–92. — DOI 10.15688/jvolsu2.2019.3.6.
2. Kövecses, Z. An extended view of conceptual metaphor theory / Z. Kövecses // Review of Cognitive Linguistics. — 2020. — Vol. 18, No. 1. — P. 112–130. — DOI 10.1075/rcl.00053.kov.
3. Zhang, X. Development and Critiques of Conceptual Metaphor Theory / X. Zhang // Theory and Practice in Language Studies. — 2021. — Vol. 11, No. 11. — P. 1487–1491. — DOI 10.17507/tpls.1111.18.
4. Новицкая, И. В. Теория концептуальной метафоры и развитие альтернативных концепций в рамках когнитивного направления метафорологии (по материалам современной англистики) / И. В. Новицкая // Язык и культура. — 2019. — № 46. — С. 76–101. — DOI 10.17223/19996195/46/5.
5. Чудинов, А. П. Российская лингвополитическая персонология: исследование дискурса политических лидеров / А. П. Чудинов, Е. А. Нахимова, М. В. Никифорова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. — 2018. — Т. 9, № 1. — С. 14–31. — DOI 10.22363/2313-2299-2018-9-1-14-31.
6. Ge, M. Explainable Metaphor Identification Inspired by Conceptual Metaphor Theory / M. Ge, R. Mao, E. Cambria // Proceedings of the AAAI Conference on Artificial Intelligence. — 2022. — Vol. 36, No. 10. — P. 10681–10689. — DOI 10.1609/aaai.v36i10.21313.
7. Kheovichai, B. A Corpus Linguistics Analysis of Food Metaphors "Eat Up" and "Consume" through the Lenses of Conceptual Metaphor and Lexical Priming Theories / B. Kheovichai // LEARN Journal: Language Education and Acquisition Research Network. — 2025. — Vol. 18, No. 1. — P. 1–22. — DOI 10.70730/jlwe1459.
8. Zhou, W. Review of Alejo-González (2024): Metaphor and Corpus Linguistics: Building and Investigating an English as a Medium of Instruction Corpus / W. Zhou // Metaphor and the Social World. — 2026. — Vol. 16, No. 1. — P. 168–174. — DOI 10.1075/msw.26010.zho.
9. Chekmenev, D. S. Electoral Case of Designing Socio-political Discourse in Russian Public Policy / D. S. Chekmenev, E. A. Soloveva, M. A. Dyakonova [et al.] // Modern Global Economic System: Evolutional Development vs. Revolutionary Leap : Institute of Scientific Communications Conference. Vol. 198. — Cham : Springer Nature, 2021. — P. 195–204. — DOI 10.1007/978-3-030-69415-9_23.
10. Petrenko, S. A. Laughter vs Fear: Conceptual Metaphor in the Literary World of Martin Amis / S. A. Petrenko, A. F. Petrenko, T. F. Petrenko [et al.] // Humanities and Social Sciences: Novations, Problems, Prospects (HSSNPP 2019) : Proceedings of the Internation Conference on "Humanities and Social Sciences: Novations, Problems, Prospects" (HSSNPP 2019), Novosibirsk, 05–06 марта 2019 года. Vol. 333. — Novosibirsk : Atlantis Press, 2019. — P. 272–276.

Дата публикации 27.10.2026

УДК 81'246.2

Коростелева В.И. Лексико-семантическая динамика англо-хинди кодового переключения в индийских медиатекстах 2020–2025 гг.

Коростелева Виктория Игоревна
старший преподаватель, Дальневосточный Федеральный Университет
Восточный институт - школа региональных и международных исследований
miestrellav@gmail.com

Lexical and semantic dynamics of English–Hindi code-switching in Indian media texts in 2020–2025

Korosteleva Victoria Igorevna
Senior Lecturer, Far Eastern Federal University, Oriental Institute-School of regional and international relations, Russia, Vladivostok

Аннотация. Цель исследования – определить динамику семантических полей англо-хинди кодового переключения в индийских медиатекстах 2020–2025 гг., связь частоты леммы со степенью интеграции. Анализ 1 874 употреблений выявил преобладание технической лексики. В датированной подвыборке доля цифровой лексики выросла с 14% в 2020 г. до 23% в первом полугодии 2025 г., доли культурных реалий, урбанизмов сократились. Установлена умеренная положительная корреляция частоты леммы со степенью интеграции.

Ключевые слова: Кодовое переключение, английский язык, хинди

Abstract. The study aims to identify changes in the semantic fields of English–Hindi code-switching in Indian media texts in 2020–2025 and the relationship between lemma frequency and degree of integration. Analysis of 1,874 tokens revealed the predominance of technical vocabulary. In the dated subsample, the share of digital vocabulary increased from 14% in 2020 to 23% in the first half of 2025, with declining shares of cultural references and urban vocabulary. A moderate positive correlation was found between lemma frequency and degree of integration.

Keywords: Code-switching, English, Hindi

Подходы к определению кодового переключения (КП) различаются по основаниям выделения языкового перехода, границам анализируемой единицы, учету коммуникативных условий. Согласно классическому определению Гамперца, КП представляет собой «юкстапозицию в рамках одного речевого обмена пассажей речи, принадлежащих двум различным грамматическим системам». Данное понимание КП поддерживается и в работах Поплак, которая определяет КП как «чередование двух языков в пределах одного дискурса, предложения или составляющего компонента» [1].

Отечественные исследователи предлагают иные трактовки данного феномена. Так, КП определяется как «переход говорящего в процессе речевого общения с одного языка (диалекта, стиля) на другой в зависимости от условий коммуникации» (по Л.П. Крысину). В ряде работ подчеркивается коммуникативно-функциональный аспект КП, рассматривая его как «стратегию выбора кода в зависимости от коммуникативной ситуации» (по В.В. Виноградову) [1].

Англо-хинди кодовое переключение распределяется между предметными зонами медиаречи, английские budget, policy обозначают институциональные понятия, app, update – цифровые объекты, операции, хиндиязычные josh, shaadi – оценку, культурно обусловленные значения.

Структурно-прагматическое исследование англо-хинди КП описало типы переходов, интеграцию, функциональное распределение. Диахронический анализ болливудских диалогов выявил увеличение англоязычного компонента, изменение соотношения одиночных вставок с клаузальными альтернациями [2]. В телевизионном политическом обсуждении переключения связаны с цитированием, переформулированием, усилением высказывания [3]. Лексическое продолжение этих исследований предполагает сопоставление тематических распределений, их изменений во времени.

Цель исследования состоит в определении семантической структуры англо-хинди КП в индийских медиатекстах 2020–2025 гг., направлений ее изменения, связи частоты леммы со степенью интеграции. Частотность рассматривается как признак закрепления лексемы на континууме между ситуативной вставкой, регулярно воспроизводимой смешанной конструкцией, заимствованием [4].

Корпус включает 1 000 завершенных медиасегментов, 400 письменных, 350 устных аудиовизуальных, 250 цифровых либо интерактивных. Единицей количественного анализа служит токен КП, отдельное употребление переключаемого элемента. Общий массив составляет 1 874 токена, повторные появления леммы учитываются самостоятельно. Число сегментов характеризует состав корпуса, токенные доли – распределение лексического материала.

Контекстная классификация относит к техническому полю экономические, правовые, научные термины budget, policy, precedent, audit. Цифровое поле объединяет названия программ, интерфейсов, сервисных операций app, update, UPI, OTP. Эмоционально-оценочную группу образуют josh, timepass, toxic, cringe, политический сленг представлен narrative, toolkit, fringe, godi-media. Культурные реалии включают shaadi, puja, prasad, didi, урбанизмы – metro, flyover, parking,

delivery. Самостоятельный учет цифрового поля служит задаче проследить изменение лексики платформ, электронных сервисов.

Языковая принадлежность учитывается отдельно от семантического поля, хинди josh обозначает воодушевление, shaadi – свадьбу, didi – старшую сестру либо обращение. Английское delivery относится к городской сервисной повседневности, app – к цифровому объекту. Разделение признаков сохраняет двунаправленность языкового контакта.

Опубликованная трехуровневая шкала [1, с. 140] относит к полной интеграции устойчивое включение элемента в грамматику принимающего языка, к частичной – включение с сохранением отдельных исходных характеристик, к нулевой – автономное употребление. Шкала служит инструментом сопоставления каналов, полей. Межэкспертная согласованность разметки степени морфосинтаксической интеграции составляет к = 0,84. Связь с частотой оценена коэффициентом Спирмена для лемм с $n \geq 15$.

Временное сопоставление выполнено по 1 216 токенам с надежной датировкой. Для каждого периода рассчитана доля поля во внутригодовом объеме КП, данные 2025 г. ограничены первым полугодием, обозначенным 2025H1. Проверка устойчивости направления изменений включает сравнение невзвешенных средних годовых долей за 2020–2021 гг., 2022–2024 гг., рассмотрение последовательности значений внутри 2022–2024 гг.

Семантическая структура переключений

Технические термины образуют крупнейшую группу, 412 токенов, или 22% массива. Цифровая лексика насчитывает 338 токенов, эмоционально-оценочная – 337, доля каждой группы округляется до 18%. На культурные реалии приходится 300 употреблений, на политический сленг – 262, на урбанизмы – 225. Общее распределение, канальные доли представлены в таблице 1.

Таблица 1. Семантические поля в общем массиве, распределение по каналам, %

Поле	Всего	Письм.	Устн.	Цифр.
Технические термины	22	27	19	20
Цифровая лексика	18	21	17	23
Эмоц.-оценочная лексика	18	13	22	20
Культурные реалии	16	15	18	14
Политический сленг	14	12	17	14
Урбанизмы	12	12	7	9

Примечание. Всего 1 874 токена КП. Письм. – письменный, устн. – устный, цифр. – цифровой канал. Доли рассчитаны внутри канала.

Техническое, цифровое поля совокупно охватывают 40% токенов, английские единицы обозначают институциональные понятия, сервисные объекты, операции. Эмоционально-оценочная группа с долей 18% характеризует использование КП для передачи отношения, экспрессии.

Письменный канал характеризуется долей технических терминов 27%, цифровых единиц 21%. В устных материалах эмоционально-оценочная группа достигает 22%, культурные реалии – 18%, политический сленг – 17%. Цифровые форматы выделяются долей платформенной лексики 23%, эмоционально-оценочных единиц 20%. Эти распределения конкретизируют предметные зоны переключения для каждого способа подачи сообщения.

Частота леммы, степень интеграции

Для лемм с $n \geq 15$ корреляция частоты со степенью интеграции составляет $\rho = 0{,}41$ при $p < 0{,}001$, более частотные единицы обнаруживают более устойчивое включение в принимающую грамматику. Коэффициент характеризует умеренную связь, частота учитывается вместе с сочетаемостью, синтаксической позицией, повторяемостью модели. Причинная интерпретация требует исследования последовательности освоения лексем.

Ряд app, update, budget, policy, UPI представляет стойкое закрепление в корпусной разметке, narrative, toolkit – частичную интеграцию, fringe, cringe – нулевую. Распределение проходит через границы полей, цифровое server, техническое precedent сохраняют частичную интеграцию, эмоционально-оценочное timepass демонстрирует устойчивое освоение. Семантическая принадлежность задает сферу употребления, интеграция уточняет способ грамматического включения.

Модель матричного языка описывает распределение грамматической опоры смешанного высказывания [5], в сочетаниях policy par, budget ke baad, app se английское именное ядро получает хинди-постпозиционное оформление, в update dena, download karna основа входит в комплекс с хиндиязычным глаголом. Грамматическая связь закрепляет лексему в повторяемой модели.

В письменном канале полная интеграция достигает 58%, частичная составляет 28%, нулевая – 14%. Устный канал имеет распределение 44, 31, 25%, цифровой – 47, 33, 20% соответственно. Разница долей полной интеграции между письменными, устными материалами равна 14 процентным пунктам. Устная выборка сохраняет больше автономных, частично встроенных элементов в цитатах, формулах, употреблениях с варьирующим управлением.

В письменном канале полностью интегрированы 64% технических терминов, 61% цифровых единиц, 49% эмоционально-оценочной лексики. В устном канале соответствующие доли составляют 47, 46, 41%, в цифровом – 52, 58, 45%. Максимальная доля полной интеграции цифровых единиц приходится на письменные материалы, максимальная доля самого поля – на цифровые форматы. Представленность группы, освоение ее элементов характеризуют разные стороны контакта.

Связь частоты с интеграцией согласуется с описанием перехода к устойчивому совмещению языковых ресурсов через закрепление структурных регулярностей [6]. Корпусные признаки освоения определяют положение единицы на континууме КП, заимствования, историческая последовательность перехода требует лемматизированных временных рядов.

Диахроническая динамика семантических полей

С 2020 г. по 2025H1 доля цифровой лексики возрастает на 9 процентных пунктов, с 14 до 23%, культурных реалий сокращается на 7 пунктов, с 19 до 12%, урбанизмов – на 7 пунктов, с 17 до 10%. Годовые распределения представлены в таблице 2.

Таблица 2. Доли семантических полей во внутригодовом объеме КП, %

Поле	2020	2021	2022	2023	2024	2025H1
Цифровая лексика	14	16	17	20	22	23
Технические термины	21	22	23	22	22	21
Политический сленг	12	15	14	13	15	16
Эмоц.-оценочная лексика	17	18	17	18	19	18
Культурные реалии	19	16	16	15	13	12
Урбанизмы	17	13	13	12	9	10

Примечание. Подвыборка – 1 216 датированных токенов. 2025H1 – первое полугодие 2025 г.

Технические термины сохраняются в диапазоне 21–23%, эмоционально-оценочная лексика – 17–19%. Политический сленг меняется в пределах 12–16% с промежуточными колебаниями. Устойчивое перераспределение приходится на цифровое поле, культурные реалии, урбанизмы.

Сравнение невзвешенных средних за 2020–2021 гг., 2022–2024 гг. дает для цифровой лексики 15,0%, 19,7%, культурных реалий – 17,5%, 14,7%, урбанизмов – 15,0%, 11,3%. Средние вычислены по годовым процентам с равным весом каждого года. Полученные значения характеризуют различие периодов, их точность определяется округлением исходных долей.

Внутри периода 2022–2024 гг. цифровая лексика проходит последовательность 17–20–22%, культурные реалии – 16–15–13%, урбанизмы – 13–12–9%. Исключение 2020–2021 гг. сохраняет направление трех траекторий. Проверка поддерживает устойчивость наблюдаемого сдвига к выбору начального периода, дальнейшее отделение пандемийного воздействия требует учета годовых объемов, жанрового состава, распределения каналов.

Снижение доли культурного, городского полей характеризует их место среди зарегистрированных токенов КП. Оценка абсолютной частоты этих групп требует учета общего объема медиатекстов, числа переключений за каждый год. Долевые ряды описывают изменение тематического состава смешанной лексики.

Рост доли цифровых номинаций согласуется с расширением платформенной тематики медиакоммуникации, в описании Hinglish медиасреда, технологические практики рассматриваются как условия распространения смешанного лексического репертуара [7]. Корпусное сопоставление конкретизирует эту связь через увеличение представленности цифровых объектов, операций при стабильной доле технических терминов.

Границы интерпретации определяются токенным составом корпуса, датировкой 1 216 употреблений, охватом первого полугодия 2025 г. Проверка траекторий имеет описательный характер, корреляция характеризует связь признаков в отобранном наборе лемм. Оценка вклада частоты предполагает контроль канала, поля, жанра, размера лемматического ряда.

В корпусе растет доля цифровой лексики, снижаются доли культурных реалий, урбанизмов, направления изменений сохраняются после исключения 2020–2021 гг. Частота умеренно связана с интеграцией, письменный канал характеризуется наибольшей долей полного освоения. Семантические поля могут стать параметром дальнейшего сопоставления лексики со стратегиями информирования, убеждения, мобилизации, самопрезентации.

Список литературы

1. Коростелева В. И. Структурно-прагматические особенности кодового переключения английский-хинди в англоязычных медиатекстах Индии // Современный ученый. 2025. № 7. С. 135–145. URL https://journals.rcsi.science/2541-8459/article/view/371295 (дата обращения 01.10.2026).
2. Si A. A diachronic investigation of Hindi–English code-switching, using Bollywood film scripts // International Journal of Bilingualism. 2011. Vol. 15, no. 4. P. 388–407. DOI 10.1177/1367006910379300.

3. Thomas S. Code-switching in spoken Indian English. A case study of sociopolitical talk // Journal of Contemporary Philology. 2021. Vol. 4, no. 1. P. 7–40. DOI 10.37834/JCP2141007t.
4. Bali K., Sharma J., Choudhury M., Vyas Y. "I am borrowing ya mixing?" An Analysis of English-Hindi Code Mixing in Facebook // Proceedings of the First Workshop on Computational Approaches to Code Switching. Doha, Qatar, 2014. P. 116–126. DOI 10.3115/v1/W14-3914.
5. Myers-Scotton C. Duelling Languages. Grammatical Structure in Codeswitching. Oxford, Clarendon Press, 1993. DOI 10.1093/oso/9780198240594.001.0001.
6. Auer P. From codeswitching via language mixing to fused lects. Toward a dynamic typology of bilingual speech // International Journal of Bilingualism. 1999. Vol. 3, no. 4. P. 309–332. DOI 10.1177/13670069990030040101.
7. Nema N., Chawla J. K. The Dialectics of Hinglish. A Perspective // Applied Linguistics Papers. 2018. Vol. 25, no. 2. P. 37–51. DOI 10.32612/uw.25449354.2018.2.pp.37-51.

Дата публикации 30.10.2026

УДК 81'367.335

Лысоконь А.С., Ванько Т.Р. Типы придаточных предложений в англоязычном спортивном интернет-дискурсе: гендерный аспект

Лысоконь Алёна Сергеевна
выпускник факультета английского языка, Московский государственный лингвистический университет, РФ, г. Москва
lysokon2000@mail.ru

Ванько Татьяна Ростиславовна
канд. филол. наук, доцент кафедры грамматики и истории английского языка Московский государственный лингвистический университет, РФ, г. Москва

Types of Subordinate Clauses in English-Language Sports Online Discourse: A Gender Perspective

Lysokon Alyona Sergeevna
Graduate of the Faculty of English, Moscow State Linguistic University, Russia, Moscow

Vanko Tatiana Rostislavovna
Cand. Sci. (Philology), Associate Professor of the Department of English Grammar and the History of the English Language, Moscow State Linguistic University, Russia, Moscow

Аннотация. Статья посвящена комплексному исследованию типов придаточных предложений в спортивном интернет-дискурсе. Особое внимание уделено гендерному аспекту: выясняется, какие типы придаточных (номинативные, адъективные, адвербиальные) преобладают в текстах мужчин и женщин. Материалом послужили спортивные статьи с ведущих англоязычных платформ. В статье выяснены особенности синтаксической организации текстов: установлено, что обстоятельственные придаточные являются наиболее частотными у обоих полов, однако мужчины тяготеют к номинативным конструкциям, а женщины — к адъективным, что отражает разные коммуникативные стратегии.

Ключевые слова: спортивный интернет-дискурс, синтаксис, типы придаточных предложений, гендерная лингвистика, коммуникативные стратегии.

Abstract. The article is devoted to a comprehensive study of the types of subordinate clauses in sports online discourse. Much attention is given to the gender aspect: it is revealed which types of subordinate clauses (noun, adjective, adverbial) prevail in male- and female-authored texts. The material comprises sports articles from leading English-language platforms. The article clarifies the features of the syntactic organisation of texts: it is established that adverbial clauses are the most frequent in both groups, while male authors tend to use noun clauses and female authors prefer adjective clauses, which reflects different communicative strategies.

Keywords: sports online discourse, syntax, types of subordinate clauses, gender linguistics, communicative strategies.

Вводная часть

Спортивный интернет-дискурс представляет собой динамично развивающуюся сферу медиакоммуникации, в которой синтаксические структуры выполняют ключевую роль в передаче информации и создании эмоциональной оценки событий. В условиях цифровизации спортивной журналистики особую актуальность приобретает вопрос о том, как авторы конструируют сложные синтаксические целые и какие типы придаточных предложений они используют для достижения своих коммуникативных целей.

Актуальность данного исследования обусловлена тем, что, несмотря на активное изучение спортивного дискурса в целом, его синтаксический профиль, особенно в аспекте типов придаточных предложений, остается недостаточно исследованным. Как отмечает В.А. Раджина, спортивный дискурс обладает высокой степенью экспрессивности, однако в профессиональной журналистике эта экспрессивность реализуется не столько через восклицания, сколько через синтаксическую плотность и сложность конструкций [1, с. 100]. Классификация типов придаточных предложений в данной работе опирается на фундаментальный труд по грамматике английского языка под редакцией В.Л. Каушанской, где подробно описаны структурные и функциональные особенности сложноподчинённого предложения [2, с. 336–350].

Научная новизна работы заключается в применении гендерного подхода к анализу типов придаточных предложений. Традиционно считается, что мужской стиль письма более фактологичен и лаконичен, а женский — более детализирован и эмоционален. Однако до сих пор остается невыясненным, находит ли этот стереотип отражение на уровне выбора конкретных типов придаточных (номинативных, адъективных или адвербиальных) в таком строго регламентированном жанре, как спортивная интернет-журналистика.

Целью настоящего исследования является выявление сходств и различий в использовании типов придаточных предложений авторами-мужчинами и авторами-женщинами в англоязычном спортивном интернет-дискурсе, а также определение их функций.

Для достижения поставленной цели в работе решаются следующие задачи: во-первых, устанавливается частотность номинативных, адъективных и адвербиальных придаточных в текстах обоих полов; во-вторых, анализируется, для чего авторы используют те или иные конструкции; в-третьих, выявляются гендерные различия в синтаксических стратегиях.

Теоретическая значимость работы состоит в углублении представлений о синтаксической организации интернет-дискурса и вкладе в гендерную лингвистику. Практическая значимость определяется возможностью использования полученных данных в курсах по грамматике английского языка, стилистике и медиалингвистике.

Данные о методике исследования

Материалом настоящего исследования послужили 10 англоязычных статей спортивной тематики, опубликованных на четырёх интернет-платформах: BBC Sport, HITC, Talksport и Last Word On Sports. Выбор данных источников обусловлен их репрезентативностью для разных типов спортивной медиакоммуникации. BBC Sport представляет институциональный формат, характеризующийся стандартизацией, жанровой дифференциацией и строгим соблюдением редакционных норм. В свою очередь, HITC, Talksport и Last Word On Sports относятся к неинституциональному или гибридному формату, для которого характерна большая авторская свобода. Подобное сочетание источников позволяет проследить, как гендерный фактор проявляется в текстах разной степени формальности.

Для обеспечения сопоставимости данных выборка была сформирована следующим образом: по пять статей, написанных мужчинами, и пять статей, написанных женщинами. Авторство определялось на основе указания имени журналиста в публикации. Все статьи относятся к жанру спортивного репортажа или аналитической заметки, посвящённой событиям из мира тенниса, баскетбола, гимнастики и фигурного катания. Средний объём текстов составляет около 550–590 слов, что соответствует формату короткой новостной статьи.

Методологической основой для классификации придаточных предложений послужил фундаментальный труд по грамматике английского языка под редакцией В.Л. Каушанской [2]. В соответствии с данной классификацией все придаточные предложения были разделены на три группы:

1. **номинативные** (subject, predicative, object clauses) — выполняющие функцию подлежащего, предикатива или дополнения;
2. **адъективные** (attributive clauses) — выполняющие функцию определения;
3. **адвербиальные** (adverbial clauses) — выполняющие функцию обстоятельства (времени, причины, условия, уступки и др.).

Следует отметить, что в работе параллельно используются как калькированные термины (номинативные, адъективные, адвербиальные), так и традиционные русскоязычные функциональные аналоги (придаточные

определительные, обстоятельственные; придаточные времени, условия, причины и т. д.). Данные терминологические пары рассматриваются в исследовании как синонимичные и используются для удобства описания в зависимости от контекста.

Дополнительно внутри группы адвербиальных придаточных был проведён более детальный анализ, поскольку именно они, согласно предварительным наблюдениям, составляют наиболее многочисленную группу в спортивном дискурсе. Это связано с событийной и хронологической природой спортивной журналистики, где автору важно не только сообщить о событии, но и указать время, причину и условия его протекания [1, с. 100].

Методика анализа включала несколько этапов. На первом этапе из каждой статьи методом сплошной выборки были выделены все сложноподчинённые предложения. На втором этапе каждое придаточное было классифицировано по типу (номинативное, адъективное, адвербиальное) и, при необходимости, по более узкому подтипу (например, придаточное времени, причины, условия). На третьем этапе был проведён количественный подсчёт частотности каждого типа придаточных в текстах мужчин и женщин, а также вычислено их процентное соотношение. На четвёртом этапе результаты были сопоставлены для выявления сходств и различий в синтаксических стратегиях авторов.

Таким образом, выбранная методика позволяет не только описать формальные характеристики придаточных предложений, но и интерпретировать их в контексте гендерных особенностей спортивного интернет-дискурса, что соответствует современным тенденциям медиалингвистики.

Экспериментальная часть, анализ, обобщение и разъяснение собственных данных

На первом этапе анализа была установлена общая частотность типов придаточных предложений в текстах мужчин и женщин. Результаты количественного подсчёта представлены в таблице 1.

Таблица 1. Типы придаточных предложений в текстах мужчин и женщин (в %)

Тип придаточного	Мужчины	Женщины
Номинативные	25,45%	19,05%
Адъективные	23,64%	30,16%
Адвербиальные	50,91%	50,79%

Как видно из таблицы 1, в обоих случаях доминируют **адвербиальные придаточные** (50,91% у мужчин и 50,79% у женщин). Разница между показателями

составляет всего 0,12%, что свидетельствует об устойчивой жанровой тенденции: спортивная журналистика ориентирована на событие, поэтому автору важно не только сообщить о результате, но и указать время, причину или условие его протекания. Как отмечает В.А. Раджина, экспрессивность и информативность спортивного дискурса реализуются через синтаксическую плотность и хронологическую последовательность [1, с. 100].

Внутри группы адвербиальных придаточных наибольшую частотность демонстрируют **придаточные времени** (50% у мужчин и 61,11% у женщин). Это объясняется хронологической природой спортивного репортажа, где важно выстроить последовательность событий. Например, в статье «Italy Stun USA to Retain Billie Jean King Cup Title» придаточное времени помогает автору связать текущий успех спортсменки с её прошлыми достижениями: *«For Paolini, 2025 has not brought the same level of success as 2024, when she reached two Grand Slam singles finals and won Olympic doubles gold»* [3].

Различия между мужчинами и женщинами наблюдаются в использовании номинативных и адъективных придаточных. Мужчины чаще используют **номинативные придаточные** (25,45% против 19,05%), что связано с передачей чужих высказываний, аналитикой и цитированием экспертов. Например, в статье «Suns' Rebuild Defended…» автор использует номинативное придаточное для передачи мнения инсайдера: *«Stein explained that it was a perfect storm, with Phoenix wanting to move on from Durant…»* [4]. Это позволяет журналисту не просто констатировать факт, но и интерпретировать его через призму экспертного мнения.

Женщины, напротив, чаще прибегают к **адъективным придаточным** (30,16% против 23,64%), которые служат для уточнения характеристик участников событий и добавления деталей. Например, в статье «Jake Jarman wins world floor gold in GB one-two» адъективное придаточное позволяет автору кратко сообщить о предыдущих достижениях спортсмена: *«Jake Jarman, who won Olympic floor bronze at Paris 2024, took to the podium five times at last year's British Championships…»* [5]. Такая конструкция делает текст более связным и информационно насыщенным, не перегружая его отдельными предложениями.

Отдельного внимания заслуживает анализ **адвербиальных придаточных условия и уступки**, которые встречаются реже, но выполняют важную функцию в спортивном дискурсе. У мужчин придаточные условия составляют 10,71%, у женщин — 11,11%. Они используются для моделирования гипотетических сценариев и прогнозирования. Например, в статье «Italy Stun USA…» придаточное условия вводит

гипотетическую ситуацию, связанную с мотивацией команды: *«If the U.S.A. team needed any motivation to end their barren run in the competition..., then they had it from the stands where Billie Jean King... was seated in excitement and anticipation»* [3]. Женщины используют придаточные уступки (13,89%) для создания контраста или эффекта неожиданности, что добавляет тексту драматизма. Например: *«While it may be too early to judge the teams, Stein kept emphasizing that he still doesn't know anyone who believes the Suns didn't lose the trade»* [4].

Таким образом, экспериментальная часть исследования показала, что, несмотря на общую жанровую доминанту адвербиальных придаточных, мужчины и женщины используют разные синтаксические стратегии: мужчины тяготеют к номинативным конструкциям для передачи аналитики и цитирования, а женщины — к адъективным для детализации и создания более связного нарратива.

Выводы

Проведённое исследование позволило выявить как общие жанровые тенденции, так и гендерно обусловленные различия в использовании типов придаточных предложений в англоязычном спортивном интернет-дискурсе.

Было установлено, что независимо от пола автора в текстах доминируют **адвербиальные придаточные** (около 50% в обеих группах). Это объясняется событийной и хронологической природой спортивной журналистики, где автору важно указать время, причину и условия протекания события. Наибольшая частотность придаточных времени (50% у мужчин и 61,11% у женщин) подтверждает ориентацию жанра на последовательное изложение фактов.

Вместе с тем были выявлены **различия в синтаксических стратегиях**. Мужчины чаще используют номинативные придаточные (25,45% против 19,05%), что связано с передачей чужих высказываний, цитированием экспертов и аналитикой. Женщины, напротив, отдают предпочтение адъективным придаточным (30,16% против 23,64%), которые служат для уточнения характеристик участников и добавления деталей. Это позволяет сделать вывод, что женские тексты в большей степени ориентированы на детализацию и создание связного нарратива, тогда как мужские — на оперативную передачу фактов и экспертных оценок.

Следует отметить, что полученные данные следует рассматривать как предварительные. Небольшой объём выборки (10 статей) позволяет выявить общие тенденции, однако для подтверждения статистической значимости выявленных различий, в частности минимальной разницы в частотности адвербиальных

придаточных (0,12%), необходимо расширение эмпирической базы и проведение анализа на более масштабном массиве текстов.

Таким образом, цель исследования достигнута: выявлены сходства и различия в использовании типов придаточных предложений авторами-мужчинами и авторами-женщинами. Полученные данные могут быть использованы в курсах по грамматике английского языка, стилистике и медиалингвистике, а также при дальнейшем изучении гендерных особенностей спортивного дискурса.

Список литературы

1. Раджина, В. А. The language peculiarities of sport discourse in the national world picture: cognitive and pragmatic approaches / В. А. Раджина // Гуманитарные и социальные науки. – 2016. – № 2. – С. 98–104.
2. Абросимова, Л. С. Jargon in sport discourse: formation and functioning / Л. С. Абросимова, М. А. Богданова // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. – 2015. – № 4. – С. 12–17.
3. Кандрашкина, О. О. Лингвостилистические особенности англоязычного спортивного интернет-дискурса (на материале репортажей по регби) / О. О. Кандрашкина, А. Г. Писарева // Верхневолжский филологический вестник. – 2024. – № 2 (37). – С. 199–212.

Список источников

4. Каушанская, В. Л. Грамматика английского языка = A Grammar of the English Language : пособие / В. Л. Каушанская [и др.] ; под ред. Е. В. Ивановой. – 5-е изд., испр. и доп. – Москва : Айрис-пресс, 2008. – 381 с.
5. Anderson, J. Paolini helps Italy defend BJK Cup title against US / J. Anderson // BBC Sport. – 21.09.2025. – URL: https://www.bbc.com/sport/tennis/articles/c04qqvkpdllo (date of access: 20.10.2025).
6. Salley, E. Jarman wins world floor gold in GB one-two / E. Salley // BBC Sport. – 24.10.2025. – URL: https://www.bbc.com/sport/gymnastics/articles/c1m3eye1kpxo (date of access: 20.10.2025).
7. Ahmed, N. Italy Stun USA to Retain Billie Jean King Cup Title / N. Ahmed // Last Word On Sports. – 21.09.2025. – URL: https://lastwordonsports.com/tennis/2025/09/21/italy-stun-usa-billie-jean-king-cup-title/ (date of access: 20.10.2025).
8. Savage, J. Suns' Rebuild Defended After 'Desperate' Kevin Durant Trade But Devin Booker Warned of Long Road Back / J. Savage // Talksport. – 02.11.2025. – URL: https://talksport.com/basketball/3696574/devin-booker-kevin-durant-phoenix-suns-houston-rockets-trade/ (date of access: 20.10.2025).
9. Stafford, K. Jessica Gadirova to return with twin Jennifer set for same surgery / K. Stafford // BBC Sport. – 21.03.2025. – URL: https://www.bbc.com/sport/gymnastics/articles/c74kgxkwyn1o (date of access: 20.10.2025).

Дата публикации 31.10.2026

УДК 81'37:004.9

Нурмухаммедова Г., Сейитгулыева О. Диахронические изменения в семантике лексических единиц: опыт корпусного анализа русских и германских языков

Нурмухаммедова Гулалек
Преподаватель, Туркменский национальный институт мировых языков имени Довлетмаммета Азади, Ашхабад, Туркменистан

Сейитгулыева Огулгерек
Студент, Туркменский национальный институт мировых языков имени Довлетмаммета Азади, Ашхабад, Туркменистан

Diachronic Changes in the Semantics of Lexical Units: An Experience of Corpus Analysis of Russian and Germanic Languages

Nurmuhammedova Gulalek
Lecturer, Dovletmammet Azadi Turkmen National Institute of World Languages Ashgabat, Turkmenistan

Seyitgulyyeva Ogulgerek
Student, Dovletmammet Azadi Turkmen National Institute of World Languages Ashgabat, Turkmenistan

Аннотация. В статье представлены результаты сопоставительного корпусного исследования диахронических изменений в семантике лексических единиц. Актуальность работы определяется необходимостью выявления общих закономерностей и национально-специфических черт семантической эволюции в условиях возрастающего интереса к исторической корпусной лингвистике. Цель исследования — на основе анализа репрезентативных корпусов выявить типы семантических сдвигов и факторы, их обусловливающие. Методологическую основу составили методы корпусной диахронической семантики. Эмпирическую базу составили Национальный корпус русского языка, Google Books Ngram Viewer для английского, немецкого и французского языков, а также специализированные корпусы McGillivray et al. В результате установлено, что для русского языка характерны интенсивные процессы метафоризации и расширения значений под влиянием культурно-исторического контекста (на примере прилагательного «красный»), тогда как для германских языков более типичны сужение значений и терминологизация (на примере заимствований экономической терминологии). Привлечение французского материала позволяет проследить общеевропейскую динамику термина «solidarité» и обосновать специфику его адаптации в русском языке.

Ключевые слова: диахроническая семантика, корпусный анализ, семантические изменения, русский язык, германские языки, лексическая семантика, историческая корпусная лингвистика.

Abstract. The article presents the results of a comparative corpus-based study of diachronic changes in the semantics of lexical units. The relevance of the work is determined by the need to identify general patterns and nationally specific features of semantic evolution amidst growing interest in historical corpus linguistics. The aim of the study is to identify types of semantic shifts and their underlying factors based on an analysis of representative corpora. The methodological framework comprises methods of corpus-based diachronic semantics. The empirical base consists of the Russian National Corpus, Google Books Ngram Viewer for English, German, and French, as well as specialized corpora by McGillivray et al. As a result, it was established that the Russian language is characterized by intensive processes of metaphorization and semantic widening under the influence of the cultural-historical context (exemplified by the adjective "red"), whereas for Germanic languages, semantic narrowing and terminologization are more typical (exemplified by borrowings of economic terminology). The involvement of French material allows tracing the pan-European dynamics of the term "solidarité" and substantiating the specifics of its adaptation in the Russian language.

Keywords: diachronic semantics, corpus analysis, semantic change, Russian language, Germanic languages, lexical semantics, historical corpus linguistics.

Введение

Диахроническая семантика изучает закономерности изменения значений слов во времени. В последние десятилетия благодаря развитию корпусных технологий исследования в этой области вышли на новый уровень: стало возможным количественно оценивать частотность употреблений, анализировать сочетаемость и выявлять семантические сдвиги на основе объективных данных. Существующие работы демонстрируют продуктивность такого подхода на разном материале: от анализа диахронической семантики цветообозначений в русских поэтических текстах [1, с. 107–124] до сопоставительного изучения устойчивых сравнений в разноструктурных языках [2, с. 208–219]. Исследования на материале африканских языков (например, кластера языков киконго) также подтверждают универсальность механизмов диахронических семантических сдвигов [3, с. 297–340].

Особый интерес представляет сравнение материалов русского, германских и романских языков, поскольку они демонстрируют как общие типологические черты, так и существенные различия, обусловленные культурно-историческим развитием и интенсивностью языковых контактов. Актуальность работы определяется потребностью в кросс-лингвистических исследованиях, способных выявить универсальные и идиосинкратические модели семантических изменений. Как отмечается в литературе, диахронический анализ семантики требует сочетания количественных и качественных процедур, учитывающих контекстуальные факторы, а также разработки специальных аннотационных фреймворков [4, с. 47–105].

Научная новизна исследования состоит в проведении сопоставительного корпусного анализа семантических изменений на основе единой методики. В отличие от работ, где акцент делается на одном языке, данное исследование предлагает кросс-лингвистический ракурс. Цель статьи — выявить и сравнить типы диахронических семантических изменений. Для достижения цели решаются задачи: (1) описать методику корпусного анализа; (2) проанализировать семантическую эволюцию лексических единиц; (3) сопоставить данные; (4) выявить факторы различий.

Исследование опирается на комплекс корпусных методов, апробированных в диахронической семантике. На первом этапе были отобраны лексические единицы. Для русского языка в качестве основного объекта выбрано прилагательное «красный». Для германских языков проанализирована группа заимствованных экономических терминов германского и романского происхождения, адаптированных в русском языке [5, с. 209–217]. Кроме того, для сопоставления привлекается материал французского языка (лексема «solidarité»), что позволяет проследить эволюцию термина «солидарность» в общеевропейском контексте [6].

На втором этапе использовались следующие корпусы: Национальный корпус русского языка, Google Books Ngram Viewer для английского, немецкого и французского языков, а также специализированный корпус для латинской диахронической семантики [4]. Методология анализа опиралась на таксономию дискурсивных типов [7, с. 20–35] и подходы к критическому анализу дискурса через призму корпусных данных [8, с. 351–373]. Применялся метод извлечения коллокаций с последующей семантической классификацией [9, с. 138–154]. Семантическая просодия оценивалась через анализ коннотаций в контекстах употребления. Частотность и плотность семантического соседства учитывались как когнитивные факторы, влияющие на лексический доступ [10, с. 157–183]. Кластерный анализ использовался для группировки контекстов по семантическим признакам [11, с. 445–454].

На третьем этапе проводилось сравнение полученных результатов. Выделялись типы семантических сдвигов: расширение значения, сужение значения, метафоризация, метонимический сдвиг, аксиологическая переоценка.

Анализ русского материала показал, что прилагательное «красный» демонстрирует классический пример расширения значения с последующей аксиологической переоценкой. В древнерусских текстах «красный» употреблялось преимущественно в значении «красивый, прекрасный» (ср. «красна девица»). Однако начиная с XVII–XVIII вв. под влиянием культурно-исторических процессов

происходит сдвиг в сторону цветового значения. Корпусный анализ поэтических текстов показывает, что в XIX веке доля цветового употребления возрастает до 65%, а к XX веку становится доминирующей (около 90%) [1, с. 115]. При этом сохраняются реликты оценочного значения в устойчивых сочетаниях («красный угол», «красная цена»). Таким образом, наблюдается расширение значения с вытеснением исходной семантики на периферию.

Для германских и романских языков характерна иная динамика. Анализ лексем «solidarity» / «solidarité» / «солидарность» показал, что в английском и французском языках семантика этих слов претерпела сужение: от общего значения «взаимная ответственность» к более конкретному социально-политическому смыслу. В русском языке «солидарность» была заимствована в XIX веке и также прошла путь сужения, однако сохранила более выраженную эмоционально-оценочную окраску [6]. Корпусные данные свидетельствуют, что в английском языке частотность «solidarity» в политическом дискурсе возросла во второй половине XX века, тогда как в бытовом дискурсе остаётся низкой. В немецком языке аналогичный процесс привёл к закреплению термина в социологической терминологии.

Сопоставительный анализ заимствованных экономических терминов германского и романского происхождения в русском языке выявил, что семантическая адаптация проходит через этапы фонетической, морфологической и семантической ассимиляции, причём семантические сдвиги часто связаны с метонимией и метафоризацией [5]. Например, термин «брокер» (из английского) в русском языке сузил значение до профессионального посредника на бирже, тогда как в английском «broker» может обозначать и посредника в широком смысле. Это подтверждает гипотезу о том, что при заимствовании происходит сужение семантики.

Кластерный анализ контекстов употребления русских лексем показал, что семантические изменения часто коррелируют с изменением сочетаемости. Так, для «красного» в цветовом значении типична сочетаемость с конкретными объектами (красный флаг, красное платье), тогда как в оценочном значении — с абстрактными и эмоционально окрашенными (красная девица, красное словцо). В германских и романских языках аналогичный анализ выявил сдвиг в сторону абстрактной сочетаемости при сужении значений [4].

Выявлены и различия. Для русского языка более характерны аксиологические сдвиги и расширение значений под влиянием культурных факторов. Для германских языков типичнее сужение и терминологизация. Это может объясняться различиями в языковой политике, культурных традициях и интенсивности языковых контактов.

Таким образом, проведённое корпусное исследование позволило выявить и сопоставить диахронические семантические изменения. Корпусные методы являются эффективным инструментом для количественной верификации гипотез. В русском языке преобладают процессы расширения значения и аксиологической переоценки (пример «красный»). В германских языках более выражены процессы сужения значения и терминологизации. Сопоставительный анализ позволяет выявить как универсальные механизмы семантических сдвигов (метафоризация, метонимия), так и идиосинкратические черты. Результаты могут быть использованы в лексикографии и практике перевода. Ограничения исследования связаны с ограниченным набором лексем. Дальнейшие исследования могут быть направлены на расширение материала и разработку автоматических методов идентификации семантических сдвигов.

Список литературы

1. Масевич, А. Ц. Диахронический аспект семантики прилагательного красный в русских поэтических текстах: корпусное исследование / А. Ц. Масевич, В. П. Захаров // Труды института русского языка им. В.В. Виноградова. 2022. № 2. С. 107–124. — DOI 10.31912/pvrli-2022.2.7.
2. Чжан Личэн. Устойчивые сравнения русского и китайского языков: диахронический и сопоставительный анализ / Чжан Личэн, Вэй Сяо // Вопросы истории. 2022. № 8-2. С. 208–219. DOI 10.31166/VoprosyIstorii202208Statyi49.
3. Dom, S. The diachronic semantics of the Dissociative Past Completive construction in the Kikongo Language Cluster (Bantu) / S. Dom, G. M. De Schryver, K. Bostoen // Folia Linguistica. — 2018. — Vol. 39, No. 2. — P. 297–340. — DOI 10.1515/flih-2018-0011.
4. McGillivray, B. A new corpus annotation framework for Latin diachronic lexical semantics / B. McGillivray, D. Kondakova, A. Burman [et al.] // Journal of Latin Linguistics. 2022. Vol. 21, No. 1. P. 47–105. — DOI 10.1515/joll-2022-2007.
5. Брагина, Э. Р. Сопоставительный анализ поэтапного процесса семантической адаптации заимствованных терминов экономики с идентичной количественно-структурной характеристикой в русском языке из языков-доноров италийской и германской языковых групп (на примере английского и латинского языков) / Э. Р. Брагина // Современное педагогическое образование. 2025. № 2. С. 209–217.
6. Нагаева, К. Э. Сопоставительно-диахронический анализ семантики слов solidarité и солидарность / К. Э. Нагаева // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2024. Т. 15, № 4.
7. Biber, D. Towards a taxonomy of conversational discourse types: An empirical corpus-based analysis / D. Biber, J. Egbert, D. Keller, S. Wizner // Journal of Pragmatics. — 2021. Vol. 171. P. 20–35. DOI 10.1016/j.pragma.2020.09.018.
8. Brookes, G. Correlation, collocation and cohesion: A corpus-based critical analysis of violent jihadist discourse / G. Brookes, T. McEnery // Discourse and Society. — 2020. Vol. 31, No. 4. P. 351–373. DOI 10.1177/0957926520903528.

9. Dong, J. Promoting discipline-specific genre competence with corpus-based genre analysis activities / J. Dong, X. Lu // English for Specific Purposes. 2020. Vol. 58. P. 138–154. DOI 10.1016/j.esp.2020.01.005.
10. Hendrix, P. A word or two about nonwords: Frequency, semantic neighborhood density, and orthography-to-semantics consistency effects for nonwords in the lexical decision task / P. Hendrix, Ch. Ch. Sun // Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition. 2021. Vol. 47, No. 1. P. 157–183. DOI 10.1037/xlm0000819.
11. Песина, С. А. Использование кластерного подхода к описанию семантики слова для формирования лексической компетенции студентов-бакалавров лингвистического направления / С. А. Песина, О. Л. Зимарева, Ю. Л. Вторушина // Перспективы науки и образования. 2019. № 1(37). С. 445–454. DOI 10.32744/pse.2019.1.33.

Дата публикации 18.10.2026

УДК 81’37

Шашкова В.Н. Специфика передачи средствами английского языка реалий деятельности Госавтоинспекции: номинативный аспект

Шашкова Валентина Николаевна
канд. филол. наук, доцент, профессор кафедры иностранных и русского языков
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, Россия, г. Орёл
valentina.shash@mail.ru

Specifics of rendering the realities of State Traffic Inspectorate operations in English: the nominative aspect

Shashkova Valentina Nikolaevna
Cand. Sci. (Philology), associate professor, professor of the Chair of foreign and Russian languages, Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V.V. Lukyanov, Russia, Orel

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению типов и механизмов номинации в единицах на английском языке, отражающих специфику деятельности сотрудников Госавтоинспекции. На материале 378 номинативных единиц, отобранных методом сплошной выборки из переводов нормативных актов, а также учебно-научных изданий, с использованием функционально-ролевого принципа выделены четыре лексико-семантические группы: актанты, транспортные средства и инфраструктура, процессуальные документы, а также глаголы и глагольные группы со значением фиксации правонарушений. Установлено, что преобладающими типами номинации являются функциональный и институциональный, а самым частотными механизмами номинации являются уточнение сигнификативного значения и метонимия.

Ключевые слова: номинация, типы номинации, механизмы номинации, семантическое поле, номинативная единица, референт, функционально-ролевой принцип, лексико-семантические группы, лексико-семантический вариант.

Abstract. The article examines nomination types and nomination mechanisms in lexical units in English reflecting the specifics of the professional activities of the State Traffic Inspectorate employees. Based on the material of 378 nominative units selected by the method of continuous sampling from normative legal acts, academic and scientific texts and using the functional role principle four lexical semantic groups are identified: agents, vehicles and infrastructure, procedural documents and verbs of recording offences. It is established that the dominant types of nomination are institutional and functional ones, the most frequent mechanisms of nomination are specification of significative meaning and metonymy.

Key words: nomination, nomination types, nomination mechanisms, semantic field, nominative item, referent, functional role principle, lexical semantic groups, lexical semantic variant.

Профессиональный подъязык сотрудников Госавтоинспекции – это постоянно развивающаяся терминологическая система, в которой процессы номинации играют ключевую роль в формировании точного понятийного аппарата, что особенно важно при переводе наших реалий, относящихся к деятельности Госавтоинспекции, на английский язык.

Анализ лингвистической литературы позволяет выделить несколько теоретических направлений, образующих современную базу для исследования номинативных процессов в рамках специализированных подъязыков. Так, традиционный подход основан на разграничении прямой и косвенной номинации [1, с. 243; 2, с. 259]. Этот подход, уходящий корнями в классическую номинативную дериватологию, остаётся фундаментом для изучения и понимания механизмов номинации.

Признаковый подход к классификации номинативных процессов основан на использовании четырёх категориальных характеристик номинации: структурной, физической, функциональной и психоэмоциональной [3, с. 29]. Этот подход усложняется за счёт создания многоуровневых систем признаковых противопоставлений, в которых языковые механизмы противопоставлены речевым, прямые – косвенным, элементные – событийным [4, с. 15]. Такая комплексная система, требующая одновременного учёта всех признаков, позволяет описывать систему номинации с точки зрения динамики номинативных процессов и регулярных сочетаний типов и механизмов номинации.

Моделирование семантического поля – это направление исследований, восходящих к работам Й. Трира [5] и Л. Вайсбергера [6], и получившее развитие в отечественной лингвистике в работах А. А. Уфимцевой [7], Е. С. Кубряковой [8], Ю. Н. Караулова [9], рассматривает номинацию компонентов поля как часть упорядоченной системы. Это позволяет структурировать номинативные средства, обслуживающие профессиональную сферу общения, в соответствии с «функционально-ролевым принципом» [10, с. 138].

Принимая во внимание основные направления исследований в области ономастики и теории номинации, мы обратились к рассмотрению вопроса о специфике номинации в профессиональном подъязыке сотрудников Госавтоинспекции. Мы опираемся на проведённое ранее исследование типов и механизмов номинации в сфере оперативно-розыскной деятельности сотрудников полиции и в качестве шаблона используем выявленные пять типов номинации: «агентивную номинацию, ориентированную на субъект, объективную номинацию,

связанную с объектом воздействия, дескриптивную (признаковую), функциональную, основанную на роли системе отношений и институциональную, фиксирующую языковые обозначения в рамках общественных и правовых институтов» [11, с. 155].

На основе функционально-ролевого подхода массив англоязычных номинативных средств, используемых для номинации референтов в сфере дорожного движения и дорожного надзора, был классифицирован на 4 ёмкие лексико-грамматические группы.

Первая лексико-семантическая группа представлена номинативными средствами, используемыми для обозначения актантов в сфере деятельности Госавтоинспекции. Эта группа включает и сотрудников Госавтоинспекции, и нарушителей правил дорожного движения (далее – ПДД). Например: комплексная номинативная единица *a traffic inspector* (сотрудник Госавтоинспекции) реализует два типа номинации: агентивный и институциональный. Агентивная номинация указывает на наименование деятеля. Институциональная номинация отражает тот факт, что референт является представителем государственного института исполнительной власти и реализует функции, закреплённые за сотрудником Госавтоинспекции.

Номинативная единица *at-fault driver* (водитель, ставший причиной дорожно-транспортного происшествия (далее – ДТП)) также совмещает два типа номинации: агентивный и дескриптивный. Агентивная номинация используется для наименования деятеля. Ядром комплексной номинативной единицы является существительное *driver*, которое обозначает лицо по роду деятельности. Дескриптивная номинация описывает деятеля через его признаки и характеристики. В анализируемом примере средством выражения дескриптивной номинации выступает определение в виде предложной именной группы – *at-fault* (виновный, признанный ответственным (за ДТП)).

Как видно из рассматриваемых примеров, понятие агентивной номинации трактуется достаточно широко. В исследуемом семантическом поле основным актантом является сотрудник Госавтоинспекции, но и водитель, нарушивший ПДД, – это актант. Его действия носят противоправный характер и служат основанием для административного правонарушения. Разумеется, в рамках административного процесса правонарушитель может рассматриваться в качестве объекта воздействия со стороны правоохранительных органов, однако это не отменяет его статуса актанта. Таким образом, агентивная номинация в рассматриваемой лексико-семантической

группе охватывает не только сотрудников Госавтоинспекции, но и водителей-правонарушителей.

В обоих примерах в основу номинации положен такой механизм, как уточнение сигнификативного значения лексемы за счёт введения дополнительных лексем в состав комплексной номинативной единицы.

Вторая лексико-грамматическая группа представлена наименованиями транспортных средств и дорожной инфраструктуры в качестве объектов деятельности сотрудника Госавтоинспекции. Одним из наиболее частотных терминологических сочетаний в составе рассматриваемой группы является комплексная номинативная единица *an impounded vehicle* (эвакуированное транспортное средство). Основной тип номинации – объектный, референтно указывающий на автомобиль. При этом объект называется через функцию сотрудников Госавтоинспекции: автомобиль находится под арестом государства по распоряжению уполномоченного должностного лица. В этой связи сопутствующим типом номинации в этом случае является функциональная номинация. Механизм номинации тот же – уточнение сигнификативного значения. Добавление причастия II *impounded* к ядерной лексеме *vehicle* указывает на изменение правового статуса объекта, сужая его значение от любого транспортного средства до автомобиля, подвергнутого процессуальной мере.

Ещё один пример терминологического сочетания в этой группе – *skid marks* (следы торможения, тормозной путь). В этом терминосочетании сочетаются объектная номинация и дескриптивная номинация, которые реализуются посредством такого механизма номинации, как метонимия. Результат торможения называет само действие и его последствия. В сочетании *point of impact* (точка удара), входящем в ту же лексико-грамматическую группу, но в подгруппу, связанную с характеристиками объекта, механизм номинации иной. Здесь актуализируется сужение значения. Лексема *impact* в общеязыковом смысле обозначает любое столкновение, но в составе устойчивого сочетания *point of impact*, обладающего высокой степенью идиоматичности, происходит сужение до строго определённого криминалистического термина, обозначающего место первичного контакта транспортных средств.

Третья лексико-семантическая группа сформирована номинативными средствами, называющими документы и информацию как объекты деятельности. Эта лексико-семантическая группа характеризуется регулярной актуализацией институциональной номинации, так как документы и данные строго регламентированы законом. Внутри группы по семантическому критерию можно

выделить несколько подгрупп. Так, в подгруппе, содержащей наименования процессуальных документов, ярким примером является такое сочетание, как *traffic citation* (протокол об административном правонарушении), в котором актуализируется сочетание институционального и функционального типов номинации. Институциональный тип номинации проявляется в том, что термин закрепляет за референтом статус официального юридического документа. Функциональный тип отражает прагматическое назначение документа – официальное извещение правонарушителя о привлечении к административной ответственности. Реализация этих типов номинации осуществляется посредством двух механизмов. Во-первых, это уточнение сигнификативного значения лексемы *citation* (извещение, повестка) посредством введения дополнительной лексемы *traffic* (дорожное движение), которая конкретизирует сферу применения. Во-вторых, имеет место сужение лексического значения: общеупотребительная лексема *citation* сужается до лексико-семантического варианта, обозначающего официальный документ, фиксирующий нарушение ПДД.

Ещё одним примером, входящим в подгруппу, организованную по признаку фиксации правонарушения, является комплексная номинативная единица *a field sobriety test* (тест на трезвость, проводимый непосредственно на месте происшествия). Типами номинации, актуализированными в данном примере, являются функциональный и дескриптивный. Функциональный тип проявляется в том, что термин описывает результат действия через его прямое назначение – установление состояния водителя для дальнейшего задержания и обеспечения медицинского освидетельствования. Дескриптивный тип проявляется в номинации признаков действия, а именно: в указании на место и условия (field), а также на предмет проверки – состояние трезвости (sobriety). Механизмами номинации, задействованными при формировании терминологического сочетания, являются уточнение сигнификативного значения ядерной лексемы за счёт расширения номинативной единицы и включения в её состав определений *field* и *sobriety*, а также метонимия в самой ядерной лексеме, представленная переносом с процесса освидетельствования водителя на результат этого процесса. При этом метонимический перенос актуализирован в составе комплексной номинативной единицы дважды. Лексема *field* выражает метонимический перенос с места проведения процедуры, которым обычно выступает обочина дороги, на условия её проведения: процедура проходит вне лабораторных условий и в стрессовой для водителя обстановке.

Последняя лексико-семантическая группа представлена глаголами и глагольными сочетаниями со значениями фиксации правонарушения: to determine (выяснять, определять), the ascertain (устанавливать), to uncover (выявлять). В профессиональной речи все эти глаголы реализуют закреплённые валентностные роли, то есть перерастают в глагольные фразы: *to determine the speed by the skid marks* (рассчитать скорость по тормозному пути), *to determine the cause of the accident* (установить причину ДТП), *to ascertain the sequence of events* (установить последовательность событий), *to ascertain if brakes failed* (установить, отказали ли тормоза). В случае комплексных номинативных единиц типично актуализируется объектная номинация, указывающая то, на что направлены действия сотрудника Госавтоинспекции. Кроме того, если в состав терминологического сочетания добавляется комплексная номинативная единица, внутри может актуализироваться и дескриптивная номинация, как в случае с сочетанием *skid marks*, или функциональная номинация, как в случае с подчинённым придаточным *if brakes failed*. Добавление лексем в состав комплексной номинативной единицы неизбежно связано с расширением задействованных типов номинации.

Статистический анализ осуществлялся на отобранных 387 единицах, сформировавших корпус для исследования. Анализ выявил преобладание институциональной номинации (41 %) и функциональной номинации (40,2 %), что объясняется процессуальным характером административного дискурса в сфере деятельности сотрудников Госавтоинспекции, а также приоритетом, отдаваемым корректной реализации функциональных ролей сотрудниками при работе на месте ДТП. В отношении механизмов номинации, статистический анализ выявил абсолютное доминирование уточнения сигнификативного значения (71,2 %), а также относительно высокий показатель для метонимии (18, 6%) как основных механизмов номинации.

Перспективы своего исследования мы видим в расширении номенклатуры номинативных средств, с одной стороны, а с другой стороны, в выявлении закреплённых за дискурсом корреляций типов номинации, механизмов номинации, а также возможных регулярных сочетаний типов с механизмами.

Список литературы

1. Гак В. Г. К типологии лингвистических номинаций // Языковая номинация. Общие вопросы / под ред. д-ра филол. наук А.А. Уфимцевой. М.: Наука, 1977. С. 230–293.
2. Рябко О. П. Теоретические принципы прямой и косвенной дериватологической номинации // Гуманитарные и социальные науки. 2018. № 6. С. 258–264.
3. Евсеева И. В., Пономарёва Е. А. Механизмы номинации дериватов в лексико-словообразовательном гнезде: признаковый подход // Человек и язык в коммуникативном пространстве: сборник научных статей. 2016. Т. 7, № 7. С. 27–34.
4. Пэн Ю. Механизм номинации и её особенности // Современные гуманитарные исследования. 2021. № 1 (98). С. 15–19.
5. Trier J. Der deutsche Wortschatz im Sinnbezirk des Verstandes: Die Geschichte eines sprachlichen Feldes. Bd. 1. Heidelberg : Carl Winter, 1931. 312 S.
6. Weisgerber L. Die Muttersprache in der Geistesbildung. Heidelberg : Quelle & Meyer, 1929. 198 S.
7. Уфимцева А. А. Слово в лексико-семантической системе языка. М. : Наука, 1974. 280 с.
8. Кубрякова Е. С. Язык и механизмы сознания: исследования по когнитивной лингвистике. М.: Школа «Языки русской культуры», 2004. 320 с.
9. Караулов Ю. Н. Структура лексико-семантического поля // Филологические науки. 1972. № 1. С. 57–68.
10. Шашкова В.Н. Лексический компонент оформления статей, посвященных обыску и выемке (на материале уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и Федеральных правил уголовного судопроизводства Соединенных Штатов Америки) // Гуманитарные и социальные науки. 2022. Т. 90, № 1. С. 137–143
11. Шашкова В. Н. Типы и механизмы номинации в единицах лексико-семантической группы «объекты оперативно-розыскной деятельности» // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2026. № 3 (113). С. 152–162.

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ, ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Дата публикации 07.10.2026

УДК 811.161.1'367.62

Агалиева А.Н., Бабаева М.С., Сатылова Б., Бабакулов Ю. Способы выражения отрицания в русском и туркменском языках: лексико-морфемный и синтаксический аспекты

Агалиева Амантач Нургельдыевна
Преподаватель кафедры русского языка, Туркменский национальный институт мировых языков им. Довлетмаммета Азади

Бабаева Махым Сердаровна
Преподаватель кафедры русского языка, Туркменский национальный институт мировых языков им. Довлетмаммета Азади

Сатылова Бибихаджар
Студент, Туркменский национальный институт мировых языков им. Довлетмаммета Азади

Бабакулов Юсуп
Студент, Туркменский национальный институт мировых языков им. Довлетмаммета Азади
gutlyewbayram7@gmail.com

Expression of negation in Russian and Turkmen: lexico-morphemic and syntactic aspects

Agaliyeva Amantach Nurgeldyevna
Lecturer, Department of the Russian Language
Dovletmammet Azadi Turkmen National Institute of World Languages

Babayeva Makhym Serdarovna
Lecturer, Department of the Russian Language
Dovletmammet Azadi Turkmen National Institute of World Languages

Satylova Bibikhadjar
Student, Dovletmammet Azadi Turkmen National Institute of World Languages

Babakulov Yusup
Student, Dovletmammet Azadi Turkmen National Institute of World Languages

Аннотация. Статья посвящена сопоставительному исследованию способов выражения категории отрицания в русском и туркменском языках. Особое внимание уделяется отрицательным частицам, отрицательным аффиксам, отрицательным местоимениям и наречиям, лексическим средствам отрицания, а также конструкциям с отрицательными предикатами. В статье предлагается функционально-

сопоставительная модель анализа отрицания, учитывающая не только формальный показатель отрицательности, но и его позицию, область действия, семантический тип и синтаксическую функцию.

Ключевые слова: отрицание, категория отрицания, русский язык, туркменский язык, отрицательная частица, аффикс, отрицательный предикат, синтаксис, сопоставительное языкознание, лексико-морфемные средства, отрицательное предложение.

Abstract. The article is devoted to a comparative study of the ways to express the category of negation in the Russian and Turkmen languages. Special attention is paid to negative particles, negative affixes, negative pronouns and adverbs, lexical means of negation, as well as constructions with negative predicates. The paper proposes a functional-comparative model for the analysis of negation, which takes into account not only the formal indicator of negativity, but also its position, scope, semantic type, and syntactic function.

Keywords: negation, category of negation, Russian language, Turkmen language, negative particle, affix, negative predicate, syntax, comparative linguistics, lexico-morphemic means, negative sentence.

Введение

Отрицание относится к числу фундаментальных категорий человеческого языка. Оно связано с выражением отсутствия действия, признака, предмета, состояния или факта. Посредством отрицания говорящий сообщает, что определённая ситуация не имеет места, не соответствует действительности или отвергается в конкретном коммуникативном контексте. Несмотря на универсальность семантической основы отрицания, способы его грамматического выражения существенно различаются в разных языках. [1] Сопоставление русского и туркменского языков в этом отношении представляет особый научный интерес, поскольку данные языки принадлежат к различным типологическим системам. Русский язык относится к славянской группе индоевропейской языковой семьи и характеризуется развитой флективной морфологией. Туркменский язык относится к огузской группе тюркских языков и обладает преимущественно агглютинативным строем. Это различие непосредственно отражается на структуре отрицательных конструкций. В русском языке отрицание часто выражается самостоятельными служебными словами, прежде всего частицей не, тогда как в туркменском языке значительная роль принадлежит аффиксальному оформлению глагольной основы. Вместе с тем оба языка используют лексические, морфологические и синтаксические средства для выражения отрицательного содержания. Их сопоставление позволяет выявить как универсальные свойства категории отрицания, так и национально-специфические особенности её языкового оформления.

Лексико-морфемные средства выражения отрицания в русском и туркменском языках

Отрицание является одной из наиболее устойчивых категорий естественного языка. Его основное семантическое содержание заключается в установлении несоответствия между высказываемой ситуацией и действительностью либо между ожидаемым и фактическим положением дел. В грамматической системе языка отрицание может распространяться на предикативную основу всего предложения или на отдельный его компонент. В зависимости от области действия отрицание способно менять смысл высказывания, не изменяя при этом его формальной структуры. Именно поэтому анализ отрицания требует учёта не только морфологического показателя, но и семантики всей конструкции.

В русском языке наиболее универсальным средством выражения отрицания является частица ***не***. Она употребляется преимущественно при глагольных формах, но может сочетаться и с другими частями речи. Например, в предложении «Он не пришёл» частица не непосредственно отрицает действие, выраженное глаголом пришёл. В предложении «Это не новый дом» отрицание относится уже к именной характеристике предмета. В конструкции «Он не врач» отрицанию подвергается именная часть сказуемого. Таким образом, одна и та же частица способна функционировать в разных синтаксических структурах.

Туркменский язык выражает аналогичное отрицательное значение иными грамматическими средствами. При отрицании действия основную роль играет отрицательный аффикс глагола. Например, положительной форме ***gelýär*** «приходит» соответствует отрицательная форма ***gelmeýär*** «не приходит». В данном случае отрицание не оформляется отдельным самостоятельным словом, а включается непосредственно в морфологическую структуру глагола. Это принципиальное типологическое отличие от русского языка.

Сопоставление этих двух моделей позволяет увидеть различие между аналитическим и синтетическим способом выражения отрицания. Русское не представляет собой самостоятельную служебную единицу, хотя тесно связанную с предикатом. Туркменский отрицательный аффикс является частью словоформы. Следовательно, отрицательное значение в туркменском языке в значительной части случаев выражается внутри глагольной морфологии.

В туркменском языке отрицательный аффикс ***-ma/-me*** присоединяется к глагольной основе с учётом фонетических закономерностей гармонии гласных [2, с. 52]. Например, bar- «идти» образует отрицательную форму barma- «не идти», а gel-

«приходить» – gelme- «не приходить». В форме настоящего времени barmaýar означает «не идёт», а gelmeýär – «не приходит». Морфемный анализ показывает, что отрицательное значение встроено в структуру предиката.

В русском языке аналогичная семантика реализуется конструкцией «не идёт», «не приходит». Частица не сохраняет самостоятельность и не становится частью глагольной основы. При этом графическое оформление отрицания также имеет значение. В большинстве случаев с глаголами не пишется раздельно: не идёт, не приходит, не работает. Это правило отражает морфологическую самостоятельность частицы.

Различие проявляется и в образовании отрицательных форм прошедшего времени. Русский язык использует сочетание не с формой прошедшего времени: «не пришёл», «не пришла», «не пришли». Туркменский язык сохраняет отрицательный аффикс внутри глагольной формы: ***gelmedi*** означает «не пришёл», «не пришла» или «не пришли» в зависимости от контекста и формы лица. Таким образом, отрицание включается в морфологическую структуру сказуемого.

В туркменском языке форма ***gelmedi*** может быть морфемно представлена как основа gel- + отрицательный элемент -me- + показатель прошедшего времени и лица. В русском языке структура «не пришёл» имеет иной характер: отрицательная частица + глагольная форма. Это различие демонстрирует разные способы грамматикализации отрицания.

Однако отрицание не ограничивается глагольной сферой. В обоих языках существуют средства отрицания предметов, признаков, обстоятельственных характеристик и других компонентов высказывания. В русском языке важнейшую роль здесь играют отрицательные местоимения и наречия. К ним относятся никто, ничто, никакой, ничей, нигде, никогда, никуда, ниоткуда. Эти единицы формируются с помощью отрицательных элементов ***ни-*** и ***не-.*** Например, в предложении «Никто не пришёл» отрицание представлено двумя формальными элементами. Местоимение никто содержит отрицательный компонент ни-, а сказуемое не пришёл имеет частицу не. Такая конструкция является характерным примером русского отрицательного предложения. В туркменском языке соответствующее значение может выражаться сочетанием отрицательного местоимения и отрицательного предиката. Например, Hiç kim gelmedi означает «Никто не пришёл». Здесь hiç kim соответствует русскому «никто», а отрицательность предиката выражается формой gelmedi. Таким образом, туркменский язык также допускает совместное выражение отрицания в нескольких компонентах конструкции.

Рассмотрим временное отрицание. Русское «Он никогда не опаздывает» соответствует туркменскому ***Ol hiç haçan gijä galmaýar***. В русском предложении отрицательное наречие никогда взаимодействует с частицей ***не.*** В туркменском предложении компонент ***hiç haçan*** обозначает отсутствие времени, в котором происходит действие, а глагол ***galmaýar*** содержит отрицательный аффикс.

Таким образом, русское предложение строится по модели «отрицательное наречие + не + глагол», тогда как туркменское – по модели «отрицательное обстоятельственное сочетание + отрицательный глагол». В обоих случаях отрицание является комплексным. Его нельзя свести к одному элементу.

Особое внимание необходимо уделить лексическим средствам. Отрицание может выражаться не только грамматическими показателями, но и самостоятельными словами со значением отсутствия, невозможности или отказа. В русском языке к ним относятся слова нет, отсутствие, отказ, отрицание, невозможно, нельзя, без и другие единицы.

Туркменский язык также располагает соответствующими лексическими средствами. Особую роль играет слово ***ýok,*** которое выражает отсутствие или несуществование. Например, ***Kitap ýok*** означает ***«Книги нет».*** В русском языке конструкция ***«Книги нет»*** также содержит специальный отрицательный предикативный компонент нет.

Сопоставление ***ýok*** и русского нет особенно важно, поскольку оба слова могут выполнять предикативную функцию. Они выражают отсутствие предмета, лица или явления. При этом их синтаксическое поведение имеет собственную специфику.

Например, русское «У меня нет книги» строится с формой родительного падежа объекта отрицания. Туркменское ***Mende kitap ýok*** буквально соответствует структуре «У меня книга отсутствует». Здесь mende выражает значение принадлежности или локативного отношения, kitap обозначает предмет, а ***ýok*** – отсутствие. Таким образом, различия проявляются не только в отрицательном слове, но и в организации всей конструкции.

В туркменском языке также существуют словообразовательные средства, значение которых не сводится к грамматическому отрицанию. Это подтверждает необходимость различать отрицание как грамматическую категорию и отрицательную семантику в широком смысле. Категория отрицания может взаимодействовать с лексическим значением слова. Например, слова безлюдный, бесполезный, бездомный содержат семантику отсутствия, но не являются отрицательными предложениями. В туркменском языке аналогичные значения

могут передаваться с помощью конструкций с ***-syz/-siz.*** Например, ***öýsüz*** означает «бездомный», ***suwsuz*** – «без воды», ***duzsuz*** – «без соли». Данный аффикс выражает отсутствие определённого предмета или признака. Сопоставление русского без- и туркменского ***-syz/-siz*** представляет интерес с точки зрения лексико-морфемного отрицания. Оба средства могут формировать слова со значением отсутствия, однако их морфологическая организация различна. Русский язык использует преимущественно приставочное средство ***без-/бес-,*** а туркменский – суффиксальный показатель ***-syz/-siz.*** Таким образом, отрицательная семантика располагается в разных позициях слова. Например, «без воды» и ***suwsuz*** не являются полными структурными эквивалентами, поскольку русская единица является сочетанием предлога и существительного, а туркменская – производным прилагательным.

Глагольное отрицание и отрицательные предикаты в русском и туркменском языках

Глагольное отрицание занимает центральное место в системе отрицательной предикации русского и туркменского языков. Именно глагол чаще всего является носителем сообщения о действии, состоянии, процессе или отношении, которое говорящий отрицает. Поэтому различия в способах отрицательного оформления глагола непосредственно отражают структурные особенности сопоставляемых языков. Русский и туркменский языки располагают достаточно развитой системой глагольного отрицания, однако механизм его образования в них существенно различается. В русском языке отрицание глагольного действия обычно выражается посредством самостоятельной частицы не, которая располагается перед личной формой глагола. В туркменском языке отрицание глагола преимущественно выражается специальным аффиксом, включённым в морфемную структуру сказуемого. Это различие сохраняется при выражении времени, лица, числа и ряда модальных значений. Вместе с тем функционирование отрицания нельзя рассматривать исключительно как механическое присоединение отрицательного показателя. Отрицательная форма изменяет коммуникативную направленность высказывания, взаимодействует с лексическим значением глагола и может влиять на интерпретацию временных и модальных отношений.

В русском языке базовая модель отрицательного глагольного сказуемого имеет структуру «не + глагол». Например, «Я читаю» превращается в «Я не читаю», «он работает» – в «он не работает», «они приехали» – в «они не приехали». Формально глагольная форма сохраняет свои грамматические показатели, а отрицательная

частица добавляется перед ней. В туркменском языке соответствующие формы образуются преимущественно посредством отрицательного аффикса. Так, ***men okaýaryn*** означает «я читаю», тогда как ***men okamaýaryn*** означает «я не читаю». В данном случае отрицательный компонент -ma- является частью глагольной формы. Следовательно, в русском языке отрицание оформляется внешне по отношению к глагольной словоформе, а в туркменском – внутри неё.

Данное различие особенно хорошо видно при сопоставлении настоящего времени. Русское «Я работаю» содержит глагольную форму работаю, а «Я не работаю» представляет собой сочетание не и той же формы. Туркменское ***Men işleýärin*** соответствует положительной форме «Я работаю», а ***Men işlemeýärin*** – отрицательной форме «Я не работаю». В туркменском варианте отрицательный показатель непосредственно включён в глагол. Таким образом, отрицание становится частью морфологического оформления предиката.

Сопоставление форм показывает, что русская глагольная пара «работаю – не работаю» является противопоставлением одной глагольной формы и конструкции с частицей. Туркменская пара ***işleýärin – işlemeýärin*** представляет противопоставление двух морфологически оформленных словоформ. Это обстоятельство важно учитывать при описании категории отрицания в двух языках.

В русском языке частица ***не*** не изменяется в зависимости от лица или числа. В предложениях «я не читаю», «ты не читаешь», «он не читает», «мы не читаем», «вы не читаете», «они не читают» отрицательный показатель остаётся неизменным. Грамматические значения лица и числа выражаются глагольной формой. В туркменском языке отрицательный аффикс также не является самостоятельным изменяемым словом, но включается в словоформу, после чего к глагольной основе присоединяются соответствующие грамматические показатели. Поэтому морфемная структура туркменского отрицательного глагола оказывается более сложной.

Рассмотрим формы gelýärin «я прихожу», gelýärsiň «ты приходишь», gelýär, «он приходит», gelýäris «мы приходим». Отрицательные соответствия имеют формы ***gelmeýärin, gelmeýärsiň, gelmeýär, gelmeýäris***. Во всех случаях отрицательный компонент сохраняет своё положение перед временно-личными показателями. В русском языке соответствующие формы имеют вид «не прихожу», «не приходишь», «не приходит», «не приходим». Таким образом, сопоставление демонстрирует различие между аффиксальной и аналитической организацией.

Глагольное отрицание тесно связано с категорией времени. Отрицательное значение может относиться к настоящему, прошедшему или будущему действию. В

русском языке изменение времени осуществляется внутри глагольной формы, а частица не сохраняет свою позицию. Например, «не читает», «не читал», «не будет читать». В туркменском языке отрицательный показатель входит в разные временные формы. Поэтому формы типа ***okamaýar, okamady, okamaz*** и другие отличаются не только временным значением, но и способом морфемного оформления.

Таким образом, при переводе русского отрицательного будущего времени на туркменский язык необходимо учитывать различия в строении аналитической и синтетической конструкций. Нельзя автоматически переносить русскую последовательность слов в туркменскую систему.

Важным является различие между отрицанием существования и отрицанием действия. В русском языке «Он не работает» и «Его нет на работе» являются разными конструкциями. Первая отрицает действие, вторая сообщает об отсутствии человека в определённом месте. Туркменский язык аналогично различает ***Ol işlemeýär*** и конструкции с ***ýok***. Таким образом, отрицательный глагол и отрицательный предикат ***ýok*** не являются взаимозаменяемыми. Предикатив ***нет*** в русском языке обладает особыми синтаксическими свойствами. Он выражает отсутствие предмета, лица или явления. Например, ***«В комнате нет людей».*** В туркменском языке соответствующая конструкция может строиться с ýok***: Otagda adam ýok.*** Здесь otagda означает «в комнате», adam – «человек», а ýok – «нет, отсутствует». Сопоставление этих предложений показывает структурное сходство. В обоих языках имеется локативный компонент, обозначение отсутствующего объекта и отрицательный предикатив. Однако грамматическая организация компонентов различается. Русское нет требует родительного падежа: «нет человека», «нет книги», «нет времени». Туркменское ýok не требует прямого аналога родительного падежа в той же функции. Например, kitap ýok означает «книги нет». Это одно из важных различий в управлении. [6, с. 212]

Поэтому русскоязычный учащийся туркменского языка может ошибочно переносить модель родительного падежа на туркменскую конструкцию. Туркменоязычный учащийся русского языка, напротив, может использовать именительный падеж после нет, поскольку в туркменском соответствующая модель устроена иначе. Сопоставительное описание позволяет заранее прогнозировать подобные интерференционные ошибки.

Отрицание может сопровождаться словами степени и усиления. В русском языке используются выражения ***совсем не, вовсе не, далеко не, отнюдь не***. Например, «Он вовсе не слабый человек». Здесь отрицание признака усиливается

дополнительными средствами. Туркменский язык также располагает усилительными конструкциями, которые уточняют степень отрицания. В результате отрицательная предикация может выражать не просто отсутствие признака, а категорическое его отрицание. Это особенно важно в научном, публицистическом и художественном стилях. В научной речи отрицание часто используется для разграничения понятий. Например, «Данное явление не является исключением». В такой конструкции отрицание входит в логическую аргументацию. Туркменский научный стиль также использует конструкции с ***däl*** и отрицательными глагольными формами для выражения несоответствия определению. В научном тексте отрицание может выполнять функцию корректировки гипотезы. Высказывание «Полученные данные не подтверждают исходное предположение» не означает отсутствия данных. Оно означает, что данные не подтверждают определённую гипотезу. Туркменский перевод должен сохранить именно эту область отрицания.

Таким образом, при переводе отрицания необходимо различать отрицание факта, отрицание признака, отрицание возможности и отрицание отношения.

В результате анализа глагольного отрицания можно сделать вывод о наличии двух основных моделей. Первая модель характерна для русского языка и основана на присоединении самостоятельной частицы к предикату. Вторая характерна для туркменского языка и основана на включении отрицательного аффикса в структуру глагольной формы. При этом обе модели взаимодействуют с временными, модальными и синтаксическими категориями.

Синтаксические особенности отрицания в русском и туркменском языках

Синтаксический уровень представляет особый интерес для сопоставительного изучения категории отрицания в русском и туркменском языках. Если на морфологическом уровне основное различие определяется способом оформления отрицательного значения, то на синтаксическом уровне необходимо учитывать структуру всего предложения, положение отрицательного компонента, его область действия, взаимодействие с другими членами предложения и особенности смысловой организации высказывания. Отрицание в предложении редко существует изолированно, поскольку оно вступает в отношения с подлежащим, сказуемым, дополнением, обстоятельством, определением и другими компонентами. Кроме того, синтаксическая организация отрицательного предложения зависит от коммуникативной ситуации и от того, какой именно компонент подвергается отрицанию. Русский и туркменский языки обладают общими функциональными

принципами отрицания, однако реализуют их различными структурными средствами.

Одним из наиболее характерных явлений русского языка является отрицательное согласование. Под этим явлением понимается такое устройство предложения, при котором несколько отрицательных элементов совместно формируют одно общее отрицательное значение. Например, в предложении «Никто ничего не сказал» отрицательные местоимения никто и ничего сочетаются с отрицательной частицей не. Формально в предложении присутствует несколько отрицательных показателей, однако смысл не становится положительным. Напротив, все компоненты усиливают общее отрицательное содержание.

Туркменский язык также допускает подобные конструкции. Например, предложение ***Hiç kim hiç zat aýtmady*** может передавать значение «Никто ничего не сказал». Здесь hiç kim означает «никто», hiç zat – «ничего», а aýtmady – «не сказал». Как и в русском языке, несколько отрицательных компонентов образуют единую отрицательную ситуацию. Это обстоятельство принципиально важно для сопоставительного анализа. В логической интерпретации двойное отрицание может приводить к утверждению, однако в естественном языке два отрицательных элемента далеко не всегда взаимно уничтожаются. В русском и туркменском языках они могут находиться в отношениях отрицательного согласования. Поэтому буквальная логическая трактовка подобных конструкций способна привести к неправильному пониманию высказывания.

Особенно показательны конструкции с отрицательными местоимениями. В русском языке существуют местоимения никто, ничто, никакой, ничей, нисколько и другие единицы с отрицательной семантикой. Они могут выполнять функции подлежащего, дополнения, определения или обстоятельства. Например, «Никто не пришёл», «Я ничего не знаю», «Он ни с кем не разговаривал», «У него нет никакого желания спорить». [3, с. 40] Туркменский язык располагает соответствующими средствами отрицательной семантики, среди которых значительную роль играют конструкции с ***hiç***. Например, ***hiç kim*** соответствует «никто», ***hiç zat*** – «ничто» или «ничего», а конструкции с ***hiç haçan*** передают значение «никогда».

В русском предложении «Никто не пришёл» местоимение никто занимает позицию подлежащего, а отрицательное сказуемое не пришёл обеспечивает грамматическое оформление отрицания. В туркменском предложении Hiç kim gelmedi местоимение hiç kim также является субъектом ситуации, тогда как отрицание действия выражено формой gelmedi. [4, с. 104]

Таким образом, в обеих языковых системах отрицательное местоимение и отрицательный предикат взаимодействуют между собой.

Отдельного внимания заслуживает отрицательная частица ***ни***. В русском языке она может выполнять функцию усиления отрицания. Например, «Он не сказал ни слова», «Я не видел ни одного человека», «Она не сделала ни шага». Частица ни сама по себе обычно не формирует самостоятельного отрицательного сказуемого. Её функция раскрывается в сочетании с отрицательной конструкцией. В туркменском языке аналогичные значения передаются посредством конструкций с ***hiç***, отрицательными количественными словами и другими средствами. Например, значение «Он не сказал ни слова» может передаваться конструкцией Ol hiç bir söz aýtmady. Здесь отсутствие объекта действия выражается посредством ***hiç bir,*** а отрицание действия – глагольной формой. Следовательно, русское сочетание ни + существительное и туркменское hiç bir + существительное выполняют сходную функциональную задачу, хотя морфологически устроены различно. **[5, с. 19]**

Особенно сложным для изучающих русский язык является различие между конструкциями с ***не*** и ***ни***. Сравним «Он не пришёл» и «Он не пришёл ни разу». В первом предложении отрицание относится непосредственно к действию. Во втором ни разу усиливает отрицание и указывает на отсутствие единого случая осуществления действия.

Туркменский язык также способен передавать подобное значение, но для этого используются соответствующие отрицательные наречные или местоименные конструкции вместе с отрицательной формой глагола. Русское «никогда не» и туркменское ***hiç haçan … -ma-*** образуют функционально близкие модели. Например, «Он никогда не забывает» можно передать как ***Ol hiç haçan ýatdan çykarmaýar***. Здесь hiç haçan выражает отсутствие любого момента, а отрицательная глагольная форма выражает отсутствие действия.

Интересно, что отрицание в подобных конструкциях становится распределённым. Оно формально представлено несколькими компонентами, но смысловое единство предложения сохраняется.

На основании проведённого анализа можно предложить принцип «семантического ядра отрицания». Согласно этому принципу, при сопоставлении необходимо сначала определить, что именно отрицается: действие, состояние, наличие, признак, возможность, необходимость, количество, субъект или объект. После этого выбирается грамматическое средство другого языка.

Если отрицается действие, русскому не + глагол обычно соответствует туркменская отрицательная форма глагола. Если отрицается именная характеристика, русскому не + существительное/прилагательное часто соответствует конструкция с däl. Если отрицается наличие, русскому нет соответствует ýok. Если выражается запрет, необходимо учитывать модальные средства, а не только формальное отрицание.

Именно такая функциональная классификация может рассматриваться как одно из методических новшеств сопоставительного исследования. Она позволяет отказаться от механического сопоставления отдельных слов и перейти к анализу структурных моделей. Практическая ценность данного подхода заключается в возможности использовать его при обучении переводу. Студент сначала определяет семантическую функцию отрицания, затем устанавливает тип предикативной конструкции и только после этого выбирает средство другого языка. Например, при переводе предложения «У него нет времени» необходимо определить, что речь идёт не об отрицании действия иметь, а об отсутствии объекта. Следовательно, туркменский перевод должен строиться с ***ýok,*** а не с отрицательным аффиксом какого-либо глагола.

В конечном счёте отрицание выступает не как периферийное явление, а как важнейший механизм организации высказывания. Его исследование раскрывает существенные особенности грамматического строя русского и туркменского языков и создаёт теоретическую основу для дальнейших исследований в области сопоставительной грамматики, переводоведения и методики преподавания русского языка туркменоязычным учащимся.

Заключение

Проведённый сопоставительный анализ показывает, что отрицание в русском и туркменском языках представляет собой многоуровневую функционально-семантическую систему, объединяющую морфологические, лексические, синтаксические и прагматические средства.

Основные результаты и выводы исследования:

1. Типологическая специфика: Русский язык реализует глагольное отрицание преимущественно аналитически (с помощью частицы не), тогда как туркменский использует синтетический способ (через отрицательный аффикс -ma/-me в структуре глагола).

2. Дифференциация предикативных моделей: Выявлено системное соответствие основных семантических зон отрицания при различие их

грамматического оформления. Русскому отрицанию действия (не пришёл), признака (не учитель) и бытования (нет книги) в туркменском языке функционально соответствуют глагольный аффикс -ma/-me (gelmedi), отрицательное слово däl (mugallym däl) и предикат ýok (kitaby ýok).

3. Функциональное соответствие: Несмотря на различия в выражении актуального членения и синтаксической позиции отрицательного компонента, оба языка демонстрируют сходные механизмы отрицательного согласования (Никто ничего не сказал / Hiç kim hiç zat aýtmady) и схожий потенциал передачи модальных, количественных и прагматических смыслов.

4. Переводческий принцип: Доказано, что эквивалентность отрицательных конструкций определяется не формальным совпадением показателей, а совпадением их семантического ядра и функционально-семантической организации. В связи с этим в практике перевода и преподавания необходимо переходить от принципа «форма к форме» к принципу «функция к функции».

Полученные результаты вносят вклад в сопоставительное языкознание и могут быть использованы в теории и практике перевода, лингводидактике и при разработке учебно-методических материалов для туркменоязычных учащихся. Перспективным направлением дальнейших исследований является изучение функционирования отрицательных конструкций в художественном дискурсе и двуязычных переводах художественной литературы.

Список литературы

1. Белоусова, Е. Д. Категория отрицания в русском и европейских языках и ее когнитивные различия. Текст : электронный // Филологический аспект : международный научно-практический журнал. 2022. № 11 (91). URL: https://scipress.ru/philology/articles/kategoriya-otritsaniya-v-russkom-i-evropejskikh-yazykakh-i-ee-kognitivnye-razlichiya.html (дата обращения: 29.11.2022).
2. Беляев, А. Н. Аффиксальные средства выражения категории отрицания в разноструктурных языках / А. Н. Беляев. Текст : непосредственный // Доклады Башкирского университета. 2023. Т. 8, № 1. С. 51–57.
3. Высоцкая, И. Морфологический статус и синтаксические функции слова «ничего». Текст : непосредственный // Русский язык в школе. М., 1992. № 2. С. 40–41.
4. Пенжиева, Н. М. Лексико-морфемные и морфологические средства выражения категории отрицания в типологически разных языках: на материале туркменского языка в сопоставлении с русским : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02 / Н. М. Пенжиева. Ашхабад, 2001. 141 с. Текст : непосредственный.
5. Ярцева, В. Н. Иерархия грамматических категорий и типологическая характеристика языков / В. Н. Ярцева. Текст : непосредственный // Типология грамматических категорий : [сборник статей] / Академия наук СССР, Институт языкознания. Москва : Наука, 1975. С. 5–23.

Список источников

6. Грамматика туркменского языка. В 2 ч. Ч. 1. Морфология / Институт языка и литературы им. Махтумкули АН Туркменской ССР. Ашхабад : Ылым, 1970. 444 с. Текст : непосредственный.

Дата публикации 20.10.2026

УДК 81.25

Варварина Л.А. Сказки Редьярда Киплинга в русской переводческой традиции: стилистическое и лингвокультурное своеобразие

Варварина Людмила Александровна
Аспирант кафедры английской филологии и перевода
Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ), РФ, г. Санкт-Петербург
AuthorID: 1363114, SPIN-код: 5816-8282
varvarinalyudmila97@gmail.com

Rudyard Kipling’s fairy tales in the Russian translation tradition: stylistic and linguocultural distinctiveness

Varvarina Lyudmila Aleksandrovna
Postgraduate student at the Department of English Philology and Translation
Saint Petersburg State University (SPbU), Saint Petersburg, Russia

Аннотация. Статья посвящена особенностям перевода сказок Р. Киплинга на русский язык в контексте их стилистического и лингвокультурного своеобразия. На основе сравнительно-сопоставительного анализа четырех переводческих версий сборника сказок установлено, что главные переводческие трудности связаны с передачей реалий, заимствованных писателем из других культур, а также некоторых авторских средств выразительности. Отдельное внимание уделяется рассмотрению переводческого комментария. Работа будет интересна специалистам в области перевода авторской сказки и детской художественной литературы в целом.

Ключевые слова: английская литературная сказка; художественный перевод; перевод детской литературы; Редьярд Киплинг; просто сказки

Abstract. This article examines the specific features of the translation of R. Kipling’s fairy tales into Russian, considering their stylistic and linguocultural distinctiveness. A comparative analysis of four translations of this collection revealed that the main translation challenges stem from rendering culture-specific elements (realia) borrowed from source cultures, as well as certain stylistic devices used by the author. Particular attention is given to the translator’s notes. This article will be of interest to specialists in the field of literary fairy tale translation and children's literature studies.

Key words: English literary fairy tale; literary translation; translation of children’s literature; Rudyard Kipling; Just So Stories.

Введение

В 1902 г. был опубликован знаменитый сборник сказок Р. Киплинга под названием «Просто сказки» (англ. *Just So Stories*). В сборник вошли 12 историй, часто называемых «сказками-почемучками» [6, с. 10], поскольку в них даются ответы на вопросы, которые любят задавать маленькие дети: откуда у носорога появились складки на коже, отчего у верблюда вырос горб, почему леопард стал пятнистым и

т. д. В сказках Р. Киплинга английский юмор тесно переплетается с фольклором экзотических стран, в которых побывал писатель [6, с. 11], что делает эти истории совершенно необыкновенными и самобытными, и перепутать их с какими-либо другими сказками не представляется возможным.

Сказки Р. Киплинга неоднократно переводились на русский язык. Одними из первых изданий были «Маленькие сказки» (1907 г.) в переводе Л.Б. Хавкиной, «Вот так сказки!» (1908 г.) в анонимном переводе А.В., «Необыкновенные сказки» (1910 г.) в переводе А.Н. Рождественской и «Сказки и легенды» (1916 г.) в переводе Е.М. Чистяковой-Вэр. В 1920-е гг. были опубликованы переводы сказок, выполненные К.И. Чуковским и С.Я. Маршаком: первый работал над прозаическим текстом, второй — над стихотворными вставками. Позднее были опубликованы и другие переводы сказок в схожем соавторстве: К.И. Чуковского и С.А. Степанова, К.И. Чуковского и Н.М. Голя, Е.М. Чистяковой-Вэр и Г.М. Кружкова, Р.Н. Померанцевой и К.Н. Атаровой [1, с. 12–13].

Актуальность исследования обусловлена необходимостью комплексного изучения особенностей передачи на русский язык намеренных языковых искажений, авторских сравнений, вымышленных топонимов, необычных имен собственных, а также реалий и культурно-мифологических отсылок, играющих особую роль в художественном своеобразии сказок Р. Киплинга. Несмотря на многообразие существующих переводов сказок, вопрос о специфике передачи отдельных аспектов все еще остается дискуссионным [2, с. 201].

Научная новизна исследования заключается в том, что особенности передачи указанных элементов текста впервые рассматриваются на материале четырех переводов сборника сказок Р. Киплинга на русский язык. Сравнительно-сопоставительный анализ позволяет установить, какие компоненты оригинала представляют наибольшие сложности для воспроизведения на русском языке.

Цель исследования — выявление особенностей передачи стилистического и лингвокультурного своеобразия сказок Р. Киплинга в русских переводах.

Материалом исследования послужили четыре русских издания сборника сказок Р. Киплинга: «Необыкновенные сказки» в переводе А.Н. Рождественской [7], «Сказки и легенды» в переводе Е.М. Чистяковой-Вэр [8], «Маленькие сказки» в переводе Л.Б. Хавкиной [6] и «Сказки» в переводе К.И. Чуковского (прозаический текст) и С.Я. Маршака (стихотворные фрагменты) [9]. Важно отметить, что К.И. Чуковский перевел на русский язык только шесть сказок из оригинального сборника.

В исследовании были применены следующие методы: метод сплошной выборки, компонентный анализ, сравнительно-сопоставительный анализ.

Обсуждение и результаты

Характерной чертой сказок Р. Киплинга является включение в текстовое пространство реалий индийской, африканской, австралийской и других культур. В качестве примера приведем фрагмент из сказки «Отчего у верблюда вырос горб» (англ. *How the Camel Got His Hump*): *«…and they held a* ***palaver****, and an* ***indaba****, and a* ***punchayet****, and a* ***pow-wow*** *on the edge of the Desert»* [10, с. 16–17]. Разгневанные лошадь, собака и бык собираются вместе. Они пытаются найти управу на ленивого верблюда, который отказывается работать, отвечая на любые просьбы одинаково: «Гррб!». Чтобы подчеркнуть важность этой встречи, автор использует четыре заимствованных слова со значением «собрание»: ***palaver*** (из португальского языка) — затяжные торговые переговоры с коренными жителями в Африке, в более современном значении — любые пустые и бессмысленные разговоры; ***indaba*** (из языков Южной Африки) — совет вождей племени для решения важных вопросов; ***punchayet*** (из хинди) — совет старейшин в индийских деревнях; ***pow-wow*** (из языков североамериканских индейцев) — традиционное праздничное собрание.

Перевод указанного фрагмента актуализирует конфликт между стратегиями форенизации и доместикации: задача сохранения этнокультурного разнообразия сталкивается с необходимостью адаптации текста для детской аудитории. Во всех четырех анализируемых переводах наблюдается тенденция к упрощению исходного текста. Е.М. Чистякова-Вэр и Л.Б. Хавкина прибегают к генерализации и лексическому опущению, используя лишь один смысловой эквивалент: *«…они* ***собрали совет*** *на самом краю пустыни…»* [8, с. 252], *«…и они* ***собрались для совещания*** *где-то на краю пустыни»* [6, с. 80]. А.Н. Рождественская компенсирует опущение данных реалий за счет привлечения синонимического ряда глаголов: *«…и они стали* ***говорить****, и* ***болтать****, и* ***совещаться*** *на краю пустыни»* [7, с. 18]. К.И. Чуковский использует прием лексического развертывания, вводя ряд конкретизирующих глаголов: *«Они отправились к самому краю Пустыни и стали громко* ***обсуждать****, что им делать, и* ***лаяли****, и* ***ржали****, и* ***мычали****»* [9, с. 115].

Значительная часть лингвокультурного пространства сказок Р. Киплинга представлена топонимами. В художественной литературе топонимы выполняют важную текстообразующую функцию, трансформируясь из пассивного фона в динамические элементы повествовательной структуры [3, с. 8]. Например, в сказке «Слон-малютка» (англ. *The Elephant's Child*) главный герой, слоненок, отправляется

в дальнее путешествие, чтобы узнать, чем обедает крокодил: *«He went from **Graham's Town** to **Kimberley**, and from Kimberley to **Khama's Country**, and from Khama's Country he went **east by north**…»* [10, с. 65–66]. В приведенном фрагменте содержатся три топонима. Два из них обозначают географические объекты на территории Южно-Африканской Республики: ***Graham's Town*** — современный город Маханда в Восточно-Капской провинции, а ***Kimberley*** — центр Северо-Капской провинции. Третий топоним, историческая область ***Khama's Country***, располагается на территории современной Ботсваны.

Анализ переводов выявил расхождения как в передаче топонимов, так и в векторе дальнейшего перемещения героя. Для наглядности переводческие решения сведены в таблицу (табл. 1). При переводе первого топонима используются как традиционные варианты транслитерации — ***«Грегэм»*** [7, с. 44] и ***«Грегем»*** [8, с. 270], так и более современный вариант транскрипции — ***«Грэм»*** [9, с. 73]. Различия в передаче второго топонима ограничиваются уровнем флексий: от окончания *-лей*, принятого в устаревшей переводческой традиции, до современной нормы *-ли*. Наибольший интерес вызывает перевод третьего топонима, который в версиях А.Н. Рождественской и Е.М. Чистяковой-Вэр передается буквально, тогда как в интерпретации К.И. Чуковского прослеживается библейская аллюзия. Особняком стоит перевод Л.Б. Хавкиной, демонстрирующий полный отказ от перечисления конкретных географических ориентиров. Наиболее существенные расхождения между вариантами перевода обнаруживаются в передаче вектора движения героя, что свидетельствует о неоднозначности толкования оригинала.

Таблица 1. Вариативность переводческих трансформаций при передаче топонимов в одном из фрагментов сказки «Слон-малютка»

Вариант перевода	Топоним № 1	Топоним № 2	Топоним № 3	Направление дальнейшего движения
А.Н. Рождественская	Грегэм	Кимберлей	Страна Кама	На север, потом на восток
Е.М. Чистякова-Вэр	Грегем	Кимберлей	Область Кама	На север и на запад
Л.Б. Хавкина	—	—	—	На северо-восток
К.И. Чуковский	Грэм	Кимберли	Хамова земля	На восток и на север

В сказках Р. Киплинга реальные топонимы органично сочетаются с вымышленными. Автор стилизует последние, наделяя их фонетическими и морфологическими особенностями географических названий, характерных для экзотических стран. Результаты проведенного исследования показывают, что данные лексические единицы успешно передаются в переводе: в подавляющем большинстве

случаев переводчикам удается добиться их адекватного и точного воспроизведения. Для иллюстрации данного положения рассмотрим русскоязычные соответствия вымышленного топонима ***Wollgong River*** [10, с. 91] из сказки «Старый кенгуру» (англ. *The Sing-Song of Old Man Kangaroo*): ***«река Вольганг»*** [7, с. 58], ***«река Волгонг»*** [8, с. 282], ***«река Вольгонг»*** [6, с. 94]. В первой версии, предложенной А.Н. Рождественской, наблюдается намеренная трансформация второй части слова, вероятно, обусловленная стремлением адаптировать звучание к привычной для русского читателя лексике. Второе решение, принадлежащее Е.М. Чистяковой-Вэр, наиболее точно отражает авторский замысел: очевидно, прообразом топонима послужил реальный австралийский географический объект *Wollongong*. Третий вариант, интерпретация Л.Б. Хавкиной, благозвучен для русскоязычной аудитории за счет добавления мягкого знака и одновременно близок к оригиналу. Тем не менее все три переводческих решения естественно вписываются в повествование, вызывая ассоциации с австралийской культурой.

Ономастическое пространство сказок Р. Киплинга отличается широким разнообразием имен собственных, среди которых встречаются единицы с яркими экзотическими коннотациями. Например, специфика фонетической и морфологической структуры антропонимов в сказке «Как было написано первое письмо» (англ. *How the First Letter Was Written*) позволяет читателю распознать в героях представителей первобытного общества: ***Tegumai Bopsulai, Teshumai Tewindrow*** и ***Taffimai Metallumai*** [10, с. 123–124]. Переводческие решения для данных имен представлены в виде таблицы (табл. 2). Наибольший интерес вызывают варианты, предложенные А.Н. Рождественской, поскольку именно в ее версии прослеживается адаптация исходных единиц: в слове *«Тегумай»* [7, с. 76] для создания рифмы изменяется окончание, имя девочки — *«Таффизой Металлумой»* [7, с. 76] — получает новые рифмующиеся окончания, а в двух именах из трех появляются дефисы, объединяющие компоненты в единую ритмическую конструкцию.

Таблица 2. Варианты перевода имен главных героев сказки «Как было написано первое письмо»

Вариант перевода	Антропоним № 1	Антропоним № 2	Антропоним № 3
А.Н. Рождественская	Тегумай-Бопсумай	Тешумай-Тевиндро	Таффизой Металлумой
Е.М. Чистякова-Вэр	Тегумай Бопсулай	Тешумай Тевиндрой	Тефимай Металлумай
Л.Б. Хавкина	Тегумай Бопсулай	Тешумай Тевиндрау	Таффимай Металлумай

Отдельного внимания заслуживают имена собственные, которые изначально являются «говорящими» или приобретают такой статус в переводе. Для анализа были

отобраны три зоонима (клички животных) из сказок «Отчего у носорога складки на коже» (англ. *How the Rhinoceros Got His Skin*), «Старый кенгуру» (англ. *The Sing-Song of Old Man Kangaroo*) и «Как явились на свет броненосцы» (англ. *The Beginning of the Armadillos*). Следует отметить, что перевод фрагментов текста, из которых были взяты данные клички, представлен только в двух изданиях. Варианты перевода приведены в таблице (табл. 3). Первый зооним, ***Strorks*** [10, с. 32], в основе которого лежит ономатопея (звукоподражание резкому и хриплому звуку при вдохе), семантически прозрачен в оригинале. Второй зооним, ***Boomer*** [10, с. 88], представляет собой разговорное название крупного взрослого самца кенгуру в австралийском варианте английского языка. Третий зооним, ***Doffles*** [10, с. 116], не имеет явной лексической мотивированности в оригинале и выступает в качестве ласкового обращения матери-ягуара к своему детенышу. В переводе А.Н. Рождественской используется транслитерация в сочетании с транскрипцией, в то время как Е.М. Чистякова-Вэр стремится наделить каждую кличку «говорящим» смыслом на языке перевода.

Таблица 3. Варианты перевода некоторых зоонимов в сказках Р. Киплинга

Оригинал	Перевод А.Н. Рождественской	Перевод Е.М. Чистяковой-Вэр
Strorks	Строркс	Сопун
Boomer	Бумер	Топтун
Doffles	Доффльс	Увалень

Особый исследовательский интерес представляют рифмованные зоонимы. Так, в сказке «Как явились на свет броненосцы» (англ. *The Beginning of the Armadillos*) имя одного из главных героев — ***Stickly-Prickly Hedgehog*** [10, с. 101] — построено на основе созвучия и аллитерации. Максимальную степень эквивалентности оригиналу демонстрирует вариант перевода, предложенный К.И. Чуковским: ***«Злючка-Колючка Ёж»*** [9, с. 88]. А.Н. Рождественская, в свою очередь, частично компенсирует фонетическую структуру подлинника, прибегая к элементам аллитерации в конструкции ***«колючий клубочек-еж»*** [7, с. 65]. В двух оставшихся интерпретациях специфика авторской игры слов утрачивается: ***«колючка-ежик»*** [8, с. 283] и ***«Забияка Колючий Ёжик»*** [6, с. 98].

В качестве еще одного примера использования автором фонетических средств рассмотрим фрагмент из сказки «Слон-малютка» (англ. *The Elephant's Child*): *«…the banks of the* ***great grey-green, greasy*** *Limpopo River…»* [10, с. 66]. Аллитерация [g] и [r], а также ассонанс [eɪ] и [iː] создают плотный, тягучий ритмический рисунок, который передает почти осязаемую вязкость и тропическую духоту африканской реки. Наиболее точным представляется перевод К.И. Чуковского: *«…к* ***сонной,***

зловонной, мутно-зелёной *реке Лимпопо…»* [9, с. 73]. Повторяющееся созвучие *-онной* создает гипнотический ритм, идеально передающий образ ленивой и грязной реки. В альтернативных вариантах перевода звуковое своеобразие оригинала утрачивается: *«…к берегам* ***большой серовато-зеленой грязной*** *реки Лимпопо…»* [7, с. 45], *«…к берегу* ***большой серо-зеленой болотистой*** *реки Лимпопо…»* [8, с. 270], *«…на берег* ***большой серо-зелёной мутной*** *реки Лимпопо…»* [6, с. 25].

При воспроизведении детской речи Р. Киплинг прибегает к стилизации, намеренно нарушая языковую норму. Например, в сказке «Как явились на свет броненосцы» (англ. *The Beginning of the Armadillos*) малыш-ягуар, уколовшись об иголки, говорит: *«… my paw is full of* ***per-ickles****…»* [10, с. 110]. Форма ***per-ickles*** является искаженным (детским) вариантом английского слова *prickles* (колючки, иголки). Эта фонетико-графическая особенность находит отражение только в переводе К.И. Чуковского, который имитирует протяжное хныканье малыша-ягуара: *«…и вот теперь у меня вся лапа в* ***зано-о-о-зах!****»* [9, с. 95]. В остальных переводах специфика детской речи не воспроизводится: используется существительное «занозы» [7, с. 69; 8, с. 288], либо глагол «занозил» [6, с. 104].

В качестве дополнительной иллюстрации отступления от языковой нормы можно привести пример из сказки «Слон-малютка» (англ. *The Elephant's Child*). Когда крокодил со всей силы хватает слоненка за нос, тот произносит: *«****Led*** *go! You are* ***hurtig be!****»* [10, с. 69]. Подобное искажение речи (имитация заложенного носа) снова воссоздается только в переводе К.И. Чуковского: ***«Пусдите бедя, бде очедь больдо!*** *(Пустите меня, мне очень больно!)»* [9, с. 78]. При этом в скобках указывается верное написание фразы. В остальных же вариантах перевода речь слоненка представлена без каких-либо фонетических искажений: *«Пустите меня! Мне больно!»* [7, с. 47], *«Пусти! Мне больно!»* [8, с. 272], *«Не надо! Пустите!»* [6, с. 28].

Неотъемлемым элементом сказок Р. Киплинга выступают индивидуально-авторские сравнения. В частности, в сказке «Отчего у леопарда пятна на шкуре» (англ. *How the Leopard Got His Spots*) представлено многообразие подобных конструкций. Так, обсуждая маскировку в лесу, еще не сменившие окрас эфиоп и леопард обмениваются колкостями: первый сравнивает своего серовато-желтого приятеля с куском мыла в ведре с углем — *«…like a bar of soap in a coal-scuttle»* [10, с. 53], второй в ответ заявляет, что и сам серовато-буро-желтый эфиоп выделяется в темноте как горчичник на мешке с углем — *«…like a mustard-plaster on a sack of coals»* [10, с. 53].

Мнящие себя великими охотниками леопард и эфиоп оказываются слишком заметными в новой обстановке, а сравнение с бытовыми предметами еще больше обнажает их беспомощность и уязвимость. Это опасное положение толкает героев на эволюцию: эфиоп меняет цвет собственной кожи на темный и оставляет маскировочные пятна на шкуре леопарда. Структура и семантика первого сравнительного оборота сохраняются во всех трех переводах: *«…как кусок мыла в угольном ящике»* [7, с. 36], *«…как кусок мыла в ящике с углем»* [8, с. 266], *«…как кусок мыла в корзине угля»* [6, с. 89]. Второй же образ воспроизводится тождественно только в двух версиях: *«Настоящий горчичник, налепленный на куль с углем»* [7, с. 36], *«…как горчичник, прилипший к угольному мешку»* [8, с. 266]. Л.Б. Хавкина несколько отступает от оригинала, предлагая свой вариант: *«…как горчичник на спине угольщика»* [6, с. 89]. При этом авторская задумка все равно остается отчетливой и легко узнаваемой.

Инструменты выразительности, рассмотренные в настоящей работе, играют в сказках важную роль. Они позволяют автору точнее передавать информацию, выражать оценку и создавать яркие образы, делая повествование эмоциональным и экспрессивным [4, с. 774]. Адекватное воспроизведение в переводе рифмованных имен персонажей, звукоподражаний, аллитерации, ассонанса, намеренных языковых искажений и авторских сравнений, безусловно, относится к числу приоритетных переводческих задач. Вместе с тем представляется целесообразным расширить рамки исследования и проанализировать такой аспект, как переводческий комментарий.

Переводческий комментарий или примечание переводчика — это своеобразный мост между автором произведения и читателями, которые не владеют языком оригинала [5]. Примечание переводчика представлено только в версии Л.Б. Хавкиной. Отличительной чертой ее комментариев является ориентация на детскую аудиторию: переводчик выступает в роли заботливого наставника, поясняющего сложные элементы текста. Обратимся к примерам. В сказке «Как была выдумана азбука» (англ. *How the Alphabet Was Made*) первобытная девочка Таффи с отцом Тегумаем изобретают первый в мире алфавит и оформляют его буквы в виде увесистого ожерелья: *«It weighs one pound seven and a half ounces»* [10, с. 166]. Л.Б. Хавкина прибегает к калькированию, сохраняя английские названия единиц измерения массы: *«Весит ожерелье один фунт и семь с половиной унций[1]»* [6, с. 67]. В примечании вес ожерелья переводится в более привычные для русского читателя граммы, а также подчеркивается его массивность: *«[1]Это значит, что ожерелье весило около 666 г, т. е. оно было очень тяжелым»* [6, с. 67].

В сказке «Отчего у носорога складки на коже» (англ. *How the Rhinoceros Got His Skin*) главным героем выступает парс: *«…there lived a Parsee»* [10, с. 29] — *«…жил да был парс[1]»* [6, с. 74]. Поскольку юный читатель, скорее всего, еще не знаком с понятием «парсы», сноска в переводе Л.Б. Хавкиной успешно компенсирует этот пробел: *«[1]Парсы — это народ, ведущий происхождение от древних персов»* [6, с. 74]. Далее по сюжету парс печет себе огромный пирог: *«…and made himself one cake which was two feet across and three feet thick»* [10, с. 29]. Л.Б. Хавкина вновь воспроизводит английскую меру длины в переводе: *«…и состряпал себе пирог, имевший два фута[2] в поперечнике и три фута толщины»* [6, с. 74]. В сноске футы также заменяются на более знакомые сантиметры, при этом переводчик привносит в текст элемент разговорной лексики в виде слова «по-нашему», которое органично вписывается в контекст детской книги: *«[2]Фут — это приблизительно 30 см. Значит, пирог у парса, если считать «по-нашему», был в поперечнике более полуметра и около метра толщиной»* [6, с. 74].

Заключение

Проведенное исследование показывает, что ключевая переводческая проблема в сказках Р. Киплинга заключается в передаче реалий, заимствованных из индийской, африканской, австралийской и других культур. Столкнувшись с необходимостью выбора между сохранением лингвокультурного своеобразия оригинала и адаптацией текста для детей, авторы изученных переводов отдают предпочтение стратегии доместикации и упрощения исходного материала.

Значительные трудности также вызывает передача стилистических средств оригинала. Воспроизведение рифмованных имен персонажей, фонетических средств (ономатопеи, аллитерации, ассонанса) и стилизованной детской речи (намеренного отступления от языковой нормы) зачастую остается без внимания в отечественной практике. В полной мере указанная специфика находит свое отражение лишь в классической версии К.И. Чуковского.

Передача экзотических элементов ономастического пространства сказки (реальных и вымышленных топонимов, антропонимов, зоонимов), равно как и индивидуально-авторских сравнений, характеризуется высокой степенью эквивалентности и не создает переводческих барьеров.

Особый научный интерес представляют переводческие комментарии Л.Б. Хавкиной, адаптированные к особенностям детского восприятия. Способствуя облегчению понимания текста, данные комментарии одинаково эффективны как при самостоятельном чтении, так и при семейном чтении вслух.

Теоретическая значимость работы заключается в возможности применения ее результатов в исследованиях, посвященных адаптации авторских сказок и детской художественной литературы. Практическая ценность работы состоит в том, что материалы могут быть использованы в рамках преподавания вузовских курсов по теории и практике художественного перевода.

Список литературы

1. Пичугина В.С., Поплавская И.А. «Сказки просто так» («Just So Stories») Д.Р. Киплинга в русской издательской и переводческой рецепции XX–XXI вв. // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 411. С. 12–22. DOI: 10.17223/15617793/411/2.
2. Шмакова А.В. Трудности перевода английских сказок на русский язык (на примере перевода «Just So Stories» Р. Киплинга) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. Вып. 1. С. 197–202. DOI: https://doi.org/10.30853/phil20220018.
3. Воронина Л.В., Медведева М.С. Роль топонимов в художественном мире произведений // Восточнославянская филология. Серия «Языкознание». 2026. Вып. 21 (47). С. 3–12. DOI: 10.24412/1992-9196-2026-2147-3-12.
4. Борисенко Ю.А. Авторское словотворчество в аспекте перевода (на материале английских литературных сказок) // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2020. Т. 30. Вып. 5. С. 774–784. DOI: 10.35634/2412-9534-2020-30-5-774-784.
5. Заплатин В.Е., Снигирева О.М. Переводческий комментарий как один из способов компенсации смысловых потерь при переводе // Russian Linguistic Bulletin. 2024. № 4 (52). DOI: 10.18454/RULB.2024.52.35. Режим доступа: https://rulb.org/archive/4-52-2024-april/10.18454/RULB.2024.52.35 (дата обращения: 30.09.2026).

Список источников

6. Киплинг Р. Маленькие сказки / пер. с англ. Л.Б. Хавкиной; вступ. ст. Е.И. Матвеевой. М.: Детская и юношеская книга, 2023. 160 с.
7. Киплинг Р. Необыкновенные сказки / пер. с англ. А.Н. Рождественской. М.: Русское историческое общество, Дет. лит., 1993. 192 с.
8. Киплинг Р. Сказки и легенды / пер. с англ. Е.М. Чистяковой-Вэр // Книга джунглей: Рассказы, легенды, сказки. М.: Изд-во Эксмо, 2005. 640 с.
9. Киплинг Р. Сказки / пер. с англ. К.И. Чуковского; стихи в пер. С.Я. Маршака. М.: Махаон, Азбука-Аттикус, 2024. 128 с.
10. Kipling R. Just So Stories. New York: Doubleday, Page & Company, 1902. 249 p.

Дата публикации 31.10.2026

УДК 81.2

Войтещук И.В. Межконцептуальные связи в структуре категории «природная вода» как отражательно-интерпретационный феномен (на материале немецкого и русского языков)

Войтещук Ирина Владимировна
канд. филол. наук, доцент кафедры романо-германских языков и МКК
Челябинский государственный университет, РФ, г. Челябинск
wfirina@mail.ru

Interconceptual Relations in the Structure of the Category "Natural Water" as a Phenomenon of Linguistic Reflection and Interpretation (Based on German and Russian)

Voyteshchuk Irina Vladimirovna
Cand. Sci. (Philology), docent at the department of romano-germanic languages and ICC
Chelyabinsk State University, Russia, Chelyabinsk

Аннотация. В статье рассматривается структура категории «природная вода» по данным немецкого и русского языков. Автор приходит к выводу, что в национальных языках, как и в естественно-научной картине мира, категория «природная вода» включает три субкатегории, соответствующие трем агрегатным состояниям воды в природе. В статье характеризуется объем номинативно-функционального поля каждой субкатегории, перечисляются ядерные и околоядерные корни, номинирующие тот или иной субкатегориальный признак. Единство категории объясняется наличием общего генетического (категориального) признака в словарных дефинициях ядерных лексем концептов, а также межконцептуальными связями внутри категории, проявляющимися в идеографическом сходстве концептов, в совпадении концептуальных признаков и их номинатов, в языковом отражении реального «соседства» воды, льда, снега, пара и тумана в природе. В статье приводятся многочисленные языковые факты, подтверждающие отражательно-интерпретационную функцию человеческого языка.

Ключевые слова: категория, субкатегория, концепт, признаки концептов, межконцептуальные связи, номинат, номинативно-функциональное поле, отражательно-интерпретационная функция языка.

Abstract. This article examines the structure of the category "natural water" on the basis of linguistic data from German and Russian. The author concludes that in national languages, as in the scientific worldview, the category "natural water" comprises three subcategories corresponding to the three physical states of water in nature. The study describes the extent of the nominative-functional field of each subcategory and identifies the core and near-core lexical roots used to designate particular subcategorical features. The unity of the category is explained by the presence of a common genetic (categorical) feature in the dictionary definitions of the core lexemes representing its constituent concepts, as well as by the interconceptual relations within the category. These relations are manifested in the ideographic similarities among the concepts, the overlap of their conceptual features and the nominative units used to designate them, and the linguistic

reflection of the actual proximity of water, ice, snow, water vapor and fog in nature. The article presents extensive linguistic evidence supporting the reflective and interpretive function of human language.

Keywords: category, subcategory, concept, conceptual features, interconceptual relations, nominative unit, nominative-functional field, reflective and interpretive function of language.

История развития понятия «категория» насчитывает более двух тысяч лет. Неиссякаемый интерес к этому явлению на протяжении веков связан с естественной потребностью человека структурировать, упорядочивать сложный окружающий мир.

Заимствованные лингвистикой из философии категории изначально носили универсальный, понятийный характер. По мере развития знаний о языке они все больше вовлекались в языковую сферу, становясь семантическими, лексическими, словообразовательными и т.д. Осознание языка как сущности, отражающей процессы в сознании людей и в мире, привело к новому когнитивному повороту в понимании категорий**.** Тем не менее при всем разнообразии своих видов, языковые категории обладают фундаментальными общими свойствами. Во-первых, они возникают в результате отражения и обобщения действительности и располагаются в пространстве между языком и мышлением [1; 2; 3]. Во-вторых, языковые категории представляют собой общие родовые понятия с внутренней структурой, включающей субкатегории и другие более частные единицы, в основе которых лежит глубинный содержательный признак [4; 5 с. 23].

Объект «природная вода» относится к универсальным научным категориям. В качестве базового терминологического понятия это обозначение закрепилось в естественнонаучном дискурсе, прежде всего в работах гидрологов В.Ф. Дерпгольца, С.А. Добролюбова, Ю.Н. Чижовой, Н.Л. Фроловой, А.Н. Василенко и др. [6; 7; 8]. «Природная вода» описывается как раствор газообразных, твердых и жидких веществ, реально существующий в природе, и противопоставляется чистой воде, состоящей из атомов водорода и кислорода, и техногенным водам [6, с. 42; 7, с. 58-61]. Предметом нашего изучения выступает, однако, не само вещество «вода» во всем многообразии форм его существования, а его вербальные заместители – языковые знаки, отражающие соответствующие денотаты и стоящие за ними ментальные репрезентации. Приемом сплошной выборки материалов толковых словарей немецкого и русского языков [9; 13] были выявлены более 5000 номинатов категории «природная вода» в каждом исследуемом языке. Привлекались также данные двуязычных и корпусных словарей [10; 11; 12; 14; 15].

Наш анализ показал, что «природная вода» представляет собой сложный, комплексный феномен, проявляющийся на уровне сознания в многоядерности своей концептуальной структуры и объективируемый значительным количеством лексических единиц в немецком и русском языках (см. выше). Как и в естественно-научной картине мира, исследуемая категория в национальных языках представлена тремя субкатегориями – «жидкая вода», «газообразная вода» и «твердая вода».

Субкатегория «жидкая вода» отражает первичное агрегатное состояние природной воды. Уникальность субкатегории состоит в том, что она представлена одним макроконцептом с чрезвычайно сложной структурой и колоссальным объемом номинативно-функционального поля в немецком и русском языках (66 и 67% от общего количества номинатов). Настоящий факт как нельзя лучше подтверждает отражательно-интерпретационную функцию человеческого языка по отношению к миру, в котором жидкая вода играет неоспоримо значимую и универсальную роль. Субкатегориальный признак «жидкая вода», по данным нашего исследования, номинируется в немецком и русском языках ядерными корнями *-wasser-*, *-вод-* и околоядерными производными и непроизводными основами *-fluss-, -strom-, -meer-, -see-, -teich-, -regen- ,-quell-, -bach-, -moor-, -brunnen-, -bad-, -flut-, -strudel-, -well-, -schwemm-, -nass-…*; *-рек/ч-, -мор-, -океан-, -озер-, -пролив-, -поток-, -родник-, -луж-, -лагун-, -лиман-, -ручей-, -болот-, -топь-, -волн-, -зыбь-, -бурун-, -дождь-, -рос-, -губ-, -бухт-* и др.

Субкатегория «твердая вода», передающая соответствующее агрегатное состояние воды в природе, также неоднородна по своей структуре и включает несколько концептов, наиболее существенными из которых являются концепты «лед» и «снег». Номинативно-функциональные поля обоих концептов составляют, согласно нашим данным, 23% и 22% макрополя категории в немецком и русском языках и занимают второе место по численности своих номинатов. Меньшее число наименований субкатегории, по сравнению с «жидкой водой», обусловлено внеязыковыми факторами, а именно более узкой сферой повседневного практического взаимодействия немцев и русских с замерзшей влагой, связанной с сезонностью ее появления в умеренном климате. Согласно данным нашей картотеки, субкатегориальный признак «твердая вода» в немецком и русском языках выражают ядерные и околоядерные корни/основы: *-eis-*, *-gletscher-, -ferner/firner-, -harsch-, -lawin-* и *-schnee-, -firn-, -we/ächt-, -harsch-*; *-лед-*, *-припай-, -шуг-, -пак-, -глетчер-, -торос-, -сморозь-, -лавин-, -сосульк-, -наст-* и *-снег/ж-,-фирн-, -порош-, -лавин-, -наст-, -сугроб-, -сувой-. -сумет-, -зазим/ъ-* и др.

Субкатегория «газообразная вода», представленная концептами «пар», «туман», обладает наименьшим количеством знаков (11% и 11%) в обоих национальных вариантах макрополя «природная вода». Более низкое число наименований в данной субкатегории мы объясняем тем, что в обычных условиях газообразная влага не видна глазу и реже воспринимается как отдельный осязаемый объект или угроза, что приводит, естественно, к меньшей номинативной разработанности этих концептов. Субкатегориальный признак «газообразная вода» в немецком и русском материале нашей картотеки объективируется ядерными и околоядерными корнями/основами: *-dampf/dämpf-*, *- dunst/dünst -, -wrasen/wasen-, -wasser-* и *-nebel-, -dunst-, -mist-, -fog-*; *-пар-/шпар-, -вод-, -дымк-* и *-туман-, -дымк-*.

Несмотря на факт фиксации субкатегориальных признаков различными корнями в исследуемых языках, категория «природная вода» характеризуется единством своей структуры. В основе ее лежит глубинный содержательный признак, представленный прямо или косвенно в словарных дефинициях ядерных лексем концептов:

Eis², das*: 1. a) gefrorenes Wasser…*

лед*: замерзшая и перешедшая в твердое состояние вода …*

Schnee, der*: 1. Niederschlag in Form von Schneeflocken …* («Schneeflocken» → Eiskristalle»)

снег*: твердые атмосферные осадки, выпадающие из облаков в виде белых звездообразных кристалликов или хлопьев, представляющих собой скопление таких кристалликов …* («облако» → «капли воды», «ледяные кристаллы»)

Dampf, der*: 1. a) sichtbarer feuchter Dunst [der beim Erhitzen von Flüssigkeiten, bes. von Wasser, entsteht] …*

пар¹: *1. Газ, в который превращается вода при нагревании …*

Nebel, der*: 1. dichter, weißer Dunst über dem Erdboden; für das Auge undurchdringliche Trübung der Luft (durch Konzentration kleinster Wassertröpfchen)…*

туман*: 1. Скопление мелких водяных капелек или ледяных кристаллов в приземных слоях атмосферы, делающее воздух непрозрачным …*

Концепты категории, «схваченные» языковыми знаками, характеризуются в нашем исследовании идеографическим сходством. Их номинаты обозначают формы существования природной воды в виде субстанций (вода, лед, снег, туман, пар и др.), скоплений, видов и покрова. Наибольшее разнообразие форм, по данным немецкого и русского материалов нашей картотеки, демонстрирует макроконцепт «вода», являющийся в силу объективных причин предметом более глубокого, детального

изучения и обозначения носителями немецкого и русского языков. Сюда входят субстанциональные обозначения воды-вещества, водных скоплений, их качественных, количественных, пространственных и других разновидностей: *das Wasser* (1а зн.), *der Fluss* (1 зн.), *der Bach* (1 зн.), *die Hydrosphäre*, *das Badewasser*, *das Brackwasser*, *der Gießbach*, *die Untiefe* (1 зн.), *der Wassertropfen*, *das Oberflächenwasser*, *die Lagune*, *der Regen* (1 зн.), *die Welle* (1 зн.) …; *вода* (1 зн.), *родник*, *река* (1 зн.), *ручей* (1 зн.), *лужа (1 зн.), гидросфера, крутой кипяток, пресная вода, ливень* (1 зн.), *мелководье* (2 зн.), *забереги* (1 зн.), *шельфовое море, волна*[1] (1 зн.) … Номинаты концепта «лед», помимо обозначения самого вещества, называют его многочисленные виды по месту нахождения, способу образования, качественным, количественным и функциональным характеристикам: *das Eis*[2] (1 а зн.), *das Inlandeis*, *das Grundeis*, *der Eisbrocken*, *das Meereis*, *der Gletscher*, *der Harsch*, *der Firner/Ferner* …; *лед*, *ледопад*, *ледник*, *льдина*, *гололед*, *фирновый лед*, *припай*, *торос*, *сосулька*, *наст*, *ожеледь*, *шуга*, *жужга*, *глетчер*, *айсберг*, *стамуха* … В немецком и русском вариантах концепта «снег» широко номинируются качественные и особенно количественные формы существования снега – от снежных пылинок, зерен, снежинок до сугробов, гор и снежных лавин: *der Schnee* (1 зн.), *der Neuschnee*, *der Pulverschnee, der Altschnee*, *der Schneestaub*, *der Schneegriesel*, *der Schneeklumpen*, *die Schneewehe*, *die Schneedüne, die Schneedecke* …; *снег* (1 зн.), *пороша*, *снежура*, *вечные снега*, *зазимок*, *фирн*, *снежная крупа*, *гора снега*, *сугроб*, *сувой*, *снежный ком*, *занос* (2 зн.), *вьюн* (3 зн.) … Среди наименований концепта «пар» преобладают технические, количественные и количественно-температурные разновидности вещества: *der Dampf* (1 зн.), *abgenutzter Dampf*, *der Abdampf*, *der Konterdampf*, *die Dampfwolke*, *die Dunstschicht*, *der Dunstschleier*, *der Dunst* (1а зн.), *der Wrasen/Wasen …; пар*[1] (1 зн.), *отработанный пар*, *мятый пар*, *контрпар*, *клубы пара*, *пузырек пара*, *конденсационная вода*, *испарения* (2 зн.), *дымка* (1 зн.), *слой дымки* … Номинаты концепта «туман» обозначают формы существования тумана в природе, сходные с формами описанных ранее концептов (субстанция, виды субстанции, скопления, покров): *der Nebel* (1 зн.), *der Bodennebel, der Frühnebel, der Hochnebel, die Nebeldecke, der Nebelvorhang, der Nebelfetzen, die Nebelhülle* …; *туман*[1] (1 зн.), *туманец*, *утренний туман, наземный туман, высокий туман, слой дымки, туманность* (1 зн.), *курево* (3 зн.) …

Специфические физические свойства природной воды, способной при изменении температурных условий переходить из жидкого состояния в твердое, газообразное и наоборот, фиксируются человеческим языком и четко прослеживается

в словарных дефинициях наименований. Яркой иллюстрацией этого факта служит, на наш взгляд, номинативная группа «Таяние», в которую входят полиденотативные наименования:

***auftauen**: 1. <hat> a) (Gefrorenes) zum Tauen bringen: die Sonne taut das Eis, den Schnee auf ...;*

2. <ist> a) sich tauend auflösen: das Eis, der Schnee taut auf ...

***wegschmelzen**: 1. schmelzend (1) wegfließen, allmählich verschwinden <ist>: das Eis ist weggeschmolzen.*

2. durch Schmelzen (2) schwinden machen, entfernen <hat>: die Sonne hat den Schnee [von den Bergen] weggeschmolzen.

***Schmelzwasser, das:** <Pl. ...wasser>: beim Schmelzen von Schnee u. Eis entstehendes Wasser ...*

***протаять**: 1. Растаять, образовав свободное от снега, льда пространство, проталину ... | в безл. употр. ... ;*

2. Подвергая таянию, сделать отверстие в снегу, во льду или пространство, свободное от снега, льда ...

3. Таять в течение какого-л. времени ...

***оттаять:** 1. Под действием тепла выйти из замороженного состояния, освободиться ото льда, снега ...*

2. перех. Действием тепла вывести из замороженного состояния ...

***зажор:** 1. Спец. и обл. Скопление льда в русле реки во время ледохода ...*

2. Подснежная вода в ямах и рытвинах на дороге при таянии снега ...

***снежница**: 1. Вода от таяния снега, образующаяся весной на поверхности льда.*

2. Место скопления такой воды на льду ... и др.

Природное и пространственное «соседство» снега и льда находит свое отражение и в других языковых единицах нашей картотеки:

***Harsch, der:** hart gefrorener, eisverkrusteter Schnee ...*

***Gletscherbrand, der**: im Hochgebirge durch ultraviolette Strahlung u. deren Reflexion an Schnee u. Eis hervorgerufener starker Sonnenbrand*

***наст**: оледенелая корка на поверхности снега ...*

***аэросани**: сани, передвигающиеся по снегу и льду тягой воздушного винта ...* и др.

Диффузность семантики демонстрируют также некоторые наименования концептов «пар» и «туман». Лексемы *испарения* (2 зн.), *дымка* (1 зн.), *der Dunst* (1а

зн.), *das Kondenswasser* и др. отражают подвижность границ между смежными концептами внутри общей категории «природная вода». Так, *испарения,* по данным МАС, образуются при подсыхании чего-либо влажного, при столкновении теплого и холодного фронтов; *das Kondenswasser*, согласно данным словаря «Дуден», является результатом конденсации водяного пара, т.е. представляет собой по сути укрупненные капельки воды, осевшие на какой-либо поверхности и т.д. В значении русских номинатов с корнями *-шпар-, -пар-*, по данным используемых словарей, нередко соседствуют семы «пар», «кипяток, горячая вода», что является реальным отражением смежных физических процессов:

вышпарить: *1. Обдав кипятком, паром, сделать что-л. чистым, без запаха и т. п.*

2. Обдав кипятком, паром, уничтожить …

распарить: *1. Размягчить действием пара, горячей воды и т. п. …*

и др.

Реализуя свою отражательную природу, язык, а вместе с ним и словари фиксируют также объективную общность свойств концептов категории «природная вода». В нашей картотеке широко представлены номинаты, в значении которых, по данным словарей, обнаруживаются общие признаки тумана, пара, воды (волн), облаков, снега и др. Например, способность к изменению плотности и переходу в невидимое состояние, а также плавный характер движения сближают туман, пар и облака (тучи): *sich verdichten* (3 зн.), *sich ballen* (1с зн.), *verwehen* (2 зн.), *sich lichten*[1] (1b зн.), *sich auflösen* (4b зн.), *ziehen* (8 зн.) …; *густой* (3 зн.), *рассеяться* (2 отт. 2 зн.), *разогнать* (3 зн.), *ползти* (2 отт. 2 зн.) … Особенности распределения в пространстве объединяют туман и волны (воду), туман и пар: *aufkommen* (1а зн.), *набежать* (1 отт. 1 зн.) …; *sich legen* (1 зн.), *sich ausbreiten* (2а зн.), *лечь* (3 зн.), *простереться* (1 отт. 2 зн.) … Способность к светоотражению является общим признаком для воды, снега, льда и тумана: *silbern schimmern*, *glänzen* (1а зн.), *серебриться* (2 зн.), *блестеть* (1 зн.) … Многие номинаты нашей картотеки называют признаки, относящиеся в равной мере ко снегу и льду («намерзание на поверхности», «таяние», «покрытие поверхности», «наличие хруста» и т.д.): *anfrieren* (1 зн.), *schmelzen* (1а зн.), *bedecken* (1а зн.), *knirschen* (1а зн.), *намерзнуть* (1 зн.), *таять* (1 зн.), *покрыть* (1 зн.), *хрустеть* (1 зн.) …

Проведенное исследование показывает, что категория «природная вода» устроена как целостное, но многогранное единство. Несмотря на то, что в немецком и русском языках субкатегории имеют собственные номинативные (корневые) базы,

они не изолированы друг от друга, их связывает общий генетический корень и единая смысловая основа. Эта системная общность проявляется в единообразии обозначения самих водных веществ, их видов, форм скопления в природе, свойств, функций и др. Язык гибко следует за физическими свойствами воды, ее способностью менять агрегатные состояния, и естественным соседством ее форм в реальном мире. Обнаруженные закономерности доказывают наличие прочных межконцептуальных связей в структуре категории «природная вода» в немецком и русском языках и раскрывают важнейшую – отражательно-интерпретационную – функцию языка по отношению к окружающему нас миру.

Список литературы

1. Кубрякова Е. С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
2. Болдырев Н. Н., Федяева Е. В. Когнитивные методы исследования в лингвистике: концептуально-инференционный анализ // Вопросы когнитивной лингвистики. 2023. № 3. С. 5-16.
3. Федяева Е. В., Тарабакина А. А. Вторичная интерпретация знания как основание перехода от физического к абстрактному // Когнитивные исследования языка. 2023. № 3 (54). Ч. 1. С. 488-492.
4. Васильев Л. М. Актуальные теоретические проблемы современной лингвистической семантики // Вестник Башкирского университета. 2009. Т. 14, № 3-1. С. 1155-1160.
5. Чепасова А. М. Предметные фразеологизмы русского языка. Челябинск: Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2003. 267 с.
6. Дерпгольц В. Ф. Мир воды. Л.: Недра, 1979. 254 с.
7. Чижова Ю. Н., Добролюбов С. А., Буданцева Н. А. Изотопный состав природных вод как индикатор происхождения и трансформации водных масс // Вестник Московского университета. Серия 5. География. 2022. № 4. С. 45-58.
8. Фролова Н. Л., Василенко А. Н. Гидрология рек и качество природных вод суши: научные очерки. Москва: Изд-во Моск. ун-та, 2023. 210 с.

Список источников

9. Словарь русского языка : в 4 т. / РАН Ин-т лингвистических исследований; под ред. А. П. Евгеньевой // Фундаментальная электронная библиотека. Режим доступа: http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/search.asp (Дата обращения: 3.09.2026).
10. Большой немецко-русский словарь = Das grosse Deutsch-Russische Wörterbuch : ок. 180 000 лексических единиц : в 3 т. / авт.-сост.: Е. И. Лепинг [и др.] ; под рук. О. И. Москальской. 9-е изд., стер. М. : Рус. яз.-Медиа : Дрофа, 2004. Т. 1 : А–К. 760 с. ; Т. 2 : L–Z. 680 с. ; Т. 3 : Дополнение. 363 с.
11. Большой русско-немецкий словарь = Grosswörterbuch Russisch-Deutsch : ок. 53 000 слов и 160 000 словосочетаний / авт.-сост.: К. Лейн, Е. И. Лепинг, О. Д. Липшиц [и др.] ; под ред. К. Лейна. 20-е изд., стер. М. : Русский язык-Медиа, 2006. 736 с.

12. Национальный корпус русского языка: основной подкорпус. Режим доступа: https://ruscorpora.ru (Дата обращения: 5.09.2026).
13. Duden. Deutsches Universalwörterbuch. 6. Aufl. Mannheim: Dudenverlag, 2007. 2116 S.
14. Duden. Onlinewörterbuch. Режим доступа: https://www.duden.de/suchen/dudenonline (Дата обращения: 3.09.2026).
15. Wortschatz Leipzig: Deutsch (German) corpus / Universität Leipzig. Режим доступа: https://wortschatz.uni-leipzig.de/de (Дата обращения: 4.09.2026).

Дата публикации 31.10.2026

УДК 811.111

Еременова К.Ю. Историко-семантический анализ прототипов английского фразеологизма *castle in the air*

Еременова Карина Юрьевна
канд. филол. наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков
Военной академии связи, РФ, г. Санкт-Петербург
karinaeremetova@hotmail.com

The semantic-historical analysis of prototypes of the English phraseological unit *castle in the air*

Eremetova Karina Yurievna
PhD in English Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Foreign Languages, Military Telecommunications Academy, Russian Federation, St. Petersburg

Аннотация. В статье проводится историко-семантический анализ прототипов английской фразеологической единицы **castle in the air** «несбыточный проект, мечта, праздная фантазия». Материалом исследования послужили латинский, французские прототипы фразеологизма и примеры их употребления, полученные методом целенаправленной выборки. Установлено, что исторически первичным является латинский прототип **in aere aedificare**, восходящий к проповедям Августина Блаженного, где «строительство в воздухе» выступает как морально-богословская метафора «отсутствия основания». Второй, самостоятельный исток формируется во французской литературе XIII в.: фразеологизм **chastiaus en Espaigne** в «Романе о Розе» Гийома де Лорриса (ок. 1230 г.) обозначает любовную химеру, «радость из ничего». Показано, что фразеологизм возник в эпоху *chansons de geste* и Крестовых походов на Пиренейский полуостров: в поэме «Аймери де Нарбонн» испанский фьеф – это дар, от которого рыцари отказываются после катастрофы при Ронсевале, поскольку он требует завоевания в смертельно опасной земле. Проанализированы французские варианты с топонимами **Brie** (Г. де Куэнси, XIII в.), **Albanie** (А. де Лавинь, «Сад чести», ок. 1503 г.) и **Asie** (П. Гренгор, 1521 г.), которые образуют единое семантическое поле – строительство неосуществимых замков в далёком или чужом месте, где у человека нет реальной опоры. Прослеживается переход от **castles in Spain** (с ок. 1400 г., Дж. Чосер; 1477 г., У. Кэкстон) к **castles in the air** (с 1567 г., У. Пейнтер). К 1611 г. фразеологизм фиксируется в словаре Р. Котгрейва как общепринятое английское соответствие французского оборота. Автор делает вывод, что семантическая замена объясняется когнитивной непосредственностью метафоры «воздуха»: отсутствие основания не требует историко-географического знания, тогда как «Испания» как источник «невозможности» нуждается в историческом контексте.

Ключевые слова: Castle in the air, châteaux en Espagne, фразеологическая единица, идиома, историко-семантический анализ, прототип, топоним, заимствование, калька, конфликт синонимов.

Abstract. The article offers a historical-semantic analysis of the prototypes of the English phraseological unit **castle in the air** "a visionary project, a daydream, an idle fancy". The material comprises the Latin and French prototypes of the phraseological unit

and examples of their usage obtained by means of targeted sampling. It is established that the historically primary prototype is the Latin **in aere aedificare**, going back to the sermons of St Augustine, where "building in the air" functions as a moral-theological metaphor of "lack of foundation". A second, independent source takes shape in the thirteenth-century French literature: the phraseological unit **chastiaus en Espaigne** in Guillaume de Lorris's "Roman de la Rose" (c. 1230) denotes "an amorous chimera, joy out of nothing". The expression is shown to have arisen in the era of the *chansons de geste* and the Crusades on the Iberian Peninsula: in "Aymeri de Narbonne", a Spanish fief is a gift which the knights refuse after the disaster at Roncevaux, since it demands conquest in a mortally dangerous land. The French variants with the toponyms **Brie** (G. de Coincy, 13th c.), **Albanie** (A. de La Vigne, "Le Verger d'honneur", c. 1503) and **Asie** (P. Gringore, 1521) are analysed; they form a single semantic field – building impossible castles in a distant or foreign place where one has no real foothold. There is the transition from **castles in Spain** (from c. 1400, G. Chaucer; 1477, W. Caxton) to **castles in the air** (from 1567, W. Painter). By 1611, the phraseological unit had been recorded in R. Cotgrave's dictionary as the generally accepted English equivalent of the French expression. The author concludes that the semantic replacement is explained by the cognitive immediacy of the "air" metaphor: the absence of a foundation requires no historical or geographical knowledge, whereas **Spain** as a source of "impossibility" requires the historical context.

Keywords: Castle in the air, châteaux en Espagne, phraseological unit, idiom, historical-semantic analysis, prototype, toponym, borrowing, calque, conflict of synonyms.

Введение

Цель настоящей статьи – провести историко-семантический анализ прототипов английской фразеологической единицы (далее – ФЕ) **castle in the air** «несбыточный проект, мечта, праздная фантазия», рассмотрев основные этапы и гипотезы их появления.

Теоретической базой исследования послужили труды Телия В.Н. [1], Губайдуллина А.М. [2], Туарменской А.В. [3], Филичкиной Т.П. [4], Doja A. [5], Sudre L.M.P. [6], Pestipon Y. Le P. [7] и сборник научных трудов, выпущенный в честь Э. Пико "Melanges offerts a M. Emile Picot" [8], а также онлайн-статьи в газетах и журналах [9, 10, 11, 22].

Материал исследования: латинский и французские прототипы ФЕ и примеры их употребления, полученные методом целенаправленной выборки [12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 23, 24, 25, 26, 28, 29].

Методы исследования: метод целенаправленной выборки, этимологический анализ, метод дефиниций, семантико-исторический анализ, контекстуальный анализ, описательный метод, приемы обобщения и квалификации.

Обсуждение

I. Исторически первичный латинский прототип *in aere aedificare*

Образ строительства в воздухе, т.е. на негодном, иллюзорном основании был известен христианскому Западу задолго до того, как он приобрёл форму устойчивой

ФЕ. Идея восходит к Августину Блаженному (354-430 гг.), в проповедях которого встречается лексическая единица (далее – ЛЕ) **in aere aedificare** «строить в воздухе (воздушные замки)», т.е. мечтать о несбыточном, витать в облаках» [24, 25, 26, 28, 29]. Латинская ЛЕ **in aere aedificare** Августина Блаженного включает не образ замка, а здания в широком смысле.

II. Историко-семантический анализ компонента *château* «замок» [12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19]

Старофранцузская ЛЕ **chastiaus** (форма именительного падежа единственного числа) восходит к латинской ЛЕ **castellum** [уменьшительная форма ЛЕ **castrum** «укрепление, лагерь»] со значением «укреплённое поселение». В XI-XII вв. фиксируется значение «крепость». Начиная с XI в., ЛЕ **château** всё теснее связывается со значением «замок, крепость, твердыня» – укреплённое место с окрестными хижинами и рвом. Ко времени первой письменной фиксации ФЕ (ок. 1230) ЛЕ **chastiaus** уже прочно утвердилась в значении «крепость, твердыня, безопасное убежище». Данное значение делает ЛЕ идеальной для использования в составе ФЕ. В XIII в. графическая форма варьируется: **chastiaus**, **chasteaus**, **chasteaux**. К XIV-XV вв. устанавливается форма **chasteaux** с характерным для старофранцузского дифтонгом **eau**, в новофранцузском языке – форма **châteaux**.

Задолго до появления английской ФЕ **castle in the air** с компонентом **air** (1567) зафиксированы 4 французских ФЕ в разные исторические периоды с топонимами **Espagne**, **Brie**, **Albanie** и **Asie** [16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23] (см. табл. 1):

Таблица 1. Топонимы в составе французских ФЕ

№	Топоним	Автор/Произведение	Датировка
1.	Espagne	Гийом де Лоррис, "Le Roman de la Rose"	ок. 1230 г.
2.	Brie	Готье де Куэнси, "De aucuns moines dissolus"	XIII в.
3.	Albanie	Андре де Лавинь, "Le Verger d'honneur"	конец XV в.
4.	Asie	Пьер Гренгор, "Les menus propos"	1521 г.

III. Историко-семантический анализ французских ФЕ

1) Chastiaus en Espaigne

Как отмечается выше, самый ранний известный случай письменного употребления ЛЕ **chastiaus en Espaigne** встречается в "Le Roman de la Rose" «Романе о Розе» Гийома де Лорриса, написанном около 1230 г.: *Lors **feras chastiaus en Espagne** / Et avras joie de noient / Tan cum tu seras solement / En la pensee delitable / Ou il n'a que mensonge et fable* [22] «Тогда ты будешь **строить замки в Испании** и получишь радость из ничего, пока пребываешь в приятной мысли, где нет ничего, кроме лжи и басни». В данном среднефранцузском произведении ЛЕ появляется как

устойчивое выражение со значением «пустое мечтание, химера», что даёт основание предполагать, что к тому времени ЛЕ уже бытовала в устной речи и, вероятно, не требовала пояснений для читателей.

В XVII-XIX вв. было предложено несколько версий, которые современная наука отвергает или считает неполными [6, 7, 8, 10, 17, 20, 21, 22, 27, 28, 29]:

1. ЛЕ возникла в эпоху **chansons de geste** (франц. «песни о деяниях», «жесты»)» и Крестовых походов на Пиренейский полуостров. В средневековой поэме “Aymeri de Narbonne” «Аймери де Нарбонн» из “Cycle de Guillaume d'Orange” «Цикла Гийома Оранжского», созданной в начале XIII в. (ок. 1210-1220 гг.), действие начинается сразу после резни в битве при Ронсевале, где погиб Роланд и весь арьергард Карла Великого. Император возвращается из Испании, и на его пути встаёт сарацинская (мусульманская) Нарбонна. Карл Великий стремится найти того, кто согласится завоевать Нарбонну и принять её в качестве феода. Он предлагает город нескольким баронам – Наиму, Дрё де Мондидье и Ришару Нормандскому, которые один за одним отказываются. Так, Ришар Нормандский говорит, что устал от войны в земле «неверных», где не провёл и семи дней без кольчуги: *Mais, par l’apostre que l’on requiert et prie, / Se j’estoie or arier en Normendie, / Ja en Espaigne n’avroie manantie, / Ne de Narbone n’avro …* [6] «Но, клянусь апостолом, / Если бы я был сейчас в Нормандии, / Я не стал бы домогаться владений в Испании / И не взял бы Нарбонну …».

Этот эпизод в поэме дает возможность прояснить контекст появления ФЕ **châteaux en Espagne**: **Espagne** «Испания» воспринималась как земля, полная возможностей, но опасная, в значительной степени находящаяся под властью «неверных» (мавров), а испанский фьеф – это дар, от которого отказываются, потому что он требует завоевания в смертельно опасной земле. Таким образом, **châteaux en Espagne** обозначает заманчивые, но труднодостижимые или вовсе несбыточные обещания. В “Baudouin de Sebourc” «Балдуин де Себурк» (ок. 1350) король предлагает рыцарю отправиться в поход. Рыцарь отвечает с иронией: *Sire, vous me donnés biau don! j**. chastel en Espaigne**, tant qu'en comparison. Conquerre le m'estoit au fer et au baston* [22] «Сир, вы даёте мне прекрасный дар! **Замок в Испании**, ни больше ни меньше. А завоевать его мне придётся железом и палкой». **Chastel en Espagne** – это «щедрый» дар, который на деле оказывается смертельно опасным предприятием. Замок нужно завоевать, и именно это делает его «пустым» обещанием: он существует лишь как задача, а не как реальное владение.

3. Известный лексикограф Эмиль Литтре считал, что ФЕ изначально означала лишь «строить замки в чужой стране, где у человека нет точки опоры, т.е. «питаться химерами». Испания была выбрана как ближайшая к христианскому миру мавританская страна [17].

4. По мнению Этьена Паскье (1529-1615), французского юриста, писателя, автора “Recherches de la France” «Изысканий о Франции», в Испании отсутствовали замки в полях, лишь хижины и небольшие дома, стоявшие на большом расстоянии друг от друга, в которых путешественники были вынуждены останавливаться на ночлег, будучи в пути. Автор полагал, что это делалось для того, чтобы мавры не захватили их и не использовали как укрепления [8, 23].

5. Согласно Андре Морелле (1727-1819), французскому аббату, экономисту и литератору, члену Французской академии, и состояла в том, что «с той эпохи, когда Испания стала хозяйкой рудников Мексики и Перу, люди, привыкшие видеть в драгоценных металлах великое и единственное богатство, стали смотреть на Испанию как на самую богатую страну и источник самых больших богатств». Ложность данного представления, по мнению А. Морелле, об Испании, желание и надежда разбогатеть отразились в ФЕ «строить замки в Испании» [8]. Следует отметить, что гипотеза А. Морелле – это анахронизм, поскольку ФЕ зафиксирована в «Романе о Розе» в XIII в., задолго до открытия Америки в 1492 г.

6. Этьен Жоанно (1770-1840), французский филолог, антиквар, член Общества антикваров Франции, прослеживал связь ФЕ с Гесперией – нимфой-гесперидой, охранявшей сады с золотыми яблоками, или Гесперией [греч. **Esperia** «западная земля»], древним названием Испании [8]. Данная гипотеза, очевидно, является фантазией учёного.

7. Версия о военной хитрости Квинта Цецилия Метелла (II в. до н.э.) [8]. Флёри де Белленжен возводил ФЕ к действиям Метелла в Испании, который, не сумев взять Контребрию силой, разбросал по провинции форты, тем самым создал видимость осады. Данная гипотеза не подтверждается историческими и литературными источниками.

8. Гипотеза о Генрихе Бургундском (1095 г.) [8], который служа королю Кастилии Альфонсу VI, одержал победу над маврами и получил в награду графство Португалия, где построил прекрасные замки. Многие рыцари захотели повторить его успех, но для большинства это осталось лишь мечтой. Это объяснение имеет историческое зерно, но хронологически вторично: выражение зафиксировано в «Романе о Розе» (ок. 1230), т.е. позже событий 1095 г., но сам эпизод с Генрихом

демонстрирует тот же алгоритм – поехать в Испанию → завоевать земли → построить замки.

9. А. Фюретьер объясняет происхождение французской ФЕ **faire des châteaux en Espagne** «строить воздушные замки» различиями архитектурно-бытовых традиций: испанская знать постоянно проживала в городах и не строила загородных замков, как это было принято во Франции, поэтому «строить замки в Испании» означало питать пустые фантазии, заниматься беспочвенными мечтаниями: (1684) *Parce qu'en Espagne les grands seigneurs demeurent dans les villes, et ne font pas bâtir des châteaux à la campagne, comme on en fait en France* «потому что в Испании знатные сеньоры живут в городах и не строят замков в сельской местности, как во Франции» Следует отметить, что это лишь одно из толкований в словаре А. Фюретьера. Ученый также приводит другие версии происхождения, например, связывая их с военной историей или с маврами, построившими множество крепостей на Пиренейском полуострове [7].

Английские поэты и переводчики, начиная с Дж. Чосера (ок. 1342/1343-1400) и У. Кэкстона (ок. 1422-1491), использовали вариант с компонентом **Spain**. Так, при переводе «Романа о Розе» Дж. Чосер использовал кальку со старофранцузской ФЕ – **make castels in Spayne**: (ок. 1400) *Thou shalt* ***make castels*** *thanne* ***in Spayne****, / And dreme of joye, alle but in vayne, …* [12] «Ты будешь тогда **строить замки в Испании** / И грезить о радости, но всё это тщетно …».

Пример 1477 г. из перевода У. Кэкстона (1477) *He began to* ***make castellis in Spaygne*** *as louers doo* [12] «Он начал **строить замки в Испании**, как это делают влюблённые»» – это одна из ранних литературных фиксаций французского заимствования в английском языке. ФЕ **castellis in Spaygne** «замки в Испании» со значением «любовные грёзы и мечты влюблённого» позже был вытеснен ФЕ **castle in the air**. Цитата (1477) *He began to* ***make castellis in Spaygne*** *as louers doo* [12] «Он начал **строить замки в Испании**, как это делают влюблённые» принадлежит У. Кэкстону, первому английскому печатнику, который перевел с французского «Историю Ясона» Рауля Ле Февра (ок. 1460). Этот пример – одна из первых фиксаций в английском печатном тексте. ФЕ описывает любовное томление царя Эсклавонии, который ночью, страдая от ран и любви, предаётся сладостным мечтам о своей даме. У. Кэкстон при переводе Ле Февра, воспроизводит устоявшуюся ассоциацию о любовной мечтательности, но добавляет уточняющее сравнение *as louers doo* «как влюблённые» к ФЕ, возможно, для ясности английскому читателю.

С середины XVI в. появляется английский вариант ФЕ **castle in the air** [12, 13, 14], который в результате конфликта синонимов со временем вытесняет **castle in Spain** как основной. В 1567 г. У. Пейнтер пишет в «Дворце удовольствий»: … ***building castles in the ayre****, and deuising a thousande Chimeras in his braine* [12, 22] «… **строя воздушные замки** и изобретая тысячу химер в своём мозгу». Соседство с ЛЕ **Chimeras** «химерами» усиливает значение фантазии, иллюзии и бреда, поскольку в греческой мифологии химера – чудовище с головой льва, телом козы и хвостом змеи; в переносном смысле «пустая фантазия». Данное сочетание образует двойное семантическое усиление.

К концу XVI в. ФЕ полностью утрачивает связь с реальными испанскими походами и становится чистым обозначением бесплодного фантазирования. М. де Монтень в «Опытах» пишет: (1580) *Que ie me mette à faire des* ***chasteaux en Espagne****, mon imagination m'y forge des commoditez & des plaisirs, desquels mon ame est reellement chatoüillée & resiouye* [7] «Когда я принимаюсь **строить замки в Испании**, моё воображение создаёт мне удобства и удовольствия, от которых душа моя поистине трепещет и радуется». Ж. де Лафонтен в произведении «Молочница и кувшин с молоком»: (1678): *Quel esprit ne bat la campagne? / Qui ne* ***fait châteaux en Espagne****?* [7] «Какой ум не бродит по полям? Кто не **строит замков в Испании**?» Ж. де Лафонтен использует ФЕ как универсальную максиму о человеческой природе: люди склонны мечтать, что может быть как комично, так и трогательно.

Таким образом, конфликт синонимичных ФЕ **castle in the air** и **castle in Spain** продолжалась на протяжении XVI-XVII вв., однако постепенно вариант **castle in the air** занял доминирующее положение, что можно объяснить большей семантической прозрачностью метафоры: воздух как субстанция, не способная служить основанием, воспринимается носителями языка более наглядно, чем указание на конкретную страну. В словаре Р. Котгрейва содержится свидетельство окончательного перехода к варианту **castle in the air** в английском языке. Словарная статья **Chasteau deuant** (раздел **Chasteau**) содержит следующее определение ФЕ: ***Faire des chasteaux en Espaigne***. ***To build castles in the aire*** *(say we;) to muse he knowes not about what; to bestow the time in friuolous contemplations; to bee full of wandering, and vain imaginations; to propound vnto himselfe, or others, most idle, or impossible exploits; (for there are but few Castles in the main land of Spain; or if more were to be built, who hath to do withall but the Spaniard?)* [23] «**Строить замки в воздухе** (так говорим мы); размышлять о том, сам не зная о чём; проводить время в праздных созерцаниях; быть полным блуждающих и пустых воображений;

предлагать себе или другим самые праздные или невозможные предприятия; (ибо на материковой земле Испании замков совсем немного; а если бы их нужно было построить больше, кто, кроме испанца, имел бы к этому отношение?)». Таким образом, к 1611 г. ФЕ **castles in the air** уже была общепринятым английским соответствием французской ФЕ. Р. Котгрейв фиксирует существующую норму.

2) Chastiaus en Brie

ФЕ **chastiaus en Brie** зафиксирована в проповеди Готье де Куэнси – бенедиктинского монаха из аббатства Сен-Медар, известного сборником “Miracles de Nostre Dame” «Чудеса Богоматери» [6, 7, 8]. Его «Проповеди о целомудрии для монахинь» представляет собой назидательное сочинение, адресованное монахиням Суассонского собора. ФЕ **chastiaus en Brie** появляется в проповеди и выполняет функцию самопредостережения: даже если уста произносят благочестивые слова, но сердце «строит замки» в другом месте, т.е. погружено в праздные помыслы, то речь человека лишается ценности. По сути – это продолжение традиции Августина Блаженного. Г. де Куэнси использует **chastiaus en Brie** в морализаторском контексте, и цитата построена как риторический вопрос: *Que me vaut chose que je die / Quant mes cuers* ***fait chastiaus en Brie****?* [22] «Что толку в том, что я говорю, если сердце моё **строит замки в Бри**?». **Brie** «Бри» – историческая область к востоку от Парижа, знаменитая сыром бри, но в Средние века данная область являлась королевским доменом. В средневековом французском языке ЛЕ **cuers** «сердце» [15, 16, 17, 18, 19] – это не только орган чувств, но и средоточие воли и мысли. Сердце, «строящее замки», предаётся суетным и пустым желаниям. Это перекликается с семантикой ФЕ **chastiaus en Espaigne** из «Романа о Розе»: иллюзорное убежище, при котором реальные слова и поступки теряют смысл.

Важно отметить, что в английском языке закрепился вариант ФЕ **castles in Spain** (с 1400 г.). Вариант ФЕ с компонентом **Brie** не фигурирует как самостоятельная английская ЛЕ ни в одном из английских словарей. Причина, вероятно, в том, что вариант с компонентом **Spain** был первичным и доминирующим, а вариант с компонентом **Brie** был локальным французским употреблением, не получившим широкого распространения в языке-источнике. Таким образом, ФЕ **châteaux en Brie** остаётся французским вариантом-гапаксом, зафиксированным в произведении Г. де Куэнси, но не вошедшим в английский фразеологический фонд.

3) Chasteaux d'Albanye

“Le Vergier d'honneur” «Сад чести» – французский поэтический сборник, впервые опубликованный в Париже около 1503 г., в котором зафиксирован редкий

вариант ФЕ **chasteaux d'Albanye** «замки Албании» [5]. Основным автором считается секретарь королевы Андре де Лавинь (ок. 1470-1526). Часть текстов приписывается епископу Ангулемскому Октавьену де Сен-Желе, но, по мнению Ла Круа дю Мена, «Сен-Желе не является автором «Сада чести», кроме одной части, хотя его имя там и стоит: ибо Андре де Лавинь составил большую часть» [5, 7]. Сборник включает “Voyage de Naples” – описание итальянского похода Карла VIII (1494-1495), а также другие поэтические произведения: *Je vays, je viens, le trot et puis le pas, / Je dis ung mot, puis après je le nye, / Et si bastis sans reigle ne compass / Tout fin seullet les* ***chasteaux d'Albanye*** [5] «Я хожу, прихожу, рысью и затем шагом, / Говорю слово, а потом его отрицаю, / И так строю без правила и циркуля / Совершенно один **замки Албании**». То есть, согласно одной гипотезе, топоним **Albanie** мог обозначать Кавказскую Албанию. Однако в контексте ФЕ **châteaux en Albanie** речь, вероятнее, идёт об Англии, называемой древними Счастливым островом [греч. **olbios** «богатый»] [5].

По мнению П.-М. Китару, авторитетного французского паремиолога, в ФЕ топоним **Albanie** является синонимом **Albion** «Англии»: после нормандского завоевания 1066 г. Вильгельм Завоеватель раздавал своим воинам земли в Англии, где они строили множество замков. ФЕ **faire des châteaux en Albanie** «строить замки в Албании» означала те же надежды на приобретение земель в чужой стране, что и «замки в Испании» [21].

Сборник «Сад чести» представляет собой важное звено в истории бытования ФЕ, документируя географическую вариативность ФЕ в конце XV-нач. XVI в., когда компонент **Albanie** «Албания (Англия)» выступала как полноценный синоним **Espaigne** «Испании» в том же значении – владения, которые нужно завоевать в чужой земле.

4) Châteaux en Asie

Лексикограф Э. Литтре отмечал, что варианты как с компонентом **Albanie**, так и **Asie** означают «строить замки» в чужих странах, там, где нас нет. Они указывают на общую логику – ведение нереальных предприятий в далёких заморских землях. Компонент **Espaigne** в конечном счёте возобладал, поскольку был хорошо известен из рассказов о Роланде. [17].

Выводы

Анализ практического материала позволяет сделать следующие выводы:

1. Символика стихий, в частности воздуха, является одной из древнейших форм концептуализации мира. Мифологические и религиозные представления о воздухе

закрепились в устойчивых выражениях и метафорах, став частью культурного кода человечества

2. ФЕ **faire des châteaux en Espagne** возникла в средневековой французской литературе («жестах»), первоначально была связана с рыцарскими фантазиями о получении замков в Испании, которая тогда считалась землёй, контролируемой маврами, а позже стала обозначать пустые мечты, «воздушные замки».

3. ФЕ **faire des châteaux en Espagne** прошёл путь от конкретно-исторического образа (фьефы, которые нужно завоевать у мавров, но которые никто не хочет брать после Ронсеваля) к метафоре (отсутствие основания, иллюзия, химера, пустое, сладостное мечтание). Приведённые в статье гипотезы являются попытками рационализировать ФЕ. Однако подлинная этимология – историческая: фьефы в земле мавров, которые нужно завоевать, но которые после Ронсеваля воспринимались как неосуществимые. За топонимом стоят эпические предания о Карле Великом, реальные крестовые походы рыцарей на Пиренейский полуостров, и постепенное превращение ЛЕ в номинацию «химеры». Английский язык совершил этот переход в конце XVI в., зафиксировав ФЕ **castles in the air** как основную форму.

4. В французском языке **châteaux en Espagne** вместе с **chastiaus en Brie**, **châteaux en Albanie**, **Châteaux en Asie** образуют одно семантическое поле – все ФЕ обозначают «строительство неосуществимых замков в далёком или чужом месте, где у человека нет почвы, нет реальной опоры». Замена топонима **Espaigne** на **Brie**, **Albanie** или **Asie** относится к французской традиции бытования ФЕ, а не к её английскому заимствованию. В английском языке ФЕ **castles in Spain** сформировалась под влиянием французской ФЕ **faire des châteaux en Espagne** (ранняя английская фиксация галлицизма **castles in Spain** в переводе У. Кэкстона (1477)).

Список литературы

1. Телия В.Н. Фразеология в контексте культуры. М.: «Языки русской культуры», 1999. 336 с.
2. Губайдуллин А.М. Некоторые вопросы изучения средневековой фортификации // Археология евразийских степей. 2022. №5. С. 67-73.
3. Туарменская А.В. Уровни фразеологизации на примере английских устойчивых выражений военной терминосистемы // Когнитивные исследования языка. 2024. №4(60). С. 504-512.
4. Филичкина Т.П. Синхронизм и диахронизм фразеологизмов античного происхождения в англоязычном медийном дискурсе // Филологические науки в МГИМО. 2022. 8(2). С. 53-62.
5. Doja A. Le sol albanais à l'origine d'une locution française: bâtir des châteaux en Albanie. Les Lettres Albanaises, 1984. 7 (4). Pp.98-102.
6. Sudre L.M.P. Chrestomathie du Moyen Age. Paris: Ch. Delagrave, 1898. 185 p.

7. Pestipon Y. Le P. Un peu d'Espagne dans La Fontaine // Le Fablier. Revue des Amis de Jean de La Fontaine. Année 2019. №30. Pp. 153-159. Режим доступа: https://www.persee.fr/doc/lefab_0996-6560_2019_num_30_1_1415#1 (Дата обращения: 02.10.2026).
8. Melanges offerts a M. Emile Picot / par ses amis et ses eleves // CHATEAUX EN ESPAGNE. Librairie Damascene Morgang, 1913. P. 335-342.

Список источников

9. Что такое «воздушные замки»? // Еженедельник «Аргументы и Факты». 17.09.2014. №38. Режим доступа: https://spb.aif.ru/culture/event/1340326 (Дата обращения: 05.10.2026)
10. Щербаков А.Б. Шансон де жест: жанр средневековой героической поэзии. Режим доступа: https://svr-lit.ru/svr-lit/articles/scherbakov-shanson-de-zhest.htm?ysclid=muygnih4tj172947639 (Дата обращения: 10.10.2026)
11. Мечтать не вредно! // Мост. Библиотека для молодежи. Режим доступа: https://www.mbi74.ru/method-info/kopilka-metodista/neobychnyy-kalendar/mechtat-ne-vredno/ (Дата обращения: 18.10.2026)
12. Oxford English Dictionary. Режим доступа: http://oed.com (Дата обращения: 01.10.2026)
13. Historical Thesaurus of the Oxford English Dictionary. Режим доступа: https://ht.ac.uk/ (Дата обращения: 02.10.2026)
14. Middle English Compendium. Режим доступа: https://quod.lib.umich.edu (Дата обращения: 01.10.2026)
15. Anglo-Norman Dictionary. Режим доступа: https://anglo-norman.net/ (Дата обращения: 01.10.2026)
16. Centre National de Ressources Textuelles et Lexicales. Режим доступа: https://www.cnrtl.fr/etymologie/ch%C3%A2teau (Дата обращения: 02.10.2026)
17. Littré E., Devic L.M. Dictionnaire de la langue française. Volume 1. Paris: Hachette, 1883. Режим доступа: https://www.littre.org/definition/château (Дата обращения: 03.10.2026)
18. Brachet A. An etymological dictionary of the French language. Oxford: Clarendon Press, 1873. 558 p.
19. Französisches Etymologisches Wörterbuch (FEW). Режим доступа: https://lecteur-few.atilf.fr/lire/20/468 (Дата обращения: 05.10.2026)
20. Dictionnaire Des Proverbes Français: Par M. De La Mésangère, De La Société Royale Des Antiquaires De France. Troisième Édition. Paris: Chez Treuttel et Würtz, Libraires; Chez Rey et Gravier, Libraires, 1823. 722 p.
21. Quitard P.-M. Dictionnaire Étymologique, Historique Et Anecdotique des Proverbes Et des Locutions Proverbiales de la Langue Française. Classic Reprint Series. Forgotten Books, 2024. 723 p.
22. Tréguer P. Origin of 'castles in Spain' and 'castles in the air'. Режим доступа: https://wordhistories.net/2017/07/18/castles-in-spain-origin/?like_comment=1533&_wpnonce=41ceae506a (Дата обращения: 03.10.2026)
23. Cotgrave R. A dictionarie of the French and English tongues. London: A. Islip, 1611. 979 p.

24. Корнеев А.Н. 3000 латинский крылатых выражений. Донецк: ООО «ПКФ «БАО», 2011. 252 с.
25. Словарь античности. Режим доступа: https://ancientrome.ru/dictio/article.htm?a=239034465&ysclid=mt7j6hc3e9888106577 (Дата обращения: 03.10.2026)
26. Словарь латинских фраз и выражений. Режим доступа: https://gufo.me/dict/latin_phrases/Domus_sua_cuigue_est_tutissimum_refugium?ysclid=mtahgv2que253956669 (Дата обращения: 03.10.2026)
27. Словарь средневековой культуры. CHANSONS DE GESTE. Режим доступа: https://cult-lib.ru/doc/dictionary/medieval-culture/articles/1/chansons-de-geste.htm?ysclid=muygzzyf3o11613729 (Дата обращения: 10.10.2026)
28. Ammer Ch. The American Heritage Dictionary of Idioms. Second Edition. Boston, New York: Houghton Mifflin Harcourt, 2013. 1385 p.
29. The Oxford Dictionary of Idioms. Second Edition. Oxford: Oxford University Press, 2004. 352 p.

Дата публикации 31.10.2026
УДК 81'42:34

Нобатова Б., Максадова А. Лингвистическая экспертиза конфликтогенного текста: методологические критерии и практический инструментарий

Нобатова Багул
Преподаватель, Туркменский национальный институт мировых языков имени Довлетмаммета Азади, Ашхабад, Туркменистан

Максадова Айнур
Студент, Туркменский национальный институт мировых языков имени Довлетмаммета Азади, Ашхабад, Туркменистан

Linguistic Expertise of Conflict-Generating Text: Methodological Criteria and Practical Tools

Nobatova Bagul
Lecturer, Dovletmammet Azadi Turkmen National Institute of World Languages Ashgabat, Turkmenistan

Maksadova Aynur
Student, Dovletmammet Azadi Turkmen National Institute of World Languages Ashgabat, Turkmenistan

Аннотация. В статье рассматриваются методологические основания и практический инструментарий лингвистической экспертизы конфликтогенных текстов. Актуальность работы обусловлена ростом числа дел, связанных с вербальной агрессией, экстремизмом и разжиганием ненависти, и необходимостью повышения качества экспертных заключений. Цель исследования — систематизировать критерии отнесения текста к конфликтогенному и предложить алгоритм экспертного анализа, сочетающий лингвистические методы с учётом правовых требований. Методологическую основу составили работы по судебной лингвистике, корпусной лингвистике и теории конфликтогенного дискурса. Эмпирическую базу составили материалы экспертных заключений и примеры конфликтогенных интернет-текстов. В результате выделены три группы критериев (семантические, прагматические, социокультурные), описаны методы их верификации (компонентный анализ, контекстуальный анализ, корпусный анализ, интент-анализ) и предложен пошаговый алгоритм экспертизы. Показано, что эффективность экспертизы зависит от сочетания лингвистической квалификации эксперта и понимания правового контекста. Научная новизна заключается в разработке интегративной модели экспертного анализа, объединяющей критерии и инструменты в единую систему. Практическая значимость состоит в возможности применения предложенного алгоритма в работе экспертов-лингвистов и при подготовке заключений по делам о защите чести и достоинства, экстремизме и разжигании ненависти.

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза, конфликтогенный текст, методологические критерии, практический инструментарий, вербальная агрессия, экстремизм, судебная лингвистика.

Abstract. The article examines the methodological foundations and practical toolkit of linguistic expertise of conflict-generating texts. The relevance of the work stems from the increasing number of cases involving verbal aggression, extremism, and hate speech, as well as the need to improve the quality of expert opinions. The aim of the study is to systematize the criteria for categorizing a text as conflict-generating and to propose an expert analysis algorithm combining linguistic methods with legal requirements. The methodological framework is based on works in forensic linguistics, corpus linguistics, and the theory of conflict-generating discourse. The empirical base comprises materials from expert opinions and examples of conflict-generating online texts. As a result, three groups of criteria were identified (semantic, pragmatic, sociocultural), methods for their verification were described (componential analysis, contextual analysis, corpus analysis, intent analysis), and a step-by-step expertise algorithm was proposed. It is shown that the effectiveness of the expertise depends on the combination of the expert's linguistic qualifications and their understanding of the legal context. The scientific novelty lies in the development of an integrative model of expert analysis that unifies criteria and tools into a single system. The practical significance lies in the potential application of the proposed algorithm by forensic linguists and in preparing expert opinions for cases concerning the protection of honor and dignity, extremism, and incitement of hatred.

Keywords: linguistic expertise, conflict-generating text, methodological criteria, practical toolkit, verbal aggression, extremism, forensic linguistics.

Введение. Лингвистическая экспертиза текста является одним из наиболее востребованных и одновременно сложных видов судебных экспертиз. Рост числа дел, связанных с оскорблениями, угрозами, разжиганием ненависти и экстремизмом, требует от экспертов-лингвистов не только глубоких знаний языка, но и понимания правовых норм, а также умения применять стандартизированные методы анализа. Конфликтогенный текст — это текст, который содержит признаки вербальной агрессии, унижения, угрозы или призывов к враждебным действиям и может стать предметом правовой оценки.

Актуальность исследования определяется необходимостью повышения качества и объективности лингвистических экспертиз. Как отмечает Е. И. Галяшина, судебная лингвистическая экспертиза требует чёткого определения пределов допустимости использования методов лингвистической науки, поскольку экспертное заключение должно быть не только научно обоснованным, но и юридически корректным [1, с. 34–36]. В работах А. Н. Баранова подчёркивается, что лингвистика в экспертизе должна сочетать методологическую строгость с пониманием правовых категорий [2, с. 18–27]. Однако единого алгоритма, объединяющего критерии и инструменты в целостную систему, до сих пор не предложено. Это создаёт разрыв между теорией и практикой экспертной деятельности.

Научная новизна работы состоит в разработке интегративной модели экспертного анализа конфликтогенного текста, которая объединяет семантические,

прагматические и социокультурные критерии с методами их верификации (компонентный анализ, контекстуальный анализ, корпусный анализ, интент-анализ). В отличие от существующих подходов, где акцент делается на отдельные аспекты (например, на выявление экстремистской лексики или на анализ интенций), предложенная модель обеспечивает системный подход к экспертизе.

Цель статьи — систематизировать критерии отнесения текста к конфликтогенному и предложить практический алгоритм экспертного анализа, сочетающий лингвистические методы с учётом правовых требований. Для достижения цели решаются следующие задачи: (1) рассмотреть теоретические основания лингвистической экспертизы конфликтогенного текста; (2) выделить и охарактеризовать критерии конфликтогенности; (3) описать методы верификации критериев; (4) предложить пошаговый алгоритм экспертизы.

Методика исследования. Исследование носило теоретико-прикладной характер. На первом этапе был проведён анализ научной литературы по судебной лингвистике, теории конфликтогенного дискурса и корпусной лингвистике. Были отобраны источники, описывающие как методологические принципы, так и практические примеры экспертиз. На втором этапе систематизированы критерии конфликтогенности на основе обобщения существующих подходов. На третьем этапе разработан алгоритм экспертного анализа, включающий последовательность действий и описание методов. На четвёртом этапе проведена апробация алгоритма на материале двух конфликтогенных интернет-текстов (один — с признаками этнического экстремизма, другой — с признаками оскорбления).

Для анализа использовались следующие методы: компонентный анализ (выделение семантических признаков лексем), контекстуальный анализ (учёт ближайшего и широкого контекста), корпусный анализ (сопоставление с данными корпусов для определения типичности употребления), интент-анализ (выявление коммуникативных намерений автора). Дополнительно применялся метод экспертных оценок: три эксперта-лингвиста независимо оценивали тексты по предложенным критериям, коэффициент согласия (каппа Коэна) составил 0,82.

Теоретические основания. Конфликтогенный текст рассматривается в рамках теории речевой агрессии, теории конфликтного дискурса и судебной лингвистики. Речевая агрессия понимается как использование языковых средств для нанесения психологического вреда собеседнику или третьим лицам. Конфликтный дискурс — это дискурс, в котором коммуникативные цели участников противоположны и приводят к столкновению. Судебная лингвистика разрабатывает

методы анализа текста для правовых целей, включая выявление признаков экстремизма, оскорбления, клеветы.

В работах Е. И. Галяшиной подчёркивается, что эксперт-лингвист должен разграничивать собственно лингвистические и правовые категории: например, оскорбление как правовая категория требует установления неприличной формы, а унижение достоинства — наличия специальной цели [3, с. 31–36]. А. Н. Баранов указывает на необходимость использования корпусных методов для повышения объективности экспертных выводов [2, с. 18–27]. Исследования в области корпусной лингвистики показывают, что анализ сочетаемости и семантической просодии позволяет выявить скрытые оценочные компоненты значения [4; 5].

Критерии конфликтогенности текста. На основе анализа литературы и экспертной практики были выделены три группы критериев.

Семантические критерии связаны со значением языковых единиц. К ним относятся: наличие лексики с негативной оценочностью (оскорбления, уничижительные наименования), наличие слов с агрессивной семантикой (угрозы, призывы к насилию), использование стилистически сниженной лексики (брань, вульгаризмы). Важно учитывать, что негативная оценочность может быть, как эксплицитной, так и имплицитной (например, через метафору или иронию).

Прагматические критерии отражают коммуникативные интенции автора и воздействие на адресата. К ним относятся: наличие прямой или косвенной угрозы, унижение чести и достоинства, разжигание ненависти или вражды, призывы к противоправным действиям. Прагматический анализ требует учёта контекста: кому адресован текст, в какой ситуации создан, какие цели преследует автор.

Социокультурные критерии связаны с культурными и социальными нормами. К ним относятся: использование этнических, религиозных, гендерных стереотипов, дискриминационных высказываний, символов ненависти. Эти критерии особенно важны при экспертизе текстов экстремистской направленности [6, с. 192–200].

Методы верификации критериев. Для каждого критерия существуют определённые методы верификации. Семантические критерии проверяются с помощью компонентного анализа (выделение сем), контекстуального анализа (учёт ближайшего контекста) и корпусного анализа (сопоставление с типичными употреблениями). При анализе конфликтогенных единиц в художественном тексте дополнительно учитывается их семантика и прагматика [7]. Например, чтобы доказать, что слово является оскорбительным, необходимо показать, что в данном

контексте оно используется для унижения адресата, а не в прямом номинативном значении.

Прагматические критерии верифицируются через интент-анализ (выявление коммуникативных намерений), анализ речевых актов (например, угроза как речевой акт), а также через оценку перлокутивного эффекта (как текст воспринимается адресатом). Для поликодовых текстов экстремистской направленности применяется психолого-лингвистический анализ трансформации смыслов вербальных и невербальных компонентов [8]. Для этого могут использоваться экспериментальные методы (опрос фокус-групп) и экспертные оценки.

Социокультурные критерии требуют привлечения фоновых знаний о культурных нормах и стереотипах. Здесь эффективен метод дискурс-анализа, позволяющий выявить идеологические компоненты текста. Также используется корпусный анализ для определения частотности и типичности дискриминационных высказываний в определённом дискурсе. При корпусной верификации учитывается опыт корпусной лингвистики в правовом дискурсе [9].

Практический инструментарий: алгоритм экспертного анализа. На основе выделенных критериев и методов был разработан пошаговый алгоритм экспертизы конфликтогенного текста.

Шаг 1. Определение объекта и предмета экспертизы. Эксперт уточняет, какие именно фрагменты текста подлежат анализу, какие правовые нормы вменяются (например, ст. 282 УК РФ или ст. 5.61 КоАП РФ).

Шаг 2. Сбор контекста. Анализируется широкий контекст: источник текста, автор, адресат, коммуникативная ситуация, сопутствующие материалы (комментарии, репосты).

Шаг 3. Семантический анализ. Выделяются языковые единицы с конфликтогенным потенциалом, проводится компонентный анализ, определяется их оценочность и стилистическая принадлежность.

Шаг 4. Прагматический анализ. Устанавливаются коммуникативные интенции автора, тип речевого акта, направленность на адресата. Оценивается, является ли высказывание угрозой, оскорблением, призывом.

Шаг 5. Социокультурный анализ. Выявляются стереотипы, дискриминационные компоненты, символы ненависти. Оценивается, направлен ли текст на разжигание вражды.

Шаг 6. Корпусная верификация. Проводится сопоставление спорных единиц с данными корпусов для подтверждения их типичности или уникальности в данном значении.

Шаг 7. Формулирование выводов. Эксперт делает вывод о наличии или отсутствии признаков конфликтогенности, аргументируя каждый пункт ссылками на результаты анализа с опорой на методические положения судебной лингвистической экспертизы [10].

Апробация алгоритма на двух анонимизированных текстах показала его эффективность. В первом случае (текст с признаками этнического экстремизма) анализировался фрагмент публикации: «Эти [название этнической группы] понаехали и захватывают наши рабочие места; их надо выдавить из города». На шаге 3 выделены единицы с конфликтогенным потенциалом: «понаехали» (негативная оценочность, уничижительная коннотация), «захватывают» (агрессивная метафора), «выдавить» (призыв к враждебным действиям). На шаге 4 установлена коммуникативная интенция — побуждение к враждебным действиям в отношении этнической группы. На шаге 5 выявлен этнический стереотип о «захвате» рабочих мест. На шаге 6 корпусная проверка подтвердила типичность сочетания «понаехали» с негативной оценкой группы. Вывод: текст содержит признаки возбуждения ненависти или вражды.

Во втором случае (оскорбление) анализировался комментарий в публичном обсуждении: «Ты не человек, а [бранное слово]». На шаге 3 установлена стилистически сниженная и бранная лексика, направленная на конкретное лицо; на шаге 4 — речевой акт оскорбления и унижения чести и достоинства; на шаге 5 социокультурные признаки дискриминации не выявлены; на шаге 6 корпусные данные подтвердили употребление данной единицы как бранной. Вывод: наличествует оскорбление в адрес конкретного лица. Экспертные оценки совпали с выводами, полученными по алгоритму.

Выводы. Проведённое исследование позволило систематизировать критерии конфликтогенности текста и предложить практический алгоритм экспертного анализа. Основные выводы:

1. Конфликтогенность текста определяется совокупностью семантических, прагматических и социокультурных критериев, которые должны рассматриваться в единстве.

2. Для верификации критериев необходимо использовать комплекс методов: компонентный, контекстуальный, корпусный анализ, интент-анализ, дискурс-анализ.

3. Предложенный алгоритм обеспечивает последовательность и объективность экспертного анализа, снижает риск субъективных оценок.

4. Эффективность экспертизы зависит от квалификации эксперта, его способности сочетать лингвистические методы с пониманием правовых категорий.

Рекомендации: при проведении лингвистической экспертизы конфликтогенных текстов следует придерживаться предложенного алгоритма, документировать каждый шаг анализа, использовать корпусные данные для подтверждения выводов. Экспертам рекомендуется проходить дополнительное обучение в области правовой лингвистики и корпусных методов.

Ограничения исследования связаны с ограниченным эмпирическим материалом (два текста) и субъективностью экспертных оценок. Дальнейшие исследования могут быть направлены на расширение выборки, разработку автоматизированных инструментов анализа конфликтогенных текстов, а также на изучение кросс-культурных различий в восприятии конфликтогенности.

Список литературы

1. Галяшина, Е. И. Судебная лингвистическая экспертиза и пределы допустимости использования методов лингвистической науки / Е. И. Галяшина // Вестник Московского университета МВД России. – 2018. – № 4. – С. 31–36.
2. Баранов, А. Н. Лингвистика в лингвистической экспертизе (метод и истина) / А. Н. Баранов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. – 2017. – Т. 16, № 2. – С. 18–27. – DOI 10.15688/jvolsu2.2017.2.2.
3. Галяшина, Е. И. Проблемы повышения эффективности и качества судебной лингвистической экспертизы / Е. И. Галяшина // Вестник Московского университета МВД России. – 2017. – № 2. – С. 34–36.
4. Голев, Н. Д. Обратный машинный перевод на службе юридической лингвистики / Н. Д. Голев, В. С. Мельникова // Инновационные, информационные и коммуникационные технологии : сборник трудов XVII Международной научно-практической конференции, Сочи, 01–10 октября 2020 года. – Москва : Ассоциация выпускников и сотрудников ВВИА имени профессора Н. Е. Жуковского, 2020. – С. 8–11.
5. Мартыненко, И. А. Корпусная лингвистика как инструмент для изучения юридической лексики / И. А. Мартыненко, О. Г. Злобина // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). – 2018. – № 11(51). – С. 88–98. – DOI 10.17803/2311-5998.2018.51.11.088-098.
6. Новоселова, А. Н. Определение лингвистических признаков этнического экстремизма при проведении судебно-лингвистической экспертизы на примере исследования конфликтогенного интернет-текста / А. Н. Новоселова, Р. И. Захаров // Национальные и международные тенденции и перспективы развития судебной экспертизы : сборник докладов Научно-практической конференции с

международным участием, Нижний Новгород, 19–20 мая 2022 года. – Нижний Новгород : Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, 2022. – С. 192–200.
7. Путина, О. Н. Семантика и прагматика конфликтогенных единиц в художественном тексте / О. Н. Путина // Евразийский гуманитарный журнал. – 2025. – № 3. – С. 61–69.
8. Злоказов, К. В. Психолого-лингвистический анализ трансформации смыслов вербальных и невербальных компонентов конфликтогенного поликодового текста экстремистской направленности в молодежной среде / К. В. Злоказов, М. Н. Лату, Ю. Р. Тагильцева, М. Р. Бабикова // Психология человека в образовании. – 2022. – Т. 4, № 1. – С. 66–75. – DOI 10.33910/2686-9527-2022-4-1-66-75.
9. Goźdź-Roszkowski, S. Corpus Linguistics in Legal Discourse / S. Goźdź-Roszkowski // International Journal for the Semiotics of Law. – 2021. – Vol. 34, No. 5. – P. 1515–1540. – DOI 10.1007/s11196-021-09860-8.

Список источников

10. Галяшина, Е. И. Судебная лингвистическая экспертиза : учебник / Е. И. Галяшина ; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина. – Москва : Проспект, 2023. – 424 с. – ISBN 978-5-392-38178-4.

Дата публикации: 31.10.2026

УДК 81'37:398.91

Ташлиев Д., Баймурадова Э. Фольклорный концепт «судьба» в русской и германской лингвокультурах: сопоставительный анализ паремий

Ташлиев Довлет
Преподаватель, Туркменский национальный институт мировых языков имени Довлетмаммета Азади, Ашхабад, Туркменистан

Баймурадова Энеджан
Преподаватель, Туркменский национальный институт мировых языков имени Довлетмаммета Азади, Ашхабад, Туркменистан

The Folklore Concept "FATE" in Russian and Germanic Linguocultures: a Contrastive Analysis of Proverbs

Tashliyev Dovlet
Lecturer, Dovletmammet Azadi Turkmen National Institute of World Languages Ashgabat, Turkmenistan

Baymuradova Enejan
Lecturer, Dovletmammet Azadi Turkmen National Institute of World Languages Ashgabat, Turkmenistan

Аннотация. В статье предлагается трёхуровневая модель сопоставительного анализа паремий, объективирующих концепт «судьба» в русской и германской лингвокультурах. Модель разграничивает семантическое поле, когнитивные метафоры и аксиологическую модальность. На материале сплошной выборки из авторитетных паремиологических собраний показано, что различия между русской и немецкой традициями состоят не в наличии или отсутствии фаталистических представлений, а в прагматической рамке, в которую они помещены: русские паремии тяготеют к консолидирующе-примиряющей модальности, немецкие — к предостерегающе-мобилизующей. Новизна работы состоит в обосновании аксиологической асимметрии концепта и в формулировке проверяемых следствий для сопоставительной паремиологии.

Ключевые слова: паремиология, концепт «судьба», лингвокультурология, сопоставительный анализ, русский язык, немецкий язык, аксиологическая модальность, концептуальная метафора.

Abstract. The article proposes a three-level model for the comparative analysis of paremias objectifying the concept of "destiny" (fate) in Russian and Germanic linguocultures. The model differentiates between the semantic field, cognitive metaphors, and axiological modality. Based on a continuous sampling from authoritative paremiological collections, it is shown that the differences between the Russian and German traditions lie not in the presence or absence of fatalistic representations, but in the pragmatic frame within which they are placed: Russian paremias lean toward a consolidating-reconciling modality, whereas German paremias favor a cautionary-mobilizing one. The novelty of the

work consists in substantiating the axiological asymmetry of the concept and in formulating verifiable implications for comparative paremiology.

Keywords: paremiology, concept of "destiny", linguoculturology, comparative analysis, Russian language, German language, axiological modality, conceptual metaphor.

Введение. Концепт «судьба» относится к числу базовых для европейских лингвокультур. Изучение того, как национальная ментальность отражается в языке, имеет давнюю традицию в лингвокультурологии. Исследователи неоднократно обращали внимание на то, что фразеологические единицы и паремии выступают наиболее яркими репрезентантами культурных кодов, фиксируя специфику мировосприятия того или иного народа [1]. Специфика концепта «судьба» в различных типах дискурса (в том числе на материале русского, немецкого и английского языков) уже становилась предметом отдельных изысканий [2]. При этом анализ аксиологических и прагматических аспектов смежных концептов, таких как «свобода» [3] или «добро» [4], демонстрирует, что именно ценностная составляющая определяет национальное своеобразие языкового сознания.

Особую значимость для настоящего исследования имеют работы, выполненные на стыке сопоставительного языкознания и лингвокультурологии. Сравнительный анализ русских и немецких сказок позволяет выявить глубинные структуры менталитета нации [5]. Анализ паремиологических единиц с конкретными компонентами (например, с названиями одежды) подтверждает, что национально-культурная специфика наиболее отчетливо проявляется на уровне коннотаций и оценок [6]. Кроме того, в научный оборот вводятся данные о концептуализации счастья в немецком и русском языках [7], а также об отражении менталитета в идиоматике двух культур [8].

В связи с этим обращение к паремиям при изучении концепта «судьба» представляется принципиально важным. Пословица не просто описывает мир, но и предписывает определенное отношение к нему, выступая как аксиологический инструмент. Однако большинство существующих работ либо описывают концепт в рамках одной лингвокультуры, либо ограничиваются перечислением эквивалентных пословиц, не ставя вопроса о том, как организована внутренняя структура концепта и чем именно различаются сопоставляемые традиции, если набор ключевых идей в них совпадает. Наблюдение о том, что русские и немецкие пословицы о судьбе часто имеют прямые соответствия (ср. «Чему быть, того не миновать» — «Was sein soll, muss sein»; «Человек предполагает, а Бог располагает» — «Der Mensch denkt, Gott lenkt»), делает проблему особенно интересной: если содержание совпадает, то в чём состоит лингвокультурная специфика?

Актуальность и проблемное поле исследования обусловлены необходимостью разрешить указанное противоречие: при совпадении базовых фаталистических представлений в обеих традициях остается неясным, различается ли их прагматическая функция и каким образом это различие можно обнаружить аналитически. Ответ на этот вопрос требует не простого сопоставления списков, а построения модели, позволяющей развести уровни содержания и уровни функционирования паремий. Научная новизна работы состоит в построении трёхуровневой модели (семантическое поле — когнитивная метафора — аксиологическая модальность) и в обосновании тезиса об аксиологической асимметрии: русская паремиологическая традиция оформляет фатализм преимущественно в консолидирующе-примиряющей модальности, тогда как немецкая — в предостерегающе-мобилизующей, допускающей наряду с признанием неотвратимости активную контрмодель.

Теоретическая база исследования опирается на лингвокультурологическое понимание концепта как ментальной единицы, объективированной в языке и обладающей понятийным, образным и ценностным компонентами. Вторым основанием выступает теория концептуальной метафоры, позволяющая описать, как абстрактное понятие судьбы структурируется через образные схемы. Метафоры не нейтральны: они задают способы действия по отношению к судьбе. Третье основание — методология сопоставительной паремиологии, которая требует учёта не только межъязыковых соответствий, но и функциональных различий при совпадении плана содержания.

Материалом послужила сплошная выборка паремий с ключевыми лексемами *судьба, доля, участь, рок, жребий* (рус.) и *Schicksal, Geschick, Los, Verhängnis, Fügung* (нем.) из авторитетных паремиологических собраний. Отбор единиц осуществлялся по критерию наличия в паремии эксплицитной референции к судьбе или её синонимическому ряду; метафорические единицы без ключевой лексемы (например, «на роду написано») включались при условии устойчивой связи с концептом в словарных дефинициях. Анализ проводился в три этапа, соответствующих уровням модели. На семантическом уровне выделялись признаки, формирующие поле концепта, и определялась их ядерно-периферийная организация. На когнитивном уровне идентифицировались концептуальные метафоры и оценивалась их продуктивность. На аксиологическом уровне определялась модальность паремии — отношение, которое она предписывает адресату (принятие, предостережение,

мобилизация, ирония). Для повышения надёжности спорные случаи аннотировались двумя экспертами независимо.

Проведённый анализ показал, что ядро поля в обеих традициях образуют три признака: неотвратимость, предопределение свыше и удел/доля. Различия обнаруживаются на периферии: в русском материале заметнее представлен признак испытания («судьба бьёт, да уму учит»), в немецком — признак активного формирования («Jeder ist seines Glückes Schmied»). Существенно, однако, что этот последний признак в русской традиции не отсутствует, но занимает маргинальную позицию и выражается преимущественно через лексему *счастье*, а не *судьба*. Это различие в лексическом оформлении, а не в наличии самой идеи, и оно требует осторожной интерпретации.

Таблица 1. Семантические признаки концепта «судьба» в русских и немецких паремиях

Семантический признак	Русские паремии (примеры)	Немецкие паремии (примеры)	Аксиологическая модальность
Неотвратимость	«От судьбы не уйдёшь»; «Чему быть, того не миновать»	«Was sein soll, muss sein»; «Das Schicksal lässt sich nicht zwingen»	констатирующая / предостерегающая
Предопределение свыше	«На роду написано»; «Бог судил»	«Es steht geschrieben»; «Der Mensch denkt, Gott lenkt»	смирение / принятие
Удел, доля	«Кому какая доля»; «Не моя доля»	«Sein Los»; «Das Los fällt»	пассивно-примирительная
Активное формирование	«Счастье не в воздухе вьётся, а руками достаётся»	«Jeder ist seines Glückes Schmied»	деятельностная (ядро в нем., периферия в рус.)
Испытание	«Судьба бьёт, да уму учит»	«Das Schicksal prüft»	амбивалентная

Таблица демонстрирует, что при совпадении ядерных признаков аксиологическая модальность систематически расходится: там, где русская паремия предлагает примирение, немецкая чаще предлагает предостережение или мобилизацию.

Переходя на уровень концептуальных метафор, отметим, что обе традиции используют сходный репертуар: судьба как внешний агент («судьба найдёт», «das Schicksal schlägt zu»), судьба как написанный текст («на роду написано», «es steht geschrieben»), судьба как жребий («жребий брошен», «das Los ist gefallen»), судьба как путь. Однако продуктивность этих метафор распределяется неравномерно. В русском материале доминирует агентная метафора: судьба выступает как активное начало, которое «находит», «ведёт», «бьёт». В немецком материале наряду с агентной

заметнее текстовая и игровая метафоры, что создаёт иную когнитивную перспективу: судьба предстаёт как уже принятое решение или уже брошенный жребий, а не как действующая сила. Это различие имеет прагматические следствия. Агентная метафора провоцирует вопрос «что она сделает со мной?» и располагает к принятию; текстовая и игровая метафоры провоцируют вопрос «что уже решено?» и располагают к оценке ситуации и поиску контрмодели. Именно поэтому немецкая паремиологическая традиция легче допускает пословицы типа «Jeder ist seines Glückes Schmied», не вступая в противоречие с фаталистическими единицами.

Наиболее значимый результат сопоставления относится к аксиологическому измерению. Русские паремии о судьбе образуют консолидирующую систему: они предлагают адресату принять неизбежное и тем самым снять индивидуальную ответственность за неудачу. Это не пассивность в бытовом смысле, а прагматическая стратегия совладания, позволяющая сохранить достоинство перед лицом неконтролируемых обстоятельств. Немецкие паремии образуют биполярную систему: наряду с признанием неотвратимости они содержат сильную контрмодель активного формирования собственной участи, и эта контрмодель не маргинальна, а институционально поддержана всей традицией бюргерской морали. Отсюда следует важное уточнение: тезис о «русском фатализме» и «немецкой активности» при паремиологическом анализе нуждается в корректировке. Различие состоит не в наличии или отсутствии фатализма (он присутствует в обеих традициях), а в способе снятия напряжения между неотвратимостью и действием. Русская традиция снимает его через принятие, немецкая — через разграничение сфер: судьба ведает исходом, человек — усилием.

Предложенная трёхуровневая модель позволяет объяснить, почему простое сопоставление пословиц по принципу «есть эквивалент / нет эквивалента» недостаточно. Эквивалентные паремии могут выполнять разные прагматические функции в своих культурах, и именно это различие составляет лингвокультурную специфику. Модель также позволяет сформулировать проверяемые следствия: если аксиологическая асимметрия действительно имеет место, то в текстах, активно использующих паремии, русские единицы о судьбе должны чаще сопровождаться маркерами принятия, а немецкие — маркерами оценки и контрмодели. Это предсказание может быть проверено на корпусном материале. Ограничение исследования связано с его материальной базой: анализ опирается на опубликованные собрания, а не на новый полевой корпус, и потому не позволяет оценить частотность паремий в живой речи. Кроме того, сопоставление ограничено

двумя лингвокультурами, что не даёт оснований для широких типологических обобщений.

Таким образом, концепт «судьба» в русской и германской паремиологических традициях обнаруживает сходное ядро и различную аксиологическую организацию. Русские паремии оформляют фатализм в консолидирующе-примиряющей модальности, немецкие — в предостерегающе-мобилизующей, допускающей активную контрмодель. Предложенная трёхуровневая модель разграничивает семантику, когнитивные метафоры и аксиологию и позволяет объяснить, почему эквивалентные по содержанию пословицы могут выполнять разные прагматические функции. Дальнейшее развитие модели требует корпусной верификации выдвинутых следствий и расширения сопоставления за счёт других европейских традиций.

Список литературы

1. Гилязева, Э. Н. Отражение национальной ментальности во фразеологических единицах русского, татарского и немецкого языков / Э. Н. Гилязева // Фундаментальные основы инновационного развития науки и образования : сборник статей Международной научно-практической конференции, Пенза, 27 июня 2018 года. — Пенза: «Наука и Просвещение» (ИП Гуляев Г. Ю.), 2018. — С. 150–152.
2. Калюжная, И. А. Специфика концепта «судьба» в магическом дискурсе (на материале русского, немецкого и английского языков) / И. А. Калюжная, М. Ю. Копылова // Заметки ученого. — 2023. — № 5-1. — С. 183–186.
3. Кожевников, А. О. Лингвокультурологические и прагматические аспекты концепта «свобода» в английском, немецком и русском языках / А. О. Кожевников, А. А. Чернобров, Л. Д. Черноброва // Социо-кросс-культурный подход в интегрированном образовательном пространстве системы «школа-вуз» : коллективная монография / под ред. Г. А. Ферапонтова, О. В. Мишутиной. — Новосибирск : Новосибирский государственный педагогический университет, 2020. — С. 36–47.
4. Неволина, К. В. Лингвокультурный концепт «добро» в русском и немецком языковом сознании: понятийная составляющая / К. В. Неволина, Е. В. Третьякова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2024. — Т. 17, № 10. — С. 3638–3643. — DOI 10.30853/phil20240514.
5. Корнеева, А. В. Русские и немецкие сказки как объект анализа в исследовании менталитета нации / А. В. Корнеева, Е. В. Кузина, Е. Ю. Надеждина // Язык и культура. — 2023. — № 61. — С. 47–62. — DOI 10.17223/19996195/61/4.
6. Назаров, П. Д. Лингвокультурологический анализ фразеологических и паремиологических единиц с названиями одежды (на примере головных уборов Узбекистана, России и Германии) / П. Д. Назаров // Модернизация культуры: пространство, границы, переходы : материалы X Международной научно-практической конференции, Самара, 07–08 ноября 2024 года. — Самара: Самарский государственный институт культуры, 2024. — С. 136–139.

7. Станкевич, М. К. Концептуализация счастья в немецком и русском языках: лингвокультурологический анализ / М. К. Станкевич, И. В. Кренева // Научно-технические достижения студентов, аспирантов, молодых ученых строительно-архитектурной отрасли : сборник научных трудов XI Республиканской конференции молодых ученых, аспирантов, студентов. В 3-х томах, Макеевка, 25 апреля 2025 года. — Макеевка: Донбасская национальная академия строительства и архитектуры, 2025. — С. 66–74.
8. Ткаченко, С. А. Отражение национального менталитета в идиомах и фразеологизмах (сравнительный анализ русского и немецкого языков) / С. А. Ткаченко // Наука. Образование. Профессия. Science. Education. Profession : материалы V Международной научно-методической конференции, Уфа, 17 марта 2026 года. Часть 1. — Уфа: Башкирский государственный аграрный университет, 2026. — С. 170–172. — DOI 10.31563/978-5-7456-1000-4-170-172.

Дата публикации 31.10.2026

УДК 81’25:001.4

Ташлиев Д., Гулджанова Б. Переводческая эквивалентность в специальном дискурсе: когнитивно-прагматический анализ терминологических решений

Ташлиев Довлет
Преподаватель, Туркменский национальный институт мировых языков имени Довлетмаммета Азади, Ашхабад, Туркменистан

Гулджанова Бахаргул
Студент, Туркменский национальный институт мировых языков имени Довлетмаммета Азади, Ашхабад, Туркменистан

Translation Equivalence in Specialized Discourse: a Cognitive-Pragmatic Analysis of Terminological Decisions

Tashliyev Dovlet
Lecturer, Dovletmammet Azadi Turkmen National Institute of World Languages Ashgabat, Turkmenistan

Guljanova Bahargul
Student, Dovletmammet Azadi Turkmen National Institute of World Languages Ashgabat, Turkmenistan

Аннотация. В статье рассматривается проблема переводческой эквивалентности в специальном дискурсе как процесс принятия терминологического решения, а не как результат пословного соответствия. На материале параллельных текстов технической и медицинской тематики показано, что выбор термина определяется не только его словарным эквивалентом, но и когнитивной моделью реципиента, прагматической установкой коммуникации и институциональными ограничениями. Предлагается авторская четырёхфакторная модель терминологического решения, включающая когнитивный, прагматический, институциональный и собственно лингвистический компоненты. Новизна работы состоит в обосновании того, что эквивалентность в специальном дискурсе является не свойством текста, а решением переводчика, верифицируемым через анализ последствий этого решения для понимания и действия. Модель апробирована на корпусе переводов и сопоставлена с существующими подходами к терминологической эквивалентности.

Ключевые слова: переводческая эквивалентность, специальный дискурс, терминологическое решение, когнитивно-прагматический анализ, терминосистема, прагматическая адекватность, перевод технических текстов.

Abstract. The article examines the problem of translation equivalence in specialized discourse as a process of making a terminological decision, rather than as a result of word-for-word correspondence. Based on parallel texts in technical and medical domains, it is shown that the choice of a term is determined not only by its dictionary equivalent, but also by the recipient's cognitive model, the pragmatic orientation of the communication, and institutional constraints. The author proposes a four-factor model of terminological decision-

making, which includes cognitive, pragmatic, institutional, and strictly linguistic components. The novelty of the work lies in substantiating that equivalence in specialized discourse is not an inherent property of a text, but a translator's decision, which can be verified through the analysis of the consequences of this decision for understanding and action. The model is tested on a translation corpus and compared with existing approaches to terminological equivalence.

Keywords: translation equivalence, specialized discourse, terminological decision, cognitive-pragmatic analysis, terminology system, pragmatic adequacy, technical translation.

Обращаясь к истории вопроса, следует отметить, что проблема переводческой эквивалентности традиционно решалась в координатах «соответствия»: эквивалентным считался перевод, воспроизводящий смысл исходного текста с допустимыми потерями. В классических работах по теории перевода акцент делался на поиске универсальных уровней эквивалентности — от формального до семантического и прагматического. Однако в специальном дискурсе эта статичная логика сталкивается с серьезными ограничениями, поскольку термин не просто называет понятие, а фиксирует его место в строгой иерархической системе, задавая рамки профессиональных действий [1]. Ошибка в термине может привести к неверному инженерному решению, неверному диагнозу или юридически значимому последствию [2]. Существующие подходы к терминологической эквивалентности часто остаются нормативными: они описывают, каким должен быть идеальный эквивалент, но не объясняют, как переводчик приходит к тому или иному решению в реальной практике, и почему разные специалисты выбирают разные эквиваленты для одного и того же термина.

Проблема, которой посвящена статья, формулируется так: если в специальном дискурсе существует несколько потенциальных терминологических эквивалентов, то какие когнитивные и прагматические факторы определяют выбор, и как этот выбор соотносится с критерием эквивалентности? Ответ на этот вопрос требует перехода от нормативной модели «правильного перевода» к аналитической модели принятия решения. Научная новизна работы состоит в построении четырёхфакторной модели терминологического решения, которая интегрирует когнитивный, прагматический, институциональный и лингвистический уровни. Это позволяет объяснить, почему прагматическая адекватность может требовать отказа от формально точного эквивалента ради успешности коммуникации.

Теоретическая рамка исследования опирается на современные когнитивно-прагматические подходы к переводу, которые рассматривают эквивалентность не как застывшее свойство текста, а как динамический процесс. Терминосистема не является

простой суммой терминов: она функционально организована, и перевод термина требует воспроизведения его системных связей [3]. Кроме того, специальный дискурс институционально закреплён: термин может иметь юридически или технически фиксированное значение, отклонение от которого недопустимо. Таким образом, выбор термина — это не просто выбор «правильного слова», а выбор способа действия в конкретной коммуникативной ситуации. Это сближает теорию перевода с когнитивной прагматикой и подтверждает, что термин в специальном дискурсе выполняет предписывающую функцию [4].

Методология исследования выполнена в русле когнитивно-прагматического анализа переводческих решений. Материалом послужили параллельные тексты технической и медицинской тематики общим объёмом 180 000 словоупотреблений (по 90 000 в каждом домене). Отбор осуществлялся по критерию наличия вариативных терминологических решений: в корпус включались только те фрагменты, где для одного исходного термина существовало не менее двух зафиксированных переводческих соответствий. Процедура анализа включала три этапа. На первом этапе проводилась идентификация терминологических решений: для каждого исходного термина фиксировался выбранный эквивалент и альтернативы, доступные в словарях. На втором этапе осуществлялась когнитивно-прагматическая реконструкция: для каждого решения определялось, какой фактор является доминирующим. Реконструкция опиралась на контекст употребления, жанровые характеристики текста и институциональные ограничения (например, наличие отраслевого стандарта). На третьем этапе проводилось сопоставление решений с последствиями: оценивалось, в какой степени выбранный эквивалент обеспечивает прагматическую адекватность [5]. Для повышения надёжности результаты аннотировались двумя экспертами независимо; расхождения обсуждались до достижения консенсуса. Дополнительно привлекались данные метапрагматической рефлексии: фрагменты переводческих комментариев, в которых переводчики объясняют основания своих решений [6].

Анализ показал, что терминологические решения в специальном дискурсе не распределяются равномерно по четырём факторам: их вес зависит от домена и жанра. В техническом дискурсе доминируют институциональный и лингвистический факторы, в медицинском — когнитивный и прагматический. Когнитивный фактор связан с моделью знаний реципиента. Переводчику необходимо определить, каким объёмом специальных знаний обладает адресат, и выбрать термин, соответствующий этой модели. Например, при переводе медицинского термина *myocardial infarction*

для врача выбирается точный эквивалент «инфаркт миокарда», а для пациента в популярной брошюре — «сердечный приступ». Это не упрощение, а когнитивная калибровка термина под модель адресата. Прагматический фактор определяется коммуникативной целью. В технической документации термин должен обеспечивать однозначность и безопасность, в научной статье — точность и аргументативную силу. Один и тот же термин в разных прагматических условиях может переводиться по-разному, и это не является ошибкой, а отражает различную прагматическую установку. Институциональный фактор связан с наличием нормативных требований. Отраслевые стандарты и юридически закреплённые определения ограничивают пространство допустимых решений. В этих случаях переводчик не «выбирает» эквивалент, а воспроизводит институционально предписанный термин (например, при переводе технических регламентов в соответствии с ГОСТ), даже если он не является оптимальным с когнитивной точки зрения. Лингвистический фактор охватывает собственно языковые ограничения: сочетаемость, морфологическую структуру, синтаксическую позицию. Он наименее «творческий», но именно он чаще всего становится источником формальных несоответствий, которые ошибочно интерпретируются как прагматические ошибки.

Соотношение факторов не является фиксированным: оно зависит от жанра. В инструкциях по эксплуатации институциональный фактор подавляет остальные; в научных статьях когнитивный и прагматический факторы конкурируют; в переводе технических рекламных текстов прагматический фактор доминирует. Это позволяет сформулировать гипотезу о жанровой обусловленности терминологических решений: чем жёстче институциональные требования, тем меньше пространство для когнитивно-прагматического выбора.

Полученные результаты позволяют пересмотреть соотношение понятий «эквивалентность» и «адекватность» в специальном дискурсе. Традиционно эквивалентность понимается как отношение между текстами, а адекватность — как соответствие цели. Наши данные показывают, что в специальном дискурсе эти понятия не являются независимыми: прагматическая адекватность является критерием эквивалентности, а не дополнением к ней. Перевод, который формально эквивалентен, но прагматически неадекватен (например, непонятен адресату или нарушает институциональное требование), не может считаться эквивалентным в специальном дискурсе [7]. Это положение согласуется с подходами, которые рассматривают эквивалентность как процесс достижения прагматического равенства [8]. В юридическом дискурсе, например, эквивалентность означает не буквальное

совпадение терминов, а равенство правовых последствий. Аналогично в медицинском дискурсе эквивалентность термина означает не совпадение дефиниций, а обеспечение безопасности пациента. Это не «ослабление» требования эквивалентности, а его уточнение применительно к специальному дискурсу.

Предлагаемая четырёхфакторная модель позволяет объяснить, почему разные переводчики выбирают разные эквиваленты для одного и того же термина. Это не обязательно ошибка: различия могут отражать разные модели адресата или разные институциональные условия. Модель переводит проблему из плоскости «правильно/неправильно» в плоскость обоснованности решения, что соответствует современному пониманию переводческой деятельности как принятия решений в условиях неопределённости [9]. Отдельного внимания заслуживает вопрос о верифицируемости терминологических решений. Если эквивалентность является решением, то как проверить его правильность? Наши данные показывают, что верификация возможна через анализ последствий: решение является обоснованным, если оно обеспечивает прагматическую адекватность в данном коммуникативном контексте. Это не даёт универсального критерия, но позволяет сравнивать решения по их последствиям, а не по абстрактному соответствию [10].

Основное ограничение исследования связано с его доменной локализацией: материал охватывает только технический и медицинский дискурсы, что не позволяет распространить выводы на все виды специального дискурса. Кроме того, модель опирается на реконструкцию факторов, которая всегда содержит элемент интерпретации. Дальнейшая работа должна включать экспериментальные методы (например, анализ глазодвижений или регистрацию времени принятия решения), которые позволят верифицировать когнитивные механизмы, лежащие в основе терминологического выбора.

Таким образом, переводческая эквивалентность в специальном дискурсе не может быть адекватно описана ни как пословное соответствие, ни как свободный выбор переводчика. Она представляет собой решение, принимаемое в пространстве, заданном четырьмя факторами: когнитивным, прагматическим, институциональным и лингвистическим. Предложенная модель позволяет объяснить вариативность терминологических решений и сформулировать критерий их обоснованности — прагматическую адекватность в данном коммуникативном контексте. Эквивалентность в специальном дискурсе является не свойством текста, а характеристикой решения, верифицируемой через его последствия.

Список литературы

1. Вишневецкая, Н. В. Тематическая типология лексического состава профессионального педагогического дискурса / Н. В. Вишневецкая // Общество. Коммуникация. Образование. — 2021. — Т. 12, № 3. — С. 105–114. — DOI 10.18721/JHSS.12309.
2. Голубева, Н. А. Терминосистема как объект стратегических решений речевой коммуникации / Н. А. Голубева // Стратегии и тактики в различных регистрах общения (на материале современных индоевропейских языков) : Сборник статей по итогам III научной конференции, Нижний Новгород, 05–06 декабря 2023 года. — Нижний Новгород: Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, 2024. — С. 37–43.
3. Щербакова, И. В. Особенности перевода технических текстов / И. В. Щербакова // Современные проблемы науки и образования. — 2015. — № 2-2. — С. 201.
4. Сытенков, В. Н. О влиянии терминологической точности на принимаемые решения при подготовке проектной документации на разработку месторождений ТПИ / В. Н. Сытенков // Рациональное освоение недр. — 2022. — № 6(68). — С. 20–25. — DOI 10.26121/RON.2022.57.51.001.
5. Hawkins, M. Translation method is validity evidence for construct equivalence: analysis of secondary data routinely collected during translations of the Health Literacy Questionnaire (HLQ) / M. Hawkins, Ch. Cheng, G. R. Elsworth, R. H. Osborne // BMC Medical Research Methodology. — 2020. — Vol. 20, No. 1. — P. 1–13. — DOI 10.1186/s12874-020-00962-8.
6. Mikhienko, S. A. Use of the concept of translation equivalence in the process of teaching a foreign language / S. A. Mikhienko // Инновационные аспекты развития сервиса и туризма : сборник статей VIII Международной научно-практической конференции, Ставрополь, 18 мая 2020 года. — Ставрополь: Общество с ограниченной ответственностью "СЕКВОЙЯ", 2020. — P. 95–99.
7. Angermeyer, Ph. S. Beyond translation equivalence: Advocating pragmatic equality before the law / Ph. S. Angermeyer // Journal of Pragmatics. — 2021. — Vol. 174. — P. 157–167. — DOI 10.1016/j.pragma.2020.12.022.
8. Shevchenko, I. The evolution of the English small talk: a cognitive-pragmatic analysis / I. Shevchenko, Yu. Matiukhina, M. L. Drazdauskienė // Cognition, communication, discourse. — 2021. — No. 23. — P. 87–98. — DOI 10.26565/2218-2926-2021-23-06.

Дата публикации 07.10.2026

УДК 811.512.161'373.21

Ташлиева М.М., Ковалёв Н.С., Хоммадова Х.М., Нурлыева С.М. Особенности перевода туркменских реалий на русский язык: лингвокультурный и функциональный аспекты

Ташлиева Махри Мырадовна
Преподаватель кафедры теории и практики русского языка
Туркменский национальный институт мировых языков им. Довлетмаммета Азади

Ковалёв Никита Сергеевич
Преподаватель кафедры теории и практики русского языка
Туркменский национальный институт мировых языков им. Довлетмаммета Азади

Хоммадова Хумай Мухамметджумаевна
Студент, Туркменский национальный институт мировых языков
им. Довлетмаммета Азади

Нурлыева Сельби Мыратгельдыевна
Студент, Туркменский национальный институт мировых языков
им. Довлетмаммета Азади
gutlyewbayram7@gmail.com

Specifics of translating Turkmen realia into Russian: linguocultural and functional aspects

Tashliyeva Mahri Myradovna
Lecturer, Department of Theory and Practice of the Russian Language
Dovletmammet Azadi Turkmen National Institute of World Languages

Kovalyov Nikita Sergeyevich
Lecturer, Department of Theory and Practice of the Russian Language
Dovletmammet Azadi Turkmen National Institute of World Languages

Hommadova Humay Mukhammetdjumaevna
Student, Dovletmammet Azadi Turkmen National Institute of World Languages

Nurlyyeva Selbi Myratgeldyevna
Student, Dovletmammet Azadi Turkmen National Institute of World Languages

Аннотация. В статье исследуется одна из ключевых проблем межкультурной коммуникации – передача туркменских реалий на русский язык. Автор анализирует основные категории национально-маркированной лексики: названия традиционной одежды, жилища, музыкальных инструментов, блюд, ремёсел, обрядов и социальных институтов. Подробно разбираются основные переводческие стратегии: транскрипция, транслитерация, калькирование, описательный перевод, функциональная замена, генерализация, конкретизация и компенсация.

Ключевые слова: реалия, туркменский язык, русский язык, художественный перевод, национальная культура, безэквивалентная лексика, лингвокультурология, переводческая стратегия, межкультурная коммуникация.

Abstract. The article explores one of the key problems of intercultural communication—the translation of Turkmen realia into Russian. The author analyzes the main categories of nationally marked vocabulary: names of traditional clothing, dwellings, musical instruments, dishes, crafts, rituals, and social institutions. The main translation strategies are analyzed in detail: transcription, transliteration, calque, descriptive translation, functional replacement, generalization, concretization, and compensation.

Keywords: realia, Turkmen language, Russian language, literary translation, national culture, non-equivalent vocabulary, linguaculturology, translation strategy, intercultural communication.

Введение

Перевод – это всегда диалог культур, где главная сложность заключается не просто в перекодировании слов, а в том, чтобы сделать чужой культурный код понятным для иноязычного читателя. Острее всего эта проблема встает при работе с реалиями – лексикой, в которой зафиксирован уникальный национальный опыт: традиции, быт, социальные уклады и духовные ценности. [1, с.19]

Туркменский язык обладает богатейшим пластом таких единиц. Они формировались веками и тесно связаны с кочевым и полукочевым прошлым народа, историей коневодства, ковроткачества, традиционной музыкой, семейным укладом и обрядовой культурой.

Теоретические основы исследования туркменских реалий

В современной теории перевода под «реалией» понимают языковую единицу, обозначающую предмет или явление, специфичное для конкретного этноса. В отличие от нейтральной лексики, реалия глубоко укоренена в национальной культуре, поэтому её значение практически невозможно раскрыть в отрыве от фоновых знаний. Соответственно, работа с ней вытягивает за собой не только языковые, но и серьёзные культурологические задачи.

Реалии могут отражать самые разные сферы жизни: от материальных объектов (одежда, еда, музыкальные инструменты) до социальных институтов, обычаев и исторических событий. При этом для носителя языка реалия – это нечто привычное и обиходное, тогда как для иностранного адресата она становится культурным барьером. Именно эта разница в культурном багаже и создает основную проблему при переводе. [2, с. 464]

В туркменском языке понятийный аппарат этноса складывался под влиянием его исторического пути. Ключевое место здесь занимают коневодство, ковроделие, ювелирное и войлочное искусство, музыкальное исполнительство и традиционное

устройство быта. К слову, Министерство культуры Туркменистана официально выделяет ковроткачество, изготовление войлока, ювелирное дело, *ak öý* (ак ой) и искусство дутара как фундамент национального нематериального наследия.

Главное отличие реалии от обычного слова – это объем стоящей за ним фоновой информации. Взять, к примеру, русское слово «дом»: оно обозначает любое жилое строение вообще. Туркменское же понятие *ak öý* указывает на вполне конкретную культурно-историческую форму жилища (белую юрту). Попытка перевести *ak öý* просто как «дом» формально передаст суть (место обитания), но полностью выхолостит национальный колорит.

Из этого следует, что структура значения реалии включает три взаимосвязанных уровня:

1. Денотативный – сам предмет или явление;

2. Культурный – пласт знаний, ассоциаций и исторического подтекста;

3. Функциональный – роль, которую эта единица играет в конкретном тексте.

На практике игнорирование этой структуры ведёт к ошибкам. Если переводчик опирается только на денотат, происходит культурное обезличивание текста. Если же он механически сохраняет внешнюю форму слова, не заботясь о его понятности, читатель просто не считывает смысл. Успешный же перевод возможен только при одновременном учёте всех трех уровней. [3, с. 45]

Отдельно стоит сказать о степени безэквивалентности. На самом деле абсолютно «непереводимых» слов гораздо меньше, чем принято думать, ведь любое понятие можно описать средствами другого языка. Отсутствие прямого словарного соответствия – это не приговор переводимости текстов. Например, смысл *ak öý* легко раскрывается через описание: «традиционное туркменское жилище». Да, однословного эквивалента нет, но смысловой разрыв вполне ликвидируем. В таких ситуациях переводчик использует развёрнутые описания, комментарии или контекстуальные подстановки.

Наконец, реалии нельзя воспринимать как изолированные слова – они всегда существуют внутри тематических систем. Например, лексика ковроткачества образует целостный комплекс: названия орнаментов, материалов, инструментов и техник плетения тесно связаны между собой. Точно так же устроена и музыкальная сфера: *dutar*, *bagşy*, жанровые формы и традиция передачи мастерства образуют единое смысловое поле. Если переводчик сохранит одно слово как национальный термин, а

сопряжённое с ним заменит общим русским словом, логика всей культурной системы поплывёт. Поэтому здесь принципиально важна терминологическая выдержанность.

Подводя итог теоретическому блоку, можно выделить три ключевых тезиса

- Туркменская реалия – это многоуровневая единица, а её перевод требует сохранения культурной информации без потери функционала.
- Отсутствие прямого словарного эквивалента не означает непереводимости.
- Национальный колорит создаётся не одиночными экспрессивными словами, а всей системой взаимосвязанных реалий.

Практический анализ способов передачи туркменских реалий на русский язык

Переходя к практике, важно подчеркнуть: туркменская этнокультуроведческая лексика крайне неоднородна. Она охватывает материальную культуру, быт, кулинарию, ремесла, обрядность и социальную иерархию. Каждый из этих пластов требует своей тактики. Было бы ошибкой использовать один и тот же приём для передачи названия блюда, музыкального инструмента и этикетного обращения, ведь их коммуникативные задачи в тексте абсолютно разнятся. Анализ решений всегда должен строиться на сопоставлении исходной единицы, её ближайшего окружения и предлагаемого русского варианта.

Самым используемым приёмом остаётся транскрипция (или транслитерация), когда национальное наименование графически адаптируется под русский язык. Главный плюс такого подхода – максимальное сохранение колорита. Однако сама по себе транскрипция не гарантирует того, что читатель поймёт суть. Если слово ему незнакомо, без контекстуальной подсказки или сноски не обойтись. Поэтому транскрипцию лучше всего комбинировать с параллельным пояснением (экспликацией). [5, с. 54]

Проиллюстрируем это на примере слова *dutar*. Возьмем предложение: *«Bagşy dutaryny eline alyp, aýdym aýtmaga başlady»*. Для художественной прозы вполне естественен прямой вариант: *«Бахши взял в руки дутар и начал петь»* (при условии, что читателю уже известен данный термин или контекст прозрачно намекает на предмет). А вот для научного или учебного издания оправдан другой ход: *«Бахши взял в руки дутар – традиционный туркменский двухструнный инструмент – и начал петь»*. Здесь денотативное значение раскрывается сразу, не оставляя белых пятен. [5, с. 52]

Другой важный пласт – традиционная одежда. В туркменской традиции костюм – это не просто защита от непогоды, а социальный маркер, указывающий на возраст, статус, регион и семейное положение человека. Переводчик обязан транслировать эти скрытые смыслы.

Возьмем слово *don*. В русских текстах его часто оставляют без изменений – «дон», что помогает уберечь форму. Но не подготовленный читатель рискует упустить суть. При первом упоминании логично применить уточнение: «дон, традиционный халат» или «дон – традиционная верхняя одежда».

Сравним варианты перевода фразы *«Ol gyzyl donuny geýipdi»*:

1. *«На нем был красный дон»* – звучит емко, сохраняет колорит, отлично подходит для беллетристики.
2. *«На нем был красный традиционный халат»* – понятнее, но теряется часть этнического звучания.
3. *«На нем был красный дон – традиционная верхняя одежда»* – развернутый вариант, дающий исчерпывающую информацию.

Аналогично дело обстоит и со словом *tahýa* (традиционный головной убор). Перевести его просто как «тюбетейка» можно (читателю всё станет ясно), но это сильно сглаживает национальный окрас. Поэтому предложение *«Onuň başy tahýalydy»* при первом появлении лучше передать как *«На нем была тахья – традиционная туркменская тюбетейка»*, а далее по тексту использовать уже одиночное «тахья».

Функционально-культурная модель перевода туркменских реалий на русский язык

Как показывает практика, перевод реалий нельзя сводить к механическому подбору аналогов. Реалия функционирует внутри живой культурной среды, ее значение питается историей, ассоциациями и конкретной речевой ситуацией. Переводчик должен подходить к ней как к сложному объекту коммуникации. [4, с. 198]

Это позволяет уйти от устаревшей дилеммы «переводить или транслитерировать» и перейти к гибкой системе решений. В центр внимания ставится вопрос: какой объем информации критически важно донести до русского читателя? При этом нужно понимать, что абсолютная сохранность всех смысловых оттенков невозможна, да и не всегда оправдана. Стратегия должна затачиваться под иерархию смыслов конкретной реалии.

Эту иерархию можно представить в виде четырёх ступеней:

1. **Предметный уровень** (что за объект или действие перед нами);

2. Культурный уровень (какую национальную специфику он несёт);

3. Текстовая функция (создаёт ли слово пейзаж, характеризует героя или двигает сюжет);

4. Прагматика (какой эмоциональный и эстетический отклик оно вызовет у читателя).

Работа по этой функционально-культурной модели идёт поэтапно: определяем денотат, оцениваем культурную нагрузку, выясняем роль слова в тексте, подбираем приём, балансирующий между колоритом и понятностью.

В связи с этим стоит переосмыслить и само понятие переводческой адекватности. Хороший перевод не обязан копировать форму исходника – его задача в том, чтобы уберечь действительно важную информацию. Если реалия выполняет чисто номинативную функцию и не несёт особой эстетической нагрузки, её можно передать сглажено. Если же она служит ключевым маркером атмосферы, сохранение формы выходит на первый план.

К примеру, фразовый фрагмент *«Ol çörek iýýärdi»* в проходном контексте легко переводится как *«Он ел хлеб»*. Но если действие происходит за традиционной трапезой, слово *çörek* вытягивает за собой целый пласт бытового уклада. В таком случае вариант *«Он ел чёрек»* или *«Он ел традиционный чёрек»* окажется куда более чутким к атмосфере.

Ещё один тонкий инструмент – компенсация. К ней прибегают, когда прямо передать денотат или игру слов не удаётся. В таких случаях утраченную национальную окраску или комический эффект «восполняют» в другой части предложения за счёт альтернативных средств. При этом компенсация не должна превращаться в откровенную отсебятину – она оправдана только там, где есть реальная смысловая потеря.

Заключение

Подводя итоги, можно отметить: перевод туркменских реалий на русский язык остаётся одним из наиболее сложных аспектов переводческой практики. Специфика этих единиц кроется в их высокой «плотности»: за одним словом часто стоит целая культурная эпоха или сложный бытовой обряд.

В ходе работы была систематизирована туркменская этнолексика, охватывающая темы одежды, жилища, кухни, музыки, коневодства, ковроделия, ремёсел и традиционного этикета. Каждая из этих категорий требует индивидуального выбора приёмов поскольку степень их понятности для иноязычного

адресата неравнозначна. Анализ показал, что такие понятия, как *dutar, bagşy, çapan, tahýa, ak öý, çörek, haly, ahal-teke*, редко имеют точные однословные соответствия в русском языке. Однако это не делает их «непереводимыми». В арсенале специалиста всегда остаются транскрипция, калькирование, описательный перевод, генерализация, конкретизация, функциональная замена и компенсация.

Главный вывод исследования состоит в необходимости чётко разделять предметный, культурный и функциональный уровни реалии. Оценка перевода должна строиться не на формальном подсчёте словарных совпадений, а на том, насколько точно переданы функция слова и его культурный подтекст.

Обобщая сказанное, выделю базовые принципы работы с туркменскими реалиями:

- Опора на контекст и жанр оригинала;
- Сохранение культурного ядра без ущерба для понимания;
- Ориентация на уровень подготовки адресата;
- Системность и единообразие терминологии;
- Умеренность в пояснениях и разумное использование компенсации.

Эти ориентиры могут пригодиться как практикующим переводчикам и редакторам, так и преподавателям в сфере межкультурной коммуникации. Отличной перспективой для дальнейшей работы в этом направлении представляется сборка полноценного корпуса (или словаря) туркменских реалий с вариантами их апробированной передачи на русский язык.

Список литературы

1. Влахов, С. Непереводимое в переводе / С. Влахов, С. Флорин. Москва : Высшая школа, 1986. 384 с. Текст : непосредственный.
2. Конецкая, В. П. Лексико-семантические характеристики языковых реалий / В. П. Конецкая. Текст : непосредственный // Великобритания. Лингвострановедческий словарь. Москва : Рус. яз., 1978. С. 463–466.
3. Фененко, Н. А. Язык реалий и реалии языка / Н. А. Фененко ; под ред. проф. А. А. Кретова. Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 2001. 104 с. Текст : непосредственный.
4. Филиппова, О. В. Языковые реалии как вербальное выражение специфических черт национальных культур / О. В. Филиппова. Текст : непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2009. № 1 (3). С. 196–201.

Список источников

5. Амансарыева, Д. Д. Теория перевода / Д. Д. Амансарыева, Г. К. Ильясова, Т. Ё. Тагандурдыев. Ашхабад : Туркменская государственная издательская служба, 2014. 104 с. Текст : непосредственный.

Дата публикации 31.10.2026

УДК 81'42:339.9

Черникова Е.О. Анализ языковых стратегий нейтрализации конфликтов и формирования консенсуса в русской и английской терминологии транспортной дипломатии

Черникова Елена Олеговна
к.филол.н., доцент кафедры «Лингвистика»
Российский университет транспорта (РУТ-МИИТ), РФ, Москва
elenach328@mail.ru

Analysis of linguistic strategies for conflict neutralization and consensus building in the Russian and English-language transport diplomacy terminology

Chernikova Elena Olegovna
PhD in Philology, Assistant Professor of Linguistics Department
Russian University of Transport RUT (MIIT), Russia, Moscow

Аннотация. Статья посвящена исследованию лингвистических механизмов транспортной дипломатии в условиях геополитической нестабильности 2022–2026 гг. На основе анализа коммуникаций международных транспортно-логистических компаний (Free Lines Company, ГК «Деловые Линии», Maersk, DHL) выявляются и систематизируются языковые стратегии нейтрализации конфликтов в русско- и англоязычном дискурсах. Научная новизна исследования заключается в сопоставительном лингвистическом анализе актуальных корпоративных материалов, позволившем выявить культурно-специфические стратегии коммуникативного смягчения в условиях геополитического давления. Установлено, что русскоязычный дискурс тяготеет к образно-эвфемистическим стратегиям (метафора морской навигации, интегративное позиционирование, эвфемистическое переосмысление), тогда как англоязычный – к рационально-институциональным (институционализация неопределённости, деполитизация через профессиональную терминологию, нормализация кризиса).

Ключевые слова: транспортная дипломатия, языковая нейтрализация конфликтов, языковые стратегии, эвфемизация, институционализация неопределённости, деполитизация, геополитическая турбулентность.

Abstract. The article examines the linguistic mechanisms of transport diplomacy amid geopolitical instability in 2022–2026. Based on the analysis of communications from international transport and logistics companies (Free Lines Company, GK "Delovye Linii", Maersk, DHL), the study identifies and systematizes language strategies for conflict neutralization in the Russian- and English-language discourses. The scholarly novelty lies in a comparative linguistic analysis of current corporate materials, which reveals culture-specific strategies of communicative mitigation under geopolitical pressure. It is established that Russian-language discourse tends toward figurative-euphemistic strategies (sea navigation metaphor, integrative positioning, euphemistic reinterpretation), while English-language discourse gravitates toward rational-institutional ones (institutionalization of uncertainty, depoliticization through professional terminology, crisis normalization).

Keywords: transport diplomacy, conflict neutralization, linguistic strategies, euphemization, institutionalization of uncertainty, depoliticization, geopolitical turbulence.

Актуальность исследования обусловлена геополитической турбулентностью, охватившей международные транспортные отношения в 2022–2026 гг. Перестройка логистических цепочек и изменение платежных механизмов превратили транспортную отрасль в арену противостояния интересов, одновременно требуя от участников рынка поиска новых форм дипломатического взаимодействия. В этих условиях язык становится не просто средством передачи информации, но и инструментом управления восприятием кризиса, что делает лингвистический анализ корпоративных коммуникаций особенно востребованным.

Феномен транспортной дипломатии, согласно Л. Амплеману, представляет собой переговоры о геополитической дистанции между социальными акторами по поводу транспортных инициатив. В этом определении ключевым является понятие «дистанции», использующееся для характеристики риторики в целом, определяя её как «переговоры о дистанции между индивидами по данному вопросу» [6, p. 73]. Как подчёркивается в исследовании дипломатического дискурса, язык является центральным инструментом власти в дипломатии, а дипломатическая коммуникация основана на поиске общих точек соприкосновения [7, p. 22–24].

Значение исследуемых научных фактов в теории и практике определяется тем, что выявление и систематизация языковых стратегий нейтрализации конфликтов позволяют не только описать механизмы речевого воздействия в профессиональной коммуникации, но и разработать практические рекомендации для специалистов по международным перевозкам и деловой коммуникации. В теоретическом плане исследование вносит вклад в развитие теории дискурса, лингвокультурологии и теории межкультурной коммуникации, уточняя представления о культурно-специфических способах смягчения конфликтогенных высказываний.

Новое решение научной задачи заключается в сопоставительном лингвистическом анализе актуальных корпоративных материалов российских и зарубежных транспортно-логистических компаний за 2024–2026 гг., позволившем выявить культурно-специфические стратегии коммуникативного смягчения в условиях геополитического давления. В отличие от предыдущих работ, сосредоточенных преимущественно на дипломатическом дискурсе в целом [1-5], настоящее исследование фокусируется на отраслевой специфике транспортной дипломатии и предлагает типологию стратегий, учитывающую как образно-эвфемистические, так и рационально-институциональные приёмы.

Предыдущие исследования по теме статьи опираются на работы, посвящённые дипломатическому дискурсу и языковой нейтрализации конфликтов. Так, в исследовании Л. Амплемана [6] рассматривается риторика транспортной дипломатии как переговоры о геополитической дистанции. В работе Л. Кордич [7] анализируется язык права и дипломатии, подчёркивается роль языка как инструмента власти. Вместе с тем вопросы сопоставительного анализа русско- и англоязычных стратегий нейтрализации конфликтов именно в транспортной сфере остаются недостаточно изученными, что и определяет исследовательскую лакуну.

Цель исследования заключается в выявлении и сопоставлении языковых стратегий нейтрализации конфликтов и формирования консенсуса в русско- и англоязычном дискурсе транспортной дипломатии в условиях геополитической нестабильности.

Материалом исследования послужили корпоративные сайты, информационные ресурсы и пресс-релизы за 2024–2026 гг. российских компаний Free Lines Company и ГК «Деловые Линии», а также иностранных компаний Maersk и DHL. Выбор материала обусловлен тем, что указанные компании активно освещают свою деятельность в условиях геополитической турбулентности и используют разнообразные коммуникативные стратегии для работы с рисками.

В исследовании применялись следующие методы: метод сплошной выборки примеров, репрезентирующих языковые явления; метод компонентного анализа для раскрытия значения лексических единиц; метод контекстуального анализа, позволяющий учитывать прагматические условия употребления языковых средств; сопоставительный метод для выявления культурно-специфических особенностей русско- и англоязычного дискурсов. Теоретической базой послужили положения теории дискурса и терминоведения, а также работы по дипломатическому дискурсу [6-9].

Статистическая обработка материала включала количественный подсчёт частотности употребления различных стратегий в русскоязычных и англоязычных текстах, что позволило сделать выводы о доминирующих тенденциях. Всего было проанализировано около 40 текстовых фрагментов, содержащих примеры нейтрализации конфликтов.

В ходе анализа русскоязычного материала были выделены основные языковые стратегии, включающие метафору морской навигации, стратегию интегративного позиционирования и эвфемистическое переосмысление.

Как было отмечено, метафора морской навигации встречается в русскоязычном материале, в том числе в рекламных материалах компании Free Lines Company: «*Если не следовать в фарватере этих перемен, можно и клиентов потерять, и корабль компании посадить на мель*» [10]. Очевидно, что подобный метафорический ряд переводит обсуждение геополитических рисков в плоскость профессионального языка, что способствует нейтрализации конфликтного потенциала высказывания.

Другим распространенным приемом является стратегия интегративного позиционирования. Например, при формулировании своей миссии компания отмечает: «*Создать эталонный сервис на рынке международных перевозок, совмещая современные технологии и клиентоориентированность*» [11]. Лексема совмещая снимает потенциальный конфликт между технологией и человеческим фактором, представляя их как взаимодополняющие элементы.

Согласно проведённому исследованию, в рамках анализа терминологии транспортной дипломатии распространённой является и стратегия эвфемистического переосмысления. В частности, на портале Logirus отмечается: «*Главное, чему научили нас события последнего времени – умению держать руку "на пульсе*"» [10]. Медицинская метафора имплицитно указывает на кризисную ситуацию, не называя её прямо, что является классическим примером эвфемизации.

Обзор коммуникаций ГК «Деловые Линии» показывает, что компания использует стратегию создания «комплексного предложения» как инструмент консенсуса. В качестве примера приведём описание нового сервиса доставки на маркетплейсы, где компания берет на себя все риски: «*Проанализировав рынок и потребности клиентов, мы поняли, что в отрасли не хватает комплексных предложений. Поэтому мы запустили сервис по принципу "одного окна"... заберем товар с фабрики в любой стране, подберем оптимальный маршрут до России, оформим все нужные таможенные документы... застрахуем груз»* [12]. Выражение «одного окна» формирует консенсус на основе общей выгоды и безопасности, снижая для клиента риски, связанные с нестабильностью.

Анализ англоязычных материалов иностранных транспортно-логистических компаний позволил выделить следующие доминирующие языковые стратегии, направленные на формирование консенсуса в условиях геополитической турбулентности: стратегию институционализации неопределённости, деполитизации и нормализации кризиса.

Так, в своих регулярных рыночных обновлениях Maersk последовательно реализует стратегию институционализации неопределённости, превращая

геополитическую турбулентность в управляемый операционный контекст: "*The volatility and complexity of the shifting policy landscape places global logistics at the forefront as the effects of trade tensions reinforces the importance of agile and robust supply chains*" [13]. («*Волатильность и сложность меняющегося политического ландшафта выдвигают глобальную логистику на передний план, поскольку последствия торговых противоречий подчеркивают важность гибких и надежных цепочек поставок*»).

Кроме того, важным элементом выступает стратегия деполитизации через профессиональную терминологию. При обсуждении пошлин USTR используется формулировка, снижающая обеспокоенность клиентов: "*At this time, we do not see a direct cost from this initiative impacting Maersk or our customers*" [13] («*В настоящее время мы не видим прямых затрат от этой инициативы, которые повлияли бы на Maersk или наших клиентов*»).

Другая популярная стратегия – стратегия нормализации и десенситизации кризиса. Обратившись к речи Генерального директора DHL Express, Джона Пирсона, находим подтверждение использования стратегии нормализации кризисных явлений: "*Trade barriers do not serve the world's best interests. But we must never underestimate the creativity of buyers and sellers around the world who want to do business with each other*" [14]. («*Торговые барьеры не служат лучшим интересам мира. Но мы никогда не должны недооценивать креативность покупателей и продавцов по всему миру, которые хотят вести бизнес друг с другом*»). Конструкция *do not serve the world's best interests* («не служат лучшим интересам мира») представляет собой дипломатический эвфемизм, смягчающий критику протекционистской политики.

В результате сопоставительного анализа разноязычного материала установлено, что русскоязычный дискурс транспортной дипломатии тяготеет к образно-эвфемистическим стратегиям (метафоры навигации, интегративное позиционирование), тогда как англоязычный – к рационально институциональным (институционализация неопределённости, деполитизация, нормализация кризиса). Несмотря на культурные различия, обе группы стратегий выполняют единую прагматическую функцию: переводят обсуждение геополитических рисков из политической плоскости в профессиональную, снижая конфликтный потенциал высказываний и поддерживая устойчивость деловых коммуникаций. Язык в транспортной дипломатии при этом выступает активным инструментом управления восприятием кризиса.

Полученные результаты позволяют сформулировать следующие рекомендации. Во-первых, специалистам по международным перевозкам и деловой коммуникации целесообразно учитывать выявленные культурно-специфические стратегии при подготовке корпоративных материалов для разных лингвокультурных аудиторий. Во-вторых, материалы исследования могут быть использованы в учебных курсах по лингвистике, межкультурной коммуникации и деловому иностранному языку. В-третьих, перспективным направлением дальнейших исследований является изучение языковых стратегий нейтрализации конфликтов в устной коммуникации транспортных дипломатов, а также анализ динамики стратегий в условиях меняющейся геополитической ситуации.

Список литературы

1. Крючков Н.Ю. Лексические и стилистические особенности дипломатических текстов на английском языке / Н.Ю. Крючков, Н.Г. Богаченко // Картина мира в системно-структурном и антропоцентрическом аспектах: поиски общих закономерностей: Сборник материалов XIII Всероссийской научно-практической конференции, Биробиджан, 29 ноября 2024 года. – Биробиджан: Приамурский государственный университет им. Шолом-Алейхема, 2025. – С. 51-59.
2. Звягина А.И. Транспортный дискурс: определение, характеристика и языковое оформление // Вестник ЧелГУ. 2009. №43.
3. Пономарев Д.Р. Лингвокогнитивные механизмы персуазивности в автомобильном рекламном дискурсе (на материале русского и английского языков) // Филология: научные исследования. 2025. № 12. С. 404-414.
4. Попкова Е.М. Дипломатический дискурс в современной парадигме подходов к преподаванию иностранных языков / Е.М. Попкова, О.И. Палагина // Казанский лингвистический журнал. – 2023. – Т. 6, № 2. – С. 257-270.
5. Тарасова А.С. Особенности дипломатического дискурса как языка профессии / А.С. Тарасова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2026. – № 219. – С. 231-239

Список источников

6. Ampleman L. Transport Diplomacy: Planning Narratives and Mobility Cooperation. – London: Routledge, 2025. – 28 p.
7. Kordić L. Language(s) and Law. – Osijek: Faculty of Law Osijek, 2023. – 154 p.
8. Гринев-Гриневич С.В. Терминоведение: учебное пособие для студентов высших учебных заведений / С.В. Гринев-Гриневич. - Москва: Академия, 2008. – 302 с.
9. Марианне В. Йоргенсен, Луиза Дж. Филлипс. Дискурс-анализ. Теория и метод / Пер. с англ. – 2-е изд., испр. – Х.: Изд-во "Гуманитарный Центр", 2008. – 352 с.
10. Логирус. Корабль, шторм, попутный ветер и сервис VED. URL: https://logirus.ru/articles/solution/korabl-_shtorm-_poputnyy_veter_i_servis_ved.html (дата обращения: 25.10.2026).
11. Free Lines Company: [о компании]. – URL: https://free-lines.ru/about/ (дата обращения: 25.10.2026).

12. В «Деловых линиях» появилась прямая доставка из-за рубежа на маркетплейсы // РБК. – URL: https://companies.rbc.ru/news/WSFpP72QZq/v-delovyih-liniyah-poyavilas-pryamaya-dostavka-iz-za-rubezha-na-marketplejsiy/ (дата обращения: 25.10.2026).
13. Maersk Asia Pacific Market Update – May 2025. – URL: https://www.maersk.com.cn/ru-ru/news/articles/2025/05/09/maersk-asia-pacific-market-update-may (дата обращения: 25.10.2026).
14. DHL Global Connectedness Tracker Special Update. – URL: https://group.dhl.com/en/media-relations/press-releases/2025/dhl-global-connectedness-tracker-special-update.html (дата обращения: 25.10.2026).

ПРИКЛАДНАЯ И МАТЕМАТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

Дата публикации 31.10.2026

УДК 811.161.1’42:004.738.5

Таганалыев Б., Батырова Д. Лингвистика интернет-дискурса: жанровая дифференциация и прагматические стратегии в русскоязычных социальных медиа

Таганалыев Баймырат
Преподаватель, Туркменский национальный институт мировых языков имени Довлетмаммета Азади, Ашхабад, Туркменистан

Батырова Дилбер
Студент, Туркменский национальный институт мировых языков имени Довлетмаммета Азади
Ашхабад, Туркменистан

Linguistics of Internet Discourse: Genre Differentiation and Pragmatic Strategies in Russian-Language social media

Taganalyyev Baymyrat
Lecturer, Dovletmammet Azadi Turkmen National Institute of World Languages
Ashgabat, Turkmenistan

Batyrova Dilber
Student, Dovletmammet Azadi Turkmen National Institute of World Languages
Ashgabat, Turkmenistan

Аннотация. В статье обосновывается необходимость перехода от описательной характеристики отдельных интернет-жанров к анализу платформенно обусловленной жанровой дифференциации. На материале русскоязычных социальных медиа (ВКонтакте) показано, что жанровая система интернет-дискурса не является простым продолжением речежанровой системы устной или письменной коммуникации: она формируется под влиянием аффордансов платформы, которые задают набор прагматических стратегий, доступных пользователю. Предлагается авторская двухуровневая модель разграничения платформенно-заданных и пользовательский-выбираемых жанровых признаков. Новизна состоит в обосновании того, что прагматическая стратегия в социальных медиа является не индивидуальным выбором говорящего, а результатом совместного действия платформенной архитектуры и жанровой конвенции, что позволяет объяснить, как устойчивость жанровых форм, так и их быструю гибридизацию. Модель верифицируется на данных корпусного анализа русскоязычных постов и комментариев и сопоставляется с существующими подходами к интернет-жанрам.

Ключевые слова: интернет-дискурс, жанровая дифференциация, прагматические стратегии, социальные медиа, ВКонтакте, платформенные аффордансы, речевой жанр.

Abstract. The article substantiates the need for a shift from a descriptive characterization of individual Internet genres to an analysis of platform-driven genre differentiation. Based on Russian-language social media (VKontakte), it is shown that the genre system of Internet discourse is not a mere continuation of the speech-genre system of oral or written communication: it is shaped by platform affordances that define the set of pragmatic strategies available to the user. The author proposes a two-level model for distinguishing between platform-defined and user-selected genre features. The novelty lies in demonstrating that pragmatic strategy in social media is not an individual choice of the speaker, but the result of the joint action of platform architecture and genre convention, which accounts for both the stability of genre forms and their rapid hybridization. The model is verified using corpus analysis data from Russian-language posts and comments and is compared with existing approaches to Internet genres.

Keywords: Internet discourse, genre differentiation, pragmatic strategies, social media, VKontakte, platform affordances, speech genre.

Введение. Лингвистика интернет-дискурса накопила значительный корпус описаний отдельных жанров: поста, комментария, мема [1], чат-сообщения, блога, телеграм-канала. Описаны и отдельные языковые особенности интернет-коммуникации, включая пунктуацию и композитные образования в бизнес-дискурсе [2; 3]. Существующие работы, как правило, либо перечисляют жанры, либо анализируют прагматику отдельного жанра и прагматическую адаптацию [4; 5], но не связывают жанровую дифференциацию с архитектурой платформы.

Проблема, которой посвящена статья, формулируется так: является ли жанровая система русскоязычных социальных медиа автономной от платформенных условий, или платформа задаёт пространство возможных жанров и прагматических стратегий, внутри которого пользователь осуществляет выбор? Если верно второе, то жанровая дифференциация должна описываться не как список, а как система ограничений и возможностей, порождаемая платформой.

Научная новизна работы состоит в построении двухуровневой модели, разграничивающей платформенно-заданные жанровые признаки (аффордансы интерфейса, формат контента, алгоритмическая видимость) и пользовательски-выбираемые признаки (прагматическая установка, тональность, степень косвенности). Модель позволяет объяснить, почему сходные коммуникативные цели порождают разные жанровые решения в ВКонтакте и Telegram, и почему гибридизация жанров происходит с разной скоростью на разных платформах.

Теоретическая рамка: жанр в интернет-дискурсе. Классическое понимание речевого жанра предполагает устойчивость формы, типичность ситуации и воспроизводимость. В интернет-дискурсе эти параметры проблематизируются: форма подвижна, ситуация технологически опосредована, а воспроизводимость обеспечивается не только конвенцией, но и интерфейсом. Е. Н. Галичкина [6]

выделяет интернет-дискурс как особую коммуникативную среду, в которой жанровые характеристики формируются под воздействием технических параметров канала. К. В. Киуру [7] показывает, что жанровая дифференциация массмедийного интернет-текста определяется не только содержанием, но и способом предъявления контента аудитории.

Однако эти подходы оставляют открытым вопрос о механизме связи платформы и жанра. Здесь продуктивным оказывается понятие аффорданса: платформа предоставляет определённые возможности (длина текста, наличие реакций, возможность редактирования, анонимность, threaded-обсуждение) и одновременно накладывает ограничения. Жанр в социальных медиа возникает как стабилизированный ответ на набор аффордансов. Эта идея согласуется с исследованиями компьютерно-опосредованной коммуникации, показывающими, что технические параметры канала, мотивы использования платформы и пространственная организация взаимодействия влияют на коммуникативные практики [8–10]. Эта идея согласуется с результатами проведённого нами корпусного анализа: в собранном корпусе русскоязычных текстов ВКонтакте и Telegram (420 000 словоупотреблений) маркер *типа* встречается во ВКонтакте чаще, чем в Telegram (52,6 против 37,9 вхождений на 10 000 словоупотреблений), тогда как *ну* и *вот* тяготеют к Telegram (112,4 и 48,7 соответственно). Эти показатели получены в настоящем исследовании и подробнее представлены в разделе «Результаты».

Методология и материал. Исследование выполнено в русле корпусно-дискурсивного анализа, сочетающего количественные и качественные процедуры. Эмпирическую базу составил пользовательский корпус публично доступных текстов двух платформ — ВКонтакте и Telegram — объёмом 420 000 словоупотреблений. Сбор материала охватывал период с января по ноябрь 2025 года; при отборе соблюдался принцип тематической диверсификации (бытовое, общественно-политическое и профессиональное общение).

На первом этапе корпус подвергался лемматизации и морфологической разметке с ручной верификацией контекстов пяти прагматических маркеров (*ну, вот, типа, короче, как бы*). Выбор маркеров обусловлен их высокой частотностью в устной речи и указаниями на их прагматикализованный статус. На втором этапе проводился конкордансный анализ с определением позиции маркера в реплике и его коммуникативной функции. Функциональная таксономия включала шесть категорий: хезитативную, дискурсивно-структурирующую, эмфатическую, аффективно-оценочную, метакоммуникативную и аппроксимативную.

Аннотирование выполнялось двумя экспертами независимо; коэффициент согласия к Коэна составил 0,81. При интерпретации прагматических маркеров учитывались также данные о стратегиях прагматического обучения и факторах, влияющих на прагматическую компетенцию [11]. На третьем этапе различия в распределении функций между платформами оценивались с помощью критерия χ^2.

Дополнительно к количественному анализу привлекались качественные данные: фрагменты постов и комментариев, иллюстрирующие жанровые решения. Такой дизайн позволяет не только зафиксировать статистические различия, но и интерпретировать их в терминах жанровой дифференциации.

Результаты: жанровая дифференциация как платформенный эффект. Проведённый анализ показал, что жанровая система ВКонтакте и Telegram не является изоморфной, несмотря на сходство базовых коммуникативных задач. Различия затрагивают три параметра: (1) степень нарративной развёрнутости, (2) соотношение монологического и диалогического начал, (3) доступный репертуар прагматических стратегий.

ВКонтакте тяготеет к полижанровым полилогам: пост и комментарий образуют единый коммуникативный комплекс, в котором границы жанра размыты, а прагматическая стратегия часто направлена на удержание внимания и вовлечение аудитории. Это проявляется, в частности, в высокой частотности маркера *типа* (52,6 вхождений на 10 000 словоупотреблений против 37,9 в Telegram), который выполняет преимущественно аппроксимативную и метакоммуникативную функции. Жанровая форма здесь менее стабильна, но более адаптивна: пользователь комбинирует элементы разных жанров в рамках одной ветки обсуждения.

Telegram демонстрирует иную картину: жанр канализирован архитектурой канала и группового чата. Пост в канале тяготеет к монологической форме с отчётливой прагматической установкой (информирование, оценка, побуждение), тогда как комментарии в групповых чатах образуют относительно автономную диалогическую подсистему. Маркеры *ну* и *вот* в Telegram частотнее (112,4 и 48,7 соответственно), что связано с устно-разговорной тональностью и необходимостью поддерживать непрерывность диалога в условиях асинхронности.

Таким образом, жанровая дифференциация не является свободным выбором говорящего: она ограничена платформенными аффордансами, которые задают вероятностные *траектории* жанрового оформления. Прагматическая стратегия, в свою очередь, не просто «выбирается» из репертуара, а конструируется в точке пересечения платформенного ограничения и коммуникативной цели.

Обсуждение: сопоставление с существующими подходами. Полученные результаты позволяют критически оценить распространённые в литературе подходы к интернет-жанрам. Первый подход рассматривает жанр как устойчивую типологическую единицу, инвариантную относительно канала. В свете полученных данных такая позиция представляется недостаточной: один и тот же «комментарий» в ВКонтакте и Telegram реализует разные прагматические стратегии и обладает разной степенью жанровой автономии. Второй подход акцентирует технологическую детерминацию, полагая, что платформа полностью определяет жанр. Это также не подтверждается: в рамках одной платформы наблюдаются значительные жанровые вариации, а пользователи активно гибридизируют формы, выходя за пределы «предписанных» сценариев.

Предлагаемая модель снимает это противоречие, разграничивая уровень аффордансов (то, что платформа делает возможным и вероятным) и уровень пользовательских стратегий (то, как говорящий реализует эти возможности). Жанр в интернет-дискурсе, таким образом, является не фиксированной формой и не свободной практикой, а стабилизированным результатом взаимодействия этих двух уровней. Это согласуется с данными о том, что прагматические маркеры в социальных медиа выполняют не только дискурсивные, но и социально-индексальные функции, маркируя принадлежность к определённой платформенной культуре.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о гибридизации жанров. Наши данные показывают, что скорость гибридизации зависит от степени жёсткости платформенных ограничений: в Telegram, где формат канала и чата более структурирован, гибридные формы возникают реже и медленнее, чем во ВКонтакте, где полижанровая среда способствует экспериментам с формой. Это позволяет сформулировать проверяемое следствие: чем выше платформенная заданность жанра, тем ниже темп жанровой инновации. Данное следствие не является тривиальным и может быть проверено на материале других платформ и других языков.

Ограничения. Основное ограничение исследования связано с его платформенной локализацией: материал охватывает только две русскоязычные платформы, что не позволяет распространить выводы на весь русскоязычный интернет-дискурс. Кроме того, корпусная методология фиксирует частотные распределения, но не объясняет индивидуальных мотивов выбора жанровой стратегии. Эти мотивы могут быть выявлены только в рамках качественных методов

(интервью, метапрагматическая рефлексия), что составляет перспективу дальнейшей работы.

Заключение. Жанровая дифференциация в русскоязычных социальных медиа не может быть адекватно описана ни как простое продолжение традиционных речевых жанров, ни как прямой продукт технологической детерминации. Она представляет собой результат взаимодействия платформенных аффордансов и пользовательских прагматических стратегий, причём это взаимодействие носит системный характер и поддаётся моделированию. Предложенная двухуровневая модель позволяет объяснить как устойчивость жанровых форм в пределах одной платформы, так и различия между платформами, а также сформулировать проверяемые гипотезы о темпах жанровой гибридизации. Дальнейшее развитие модели требует расширения эмпирической базы за счёт других платформ и включения качественных методов анализа метапрагматической рефлексии пользователей.

Список литературы

1. Канашина, С. В. Интернет-мем как современный медиадискурс / С. В. Канашина // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2018. – № 8(131). – С. 125–129.
2. Дубовский, Ю. А. Вариативность узуса двоеточия и тире в англо- и русскоязычных контекстах бизнес-дискурса Интернета / Ю. А. Дубовский, Т. Б. Заграевская // Язык и культура. – 2018. – № 44. – С. 29–43. – DOI 10.17223/19996195/44/2.
3. Дубовский, Ю. А. Специфические и типологические характеристики русских и английских композитных образований в бизнес-дискурсе интернет-пространства / Ю. А. Дубовский, Т. Б. Заграевская // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. – 2019. – Т. 21, № 67. – С. 77–85.
4. Демьянова, Т. В. Прагматические установки употребления речевых стратегий маневрирования в контексте дипломатического дискурса / Т. В. Демьянова // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2022. – № 3(116). – С. 27–36. – DOI 10.37972/chgpu.2022.116.3.004.
5. Новицкая, О. В. Прагматическая адаптация в художественном переводе: цели, задачи, методы / О. В. Новицкая // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2018. – № 1(789). – С. 146–161.
6. Галичкина, Е. Н. Интернет-дискурс: основные направления изучения и тенденции развития / Е. Н. Галичкина // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2021. – № 7(160). – С. 94–101.
7. Киуру, К. В. Жанровая дифференциация массмедийного интернет-текста / К. В. Киуру // Российская пиарология-3: тренды и драйверы : сборник научных трудов в честь профессора В. Н. Степанова. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2017. – С. 60–64.

8. Liu, C. C. Model of online game addiction: The role of computer-mediated communication motives / C. C. Liu, I. C. Chang // Telematics and Informatics. – 2016. – Vol. 33, No. 4. – P. 904–915. – DOI 10.1016/j.tele.2016.02.002.
9. Meier, A. Computer-Mediated Communication, Social Media, and Mental Health: A Conceptual and Empirical Meta-Review / A. Meier, L. Reinecke // Communication Research. – 2020. – DOI 10.1177/0093650220958224.
10. Nadler, R. Understanding "Zoom fatigue": Theorizing spatial dynamics as third skins in computer-mediated communication / R. Nadler // Computers and Composition. – 2020. – Vol. 58. – P. 102613. – DOI 10.1016/j.compcom.2020.102613.
11. Derakhshan, A. The use of interlanguage pragmatic learning strategies (IPLS) by L2 learners: the impact of age, gender, language learning experience, and L2 proficiency levels / A. Derakhshan, A. Malmir, M. Pawlak, Y. Wang // IRAL: International Review of Applied Linguistics in Language Teaching. – 2022. – DOI 10.1515/iral-2022-0132.

Дата публикации 31.10.2026

УДК 81'27:316.7

Чарыева О., Худайбердиев М., Магтымова А., Таганова М. Языковая ситуация в полиэтническом регионе: социолингвистическое исследование функционального распределения языков

Чарыева Огулдженнет
Преподаватель, Туркменский национальный институт мировых языков имени Довлетмаммета Азади, Ашхабад, Туркменистан

Худайбердиев Мулкаман
Преподаватель, Туркменский национальный институт мировых языков имени Довлетмаммета Азади, Ашхабад, Туркменистан

Магтымова Ашыргул
Студент, Туркменский национальный институт мировых языков имени Довлетмаммета Азади, Ашхабад, Туркменистан

Таганова Мерьем
Студент, Туркменский национальный институт мировых языков имени Довлетмаммета Азади, Ашхабад, Туркменистан

The Language Situation in a Multiethnic Region: A Sociolinguistic Study of the Functional Distribution of Languages

Charyyeva Oguljennet
Lecturer, Dovletmammet Azadi Turkmen National Institute of World Languages Ashgabat, Turkmenistan

Hudayberdiyev Mulkaman
Lecturer, Dovletmammet Azadi Turkmen National Institute of World Languages Ashgabat, Turkmenistan

Magtymova Ashyrgul
Student, Dovletmammet Azadi Turkmen National Institute of World Languages Ashgabat, Turkmenistan

Taganova Meryem
Student, Dovletmammet Azadi Turkmen National Institute of World Languages Ashgabat, Turkmenistan

Аннотация. В статье представлены результаты социолингвистического исследования функционального распределения языков в полиэтническом регионе. Актуальность работы обусловлена необходимостью сохранения языкового многообразия и оптимизации языковой политики в условиях глобализации и роста миграционных процессов. На основе доменного анализа и опроса 150 респондентов выявлены модели использования языков в семье, образовании, СМИ, государственном управлении и профессиональной сфере. Установлено, что доминирующий язык

выполняет преимущественно официальные и профессиональные функции, тогда как миноритарные языки сохраняются в семейно-бытовой сфере и неформальном общении. Показано, что функциональное распределение зависит от возраста, уровня образования, места проживания и языковой политики. Выявлена тенденция к сужению функций миноритарных языков у молодого поколения при сохранении их символической ценности. Предложены рекомендации по поддержке многокомпонентной языковой среды. Результаты могут быть использованы при разработке региональных языковых программ и образовательных стратегий.

Ключевые слова: языковая ситуация, полиэтнический регион, функциональное распределение языков, социолингвистика, языковая политика, миноритарные языки, доменный анализ.

Abstract. The article presents the results of a sociolinguistic study on the functional distribution of languages in a multi-ethnic region. The relevance of the work stems from the need to preserve linguistic diversity and optimize language policy in the context of globalization and growing migration processes. Based on domain analysis and a survey of 150 respondents, models of language use in the family, education, mass media, public administration, and the professional sphere were identified. It was established that the dominant language primarily performs official and professional functions, whereas minority languages are preserved in the domestic sphere and informal communication. It is shown that functional distribution depends on age, education level, place of residence, and language policy. A tendency toward the narrowing of minority language functions among the younger generation while retaining their symbolic value was revealed. Recommendations for supporting a multi-component linguistic environment are proposed. The results can be used in developing regional language programs and educational strategies.

Keywords: language situation, multi-ethnic region, functional distribution of languages, sociolinguistics, language policy, minority languages, domain analysis.

Введение. Языковая ситуация в полиэтническом регионе представляет собой сложную динамическую систему, в которой сосуществуют несколько языков, различающихся по статусу, престижу и сферам использования. Функциональное распределение языков — ключевое понятие социолингвистики, описывающее, какие языки и в каких коммуникативных доменах используются. Изучение этого распределения позволяет понять механизмы языкового сдвига, оценить эффективность языковой политики и выработать меры по поддержке языкового многообразия.

Актуальность исследования определяется тем, что в условиях глобализации и интенсификации миграционных процессов функциональное распределение языков претерпевает существенные изменения. С одной стороны, доминирующие языки расширяют своё присутствие в образовании, СМИ и профессиональной коммуникации. С другой стороны, миноритарные языки сохраняются в семейно-бытовой сфере, но их функции постепенно сужаются. Как отмечает В. А. Тишков, языковая политика в России и других полиэтнических государствах требует ревизии

категорий и практик с учётом реального функционального распределения [1, с. 127–144]. Исследования в Кыргызстане показывают, что распределение функциональной нагрузки между мажоритарным и миноритарными языками зависит от региона и социально-демографических характеристик [2]. В билингвальных семьях выбор языка определяется не только коммуникативной необходимостью, но и символическими факторами [3].

В зарубежной социолингвистике также обсуждается социолингвистическая компетенция преподавателя и её роль в организации языкового образования [4]. Исследования многоязычия показывают, что многозычный опыт влияет на эмоциональные и когнитивные характеристики изучающих язык [5]. Отдельное направление составляют работы об убеждениях преподавателей в отношении многоязычия и транслингвальных практик [6], а также обзоры влияния многоязычия на изучение нового языка [7]. Цифровая среда рассматривается как фактор формирования профессиональных сообществ и учебной вовлечённости [8; 9]. Наконец, методологические вопросы участия респондентов в социолингвистических исследованиях обсуждаются в работе [10].

Научная новизна работы состоит в комплексном анализе функционального распределения языков в полиэтническом регионе с учётом доменной структуры и социально-демографических переменных. В отличие от существующих исследований, где акцент делается на отдельных сферах или языках, данное исследование предлагает целостную модель, связывающую функциональное распределение с языковой политикой и субъективными оценками носителей.

Цель статьи — выявить и охарактеризовать функциональное распределение языков в полиэтническом регионе, а также определить факторы, влияющие на выбор языка в различных коммуникативных доменах. Для достижения цели решаются следующие задачи: (1) провести анализ научной литературы по проблеме; (2) разработать инструментарий и собрать эмпирические данные; (3) проанализировать распределение языков по доменам; (4) выявить социально-демографические и языковые факторы, влияющие на выбор языка; (5) сформулировать рекомендации по оптимизации языковой политики.

Исследование проводилось в 2023–2024 гг. в одном из полиэтнических регионов (название не указывается в целях сохранения анонимности). Регион характеризуется компактным проживанием нескольких этнических групп, каждая из которых имеет свой язык. Официальный язык — русский; также распространены языки титульной национальности и языки диаспор.

Выборка составила 150 респондентов в возрасте от 18 до 70 лет (средний возраст 38,5 лет), из них 58% женщин и 42% мужчин. Образование: высшее — 45%, среднее специальное — 35%, среднее — 20%. Место проживания: город — 60%, село — 40%. Родной язык: русский — 40%, титульный язык — 35%, язык диаспоры — 25%.

Для сбора данных использовался онлайн-опросник, включавший вопросы о языке, используемом в следующих доменах: семья (общение с родителями, супругом, детьми), образование (дошкольное, школьное, вузовское), СМИ (телевидение, интернет, печатные издания), государственное управление (обращения в органы власти, официальные документы), профессиональная сфера (общение с коллегами, деловая переписка), неформальное общение (друзья, соседи). При организации опроса и интерпретации данных учитывались рекомендации по участию респондентов в социолингвистических исследованиях [13]. Также фиксировались социально-демографические данные и субъективные оценки престижа и значимости языков.

Для анализа использовались методы описательной статистики, доменного анализа (вычисление доли использования каждого языка в каждом домене), а также корреляционный анализ для выявления связей между социально-демографическими переменными и выбором языка. Для проверки значимости различий применялся критерий хи-квадрат Пирсона (уровень значимости $p < 0,05$).

Дополнительно были проведены 10 полуструктурированных интервью с экспертами в области языковой политики и образования для уточнения интерпретации данных.

Экспериментальная часть: анализ и обсуждение. Анализ данных показал, что функциональное распределение языков в регионе неоднородно и зависит от домена. В семейно-бытовой сфере доминируют миноритарные языки: 62% респондентов используют титульный язык или язык диаспоры при общении с родителями, 48% — с супругом, 35% — с детьми. Русский язык в семье используют 38% (с родителями), 52% (с супругом), 65% (с детьми). Таким образом, наблюдается тенденция к переходу на русский язык в общении с детьми, что свидетельствует о сужении функций миноритарных языков в межпоколенной передаче. Это согласуется с данными Ю. Смагуловой о том, что в билингвальных семьях выбор языка определяется не только коммуникативной необходимостью, но и ориентацией на будущее ребёнка, его успешность в доминирующей языковой среде [3].

В сфере образования русский язык практически монопольно доминирует: 95% респондентов указали, что обучение в школе велось на русском языке, 88% — что в

вузе. Миноритарные языки используются преимущественно в дошкольном образовании (25%) и в качестве предмета изучения (40%). Это отражает государственную языковую политику, ориентированную на русский язык как средство межнационального общения и вертикальной мобильности [1].

В СМИ русский язык также доминирует: 90% респондентов смотрят телевидение на русском, 85% читают интернет-ресурсы на русском. Миноритарные языки присутствуют в основном в местных газетах (15%) и радиопередачах (20%). В государственном управлении русский язык используется абсолютным большинством (98% — при обращении в органы власти, 99% — при оформлении документов). В профессиональной сфере русский язык также преобладает: 92% используют его с коллегами, 95% — в деловой переписке.

В неформальном общении с друзьями и соседями доля миноритарных языков возрастает: 45% используют титульный язык или язык диаспоры, 55% — русский. Это свидетельствует о том, что миноритарные языки сохраняют функцию внутригрупповой идентификации и солидарности.

Корреляционный анализ выявил значимые связи между выбором языка и такими переменными, как возраст ($r = -0,34$, $p < 0,01$), уровень образования ($r = 0,28$, $p < 0,05$) и место проживания ($r = 0,31$, $p < 0,05$). Молодые респонденты (18–30 лет) чаще используют русский язык во всех доменах, кроме общения с родителями; респонденты с высшим образованием также демонстрируют более высокую долю использования русского языка, особенно в профессиональной сфере. Сельские жители чаще используют миноритарные языки в семье и неформальном общении, чем городские.

Субъективные оценки престижа языков показали, что русский язык воспринимается как более престижный (средний балл 4,5 по 5-балльной шкале), чем миноритарные (3,2). Однако 78% респондентов считают важным сохранение родного языка, а 65% готовы участвовать в программах языковой поддержки. Это указывает на символическую ценность миноритарных языков даже при их ограниченном функциональном использовании.

Сравнение с данными других исследований показывает, что выявленные тенденции характерны для многих полиэтнических регионов. Так, в Кыргызстане, по данным А. Закирова и соавторов, функциональная нагрузка распределяется между кыргызским и русским языками сходным образом: русский доминирует в образовании и управлении, кыргызский — в семейно-бытовой сфере и неформальном общении [2]. В Китае, как отмечают Ц. Шен и Х. Гао, языковая политика также

направлена на продвижение путунхуа, что приводит к сужению функций миноритарных языков, хотя их символическая ценность сохраняется [11]. Эти выводы согласуются с анализом обучения китайскому как второму или иностранному языку [12].

Полученные результаты подтверждают теорию языкового сдвига: функциональное распределение языков определяется не только коммуникативными потребностями, но и социально-экономическими факторами, языковой политикой и субъективными оценками. Доминирующий язык обеспечивает доступ к ресурсам и мобильности, поэтому родители часто выбирают его для общения с детьми, даже если сами владеют миноритарным языком. Это создаёт риск утраты межпоколенной передачи миноритарных языков.

В то же время миноритарные языки сохраняют важную роль в поддержании этнической идентичности и культурной преемственности. Респонденты отмечали, что используют родной язык для общения со старшим поколением, в традиционных обрядах и праздниках. Это согласуется с данными о том, что миноритарные языки выполняют символическую функцию, даже если их коммуникативная нагрузка снижается [3].

Выводы и рекомендации. Проведённое исследование позволило выявить функциональное распределение языков в полиэтническом регионе и определить факторы, влияющие на выбор языка в различных доменах. Основные выводы:

1. Функциональное распределение языков характеризуется диглоссией: доминирующий (русский) язык выполняет официальные, образовательные, профессиональные и медийные функции; миноритарные языки сохраняются в семейно-бытовой и неформальной сферах.

2. Наблюдается тенденция к сужению функций миноритарных языков в межпоколенной передаче: родители чаще общаются с детьми на русском языке, что создаёт риск языкового сдвига.

3. Выбор языка зависит от возраста, уровня образования и места проживания: молодые, образованные и городские жители чаще используют русский язык; сельские жители и старшее поколение сохраняют миноритарные языки.

4. Субъективная оценка престижа языка не всегда совпадает с его функциональной нагрузкой: миноритарные языки могут восприниматься как менее престижные, но при этом сохранять символическую ценность и поддержку носителей.

5. Эффективная языковая политика должна учитывать реальное функциональное распределение и быть направлена на поддержку миноритарных

языков в тех сферах, где они ещё сохраняются (семья, дошкольное образование, местные СМИ, неформальное общение).

Рекомендации:

- Разработать региональные программы поддержки миноритарных языков, включая создание учебных материалов, подготовку преподавателей и организацию языковых курсов для родителей.
- Стимулировать использование миноритарных языков в местных СМИ и культурных мероприятиях.
- Проводить мониторинг языковой ситуации с регулярным сбором данных о функциональном распределении.
- Учитывать символическую ценность языков: поддержка языкового многообразия важна не только для коммуникации, но и для сохранения культурного наследия.

Ограничения исследования связаны с ограниченной выборкой и одним регионом. Дальнейшие исследования могут быть направлены на расширение выборки, включение других регионов и проведение лонгитюдных исследований для отслеживания динамики языковой ситуации.

Список литературы

1. Тишков, В. А. Языковая ситуация и языковая политика в России (ревизия категорий и практик) / В. А. Тишков // Полис. Политические исследования. – 2019. – № 3. – С. 127–144. – DOI 10.17976/jpps/2019.03.08.
2. Zakirov, A. Distribution of functional load among major and minor languages in Kyrgyzstan / A. Zakirov, R. Sharshenova, K. Shambetaliev // Alatoo Academic Studies. – 2023. – No. 3. – P. 348–352. – DOI 10.17015/aas.2023.233.35.
3. Smagulova, Ju. Language Socialization in Bilingual Families: Functional Distribution of Languages in Baby-directed Talk / Ju. Smagulova // Polylinguality and Transcultural Practices. – 2019. – Vol. 16, No. 1. – P. 13–20. – DOI 10.22363/2618-897X-2019-16-1-13-20.
4. Вишневецкая, Н. В. Социолингвистическая компетенция преподавателя иностранного языка как объект рассмотрения / Н. В. Вишневецкая // Иностранные языки в школе. – 2019. – № 4. – С. 29–34.
5. Botes, E. The Power to Improve: Effects of Multilingualism and Perceived Proficiency on Enjoyment and Anxiety in Foreign Language Learning / E. Botes, J. M. Dewaele, S. Greiff // European Journal of Applied Linguistics. – 2020. – Vol. 8, No. 2. – P. 279–306. – DOI 10.1515/eujal-2020-0003.
6. Gorter, D. Teachers' beliefs about multilingualism in a course on translanguaging / D. Gorter, E. Arocena // System. – 2020. – Vol. 92. – P. 102272. – DOI 10.1016/j.system.2020.102272.
7. Hirosh, Z. Direct and indirect effects of multilingualism on novel language learning: An integrative review / Z. Hirosh, T. Degani // Psychonomic Bulletin and Review. – 2018. – Vol. 25, No. 3. – P. 892–916. – DOI 10.3758/s13423-017-1315-7.

8. Ito, Yu. Examining a technology-focused language teacher community on Facebook during a crisis situation / Yu. Ito // Asian-Pacific Journal of Second and Foreign Language Education. – 2023. – Vol. 8, No. 1. – P. 1. – DOI 10.1186/s40862-022-00159-0.
9. Pan, X. Exploring the multidimensional relationships between educational situation perception, teacher support, online learning engagement, and academic self-efficacy in technology-based language learning / X. Pan // Frontiers in Psychology. – 2022. – Vol. 13. – DOI 10.3389/fpsyg.2022.1000069.
10. Rodríguez Louro, C. Working together: Sociolinguistic research in urban Aboriginal Australia / C. Rodríguez Louro, G. Collard // Journal of Sociolinguistics. – 2021. – Vol. 25, No. 5. – P. 785–807. – DOI 10.1111/josl.12487.
11. Shen, Qi. Multilingualism and policy making in Greater China: ideological and implementational spaces / Qi. Shen, X. Gao // Language Policy. – 2019. – Vol. 18, No. 1. – P. 1–16. – DOI 10.1007/s10993-018-9473-7.
12. Gong, Ya. The Teaching and Learning of Chinese as a Second or Foreign Language: The Current Situation and Future Directions / Ya. Gong, Ch. Lai, X. Gao // Frontiers of Education in China. – 2020. – Vol. 15, No. 1. – P. 1–13. – DOI 10.1007/s11516-020-0001-0.
13. Bodó, C. Participation in sociolinguistic research / C. Bodó, B. Barabás, N. Fazakas [et al.] // Linguistics and Language Compass. – 2022. – Vol. 16, No. 4. – DOI 10.1111/lnc3.12451.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Дата публикации 20.10.2026

УДК 821.161.1

Безруков А.Н. Сюжетология поэтических конструкций Юрия Домбровского

Безруков Андрей Николаевич
кандидат филол. наук, доцент кафедры филологии, Уфимский университет науки и технологий, Бирский филиал, РФ, г. Бирск
in_text@mail.ru

The syuzhetology of poetic constructions by Yuri Dombrovsky

Bezrukov Andrey Nikolaevich
Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Philology, Ufa University of Science and Technology, Branch in Birsk, Russian Federation, Birsk

Аннотация. Судьба Юрия Домбровского – прозаика, поэта, литературного критика, искусствоведа, журналиста – имеет непростой характер. Его жизнь — это не только преодоление социальных барьеров, это еще и варианты экспериментов с литературными жанрами, формами, сюжетами, языком. Оценка текстов Ю.О. Домбровского имеет векторный тип, исследователи отмечают как его явную даровитость, стилистическую тонкость, так и осуждают за открытую конфронтацию общественного устройства. Проза писателя во многом связана с конкретикой манифеста нравственных ценностей, при этом судьбы героев находятся на гране тотального уничтожения. История и личный опыт, внешнее противостояние и внутренняя борьба, открытый протест и сомнения – это то, что становится предметной областью книг Юрия Домбровского. Классикой признан роман «Обезьяна приходит за своим черепом» (1959), «Хранитель древностей» (1964), «Факультет ненужных вещей» (1987). Поэзия Ю.О. Домбровского исследована меньше, чем проза, следовательно, целесообразно обратиться к анализу его лирических конструктов. Цель статьи сводится к вероятной оценке сюжетов, которые становятся основной поэтической наррации. Для текстов Ю.О. Домбровского сюжетный ход есть движущая сила, именно событийная основа в сравнении с эмоциональной, экспрессивной является для данного автора конструктивно значимым элементом. Методы научного исследования традиционны, ориентир на аналитическую оценку стихов в режиме рецепции приоритетен. В финале работы сделан вывод, что для стихотворений Юрия Домбровского важно и значимо как фактическое сложение формы, а это ритм, метр, размер, так и особая сюжетная организация. Она позволяет конструктивно раскрыть тему, манифестировать авторскую позицию. На наш взгляд, данный материал можно использовать в вузовской практике при изучении истории русской литературы, творчества Юрия Домбровского.

Ключевые слова: Юрий Домбровский, рецепция, лирика, сюжет, авторский дискурс, ритм, поэтический язык, текст, читатель, автор.

Abstract. The fate of Yuri Dombrovsky – a prose writer, poet, literary critic, art critic, journalist – is not easy. His life is not only overcoming social barriers, it is also options for experimenting with literary genres, forms, plots, language. Assessment of texts by Yu. O.

Dombrovsky has a vector type, researchers note both his obvious talent, stylistic subtlety, and condemn the open confrontation of social structure. The writer's prose is largely related to the specifics of the manifesto of moral values, while the fate of the heroes is on the verge of total destruction. History and personal experience, external confrontation and internal struggle, open protest and doubts – this is what becomes the subject area of Yuri Dombrovsky's books. The novel «The Monkey Comes for His Skull» (1959), «Keeper of Antiquities» (1964), «Faculty of Unnecessary Things» (1987) are recognized as classics. The poetry of Yu. O. Dombrovsky is less studied than prose, therefore, it is advisable to turn to the analysis of his lyrical constructs. The purpose of the article boils down to a probable assessment of the plots that become the main poetic narrative. For the texts of Yu. O. Dombrovsky plot move is a driving force, it is the event basis in comparison with the emotional, expressive is a constructively significant element for this author. Methods of scientific research are traditional, the guideline for the analytical assessment of poems in reception mode is prioritized. In the final of the work, it was concluded that for the poems of Yuri Dombrovsky, both the actual addition of the form is important and significant, and this is the rhythm, meter, size, and special plot organization. It allows you to constructively reveal the topic, manifest the author's position. In our opinion, this material can be used in university practice when studying the history of Russian literature, the work of Yuri Dombrovsky.

Keywords: Yuri Dombrovsky, reception, lyricism, plot, authorial discourse, rhythm, poetic language, text, reader, author.

Проза Юрия Домбровского (1990-1978) в массе критических [1] источников исследована достаточно полно [2]. Его романы – «Обезьяна приходит за своим черепом» (1959), «Хранитель древностей» (1964), «Факультет ненужных вещей» (1987) – привлекают выбором темы, нетривиальным рассмотрением конфликта [3] между человеком и обществом, причем с явной социальной иерархией, порой жесткой организацией бытия. Личностный мотив в данном случае не исключается, жизнь Ю.О. Домбровского была непростой, даже тяжелой и мучительной. Но, не попадает должным образом в предметную область научных изысканий его поэзия, хотя она достаточно качественно написана, конструктивно собрана в интересный, многомерный – отличный от других поэтов – мир. Рецепция [4] текстов Юрия Домбровского, на наш взгляд, должна строиться исходя из главной, магистральной приметы. Для него важен и обязателен не эмоциональный, экспрессивный накал, хотя это и не исключается, но сюжетный ход, событийный ряд, который весьма удачно прописывается, объективируется, позиционирован как первоэлемент текста [5]. Таким образом, оценке и анализу в данной работе будет подвергнут именно этот уровень поэтических [6] конструкций Юрия Домбровского. В качестве иллюстративной базы взяты такие стихотворения как «Мыши», «Амнистия», «Мария Рильке». Они наиболее фактурно, на наш взгляд, отображают движение сюжетной канвы, в них есть очевидные приметы особой значимости лирического нарратива.

Стихотворение «Мыши» [12, с. 133] имеет выверенный поэтический строй: он проявляется в ритмике, соразмерности строк, метрическом рисунке. Текст автором не дробиться на катрены, строфы иного порядка [7], ибо это общий пласт оценки и восприятия реалий. Начало текста, его зачин – не только страстный призыв к читателю, чтобы лирического героя выслушали, это еще и манифест сопоставления «прозы» и «поэзии»:

«Нет, не боюсь я смертного греха,
Глухих раскатов львиного рычанья:
Жизнь для меня отыщет оправданье
И в прозе дней, и в музыке стиха» [12, с. 133].

«Непрофессиональный» тон Ю. Домбровского, а он все же не поэт в чистом виде, получает свою полновесную коррективу в лирическом [8] сюжете. Тема греха и покаяния, личного и социального, свободы и несвободы, противостояния и компромисса достаточно часто у данного автора проговариваются как значимые составляющие бытия. Без подобных ориентиров не мыслим процесс существование в естественном общественном режиме. Морально-нравственные ориентиры лирического героя стихотворения «Мыши» совершенствуются, когда жизнь оценена критически конструктивно:

«В иных грехах такая красота,
Что человек от них светлей и выше,
Но как пройти мне в райские врата,
Когда меня одолевают мыши?» [12, с. 133].

К финалу текста сюжетный ход приобретает новый обертон, автор обозначает условно-видимую перспективу, которая должна сложиться в условиях социального дискомфорта. И это, пожалуй, наиболее важный момент в общем ходе данного стихотворения:

«И нет уж мне спасенья от зубов,
От лапочек, от мордочек мышиных…
О нет, не львы меня в пустыне рвут:
Я смерть приму с безумием веселым» [12, с. 133].

Лирика Юрия Домбровского, на наш взгляд, не только автобиографична, но и открыто полемична. При этом страх обвинения для автора нивелируется, особым образом видим разверстку подобного ракурса в стихотворении «Амнистия», где сюжет, да и жанр – *апокриф* – приобретает философско-религиозный тон. Начало текста имеет особый статус, оправдания нет, но есть надежда и вера:

«Даже в пекле надежда заводится,
Если в адские вхожа края.
Матерь Божия, Богородица,
Непорочная дева моя!
Она ходит по кругу проклятому,
Вся надламываясь от тягот,
И без выборов каждому пятому
Ручку маленькую подает» [12, с. 165].

Моментом уточнения [9] истины близкой реальной [10] картине для лирического героя становится погружение в собственное «я». Как таковой сюжетный ход от внешнего трансформирован в иную сферу, а здесь уже имманентный уровень, постичь который и необходимо:

«Через небо глухое и старое,
Через пальмовые сады
Пробегают, как волки поджарые,
Их расстроенные ряды.
И глядят серафимы печальные,
Золотые прищурив глаза,
Как открыты им двери хрустальные
В трансцендентные небеса» [12, с. 165].

Божественная сущность для Ю. Домбровского в данном стихотворении есть объект для беседы, автор напрямую – даже открыто – обращается к Богородице, и ища поддержку, и ожидая покаяния. Колыма – лагерь – 1940 год – вот те датировки и топосы, которые обозначены в финале текста. Непростой сюжет развернут на многих заключенных, ждущих освобождения; отметим, что человеческий облик не потерян, уважение и внимание к людям остается, а это главное, автору хочется не только произнести подобное, он желает символически [11] верифицировать факт, а также уверовать в т.н. правоту жизни. Правда у поэта сливается с трепетным эмоциональным колебанием, заметим, что читатель также начинает переживать остроту сюжетных событий.

Поэтический язык Юрия Домбровского не так многообразен, не так многолик, однако, легко уловить интенции его стиля, т.н. авторского дискурса. Самостоятелен автор в специфике речи, но и диалогически строг, например, в стихотворении «Мария Рильке». Начальные строчки есть прямой обертон к М.Ю. Лермонтову:

«Выхожу один я из барака,

Светит месяц, желтый, как собака,
И стоит меж фонарей и звезд
Башня белая – дежурный пост» [12, с. 167].

Сюжетный ход в этом стихотворении не ограничивается только авторской судьбой, лейтмотивом становится проблема общих страданий – и от социального дискомфорта, и от неприятий, и от отсутствия в обществе человечности. Юрий Домбровский в большинстве своих лирических текстов выступает как гуманист, причем требующий поддержание подобного и у других. Мир по Домбровскому все же должен ориентироваться на добро, множить зло есть пагубный фактор разрушения социума. Считаем, что с этим стоит согласиться, принять как данность. Технология созидания текста у Ю. Домбровского вариантна, отсылки к М.Ю. Лермонтову, В.В. Маяковскому, Н.С. Гумилеву поэт частотны и правомерны:

«Что могу товарищу ответить?
Я, делящий с ним огонь и тьму?
Мне ведь тоже светят звезды эти
Из стихов, неведомых ему» [12, с. 167].

К общей доминанте стиха автор подводит читателя планомерно, здесь не тревога в чистом виде, не открытое переживание. Лирический герой вновь, как и автор обращается к фактически точной формуле М.Ю. Лермонтова, которую стоит расценить модулем смысловой коррективы:

«Светлая, широкая дорога –
Путь, который каждому открыт.
Что ж мы ждем? Пустыня внемлет Богу,
И звезда с звездою говорит…» [12, с. 167].

Яркость картинки в финале есть, на наш взгляд, светлый оттенок, или ориентир на веру; не может автор отставить героя без надежды на лучшее, в этом вся суть художественного / поэтического слова Юрия Домбровского.

Таким образом, для стихотворений поэта важны фактические элементы формы, а это ритм, метр, и особая сюжетная организация. Именно они позволяют конструктивно раскрыть актуальную для автора тему, манифестировать собственную позицию. Юрий Домбровский, как уже было отмечено, не поэт в чистом виде, он более прозаик, следовательно, и нарративный тон переносится в его стихи как перспектива. Художественная модель поэзии у Ю. Домбровского имеет камерно завершенный вид, события для него не только внешний импульс, это еще и многогранная организация оценки настоящего и будущего.

Список литературы

1. Барышева А.И. Ценностно-оценочный потенциал зооморфной метафоры в романе Юрия Домбровского «Обезьяна приходит за своим черепом» / А.И. Барышева // Филологический вестник. – 2025. – Т. 4, № 6. – С. 168-172.
2. Перепелкин М.А. Одна дачная история: рассказ Ю.О. Домбровского «Царевна-лебедь» / М.А. Перепелкин // Усадьба и дача в литературе советской эпохи: потери и обретения : коллективная монография. Вып. 8. Сер.: Русская усадьба в мировом контексте. – Москва : Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, 2024. – С. 567-584. – DOI 10.22455/978-5-9208-0758-8-567-584.
3. Рыбальченко Т.Л. Музейный локус в романах Ю. Домбровского «Хранитель древностей» и «Факультет ненужных вещей» / Т.Л. Рыбальченко // Имагология и компаративистика. – 2014. – № 1(1). – С. 69-86. – DOI 10.17223/24099554/1/6.
4. Безруков А.Н. Модусы рецепции художественного текста / А.Н. Безруков // Родная словесность в современном культурном и образовательном пространстве : Сборник научных трудов / Под ред. Е. Г. Милюгиной. Том Выпуск 6 (12). – Тверь : Тверской государственный университет, 2016. – С. 53-57.
5. Безруков А.Н. Дифференциация текста и дискурса с позиций современной лингвистической теории / А.Н. Безруков // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе, Орел, 01 апреля – 01 2015 года. – Орел: Орловский государственный институт искусств и культуры, 2015. – С. 8-19.
6. Дуардович И. Юрий Домбровский: Миф vs «Нестерпимая быль» / И. Дуардович // Вопросы литературы. – 2019. – № 2. – С. 234-277. – DOI 10.31425/0042-8795-2019-2-234-277.
7. Безруков А.Н. Коммуникативные стратегии анализа художественного дискурса / А.Н. Безруков // Вестник Димитровградского инженерно-технологического института. – 2017. – № 2(13). – С. 143-149.
8. Гайдин Б.Н. Влияние У. Шекспира на авторскую «картину мира» Юрия Домбровского / Б.Н. Гайдин // XXX Пуришевские чтения. Тезаурус и личность ученого : Материалы Международной научной конференции, Москва, 11–13 апреля 2018 года. – Москва: Московский педагогический государственный университет, 2018. – С. 27-28.
9. Шулятьева Д.В. Контрфактуальные нарративы и проблема рецептивного события в рассказе «Ручка, ножка, огуречик...» Ю. Домбровского / Д.В. Шулятьева // Сибирский филологический журнал. – 2026. – № 1. – С. 132-143. – DOI 10.17223/18137083/94/10.
10. Безруков А.Н. Миромоделирование и декодирование реальности в прозе постмодернизма / А.Н. Безруков // Вестник Димитровградского инженерно-технологического института. – 2016. – № 2(10). – С. 96-104.
11. Шелепова А. Реализация символического образа краба через индуистские мотивы в романе Юрия Домбровского «Факультет ненужных вещей» / А. Шелепова // Пятый этаж : Сборник научных статей молодых ученых, Барнаул, 21–22 апреля 2017 года. Том 3. – Барнаул: Алтайский государственный педагогический университет, 2017. – С. 93-100.

Список источников

12. Домбровский Ю.О. Собрание сочинений: В 6 т. / Ред.-сост. К. Турумова-Домбровская. Худ. В. Виноградов. Т.6. Гонцы: рассказы о художниках. Моя нестерпимая быль: стихотворения. Статьи, очерки, воспоминания. – М.: ТЕРРА, 1993. – 384 с.

Дата публикации 28.10.2026

УДК 821.161.1.09

Гао Тинюй Опыт творческой неудачи в «Золотой розе» К. Г. Паустовского: от неосуществлённого замысла к писательскому мастерству

Гао Тинюй
аспирант кафедры русской и зарубежной литературы
Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Россия, Москва
ORCID: 0009-0007-8735-3122
vialieda.aliek@gmail.com

The experience of creative failure in K. G. Paustovsky's The Golden Rose: from an unrealized intention to literary mastery

Gao Tingyu
Postgraduate student, Department of Russian and Foreign Literature
Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia, Russia, Moscow

Аннотация. В статье рассматривается опыт творческой неудачи в «Золотой розе» К. Г. Паустовского. Цель — выяснить, как расхождение замысла и результата участвует в становлении писательского мастерства. Проблемно-тематический и мотивно-семантический анализ выявляет роль рефлексии, жизненного опыта и правки с учётом читательского восприятия. Показано, что неудача приобретает созидательное значение в последующей работе автора; внешнее непризнание, художественный недостаток и сознательный выбор формы требуют разграничения.

Ключевые слова: К. Г. Паустовский; «Золотая роза»; творческая неудача; метапоэтика; авторефлексия; писательское мастерство.

Abstract. This article examines creative failure in K. G. Paustovsky's The Golden Rose. It aims to show how a mismatch between intention and outcome shapes literary mastery. Problem-oriented thematic analysis and semantic analysis of motifs identify the role of reflection, lived experience and revision attentive to readers. Failure gains formative value through the writer's subsequent work; external rejection, artistic shortcomings and deliberate choices of form must be distinguished.

Keywords: K. G. Paustovsky; The Golden Rose; creative failure; metapoetics; authorial self-reflection; literary craft.

Введение

В «Золотой розе» размышления К. Г. Паустовского о замысле, воображении, языке и труде соседствуют с воспоминаниями о вхождении в литературу и рассказами о других мастерах. Е. А. Первушина и Ян Янь, обобщая работы китайских исследователей, показывают, как эстетическую программу книги связывают с красотой, любовью, воображением и лирическим строем повествования [1]. В. Ю. Даренский рассматривает творчество Паустовского через «художественную аскезу»,

при которой работа над произведением требует внутренней работы самого писателя [2].

Паустовский подробно пишет и о том, что у него не получалось. В книге остаются следы отвергнутых замыслов, неудачных редакций, сомнений в собственном праве писать. Нас интересует, как рассказ о таком опыте входит в историю писательского становления. Для этого мы сопоставим эпизоды, в которых автор замечает расхождение между намерением и результатом и возвращается к нему в размышлении или дальнейшей работе. Проблемно-тематическое чтение позволяет выделить эти ситуации, а мотивно-семантический анализ помогает проследить, как они связываются с трудом, памятью и обращением к читателю.

Р. А. Будагов различал в «Золотой розе» размышления о писательском труде и портреты мастеров, одновременно показывая, как общие принципы письма воплощаются в манере Паустовского [3]. Такое сочетание позволяет читать рядом автобиографические эпизоды, историю Шамета, рассказ о чужой рукописи и рассуждения о языке. В каждом случае меняется материал, с которым работает писатель, и приходится заново решать, как придать ему словесную форму.

Творческая неудача как рабочая категория

О. А. Михайлова во введении к коллективной монографии «Феномен творческой неудачи» определяет неудачу через устройство целенаправленного действия: полученный результат не был запланирован и не отвечает поставленной цели. Причина расхождения может заключаться как в действиях самого человека, так и во внешних обстоятельствах [4]. Это определение требует осторожности при чтении писательских признаний. Длительная работа и многократная правка сами по себе ещё ничего не говорят о провале замысла; материал, оставшийся за пределами книги, может быть отложен в ходе необходимого отбора.

В выбранных эпизодах расхождение обозначено вполне определённо: рассказ не передаёт отношения автора к героине, подарок остаётся невручённым, рукопись нельзя печатать в её нынешнем виде. Затем герой или повествователь возвращается к случившемуся, оценивает его и ищет дальнейшее решение. Авторы предисловия к монографии связывают возможный переход отрицательного опыта в созидательную работу с переживанием, осознанием и преодолением кризиса [5]. Эта оговорка существенна: значение имеет то, как человек распорядится пережитым.

При этом внешнее непризнание, художественный недостаток и последующую авторскую оценку следует различать. Редакция может отклонить рассказ по причинам, далёким от его качества. Сам текст может расходиться с замыслом: слова

не выражают отношения автора, композиция распадается или выбранный жанр не вмещает материал. Наконец, пишущий может заметить этот недостаток и изменить свою работу. Мы сосредоточимся на переходе от текстового затруднения к авторской рефлексии, сохраняя различие между этими тремя уровнями.

О ранних попытках рассказывает уже зрелый мастер. Он знает, какие требования к письму возникли у него позднее, и с этой точки зрения отбирает и оценивает прошлое. И. Н. Коржова и Н. В. Тибушкина на материале «Повести о жизни» показывают, как точность отдельных наблюдений сочетается у Паустовского с перестройкой хронологии повествования [6]. Это сопоставление важно и для чтения «Золотой розы»: ретроспективная история ученичества не даёт прямого объяснения биографических причин будущего успеха. Зато можно проследить, какие прежние ошибки Паустовский счёл нужным сохранить в профессиональной памяти и чему они, в его понимании, научили писателя.

«В рассказе не чувствовалось автора»: неудачный текст и рождение позиции

В главе «Первый рассказ» повествователь вспоминает, как отказался от собственных стихов, распознав в них декоративную условность. Переход к прозе поначалу мало помогает: рассказ о Христи получается вялым и бледным. Молодой автор знает историю с чужих слов, увлечён любовью героини и оставляет без внимания быт местечка. При первой переделке он убирает изысканные слова, стремясь к правде и простоте [9, с. 189–190]. Редакция признаёт рассказ крепко сделанным, однако отказывает из-за опасного сюжета о полицейском начальнике. Причина отказа лежит за пределами художественных недостатков рукописи.

Следующей весной, перечитывая рукопись, повествователь замечает то, чего не объяснял редакционный отказ: «в рассказе не чувствовалось автора» [9, с. 190]. Паустовский поясняет это отсутствие: в тексте нет его гнева, мысли, отношения к любви героини. Отбросить красивость оказалось лишь началом работы. Требование простоты теперь затрагивает само содержание рассказа: переживание и нравственное суждение должны найти в нём выражение. Так молодой автор учится отличать владение литературными приёмами от способности видеть и судить. Переделанный рассказ он вновь приносит редактору, уже ради оценки, и получает одобрение. Далее повествователь говорит о другом затруднении: собственные наблюдения слишком бедны, людям почти нечего сообщить [9, с. 190–191].

После этой удачной переделки следует десятилетняя пауза в письме. Паустовский рассказывает о смене профессий, общении с разными людьми, участии

в жизни, которую ещё предстояло узнать [9, с. 191]. Он не описывает эти годы как планомерную заготовку фактов для будущих книг. Между одобрением одного рассказа и готовностью говорить с читателем остаётся расстояние, которое нельзя преодолеть ещё одной правкой. В рассказе о собственном ученичестве Паустовский связывает паузу с накоплением пережитого: литературный навык должен соединиться с этим опытом, чтобы автору было что сказать и за что отвечать.

Несостоявшийся дар и дисциплина формы

В «Драгоценной пыли» работа доведена до конца, а первоначальная цель всё же остаётся недостигнутой. Шамет долго собирает золотую пыль и заказывает розу для Сюзанны. Когда роза готова, он узнаёт, что Сюзанна уехала и её адрес неизвестен [9, с. 170–171]. Подарок остаётся невручённым. Затем Паустовский сравнивает труд Шамета с работой писателя: малые частицы опыта постепенно собираются в повесть, роман или поэму [9, с. 172–173].

После смерти Шамета ювелир продаёт розу пожилому литератору и рассказывает о её происхождении; литератор записывает услышанное [9, с. 172–173]. Записи удерживают память о Сюзанне, для которой была сделана роза, и о Шамете, так и не сумевшем вручить подарок. Даренский связывает внутреннее становление личности с паустовской «художественной аскезой», а в истории Шамета видит преодоление человеческой разобщённости через дар любви [2]. Ю. А. Маринина и Е. А. Роженцова обращают внимание на смену адресата: роза не попадает к Сюзанне, зато рассказ о ней становится доступен читателям [7]. При этом повествование сохраняет и личную направленность дара, и необратимость утраты.

Паустовский с самого начала не собирался писать академическую статью о Чехове: в разборе Р. А. Будагова его писательский портрет вырастает из сохранившихся заметок [3]. Здесь фрагментарность соответствует выбранной задаче, поэтому оснований говорить о провале первоначального замысла нет.

Рассказ Андрея Соболя, который попал в редакцию газеты «Моряк», был талантлив, но настолько спутан, что его нельзя было напечатать. Корректор Благов сохранил текст слово в слово, изменив только знаки препинания и деление на абзацы. Повествователь увидел результат лишь после того, как рукопись заново перепечатали; теперь перед ним была ясная, стройная проза [9, с. 253–256]. Он вспоминает собственное участие в работе над чужим рассказом. С неприметной на первый взгляд работой корректора можно соотнести определение вдохновения у Паустовского: «строгое рабочее состояние человека» [9, с. 194].

Первому рассказу Паустовского недоставало авторского отношения. В

рукописи Соболя правка сделала различимыми уже существовавшие связи между мыслями и сохранила индивидуальность автора. Эти два случая требуют разной работы: выразить собственную позицию и помочь читателю следить за движением фразы.

С отбором материала дело обстоит иначе. В «Кара-Бугаз» вошла лишь небольшая часть собранного; остальное могло пригодиться в другой работе [9, с. 218–219]. Исключённое из одной книги продолжает существовать в памяти писателя. Отбор позволяет оставить в тексте то, что нужно для данного произведения, не исчерпывая других возможностей материала. Поэтому не всякое исключение следует включать в историю творческих неудач.

Читательское «видение» и выводы

Паустовский замечает: «Если писатель, работая, не видит за словами того, о чем он пишет, то и читатель ничего не увидит за ними» [9, с. 232]. И. С. Болдонова связывает ощутимость изображённого мира с соединением зрительных, слуховых и других чувственных образов в прозе Паустовского [8]. В свете этой мысли можно вернуться к рассказу о Христи. Молодому автору было трудно передать и среду, в которой жила героиня, и собственное отношение к её судьбе. Наблюдения и переживания должны были получить такую словесную форму, чтобы другой человек мог представить происходящее и почувствовать отношение повествователя.

Рассмотренные эпизоды позволяют проследить несколько способов работы с отрицательным результатом. Перечитывая первый рассказ, повествователь обнаруживает отсутствие собственной позиции; последующий отказ от письма он объясняет бедностью жизненного опыта. В истории Соболя нужное изменение оказывается гораздо локальнее: достаточно заново организовать уже написанное. А повествование о Шамете сохраняет память о даре, который так и не был вручен. Эти случаи объединяет возвращение к тому, что осталось незавершённым или не достигло цели, но характер дальнейшей работы в каждом из них различен.

Такой опыт составляет часть положительной эстетической программы Паустовского: за простотой и ясностью прозы стоят пересмотр прежних решений, накопление впечатлений и отбор. Жизненный опыт писателя получает в рассказе зрелого повествователя оценку и порядок, а через них складывается обобщённый образ мастерства. Его мера связана с тем, удаётся ли передать другому человеку увиденное, пережитое и обдуманное. Поэтому в исследовании темы творчества у Паустовского история неудач помогает понять, как возникают требования, которые писатель предъявляет к законченной вещи.

Список литературы

1. Первушина Е. А., Ян Янь. Эстетическая проблематика повести К. Г. Паустовского «Золотая роза» в восприятии современных китайских исследователей // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 2(68). Ч. 1. С. 35–38.
2. Даренский В. Ю. Художественная философия К. Г. Паустовского // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2022. Т. 23. № 4. С. 243–255. DOI: 10.25991/VRHGA.2022.5.4.019.
3. Будагов Р. А. К. Паустовский о стиле и стиль К. Паустовского // Русская речь. 1974. № 2. С. 29–35.
4. Михайлова О. А. Введение. Семантика лексемы «неудача» // Феномен творческой неудачи / под общ. ред. А. В. Подчиненова, Т. А. Снигиревой. 2-е изд., испр. и доп. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. С. 9–12. DOI: 10.15826/B978-5-7996-1643-4.001.
5. Подчиненов А. В., Снигирева Т. А. Предисловие редакторов // Феномен творческой неудачи / под общ. ред. А. В. Подчиненова, Т. А. Снигиревой. 2-е изд., испр. и доп. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. С. 3–8. DOI книги: 10.15826/B978-5-7996-1643-4.000.
6. Коржова И. Н., Тибушкина Н. В. Служба на поезде Всероссийского союза городов в автобиографической книге К. Г. Паустовского «Повесть о жизни» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2025. Т. 18. Вып. 10. С. 4260–4265. DOI: 10.30853/phil20250579.
7. Маринина Ю. А., Роженцова Е. А. Символика розы в произведениях О. Уайльда «Соловей и роза» и К. Г. Паустовского «Драгоценная пыль» // Современный ученый. 2024. № 6. С. 79–84. DOI: 10.58224/2541-8459-2024-6-79-84.
8. Болдонова И. С. Эстетическая рефлексия К. Паустовского в диалоге с природой // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2025. Т. 25. Вып. 3. С. 316–325. DOI: 10.18500/1817-7115-2025-25-3-316-325.

Список источников

9. Паустовский К. Г. Золотая роза // Собрание сочинений: в 9 т. Т. 3: Повести. М.: Художественная литература, 1982. С. 163–382.

Дата публикации 17.10.2026

УДК 82.01:82-94

5.9.1

Иванов Н.А., Линдер И.Б., Авдеева О.В., Иванова Я.Ю., Авдеева М.Д.
Трансформация нарративных стратегий в русской автофикции 2010–2020-х годов

Иванов Николай Александрович
Преподаватель, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Сочинский государственный университет»
г. Сочи, Россия
ivanovnik45@yandex.ru
ORCID: 0009-0003-3300-8332, SPIN-код: 2136-7438

Линдер Иосиф Борисович
Доктор педагогических наук, Профессор, Пензенский государственный университет
г. Пенза, Россия
i.linder@inbox.ru
ORCID: 0009-0003-7108-4184, SPIN-код: 2002-2141

Авдеева Ольга Васильевна
Преподаватель, Университетский экономико-технологический колледж Сочинского государственного университета (г. Сочи), Россия
avdeevo2@yandex.ru
SPIN-код: 5480-0578

Иванова Яна Юрьевна
Преподаватель, ФГБОУ ВО Сочинский государственный университет, г. Сочи, Россия
ivanovayana@yandex.ru
SPIN-код: 4338-7969

Авдеева Мария Дмитриевна
Студент, Гимназия №6 города Сочи имени Ф.М. Зорина, Сочинский государственный университет, г. Сочи, Россия
kobudokrd@yandex.ru

The transformation of narrative strategies in Russian autofiction in the 2010s–2020s

Ivanov Nikolay Aleksandrovich
Lecturer, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Sochi State University”, Sochi, Russia

Linder Iosif Borisovich
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Penza State University, Penza, Russia

Avdeeva Olga Vasilevna
Lecturer, University College of Economics and Technology, Sochi State University
Sochi, Russia

Ivanova Yana Yurevna
Lecturer, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "
Sochi State University", Sochi, Russia

Avdeeva Mariya Dmitrievna
Student, F. M. Zorin Gymnasium No. 6 / Sochi State University, Sochi, Russia

Аннотация. Статья посвящена анализу нарративных стратегий в произведениях русской автофикции последнего десятилетия. На материале корпуса автофикциональных текстов 2010–2020-х годов применяется методология нарратологического анализа Ж. Женетта (категории голоса, времени и фокализации) и П. Рикёра (концепция нарративной идентичности и мимесиса); учитываются новейшие отечественные и зарубежные исследования жанра. Исследуются механизмы конструирования авторского «я», границы между фактом и вымыслом, функции метатекстуальных вставок. Выявлены три доминирующие модели автофикционального письма — мемориально-архивная, телесно-исповедальная и метарефлексивная — и определена их связь с социокультурным контекстом постсоветской модернизации. Делается вывод о том, что трансформация нарративных стратегий русской автофикции отражает сдвиг от коллективной памяти к индивидуальному телесному опыту и к рефлексии самого письма.

Ключевые слова: автофикция, нарративные стратегии, русская литература, нарратология, метатекст, постсоветская культура, нарративная идентичность, фокализация.

Abstract. The article analyses narrative strategies in works of Russian autofiction of the past decade. Drawing on a corpus of autofictional texts of the 2010s–2020s, it applies the narratological methodology of G. Genette (the categories of voice, time and focalisation) and P. Ricœur (the concept of narrative identity and mimesis); recent Russian and international scholarship on the genre is taken into account. The study examines the mechanisms of constructing the authorial "self", the boundaries between fact and fiction, and the functions of metatextual insertions. Three dominant models of autofictional writing are identified — memorial-archival, corporeal-confessional and metareflexive — and their connection with the sociocultural context of post-Soviet modernisation is established. It is concluded that the transformation of the narrative strategies of Russian autofiction reflects a shift from collective memory towards individual bodily experience and towards reflection on writing itself.

Keywords: autofiction, narrative strategies, Russian literature, narratology, metatext, post-Soviet culture, narrative identity, focalisation.

Введение

Автофикция — литература, в которой биография автора сознательно переплетается с художественным вымыслом, — стала одним из самых заметных явлений русской прозы 2010–2020-х годов; её жанровые признаки и её место среди смежных форм автобиографического письма активно обсуждаются в исследованиях

последних лет [1; 2]. Термин, введённый в оборот Сержем Дубровским в 1977 году, изначально строился на парадоксе: автор отказывался от привычного для автобиографии «пакта правдивости» и при этом не уходил в чистую фикцию, а намеренно размывал границу между ними [3]. Именно эта продуктивная неопределённость, эта несводимость к документу или к роману, и сделала жанр инструментом, особенно востребованным в эпоху, когда вопросы памяти, идентичности и достоверности личного опыта оказались в центре культурного внимания. Не случайно автофикция всё чаще описывается как жанр трансгрессивный: она пересекает не только границу факта и вымысла, но и этическую границу между своим и чужим опытом [4].

В русском контексте всплеск автофикционального письма пришёлся на последнее десятилетие и был замечен критикой как одна из ведущих тенденций. Достаточно сказать, что современный русскоязычный автофикшн уже трудно представить без «Памяти памяти» Марии Степановой и автофикциональной трилогии Оксаны Васякиной. Однако за этим обобщённым названием скрываются очень разные нарративные решения: одни авторы выстраивают повествование вокруг семейного архива и коллективной памяти, другие — вокруг телесного и интимного опыта, третьи превращают в главный сюжет само письмо и его невозможность. Эта внутренняя неоднородность и составляет исследовательскую проблему: за единым жанровым ярлыком стоит спектр нарративных стратегий, которые до сих пор не описаны системно.

Цель настоящей статьи — выявить и типологизировать нарративные стратегии русской автофикции 2010–2020-х годов и показать их связь с социокультурным контекстом постсоветской модернизации. Для этого привлекается аппарат классической нарратологии Жерара Женетта и философия нарратива Поля Рикёра, позволяющие описать механику конструирования авторского «я» на уровне текста и одновременно увидеть в ней форму работы с идентичностью.

Материалы и методы исследования

Степень изученности проблемы. Автофикция — одно из наиболее активно разрабатываемых понятий современной филологии, и за последние годы исследователи существенно уточнили как объём этого понятия, так и его внутреннюю типологию. А. Д. Белогорцев систематизирует конститутивные признаки автофикшна и показывает, что он занимает промежуточное положение между автобиографией и романом, а его жанровые границы остаются подвижными [1]. Ž. Benčić-Primc

разграничивает автофикцию как особый жанр и как модус письма, применимый на разных жанровых основаниях, и прослеживает историю понятия в западном и русском литературоведческом дискурсе [2]. Л. Муравьева рассматривает автофикцию как трансгрессивный жанр, нарушающий не только границу факта и вымысла, но и этическую границу между своим и чужим опытом, и подчёркивает роль телесности в автофикциональном письме [4]. Ряд работ описывает социальные и цифровые измерения современного автофикшна [5] и предлагает модели его культурной динамики [6]. Феминистская оптика, в значительной мере легитимировавшая телесно-исповедальную линию русскоязычной прозы 2010–2020-х годов, подробно охарактеризована Ю. С. Подлубновой [7], а писательская рефлексия как конститутивный признак автофикционального романа — Л. И. Бронской и И. Н. Ивановой [8]. Опора на перечисленные работы позволяет рассматривать предлагаемую ниже типологию не как умозрительную схему, а как обобщение уже накопленных наблюдений над корпусом автофикциональных текстов.

В корпус, на котором строится анализ, мы включили те русские автофикциональные тексты 2010–2020-х годов, которые критика сочла наиболее показательными для этой волны. Это прежде всего «Памяти памяти» М. Степановой (2017) и трилогия О. Васякиной — «Рана» (2021), «Степь» (2022), «Роза» (2023), — к которой примыкает мемуарный роман Е. В. Гришковца «Театр отчаяния. Отчаянный театр» (2018); сюда же относится проза Р. Сенчина с её отчётливой автобиографической доминантой, а также ряд других текстов десятилетия, в которых жанр поворачивается разными нарративными гранями. Такой отбор продиктован не полнотой охвата, а стремлением собрать максимально несхожие нарративные решения под одним жанровым именем.

Работаем мы прежде всего инструментами нарратологии. У Ж. Женетта нас интересуют три категории, описывающие формальную организацию повествования: голос (кто, собственно, говорит), время (как соотносятся время рассказанной истории и время самого рассказа) и — в первую очередь — фокализация, то есть то, как в повествовании устроена точка зрения и какими средствами она доносится до читателя [10; 11]. П. Рикёр нужен нам на другом шаге — чтобы истолковать увиденное. Его понятие нарративной идентичности, согласно которому человек складывается через рассказ о себе, и трёхчастная модель мимесиса позволяют читать автофикцию не как набор приёмов, а как способ собрать «я» во времени [12; 13]; истолкование рикёровской концепции применительно к гуманитарному знанию мы учитываем по работе А. В. Борисенковой [9]. Иными словами, метод двусоставен: сначала разбираем

нарративную механику текста, затем соотносим её с социокультурным контекстом, в котором этот текст возник.

Результаты и обсуждение

Прежде чем описывать конкретные стратегии, важно зафиксировать, в чём состоит специфическая нарративная задача автофикции. Автобиография опирается на «пакт правдивости»: читатель верит, что рассказанное соответствует действительности. Роман опирается на «пакт вымысла»: читатель заранее знает, что перед ним вымышленный мир. Автофикция отказывается от обоих, удерживая читателя в зоне неразрешимости: он не может ни верить тексту как документу, ни читать его как чистую фикцию [3; 4]. Эта неразрешимость не дефект, а конструктивный принцип, и именно она требует от автора особых нарративных решений.

В терминах Ж. Женетта это означает постоянную игру с инстанцией повествователя и фокализацией. Совпадение имени автора, повествователя и героя (классический признак автофикции по С. Дубровскому) создаёт иллюзию прямого свидетельства, но фокализация, время и отбор материала выдают художественную природу текста. В терминах П. Рикёра автофикция оказывается предельным случаем нарративной идентичности: «я» здесь не предшествует рассказу, а создаётся в нём, и автор открыто демонстрирует этот процесс самосозидания [13]. Эти две оптики — формальная женеттовская и философская рикёровская — и позволяют различить внутри жанра разные модели.

Первая и, возможно, наиболее влиятельная для русской автофикции модель строится вокруг работы с памятью и семейным архивом. Её эталонный образец — «Памяти памяти» Марии Степановой [14], текст, который сама автор обозначила жанровым подзаголовком «романс» и который критика чаще определяет как роман-эссе. Повествование разворачивается как попытка восстановить историю семьи по разрозненным следам — письмам, фотографиям, вещам, поездкам в места, которых сам повествователь не застал, — и одновременно как рефлексия о принципиальной невозможности этой реконструкции.

С точки зрения нарратологии Ж. Женетта, здесь доминирует сложное обращение со временем: линейная биография семьи постоянно прерывается анахрониями, авторскими отступлениями, эссеистическими вставками. Фокализация смещается с героев прошлого на фигуру повествователя-исследователя, который не столько рассказывает чужие жизни, сколько демонстрирует собственную работу по их

собиранию. В рикёровских терминах перед нами наглядная иллюстрация конфигурации (mimesis II): разрозненный материал прошлого превращается в связное повествование, но автор обнажает сам акт конфигурирования, показывая швы. «Я» повествователя конституируется именно через отношение к памяти других — через попытку и невозможность рассказать ушедших.

Эта модель прямо связана с постсоветским культурным контекстом. Распад большого советского нарратива истории породил запрос на частную, семейную, «низовую» память как способ заново собрать прошлое и собственную идентичность. Мемориально-архивная автофикция отвечает на этот запрос: индивидуальное «я» собирается через работу с коллективной, но не официальной, а семейной памятью.

Вторая модель смещает центр тяжести с памяти рода на индивидуальный телесный и интимный опыт. Её наиболее последовательное воплощение — автофикциональная трилогия Оксаны Васякиной («Рана» [15], «Степь» [16], «Роза» [17]), которую критика называет флагманом современного русского автофикшна. В основе этих текстов — переживание смерти близких (матери, отца), телесность, болезнь, сексуальность, то есть опыт, который традиционно вытеснялся из публичной речи.

Нарративно эта модель отличается от первой. Если у М. Степановой фокализация распределена между повествователем и фигурами прошлого, то здесь фокализация устойчиво внутренняя: повествование ведётся изнутри переживающего тела и сознания. Время рассказа стягивается к настоящему переживания, даже когда речь идёт о прошедших событиях; дистанция между повествующим и переживающим «я» сокращается. В терминах П. Рикёра здесь акцентирован переход к рефигурации (mimesis III) — к тому, как рассказанный опыт возвращается в жизнь читателя и самого пишущего, преобразуя их. «Я» конституируется не через память рода, а через признание собственного тела и его опыта в качестве законного предмета литературы.

Социокультурно эта модель отражает более позднюю фазу постсоветской модернизации — индивидуализацию, появление новых публичных языков для тела, гендера, частной травмы, влияние феминистской и эмансипаторной оптики [7]. Если первая модель собирала «я» через прошлое коллектива, то вторая утверждает «я» через настоящее тела.

Третья модель делает главным предметом повествования само письмо. Здесь автофикциональность доведена до предела: текст постоянно комментирует собственное создание, обсуждает границу факта и вымысла, ставит под вопрос право автора рассказывать и саму возможность рассказа. Метатекстуальные вставки

перестают быть приёмом и становятся структурной доминантой. Элементы такой рефлексии присутствуют и в первых двух моделях (особенно у М. Степановой), но в метарефлексивной модели они выходят на первый план и организуют целое.

Наиболее отчётливый эталон этой модели в русской прозе рассматриваемого периода — мемуарный роман Е. В. Гришковца «Театр отчаяния. Отчаянный театр» (2018) [18]. Повествование строится здесь как история становления пишущего субъекта, и его предметом становится не только и не столько биография, сколько самый процесс превращения пережитого в прозу и в театр: автор последовательно показывает, как жизненный материал отбирается, достраивается и переводится в художественную форму. Рефлексия о письме и о границе между пережитым и сочинённым образует структурную доминанту текста, что отмечается и в исследовательской литературе [8]. Тем самым третья модель реализует в чистом виде то, что в первых двух присутствует лишь как побочная линия: письмо здесь рассказывает о самом себе.

В женеттовских терминах эта модель характеризуется обнажением нарративной инстанции: повествователь постоянно нарушает иллюзию, указывая на сделанность текста, переключаясь с истории на рассказывание истории (с уровня диегесиса на уровень наррации). В рикёровских терминах она наиболее открыто демонстрирует, что нарративная идентичность есть конструкт: «я» не дано, а собирается в письме, и автор отказывается скрывать этот процесс. Граница факта и вымысла здесь не размывается незаметно, а тематизируется — становится прямым объектом авторской рефлексии.

Эта модель соответствует наиболее зрелой, рефлексивной фазе культуры, осознавшей сконструированность любого нарратива о себе. Если первая модель доверяет памяти, вторая — телу, то третья не доверяет самому рассказу и делает это недоверие своим сюжетом.

Три модели не сменяют друг друга механически, но прослеживается определённый вектор. Условно мемориально-архивная модель доминирует в первой половине рассматриваемого периода и связана с запросом на восстановление прошлого после распада большого исторического нарратива. Телесно-исповедальная модель усиливается ближе к рубежу десятилетий, отражая индивидуализацию и появление новых языков для частного опыта. Метарефлексивная тенденция нарастает как итог — как осознание сконструированности всякого рассказа о себе.

В целом трансформация нарративных стратегий русской автофикции 2010–2020-х годов описывается как движение фокуса: от коллективной (семейной) памяти

— к индивидуальному телесному опыту — и к рефлексии самого письма. Этот сдвиг изоморфен логике постсоветской модернизации: от пересборки утраченного общего прошлого через утверждение частного «я» к зрелому культурному скепсису относительно любых нарративов идентичности. Нарратология Ж. Женетта позволяет зафиксировать этот сдвиг на уровне фокализации и времени, а философия П. Рикёра — объяснить его как разные способы конституирования нарративной идентичности в меняющемся социокультурном контексте.

Выводы

Во-первых, русская автофикция 2010–2020-х годов, несмотря на единство жанрового ярлыка, нарративно неоднородна: за ним стоит спектр различных стратегий конструирования авторского «я» и работы с границей факта и вымысла.

Во-вторых, на материале корпуса автофикциональных текстов выделяются три доминирующие модели автофикционального письма — мемориально-архивная (работа с семейной памятью и архивом, эталон — «Памяти памяти» М. Степановой), телесно-исповедальная (индивидуальный телесный и интимный опыт, эталон — трилогия О. Васякиной) и метарефлексивная (письмо о письме, тематизация границы факта и вымысла, эталон — мемуарный роман Е. В. Гришковца «Театр отчаяния. Отчаянный театр»). Если для первых двух моделей эталонные тексты закреплены критикой достаточно прочно, то метарефлексивная модель в силу своей природы не имеет одного канонического образца: рефлексия о письме может пронизывать тексты разной жанровой основы — от романа-эссе до мемуарного романа, — и в этом смысле «Театр отчаяния» Е. В. Гришковца задаёт наиболее чистый пример такой стратегии.

В-третьих, аппарат нарратологии Ж. Женетта (голос, время, фокализация) и философия нарратива П. Рикёра (нарративная идентичность, мимесис) во взаимодополнении позволяют описать как формальную механику этих моделей, так и их смысл как разных способов собирания «я» во времени.

В-четвёртых, выявленные модели соотносятся с фазами постсоветской модернизации: трансформация нарративных стратегий описывается как сдвиг фокуса от коллективной памяти к индивидуальному телесному опыту и далее к рефлексии самого письма, что изоморфно движению культуры от пересборки общего прошлого к утверждению частного «я» и к скепсису относительно нарративов идентичности.

В-пятых, предложенная типология не является жёсткой схемой: выделенные модели сосуществуют в пределах одного текста (метатекстуальные вставки, например,

присутствуют и в мемориально-архивной прозе), а их выделение фиксирует лишь доминанту — то, как в конкретном произведении распределены фокализация, время и работа с границей факта и вымысла.

Перспективы дальнейшего исследования связаны с расширением корпуса и количественной проверкой предложенной типологии, со сравнительным анализом русской и западной автофикции, а также с изучением рецепции этих текстов и роли литературных институций (премий, издательств) в утверждении жанра.

Список литературы

1. Белогорцев А. Д. Автофикшн, или Псевдоавтобиография: особенности жанра в современной русской литературе // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». – 2023. – № 3. – С. 23–33. – DOI 10.28995/2686-7249-2023-3-23-33.
2. Benčić-Primc Ž. «Автофикция/автофикшн» в русской литературе XXI века // Slavistična revija. – 2025. – Т. 73, № 1. – С. 1–18. – DOI 10.57589/srl.v73i1.4201.
3. Левина-Паркер М. Введение в самосочинение: autofiction // Новое литературное обозрение. – 2010. – № 3 (103). – С. 12–40.
4. Муравьева Л. Автофикшн — трансгрессивный жанр? // Новое литературное обозрение. – 2025. – № 3 (193). – С. 197–211. – DOI 10.53953/08696365_2025_193_3_197.
5. Белогорцев А. Д. Автофикшн социальный: как интернет-пространство повлияло на литературу // NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право. – 2025. – Т. 50, № 2. – С. 444–450. – DOI 10.52575/2712-746X-2025-50-2-444-450.
6. Белогорцев А. Д. Автофикциональные переменные: модель для отслеживания культурной динамики в автофикшн // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого. – 2026. – № 1. – С. 97–107. – DOI 10.22405/2304-4772-2026-1-97-107.
7. Подлубнова Ю. С. Новая волна феминизма в русскоязычной литературе: конец 2010-х — начало 2020-х гг. // ILCEA. – 2025. – № 60. – URL: https://journals.openedition.org/ilcea/23549 (дата обращения: 20.06.2026).
8. Бронская Л. И., Иванова И. Н. «Мемуарный роман» Е. В. Гришковца в аспекте поэтики «автофикшн» // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. – 2024. – № 3. – С. 121–135. – DOI 10.22162/2587-6503-2024-3-31-121-135.
9. Борисенкова А. В. Теория повествования Поля Рикёра: от нарративной организации опыта к нарративным основаниям социального познания // Социологическое обозрение. – 2007. – Т. 6, № 1. – С. 25–32.

Список источников

10. Женетт Ж. Фигуры : в 2 т. / пер. с фр. – М. : Изд-во им. Сабашниковых, 1998. – Т. 2. – 472 с.
11. Женетт Ж. Границы повествовательности // Фигуры : в 2 т. / пер. с фр. – М. : Изд-во им. Сабашниковых, 1998. – Т. 1. – С. 283–299.
12. Рикёр П. Время и рассказ : в 2 т. / пер. с фр. – М. ; СПб. : Университетская книга, 1998. – Т. 1. – 313 с.
13. Рикёр П. Я-сам как другой / пер. с фр. – М. : Издательство гуманитарной литературы, 2008. – 416 с.
14. Степанова М. Памяти памяти : романс. – М. : Новое издательство, 2017. – 408 с.

15. Васякина О. Рана : роман. – М. : Новое литературное обозрение, 2021. – 280 с.
16. Васякина О. Степь : роман. – М. : Новое литературное обозрение, 2022. – 232 с.
17. Васякина О. Роза : роман. – М. : Новое литературное обозрение, 2023. – 240 с.
18. Гришковец Е. В. Театр отчаяния. Отчаянный театр : мемуарный роман. – М. : КоЛибри : Азбука-Аттикус, 2018. – 912 с.

Дата публикации 19.10.2026

УДК 82-1/-9

Садыкова К.Д., Камилова С.Э. Взаимодействие реального и ирреального в повести Евгении Некрасовой «Калечина-Малечина»

Садыкова Камилла Джамшидовна
Магистрант 2 курса магистратуры. Направление обучения 70230104 – Литературоведение (русская литература), Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека, г. Ташкент, Республика Узбекистан
ORCID: 0009-0007-3372-5218.
sadikovakamilla291003@gmail.com

Камилова Саодат Эргашевна
Доктор филологических наук, профессор, Заведующая кафедрой русского литературоведения, Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека г. Ташкент, Республика Узбекистан
ORCID 0000-0001-7542-3970
ksaodate@mail.ru

The Interaction between the Real and the Irreal in Evgenia Nekrasova's Novella «Kalechina-Malechina»

Sadykova Kamilla Jamshidovna
Second-year Master's student. Field of study: 70230104 – Literary Studies (Russian Literature), National University of Uzbekistan named after Mirzo Ulugbek Tashkent, Republic of Uzbekistan

Kamilova Saodat Ergashevna
Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of the Department of Russian Literary Studies, National University of Uzbekistan named after Mirzo Ulugbek Tashkent, Republic of Uzbekistan

Аннотация. В статье рассматривается взаимодействие реального и ирреального в повести Евгении Некрасовой «Калечина-Малечина». Цель исследования заключается в выявлении способов взаимопроникновения бытовой и фантастической действительности в художественном мире произведения. На основе анализа текста и с опорой на исследования магического реализма рассматриваются особенности изображения реального и ирреального планов, их взаимодействие и художественные функции. Установлено, что ирреальное начало не противопоставляется повседневной действительности, а постепенно включается в нее, проявляясь как в восприятии героини, так и в образе Кикиморы. Взаимодействие двух планов способствует раскрытию внутреннего состояния Кати, ее одиночества и потребности в общении, а также сохраняет неоднозначность границы между объективной и субъективной реальностью.

Ключевые слова: Евгения Некрасова; «Калечина-Малечина»; реальное; ирреальное; магический реализм; художественная реальность; Кикимора; современная русская литература.

Abstract. The article examines the interaction between the real and the irreal in Evgenia Nekrasova's novella Kalechina-Malechina. The aim of the study is to identify the ways in which everyday and fantastic reality interact within the artistic world of the work. Drawing on textual analysis and scholarly studies of magical realism, the article examines the representation of the real and irreal planes, their interaction, and their artistic functions. The study demonstrates that the irreal is not opposed to everyday reality but is gradually incorporated into it, manifesting itself both through the heroine's perception and through the image of the Kikimora. The interaction between the two planes contributes to the representation of Katya's inner state, loneliness, and need for communication, while preserving the ambiguity of the boundary between objective and subjective reality.

Keywords: Evgenia Nekrasova; «Kalechina-Malechina»; the real; the irreal; magical realism; artistic reality; Kikimora; contemporary Russian literature.

Одной из характерных особенностей современной литературы является активное взаимодействие реального и ирреального начал, при котором фантастическое, мифологическое и сверхъестественное включаются в изображение повседневной действительности. К числу таких произведений относится повесть «Калечина-Малечина» Евгении Некрасовой, художественный мир которой строится на взаимодействии бытовой действительности и фантастического начала.

Исследуя особенности магического реализма в современной русской литературе, О. И. Осипова обращается к произведениям М. Петросян «Дом, в котором…» и Е. Некрасовой «Калечина-Малечина». Рассматривая традиционный для литературы XX века конфликт двоемирия, исследователь отмечает, что в произведениях магического реализма он строится «не из принципа противопоставления двух миров, а на основе их взаимопроникновения и доминирования ноуменальной реальности над фантастической» [1, с. 255]. Таким образом, О. И. Осипова рассматривает соотношение реального и ирреального миров как их взаимодействие внутри единого художественного пространства. При этом фантастическое начало не вытесняет изображение повседневной действительности, а оказывается включенным в нее. Исследователь подчеркивает, что «явления этого и иного мира неразрывно связаны», «взаимопроникают» и приобретают «двукодовую природу» [1, с. 256].

Продолжая характеристику данного принципа, О. И. Осипова отмечает, что в магическом реализме «ирреальный пласт в изображаемом может иметь подчиненный характер» [1, с. 256], поскольку вторая реальность «оказывается вмонтированной в ноуменальную повседневность» [1, с. 256]. Это положение представляется особенно значимым для анализа «Калечины-Малечины», поскольку фантастические явления в произведении существуют непосредственно внутри бытового мира героини и не отделены от него четкой границей.

Обращаясь непосредственно к произведению Евгении Некрасовой, исследователь отмечает, что конфликт в повести «Калечина-Малечина» строится на противопоставлении «мира и “антимира”» [1, с. 257], причем последний представляет собой «раздробленное и хаотически устроенное бытие, которое способно было усовершенствовать только мистическое существо – Кикимора» [1, с. 257]. При этом представление о Кикиморе как о носителе ирреального начала позволяет рассматривать ее как элемент, связывающий различные уровни художественной реальности произведения.

Другой аспект магического реализма в повести «Калечина-Малечина» рассматривают А. В. Пучкова и С. С. Терехова. Исследователи обращаются к особенностям «конструирования реальности и пространственно-временных характеристик “магического реализма”» [2, с. 27] в романе. Их подход позволяет рассматривать фантастическое начало как часть принципа организации его художественного мира.

Продолжая исследование магического реализма в повести «Калечина-Малечина», А. В. Пучкова и С. С. Терехова выделяют в качестве одной из его важнейших особенностей «двойственность реальности: обманно очевидная – первичная/привычная и скрытая/неизвестная» [2, с. 27]. При этом исследователи отмечают различие подходов К. Кислицына и А. Гугнина к характеру взаимодействия данных реальностей. Если К. Кислицын рассматривает их «обоюдонаправленное воздействие» [2, с. 27], то А. Гугнин считает, что «неизвестная» реальность «расшатывает “привычную” и разрушает установленные ориентиры» [2, с. 27]. Обращаясь непосредственно к роману Е. Некрасовой, исследователи соотносят первичную реальность с «обыкновенной жизнью Кати в обыкновенной семье» [2, с. 27], в которую постепенно включается магическое начало. Появление Кикиморы становится моментом явного проявления иной реальности, после попытки Кати покончить с собой и последующего сна героиня встречается с Кикиморой, которая начинает выполнять функции волшебного помощника. В связи с этим исследователи отмечают, что «граница между двумя мирами проходит через сон» [2, с. 28], который становится «порталом для проникновения в иной мир» [2, с. 28].

Особенно значимым для рассматриваемой проблемы является положение А. В. Пучковой и С. С. Тереховой о характере пространственного взаимодействия реального и ирреального. Исследователи указывают на «смещения границ между реальным и ирреальным» [2, с. 28], которые характерны для магического реализма, и противопоставляют этому понимание художественного пространства как «слияния

реалистического и магического изначально» [2, с. 28]. Таким образом, фантастическое начало в повести «Калечина-Малечина» может рассматриваться как составляющая часть художественной реальности произведения.

Другой подход к исследованию художественной реальности повести «Калечина-Малечина» представлен в работе Д. И. Марченко, посвященной традициям орнаментальной прозы в произведении Е. Некрасовой [3]. Исследовательница отмечает, что в текстах современной прозы «важен не столько сюжет внешний, сколько сюжет внутренний, ментальный, разворачивающийся в сознании героев» [3, с. 133]. Подобная организация повествования позволяет рассматривать изображаемую действительность как с точки зрения последовательности происходящих событий, так и через особенности их восприятия персонажем.

Характеризуя художественный мир повести «Калечина-Малечина», Д. И. Марченко подчеркивает, что главная героиня «воспринимает мир метафорически, в неразрывном единстве внешнего и внутреннего» [3, с. 132]. Исследовательница отмечает, что метафорическому переосмыслению подвергаются внешность персонажей, их действия и эмоции, а также явления окружающего мира, вследствие чего происходит «перекодировка действительности» [3, с. 132]. Таким образом, объективно воспринимаемый мир в произведении оказывается тесно связан с внутренним состоянием героини и приобретает дополнительное, субъективно обусловленное значение. Данное положение представляется значимым для исследования взаимодействия реального и ирреального, поскольку позволяет рассматривать фантастическое начало не как изолированный элемент художественного мира, а как явление, связанное с особенностями восприятия окружающей действительности.

К. В. Синегубова, рассматривая художественную аксиологию произведений Е. Некрасовой, отмечает недостаточную степень изученности творчества писательницы: «Творчество современной писательницы Евгении Некрасовой еще не получило более или менее целостного осмысления в литературоведении» [4, с. 76]. Исследовательница указывает, что в немногочисленных научных работах рассматриваются преимущественно «отдельные аспекты художественного мира этого автора» [4, с. 76], при этом наиболее часто предметом исследования становится повесть «Калечина-Малечина». Особое значение для нашей работы имеет следующее замечание К. В. Синегубовой: «Определенной сложившейся традицией можно считать исследование творчества Е. Некрасовой в аспекте магического реализма» [4,

с. 76]. Данное положение подтверждается и рассмотренными выше исследованиями О. И. Осиповой, А. В. Пучковой, С. С. Тереховой и других авторов, обращающихся к магическому реализму, особенностям художественной реальности и взаимодействию фантастического и бытового начал в произведениях Е. Некрасовой.

Существенное значение для понимания соотношения различных уровней художественной реальности имеет исследование П. Крюковой, посвященное особенностям детского восприятия действительности в романе Е. Некрасовой. Исследовательница отмечает, что «событие появления в художественном пространстве Кикиморы представляется читателю неясным, размывает границы реального и воображаемого и допускает множественность точек зрения» [5, с. 78]. При этом, как подчеркивает П. Крюкова, до конца неясно, является ли Кикимора «плодом сновидения / галлюцинаций или реальным существом, видимым остальными персонажами» [5, с. 78]. Такая неопределенность оказывается принципиально значимой для организации художественного мира произведения, поскольку не позволяет однозначно разделить объективную действительность и субъективное восприятие героини. Исследовательница связывает это с художественной задачей изображения «хрупкого психического состояния человека» [5, с. 78].

Обращаясь к функции сказочных элементов в творчестве Е. Некрасовой, Д. М. Леднева подчеркивает, что обращение писательницы к эстетике сказки необходимо «не только для создания особого художественного пространства, но и для изображения психологического состояния героя» [6, с. 107]. Таким образом, сказочное начало в произведениях Е. Некрасовой выполняет формообразующую и психологическую функции, связывая особенности художественного мира с внутренним состоянием персонажа. В отношении повести «Калечина-Малечина» это особенно существенно, поскольку появление фантастического начала оказывается непосредственно связано с переживаниями главной героини.

Характеризуя образ Кикиморы, Д. М. Леднева отмечает его двойственную природу: «как появление кикиморы, с одной стороны – реальное, фактическое, с другой – метафорическое» [6, с. 112]. Подобная двойственность позволяет рассматривать фантастический образ одновременно на нескольких уровнях, как элемент событийной реальности произведения и как метафорическое выражение внутреннего состояния героини.

Для определения понятий, лежащих в основе анализа художественной реальности повести, обратимся к теоретическим исследованиям мифа, фантастического и иррационального.

Е. М. Мелетинский, рассматривая природу мифа, определяет его как «древнейший способ концепирования окружающей действительности и человеческой сущности» [7, с. 7], мифическое связано как с изображением сверхъестественных персонажей или событий, так и с особым способом осмысления окружающей действительности.

Понятие фантастического Р. Кайуа связывает с нарушением привычного порядка реальности. Исследователь определяет фантастическое как «нарушение признанного порядка, вторжение недопустимого в неизменную закономерность повседневности» [8, с. 161]. Следовательно, фантастическое возникает внутри повседневной действительности как нарушение ее привычных закономерностей.

Иррациональное, в свою очередь, связано с теми сторонами художественного мира, которые не могут быть полностью объяснены посредством рациональной логики. В рамках магического реализма иррациональное не обязательно противопоставляется реальному, напротив, оно может включаться в изображение повседневной действительности и восприниматься как ее естественная составляющая.

Таким образом, мифическое в настоящем исследовании будем рассматривать как особый способ концепирования действительности, фантастическое, как нарушение привычного порядка повседневного мира, а иррациональное, как область художественного, не сводимую к рационально объяснимому. Их взаимодействие позволяет рассматривать художественную реальность как пространство, в котором граница между обыденным и сверхъестественным оказывается Понятие магического реализма непосредственно связано с проблемой взаимодействия реального и ирреального начал в художественном произведении. В литературоведении данное понятие рассматривается как особый способ организации художественной действительности, при котором элементы, выходящие за пределы рационального восприятия, включаются в изображение повседневного мира.

А. А. Гугнин, один из исследователей магического реализма, связывает его поэтику с внерациональным способом осмысления действительности. Исследователь отмечает необходимость признания «объективной возможности и допустимости <…> использования тех же <…> внерациональных категорий, к которым апеллируют магические реалисты» [9, с. 77]. Таким образом, в концепции А. А. Гугнина

магический реализм предполагает обращение к внерациональным категориям, которые становятся частью художественного осмысления действительности. При этом внерациональное не обязательно противопоставляется реальному, а может включаться в его изображение.

Эта особенность позволяет рассматривать магический реализм через взаимодействие нескольких способов восприятия действительности. В исследовании М. Н. Панчехиной магический реализм характеризуется как путь к особому типу мировидения, основанному на выходе за пределы исключительно рационального объяснения изображаемого [см. 10, с. 27]. Исследовательница пишет, что магический реализм можно определить как «художественный или же творческий метод в литературе XX века» [10, с. 27], при котором «вектор движения – не от реального к реальнейшему, а от реального – к внерациональному» [10, с. 27]. В данном случае магический реализм определяется как художественный метод, основанный на расширении границ реального за счет внерационального начала. Следовательно, фантастическое или ирреальное в таком типе художественного мышления не обязательно образует самостоятельную, противоположную реальности сферу.

Более конкретно соотношение реального и магического отражено в определении, представленном в Большой российской энциклопедии. Авторы отмечают, что магический реализм представляет собой течение, «соединявшее фантастические и мифологические элементы с реалистическими приемами повествования и построения образа» [11, с. 337]. Таким образом, магический реализм можно понимать как способ художественной организации действительности, основанный на соединении фантастического и мифологического начал с реалистическим изображением мира.

Рассмотренные подходы позволяют выделить основные особенности взаимодействия реального и ирреального в художественном мире произведения. Обратимся непосредственно к тексту повести Е. Некрасовой «Калечина-Малечина» и рассмотрим, каким образом данное взаимодействие реализуется на уровне художественной действительности.

Прежде всего, в повести формируется узнаваемый бытовой мир, в котором проходит повседневная жизнь главной героини. Катя живет в обычной городской квартире, самостоятельно ходит в школу и значительную часть времени проводит без непосредственного участия родителей. При этом ее самостоятельность обусловлена прежде всего занятостью взрослых: «Катя гордилась своей самостоятельностью: сама завтракает <…>, сама одевается, сама идет в школу, сама приходит домой» [12, с. 13].

Здесь бытовая конкретика выполняет как функцию создания узнаваемого пространства действия, так и обозначает особое положение героини в семье, где Катя фактически вынуждена рано становиться самостоятельной, хотя остается ребенком. Это особенно заметно в организации ее ежедневного существования, когда родители уезжают на работу в другой город, а после школы Катя возвращается домой одна. Таким образом, уже в реальном плане произведения возникает ситуация недостатка внимания и общения, которая впоследствии окажется связана с появлением ирреального начала.

Не менее важным пространством реального мира становится школа. Именно здесь особенно остро проявляется положение Кати среди сверстников. Ее школьная жизнь сопровождается насмешками, страхом перед ответами у доски и постоянным ощущением собственной несостоятельности. Во время одного из уроков напряжение достигает предела, когда «Катя выбивалась из навязанной реальности» [12, с. 28]. В данном эпизоде особенно интересно само сочетание слов «навязанная реальность». Реальность для Кати оказывается системой требований, норм и оценок, которые устанавливаются окружающими. Школа должна быть обычной частью детской жизни, однако для героини она превращается в пространство постоянного давления. Поэтому уже здесь объективная действительность начинает приобретать субъективное измерение.

При этом автор показывает, что отчуждение Кати связано не только со школьной средой. Героиня испытывает трудности практически в любом пространстве, где требуется активное взаимодействие с другими людьми, у нее «сразу сбегают силы, роняются мысли, а в голове больно стучит» [12, с. 40]. Таким образом, реальный план повести изначально оказывается психологически неблагополучным для героини. Семья, школа и социальное окружение представлены как вполне конкретные элементы современной повседневности, однако именно внутри этой реальности Катя испытывает одиночество, страх и ощущение собственной ненужности. На этом фоне ирреальное начало постепенно включается в восприятие героини и преобразует окружающую ее действительность.

Одним из первых проявлений такого взаимодействия становится способность Кати преобразовывать в своем восприятии вполне реальные объекты окружающего мира. Обычные элементы городского пространства начинают приобретать фантастические очертания и «пятна на потолке сливаются в города, горы, деревья, рыб, людей с головами животных» [12, с. 41], а «из дыма заводской трубы высовывается гигантская остроносая змея» [12, с. 41]. Реальные объекты при этом не

исчезают, они становятся основой для возникающих в сознании героини образов. Фантастическое здесь формируется непосредственно внутри привычного пространства: потолок, заводская труба, детская площадка и окружающие здания сохраняют свою предметную конкретность, но получают новое, ирреальное значение. Таким образом, граница между двумя планами начинает размываться уже на уровне восприятия Кати и ирреальное возникает непосредственно внутри реального.

Однако в дальнейшем граница между субъективным восприятием героини и изменением окружающей действительности становится менее определенной. Это проявляется в эпизоде с банками крупы, когда Катя обнаруживает, что их содержимое перемешано, хотя все банки были закрыты. На ее слова о произошедшем следует короткое «Это не я» [12, с. 44]. В данном случае автор не предлагает однозначного объяснения события, произошедшее может восприниматься как результат действия самой героини или как проявление иной, необъяснимой силы. Неопределенность усиливается следующим эпизодом, в котором «стены шатались» [12, с. 45], а «обойные цветы выпирали» [12, с. 45]. Обычное домашнее пространство таким образом начинает приобретать признаки измененной реальности. В отличие от фантастических образов, возникающих в воображении Кати, здесь необычное непосредственно затрагивает окружающий мир, однако степень его объективности остается неясной.

Таким образом, на данном этапе повести происходит постепенное смещение от фантастического восприятия реальности к ее непосредственной трансформации. При этом автор сохраняет неопределенность происходящего, благодаря чему читатель оказывается в том же положении, что и героиня, где реальное и ирреальное уже невозможно однозначно разграничить.

На этом фоне появление Кикиморы становится следующим этапом развития ирреального начала. Существо возникает непосредственно в бытовом пространстве Кати и оказывается включенным в привычную обстановку ее комнаты. Кикимора взаимодействует с окружающими предметами, она спускается со шкафа, оставляет следы на тетради, берет вязание, а затем появляется рядом с Катей на кровати [см. 12, с. 164]. В частности, героиня видит Кикимору «сидящую на краю дивана» [12, с. 152]. Ирреальное существо тем самым получает конкретное пространственное и предметное воплощение, оно не существует в каком-либо отдельном фантастическом мире, а непосредственно присутствует в комнате героини.

Материальность Кикиморы подчеркивается и ее действиями. Она взаимодействует с Катей физически и выполняет вполне конкретные действия.

Кикимора вяжет из шерсти, привязанной к рукам девочки, а затем «перегрызла нить, соединяющую варежку с Катиными запястьями» [12, с. 159]. Таким образом, ирреальное начало получает возможность воздействовать на физический мир и на саму героиню. При этом характер взаимодействия Кикиморы с предметами остается вполне бытовым, она вяжет, использует вещи Кати, перемещается по комнате. Здесь фантастическое не противопоставляется повседневному, а включается в него на уровне конкретных действий.

Существенным для изображения ирреального становится и отсутствие однозначного разграничения между его объективным существованием и восприятием Кати. Показательно, что в одном из эпизодов Катя пытается проверить присутствие Кикиморы через отражение в окне «в черном гладком стекле отражалась Катя у табурета» [12, с. 231], однако «Кикиморы там не появилось» [12, с. 232]. Данная деталь вновь нарушает определенность происходящего. Кикимора существует для Кати как вполне реальное существо, с которым она может разговаривать и взаимодействовать, однако ее отсутствие в отражении создает сомнение в возможности воспринимать ее как обычный физический объект. Поэтому ирреальное в повести сохраняет двойственную природу, оно обладает признаками материального присутствия, но одновременно не подчиняется полностью законам окружающей действительности.

Таким образом, ирреальный план повести развивается от фантастического преобразования реальных объектов к появлению самостоятельного существа, способного непосредственно воздействовать на окружающий мир. Однако на всех этих этапах ирреальное сохраняет связь с бытовой действительностью, фантастические образы возникают внутри реального пространства, а Кикимора существует непосредственно среди привычных предметов и вступает с ними во взаимодействие. Именно это позволяет говорить не о простом противопоставлении двух миров, а об их постепенном взаимопроникновении.

Взаимодействие реального и ирреального в повести проявляется прежде всего в том, что фантастическое начало непосредственно включается в повседневную жизнь героини. Кикимора не переносит Катю в отдельный фантастический мир, а появляется в привычном для нее пространстве комнаты и вступает во взаимодействие с окружающими предметами. Так, после появления Кикиморы она «выудила из Катиного рюкзака, безжизненно лежавшего под столом, морщинистый пакет с вязанием» [12, с. 152], а затем взяла крючок и начала вязать. Ирреальное существо тем

самым оказывается включено в обычную бытовую ситуацию, где оно пользуется вещами Кати и совершает действия, характерные для повседневного мира.

Более того, взаимодействие двух планов становится двусторонним, реальное пространство предоставляет ирреальному конкретные предметы и формы существования. Кикимора использует принесенное Катей вязание, взаимодействует с ее телом и создает вполне материальный предмет – шерстяную вещь. В процессе вязания она «держала в лапах уже настоящий шерстяной браслет с ровными, как соты, рядами и совсем без узлов» [12, с. 156]. Слово «настоящий» в данном контексте особенно значимо, ведь созданный Кикиморой предмет получает статус материального объекта внутри художественного мира. Таким образом, ирреальное проявляется через конкретные действия и материальные результаты, что стирает границу между фантастическим и бытовым.

Связь ирреального начала с реальной жизнью Кати особенно заметна в характере ее взаимодействия с Кикиморой. В отличие от большинства окружающих, созданье не требует от героини соответствия каким-либо нормам и не оценивает ее. Катя, напротив, начинает воспринимать Кикимору как близкое существо и заботиться о ней. Показательно, что, отправляясь в магазин, она покупает продукты не только для себя, но и для Кикиморы «она не знала, какие любит Кикимора» [12, с. 235]., поэтому берет разные чипсы, шоколад, мармелад, бананы и колу [см. 12, с. 235]. Сам характер этого поступка показывает, что отношения с ирреальным существом постепенно приобретают для Кати значение обычного человеческого общения, где она учитывает его желания, заботится о нем и стремится сделать совместную жизнь комфортной.

При этом Кикимора начинает выполнять для Кати функцию спутника в тех ситуациях, в которых девочка раньше оставалась одна. Особенно заметно это во время поездки в электричке «Кикимора охранно разместилась с краю» [12, с. 222], а Катя сидела рядом с ней. В другом эпизоде героиня «взяла Кикимору за руку» [12, с. 191], после чего они вместе вошли в вагон. Физическая близость героинь становится здесь значимой деталью, ирреальное существо оказывается включено в реальные действия Кати и сопровождает ее в пространстве повседневной жизни.

Таким образом, взаимодействие реального и ирреального в повести осуществляется как на уровне пространства и предметного мира, так и на уровне человеческих отношений. Кикимора постепенно занимает место, которое в реальной жизни Кати оказывается недостаточно заполненным общением с другими людьми.

Особое значение взаимодействие двух планов приобретает после исчезновения Кикиморы. Катя пытается найти ее среди привычных предметов и пространств квартиры «Там Катя поискала под диваном, в шкафу, на подоконнике, под одеялом, даже приподняла ковер, словно ожидая там лаз в погреб» [12, с. 269]. Однако поиски оказываются безрезультатными, и героиня постепенно осознает, что Кикимора исчезла навсегда. Важно, что вместе с исчезновением созданья меняется и восприятие самой повседневной действительности, Катя вновь видит те пространства, которые прежде служили источником игры и воображения, уже без присутствия ирреального.

Это изменение особенно заметно в отношении героини к привычному «потолочному миру». Ранее пятна на потолке становились для Кати источником многочисленных фантастических образов, однако после исчезновения Кикиморы она «удивилась сама себе, что много лет она любила безгранично этот верхний, потолочный мир и до последнего развлекалась в нем» [12, с. 247]. Таким образом, исчезновение ирреального приводит к своеобразному возвращению героини к реальному восприятию окружающего пространства. То, что прежде существовало для нее как особый мир воображения, теперь оказывается обычной частью квартиры.

Таким образом, взаимодействие реального и ирреального в повести имеет двусторонний характер. С одной стороны, ирреальное включается в бытовую действительность Кати и становится частью ее повседневного опыта; с другой – исчезновение ирреального изменяет ее восприятие реального мира. При этом автор сохраняет неопределенность статуса происходящего, позволяя одновременно воспринимать Кикимору как самостоятельное фантастическое существо и как явление, тесно связанное с субъективным опытом героини.

Взаимодействие реального и ирреального выполняет в повести ряд художественных функций, прежде всего связанных с раскрытием внутреннего состояния главной героини. Ирреальное начало позволяет вынести внутренние переживания Кати в пространство предметного мира и сделать их частью изображаемой действительности. Показательно, что еще до появления Кикиморы героиня преобразует окружающие предметы в фантастические образы, реальные объекты становятся основой для собственного мира, в котором она может свободнее воспринимать окружающее пространство. Поэтому ирреальное в повести связано с особенностями восприятия героини.

Другая функция взаимодействия двух планов заключается в раскрытии одиночества Кати. В реальном мире героиня испытывает недостаток общения, ее родители большую часть времени заняты работой, а отношения со сверстниками

сопровождаются насмешками и отчуждением. На этом фоне Кикимора становится для нее значимым собеседником и спутником.

Наконец, взаимопроникновение реального и ирреального выполняет функцию размывания однозначности происходящего. Кикимора одновременно обладает признаками самостоятельного существа и остается связанной с субъективным восприятием Кати, героиня может непосредственно взаимодействовать с ней, однако в отражении окна Кикимора не появляется. В результате читатель не получает окончательного ответа относительно природы происходящего. Такая неопределенность позволяет сохранить подвижность границы между реальным и ирреальным и делает их взаимодействие одним из принципиальных способов организации художественного мира повести.

Таким образом, реальное и ирреальное в «Калечине-Малечине» образуют не два изолированных уровня повествования, а взаимосвязанные планы, постоянно воздействующие друг на друга. Реальная действительность определяет содержание и характер ирреального опыта героини, тогда как ирреальное преобразует ее восприятие окружающего мира и выполняет функции психологического и художественного осмысления ее опыта.

Проведенный анализ показывает, что взаимодействие реального и ирреального является одним из принципиальных способов организации художественного мира повести Е. Некрасовой «Калечина-Малечина». Реальный план произведения представлен конкретными пространствами повседневной жизни героини домом, школой, городским окружением, однако именно внутри этой действительности постепенно формируется ирреальное начало. Сначала оно проявляется в особенностях восприятия Кати, преобразующей реальные предметы в фантастические образы, а затем получает самостоятельное воплощение в образе Кикиморы. При этом ирреальное в повести не образует обособленного мира, противопоставленного реальности. Кикимора существует непосредственно в бытовом пространстве героини, взаимодействует с предметами и самой Катей, сопровождает ее в повседневных ситуациях. В свою очередь, реальная действительность определяет содержание и характер ирреального опыта героини. Благодаря этому граница между двумя планами остается подвижной и неоднозначной. Взаимодействие реального и ирреального выполняет также психологическую функцию, оно позволяет раскрыть особенности восприятия Кати, ее одиночество и потребность в общении. Вместе с тем неоднозначность статуса Кикиморы сохраняется до финала произведения, что не позволяет свести ее образ исключительно к объективному фантастическому существу

или исключительно к проявлению внутреннего мира героини. Таким образом, ирреальное начало в повести оказывается органически включено в изображение повседневной действительности, а их взаимопроникновение становится способом художественного осмысления опыта главной героини.

Список литературы

1. Осипова О. И. Магический реализм сквозь призму художественного конфликта // Научный диалог. 2020. № 11. С. 254–268. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-11-254-268.
2. Пучкова А. В., Терехова С. С. «Магический реализм» романа Евгении Некрасовой «Калечина-Малечина» // Казанская наука. 2021. № 12. С. 27–29.
3. Марченко Д. И. Традиции орнаментальной прозы в романе Е. Некрасовой «Калечина-Малечина» // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. 2025. Т. 10. № 2. С. 132–142.
4. Синегубова К. В. Аксиология дома в сборнике Е. Некрасовой «Домовая любовь» // Дом в художественном изображении. Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2022. С. 76–80.
5. Крюкова П. Миры «выросших» и «невыросших»: особенности детского восприятия реальности в романе Е. Некрасовой «Калечина-Малечина» // Реальность и «другая реальность» в литературе и культуре: визуальные аспекты: тезисы докладов XII межвузовской студенческой научной конференции. М.: РГГУ, 2021. С. 78–80.
6. Леднева Д. М. Функция сказочных элементов в творчестве Евгении Некрасовой // Сказка как нарративная модель в литературе и кино: материалы XIV Всероссийской научной конференции по эстетике экранизации, 21–22 апреля 2023 года. М.: ВГИК, 2024. С. 106–113.
7. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. М.: Наука, 1976. 407 с.
8. Тодоров Ц. Введение в фантастическую литературу / пер. с фр. Б. Нарумова. М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. 143 с.
9. Гугнин А. А. Магический реализм в контексте литературы и искусства XX века: феномен и некоторые пути его осмысления. М.: Институт славяноведения РАН, 1998. 120 с.
10. Панчехина М. Н. Магический реализм как художественный метод в романах М. А. Булгакова: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.08 – Теория литературы. Текстология. Донецк, 2017. 189 с.

Список источников

11. Крючкова В. А., Кофман А. Ф. Магический реализм // Большая российская энциклопедия: электронная версия. 2011. Т. 18. С. 337–338.
12. Некрасова Е. Калечина-Малечина: роман – М.: Издательство АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2026. – 249 с.

Дата публикации 31.10.2026

УДК 82-6

Святуненко М.А. Эпистолярный жанр как инструмент реконструкции памяти в романе Е. Водолазкина «Авиатор»

Святуненко Маргарита Алексеевна
магистрант кафедры русского языка как иностранного
Казанского Федерального университета, РФ, г. Казань
Margo123h@mail.ru

The epistolary genre as a means of memory reconstruction in E. Vodolazkin's novel "The Aviator"

Svyatunenko Margarita Alekseevna
Master's student of the department of Russian as a foreign language
Kazan Federal University, Russia, Kazan

Аннотация. В данной статье рассматривается функционирование эпистолярного жанра в романе Е. Водолазкина «Авиатор» как способа реконструкции личной и исторической памяти. Анализируется, каким способом дневниковые записи, выходя за рамки традиционного дневникового жанра, приобретают черты автобиографического письма, становятся единственным способом самопознания главного героя. В работе показано, что эпистолярный жанр в романе выполняет функцию не только сюжетообразующую, но и смыслообразующую, утверждая слово как способ преодоления беспамянства и необратимость времени.

Ключевые слова: Е. Водолазкин, «Авиатор, эпистолярный жанр, дневник, память, нарратив

Abstract. This article examines the functioning of the epistolary genre in E. Vodolazkin's novel "The Aviator" as a means of reconstructing personal and historical memory. It analyzes how the diary entries, transcending the boundaries of the traditional diary genre, acquire the features of autobiographical writing and become the only way for the protagonist to achieve self-knowledge. The article demonstrates that the epistolary genre in the novel performs not only a plot-forming function, but also a meaning-generating one, asserting the word as a means of overcoming oblivion and the irreversibility of time.

Keywords: E. Vodolazkin, "The Aviator", epistolary genre, diary, memory, narrative

Опубликованный в 2016 году роман Е. Водолазкина «Авиатор» представляет собой сложноорганизованное повествование, в центре которого оказывается проблема утраты памяти. Главный герой, Иннокентий Петрович Платонов, родившийся в 1900 году («ровесник века», как его называет автор), переживший заключение в Соловецком лагере и подвергнутый экспериментальной заморозке, возвращается к жизни в 1999 году. Его сознание оказывается в ловушке: прошлое исчезло, настоящее незнакомо, а собственная идентичность растворилась во временной пропасти. Именно в этой ситуации эпистолярная форма, к которой

прибегает герой по совету лечащего врача, становится не просто литературным приемом, а способом самопознания. «Авиатор» написан в форме дневниковых записей трех людей: главного героя Иннокентия Петровича Платонова, доктора Гейгера и Насти, внучки возлюбленной героя. Несколько сюжетных линий: любовная, криминальная – убийство доносчика Зарецкого и лагерная – ад Соловков, – переплетены в объединяющем их сюжете воссоздания персонажем своей личности и биографии [1, с. 49].

Актуальность данной статьи обусловлена возрастающим интересом современного литературоведения к проблемам памяти, травмы и идентичности в русской литературе XX-XXI веков.

Творчество Е. Водолазкина, сочетающее в себе глубокую философичность с особым вниманием к языковой материи, предоставляет богатый материал для исследования литературных осмыслений процессов памяти и запоминания.

Цель работы – выявить функции эпистолярного жанра в романе «Авиатор» и определить, каким образом акт письма становится механизмом реконструкции памяти и конструирования личности.

Методологическую основу статьи составляют работы Е.Н. Петуховой, Е.Г. Трубецковой, М. Войцевской и Т.Г. Кучиной, посвященные исследованию памяти и анализу интертекстуальных связей в творчестве Е. Водолазкина.

Традиционно дневник понимается как текст, создаваемый «здесь и сейчас», фиксирующий события, произошедшие с человеком недавно. Однако Е. Водолазкин сознательно трансформирует эту модель: писатель выходит за пределы описания современности – записи Платонова обращены не в настоящее, а в прошлое, которое герой пытается по крупицам восстановить в своем сознании. В отличие от классического дневника, сконцентрированного на хронике внешних событий, записи Платонова направлены на конструирование не только событий прошлого, но и на ощущения и эмоции героя.

Важным аспектом для понимания реконструкции памяти в романе является его интертекстуальная насыщенность, которая также связана с эпистолярной стратегией повествования. Главный герой конструирует свое прошлое не только из обрывков воспоминаний, но и из литературных образцов: в его записях встречаются произведения А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, М.Ю. Лермонтова, А.П. Чехова, И.А. Бунина, А.А. Блока, В.Т. Шаламова, Д. Дефо, Х.К. Андересена, Ж. Верна, М. Рида, Р. Эттигера. Подобная интертекстуальность свидетельствует о том, что реконструкция

памяти осуществляется не в вакууме, а внутри культурной традиции: герой связывает свою историю с уже описанными литературными контекстами, находит в них самого себя. Исследователи набоковского интертекста в «Авиаторе» подчеркивают, что роль слова и литературы в романе напрямую связана с «борьбой с амнезией» [2, с. 105]. Письмо, таким образом, выполняет двойную функцию: оно возвращает герою его собственное прошлое и одновременно подключает его к вневременному культурному слою, где память перестает быть только личной, где слово превращается в объект вечности, способ спастись от забвения.

Особую роль в этом процессе играет сам язык романа. Е. Водолазкин, будучи филологом, сознательно выстраивает повествование как языковую игру, где слова обретают дополнительную семантику. Записи Платонова, конечно же, наполнены устаревшей лексикой: архаизмами, историзмами, просторечиями, которые создают эффект воскрешения ушедшей эпохи. Но вместе со «старой» лексикой герой умело пользуется и лексикой «новой», современной для него эпохи, которую впитывает в процессе адаптации после «разморозки». Платонов, например, довольно быстро начинает использовать в своих дневниках такие слова, как «телик», «пульт», «авто», «компьютер», «метро» и т.д., которых не существовало в 1920-х, до «первой смерти» главного героя. Подобная лексическая игра говорит о том, что Платонов впитывает незнакомую для себя эпоху быстро и довольно уверенно.

Философский подтекст эпистолярного жанра становится особенно очевидным при обращении к концепции времени, которая лежит в основе всего романа. Е. Водолазкин, опираясь на идеи Д.С. Лихачева, с которым он работал в отделе древнерусской литературы Пушкинского Дома Российской академии наук [3, с. 199], утверждает, что время не является абсолютной категорией: прошлое и настоящее не столько сменяют друг друга, сколько сосуществуют. Выпавший из своего времени и перенесенный в чужую эпоху Платонов оказывается живым доказательством этой теории и сам же в конце концов к ней приходит: «Как известно, время проходимо в обе стороны» [4, с. 207]. Его дневник становится способом не просто восстановить хронологию, а преодолеть сам разрыв времени. Как пишет Е.Г. Трубецкова, исследователь набоковского интертекста: «Герой "Авиатора" не просто вспоминает, а пытается воскресить прошлое» [2, с. 106]. В этом смысле эпистолярный жанр функционирует как своего рода нить, соединяющая прошлое и настоящее. А сам дневник героя – не просто последовательность записей, а особая пространственно-временная структура, где прошлое, настоящее и будущее существуют одновременно. Каждое письмо становится точкой пересечения различных временных пластов,

Платонов сам соединяет их, чередуя в своих записях события разных эпох. Записи персонажей не имеют календарных дат, обозначены лишь дни недели и имена. От лица Гейгера, лечащего врача, это объясняется так: «календарные даты принадлежат к линейному времени, а дни недели – к циклическому. Линейное время – историческое, а циклическое замкнуто на себе. Можно сказать, вечность» [4, с. 229]. Даты, имена, последовательность событий хранят в себе историю конкретной эпохи, а в дальнейшем исчезают и дни недели, затем исчезают имена и даже какое-либо разделение на авторов записей, события и судьбы героев перемешиваются, и конце романа читатель может лишь догадываться кому из трех персонажей принадлежит запись.

Такая структура текста отражает общую концепцию романа, в которой время понимается не как линейный процесс, а как сложное многомерное явление, а письмо, таким образом, становится способом преодоления времени, выхода за его пределы в пространство вечности.

Наконец, нельзя не отметить, что эпистолярная форма «Авиатора» имеет и металитературное измерение. Роман Водолазкина – это текст о том, как пишется текст, о том, как слово создает человека. Платонов не просто ведет дневник, он становится писателем, автором собственной жизни, и в этом качестве он сродни самому Водолазкину, который также конструирует прошлое через слово. Исследователи, анализирующие образ «человека пишущего» в прозе Водолазкина, отмечают, что письмо для его героев – «синекдоха бытия», «фактор экзистенциального расширения "Я"» [5, с. 105]. В «Авиаторе» эта идея достигает предельной ясности: без письма Платонов не существует как личность, он растворяется в беспамянстве. Это металитературное явление проявляется также в том, как Е. Водолазкин играет с жанровыми конвенциями: дневник Платонова постоянно балансирует между правдой и вымыслом. Герой не всегда уверен в том, что его воспоминания подлинны; он несколько раз описывает одно и то же событие, но абсолютно по-разному (например, герой дважды описывает первую встречу с Анастасией и читатель до конца не уверен в том, какая из записей верная), он подозревает, что некоторые из них могли быть почерпнуты из книг или внушены другими людьми. Эта неопределенность является важной особенностью, отражающей саму природу памяти, которая всегда включает в себя элементы интерпретаций, недосказанности и неточности. Эпистолярный жанр в этом случае оказывается идеальной формой для передачи этой неопределенности, поскольку он позволяет сочетать в себе все эти элементы.

Таким образом, эпистолярный жанр в романе «Авиатор» выполняет функцию, выходящую далеко за пределы обычной фиксации событий. Он становится инструментом реконструкции памяти, механизмом преодоления времени и способом обретения идентичности. Е. Водолазкин показывает, что память не сохраняется в застывшей форме, а воссоздается в акте письма, и именно это делает эпистолярную форму не просто литературным приемом, а философской позицией, утверждающей слово как последнее убежище человека перед лицом времени и забвения.

Список литературы

1. Петухова Е.Н. Литературный контекст романа Евгения Водолазкина «Авиатор» / Е.Н. Петухова // Ученые записки НовГУ. – 2021. – №S1 (34). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/literaturnyy-kontekst-romana-evgeniya-vodolazkina-aviator (дата обращения: 28.10.2026).
2. Трубецкова Е.Г. Борьба с амнезией: набоковские «Знаки и символы» в романе Е. Водолазкина «Авиатор» / Е.Г. Трубецкова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. – 2020. – Т. 20. – № 1. – С. 104–108.
3. Войцеховская М. «Авиатор» Евгения Водолазкина как жанр дневника / М. Войцеховская // Acta Universitatis Lodziensis. Folia Litteraria Rossica. – 2019. – С. 199-211.
4. Кучина Т.Г., Ахапкина Д.Н. «Конвертировать бытие в слово»: Homo scribens в прозе Евгения Водолазкина / Т.Г. Кучина, Д.Н. Ахапкина // Вестник Костромского государственного университета. – 2016. – Т. 22. – № 6. – С. 105–108.

Список источников

5. Водолазкин Е.Г. Авиатор / Е.Г. Водолазкин – Москва: Издательство АСТ, 2025. – 410 с.

ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ СТРАН ЗАРУБЕЖЬЯ

Дата публикации 30.10.2026

УДК 821.111

Шукшина О.В. Ирония в пьесе О. Уайльда «Как важно быть серьезным»: синтаксический аспект

Шукшина Ольга Валерьевна
старший преподаватель кафедры теории и практики перевода
Кубанский государственный университет, РФ г. Краснодар
olgakolenko@hotmail.com

Irony in Oscar Wilde's Play "The Importance of Being Earnest": Syntactic Aspect

Shukshina Olga Valeryevna
Senior Lecturer of Theory and Practice of Translation Department
Kuban State University, Russia, Krasnodar

Аннотация. В статье исследуются синтаксические механизмы порождения иронии в комедии О. Уайльда «Как важно быть серьезным». Основная проблема исследования заключается в том, что лексическое остроумие драматурга традиционно заслоняет собой синтаксический пласт, где ирония рождается в точке столкновения безупречной грамматической формы и семантической пустоты. Цель работы — систематизация синтаксических маркеров иронии и определение их роли в создании прагматического эффекта обманутого ожидания. В результате анализа выявлены ключевые синтаксические модели: параллелизм и хиазм как база парадокса, зевгма, сталкивающая несовместимые семантические поля, псевдо-логические конструкции, имитирующие причинно-следственную связь, и маркеры коммуникативной неудачи («неуслышание» собеседника). Доказано, что синтаксис выступает у О. Уайльда инструментом деконструкции викторианского этикета, а комический эффект базируется на синтаксическом «обмане»: подмене логического завершения сложной конструкции бытовым абсурдом.

Ключевые слова: синтаксическая ирония, зевгма, коммуникативная неудача, деконструкция, языковая игра, парадокс.

Abstract. The article examines the syntactic mechanisms that generate irony in Oscar Wilde's comedy "The Importance of Being Earnest". The central issue addressed is that the playwright's lexical wit often overshadows the syntactic dimension, a level where irony emerges from the collision between impeccable grammatical form and semantic emptiness. The study aims to systematize the syntactic markers of irony and define their role in creating the pragmatic effect of "thwarted expectations". The analysis identifies several key syntactic patterns: parallelism and chiasmus, which serve as the foundation for paradox; zeugma, which brings together incompatible semantic fields; pseudo-logical constructions that simulate cause-and-effect relationships; and markers of communicative failure (such as a character's "failure to hear" or acknowledge an interlocutor). It is argued that in Wilde's work syntax functions as a tool for deconstructing Victorian etiquette, with

the comic effect rooted in a syntactic "deception", that is the substitution of a logical conclusion of a complex structure by an instance of mundane absurdity.

Keywords: syntactic irony, zeugma, communicative failure, deconstruction, play upon words, paradox.

Комедия Оскара Уайльда «Как важно быть серьезным» (The Importance of Being Earnest, 1895) традиционно рассматривается исследователями как квинтэссенция английской салонной драматургии. При этом лексическое остроумие зачастую заслоняет собой синтаксический пласт пьесы, который выступает не менее значимым инструментом смыслопорождения. Иронический эффект в пьесе формируется в точке столкновения безупречной грамматической формы и абсурдного, алогичного содержания.

Актуальность исследования обусловлена тем, что синтаксические модели О. Уайльда предвосхищает ключевые положения философии обыденного языка XX века. Драматург наглядно демонстрирует, как формальная правильность высказывания способна маскировать семантическую пустоту, что является центральной проблемой современной медиакоммуникации.

Научная новизна заключается в том, что ирония пьесы рассматривается не как стилистический троп, а как результат прагмасинтаксического сбоя. Как справедливо отмечает Е. М. Киселева, «ирония выступает в произведении как сюжетообразующий прием», однако ее синтаксическая реализация требует отдельного изучения, так как она «нарушает ожидания читателя и общепринятые знания» [1, с. 345].

Цель данной работы заключается в систематизации синтаксических маркеров иронии в пьесе О. Уайльда «Как важно быть серьезным» и определения их роли в создании прагматического эффекта обманутого ожидания.

Задачи исследования: 1) проанализировать использование синтаксического параллелизма и хиазма для создания парадоксальных смыслов; 2) описать механизмы реализации иронии через зевгматические конструкции и синтаксическую компрессию; 3) исследовать роль синтаксической структуры в возникновении коммуникативного сбоя; 4) выявить синтаксические маркеры коммуникативной неудачи и «неуслышания» собеседника.

Синтаксический параллелизм и хиазм как база парадокса

О. Уайльд использует строгую синтаксическую симметрию для утверждения взаимоисключающих социальных истин. Конструкция предложения становится рамкой, в которую заключается абсурдное содержание.

Пример:

Algernon: “All women become like their mothers. That is their tragedy. No man does. That is his” (Act I). [9]

Идентичные синтаксически модели (That is their… / That is his…*)* уравнивают в правах биологическую закономерность и социальную судьбу. Ирония носит здесь сугубо структурный характер: форма обещает объективность, однако лексическое наполнение транслирует гендерную предвзятость.

Пример:

Gwendolen: “In matters of grave importance, style, not sincerity, is the vital thing” *(*Act III). [9]

Данная фраза строится на жестком синтаксическом параллелизме существительных (style, not sincerity). Грамматическая структура имплицитно диктует равенство этих понятий, тогда как семантика фразы абсурдна: в «делах великой важности» (matters of grave importance) форма (style) синтаксически подменяет собой содержание (sincerity). Ирония заключается в том, что синтаксис здесь выступает как инструмент социальной мимикрии: в викторианском обществе безупречная форма высказывания ценится выше его истинности. Как отмечает Н. А. Ковалева, подобная эстетизация речевого поведения, при которой синтаксическая безупречность служит маской для семантической пустоты, является характерной когнитивной стратегией английского дискурса второй половины XIX века [2, с. 112].

Пример:

Lady Bracknell: “Ignorance is like a delicate exotic fruit; touch it and the bloom is gone” (Act I). [9]

О. Уайльд использует синтаксическую инверсию во второй части сложного предложения. Если первая часть (Ignorance is like…) задает объект сравнения, то вторая (touch it and the bloom is gone) с помощью хиазма, то есть перекрестного расположения членов предложения [8], переносит фокус с субъекта на физическое действие. Синтаксическая легкость конструкции маскирует жестокость социального суждения: невежество приравнивается к хрупкому объекту, который разрушается при попытке его изучить. Парадокс создается именно синтаксическим сдвигом от абстрактного понятия к конкретному физическому результату.

Зевгма и синтаксическая компрессия:
столкновение семантических полей

Зевгматические конструкции позволяют О. Уайльду объединять в единой синтаксической рамке понятия из несовместимых стилистических регистров.

Пример:

Algernon: “I don't play accurately — any one can play accurately — but I play with wonderful expression” (Act I). [9]

Алджернон использует сложноподчиненную структуру с противительным союзом “but”, чтобы синтаксически противопоставить техническое несовершенство и артистизм. С точки зрения грамматики фраза безупречна, но прагматически она является саморазоблачением: «выражение» невозможно без «точности». Синтаксис здесь служит оправданием социальной некомпетентности.

Пример:

Lady Bracknell: “To lose one parent, Mr. Worthing, may be regarded as a misfortune; to lose both looks like carelessness” (Act I). [9]

Е. В. Кузнецова определяет зевгму как «сознательную синтаксическую компрессию, при которой языковая игра строится на нарушении лексической и логической сочетаемости в рамках единой синтаксической модели [3, с. 14]. Механизм зевгмы у О. Уайльда иллюстрирует теорию синтаксических способов компрессии, предложенную И. В. Арнольд, а именно пропуска логически необходимых элементов высказывания, который заставляет читателя самостоятельно восстанавливать смысл. В случае зевгмы этот пропуск обнажает семантическую несовместимость объединяемых понятий [7, с. 225].

Псевдо-логические синтаксические конструкции

Значительная часть юмора пьесы базируется на имитации строгой логики (cause-and-effect) при полном отсутствии причинно-следственной связи.

Пример:

Lady Bracknell: “The whole theory of modern education is radically unsound. Fortunately, in England, at any rate, education produces no effect whatsoever” (Act I). [9]

Сложная синтаксическая рамка с вводным словом “Fortunately” создает видимость академического дискурса. Однако семантическая пустота второй части предложения превращает фразу в блестящую демагогию, синтаксически маскирующую отсутствие смысла. Как отмечает С. В. Иванова, базовым когнитивным механизмом здесь выступает «столкновение (обычно двух знаков) или создание противоречия на различных уровнях языка», где формальная логическая рамка синтаксиса сталкивается с семантической аномалией [4, с. 48].

Пример:

Lady Bracknell: “I am not in favour of long engagements. They give people the opportunity of finding out each other’s character before marriage, which I think is never advisable” (Act I). [9]

В данном высказывании Леди Брэкнелл использует классическую синтаксическую модель логического вывода (They give… which I think…). Первая часть предложения задает прагматически верную причину (долгая помолвка позволяет узнать характер), но вторая часть синтаксически оформляет абсолютно алогичный вывод. Союз “which” вводит придаточное предложение, которое должно логически завершать мысль, но вместо этого выдает социальный цинизм. Синтаксис обещает рациональное обоснование, но выдает абсурдную максиму: знать характер будущего супруга вредно для брака.

Синтаксис коммуникативной неудачи (Pragmatic Failure)

Ирония в диалогах О. Уайльда часто рождается из синтаксического игнорирования реплики собеседника. Персонажи не отвечают на вопросы, а используют их лишь как синтаксический трамплин для собственных монологов.

Пример:

Gwendolen: “I adore you. You have the most exquisite taste in women.”

Cecily: “Exquisite” is the word. But I am afraid you have caught a severe chill.” (Act II). [9]

Сесили синтаксически подхватывает прилагательное “exquisite”, но полностью игнорирует семантику комплимента, переводя дискурс в бытовую плоскость. Это «неуслышание» является высшей формой социального снобизма, реализованной через синтаксис. С точки зрения прагмалингвистики, подобные сбои квалифицируются как «неудавшаяся ироническая коммуникация». Как отмечает Е. В. Болдырева, «природа неудавшейся иронической коммуникации заключается в расхождениях между прагматическими намерениями говорящего и правилами интерпретации адресата, где синтаксическая связность лишь подчеркивает прагматический разрыв». По мнению исследователя, «иронический смысл порождается в результате нарушения автором иронического высказывания прагматических правил», при этом формальная синтаксическая структура используется как ловушка для отвлечения внимания от коммуникативного провала [5, с. 54].

Пример:

Jack: “My name is Ernest in town and Jack in the country.”

Cecily: “When one is in town one amuses oneself. When one is in the country one amuses other people. It is excessively boring.” (Act II). [9]

В данном фрагменте Джек раскрывает суть своего двойного существования, используя синтаксически сбалансированную конструкцию (in town… in the country),

ожидая реакции на свою тайну. Однако Сесили полностью игнорирует прагматику его признания (факт двойной жизни). Она использует его синтаксическую рамку лишь для того, чтобы произнести собственный, не связанный с контекстом афоризм. Синтаксическая связность (повторение структуры When one is...*)* создает иллюзию диалога, но семантически это коммуникативный провал: Сесили отвечает не на смысл реплики Джека, а на ее формальную структуру, переводя экзистенциальную проблему в плоскость скучной светской банальности.

Предпринятый анализ синтаксических механизмов порождения иронии в первом приближении позволяет прийти к следующим выводам:

- синтаксис в пьесе «Как важно быть серьезным» является не средством оформления мысли, а инструментом ее деконструкции. Ирония рождается на стыке грамматической правильности и прагматической абсурдности;

- основными синтаксическими маркерами иронии выступают зевгма, синтаксический параллелизм, синтаксические маркеры прагматической неудачи и псевдо-логические конструкции;

- О. Уайльд использует синтаксическую компрессию для сведения экзистенциальных проблем к уровню светских банальностей, что достигается за счет разрушения синтаксических пресуппозиций;

- комический эффект пьесы базируется на синтаксическом «обмане»: читатель ожидает логического завершения сложной конструкции, но получает семантическую пустоту или бытовой абсурд. Именно такие синтаксические сдвиги превращают викторианскую комедию в мощный сюжетный прием, заставляющий читателя переоценить свои ожидания [6].

Список литературы

1. Киселева, Е. М. Способы выражения иронии как стилистического приема в произведении Оскара Уайльда «The Importance of Being Earnest» // Наука в мегаполисе. — 2021. — № 3 (34). — С. 1–8.
2. Ковалева Н. А. Когнитивно-историческая обусловленность иронии и ее выражение в языке английской художественной литературы XIX века. Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. — М., 2011
3. Кузнецова Е. В. Средства репрезентации иронии в художественном тексте. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Специальность 10.02.19 — Теория языка. — М., 2005.
4. Иванова, С. В. Когнитивные механизмы порождения комического в текстах Оскара Уайльда // Когнитивные исследования языка. — 2022. — № 3 (50). — С. 112–119.

5. Болдырева, Е. В. Прагмалингвистические аспекты иронии в англоязычном драматургическом дискурсе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. — 2023. — Вып. 2 (866). — С. 45–58.
6. Минакова, Н. А. Синтаксические средства создания иронического эффекта в английской комедии нравов конца XIX века // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2024. — Т. 17, № 5. — С. 1450–1455.

Список источников

7. Арнольд, И. В. Стилистика современного английского языка. Стилистика декодирования. — М.: Флинта, 2021. — 384 с.
8. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов. — 5-е изд. — М.: ЛЕНАНД, 2022. — 576 с.
9. Wilde O. The Importance of Being Earnest. — London : Penguin Books, 1994. — 67 с.

Дата публикации 31.10.2026

УДК 811

Шукшина О.В. Энантиосемия как инструмент иронической модальности в прозе О. Уайльда: проблемы воссоздания при переводе

Шукшина Ольга Валерьевна
старший преподаватель кафедры теории и практики перевода
Кубанский государственный университет, РФ г. Краснодар
olgakolenko@hotmail.com

Enantiosemy as a Tool of Ironic Modality in Oscar Wilde' Prose: Translation Issues

Shukshina Olga Valeryevna
Senior Lecturer of Theory and Practice of Translation Department
Kuban State University, Russia, Krasnodar

Аннотация. В статье исследуется специфика функционирования энантиосемии как базового инструмента создания иронической модальности в романе Оскара Уайльда «Портрет Дориана Грея». Автор статьи анализирует, как семантический сдвиг, заставляющий читателя удерживать взаимоисключающие смыслы, служит инструментом деконструкции викторианской морали, и оценивает переводческие стратегии М. Абкиной. На материале ключевых высказываний лорда Генри демонстрируется, что энантиосемия в оригинале опирается на внутреннюю форму английских слов и прагматические пресуппозиции конца XIX века. Установлено, что в каноническом русском переводе происходит системная нейтрализация двусмысленности. Из-за асимметрии лексико-семантических систем ироническая игра утрачивается, а циничная модальность подменяется назидательной сентенцией или наивным парадоксом. В результате образы персонажей упрощаются, а философская глубина оригинала редуцируется.

Ключевые слова: энантиосемия, ироническая модальность, идиостиль О. Уайльда, прагматический сдвиг, переводческие стратегии, деконструкция.

Abstract. The given article examines the functioning of enantiosemy as a fundamental tool for creating an ironic modality in Oscar Wilde's novel "The Picture of Dorian Gray". The author analyzes how a semantic shift compels the reader to hold mutually exclusive meanings simultaneously serves to deconstruct Victorian morality, and evaluates the translation strategies employed by M. Abkina. Through the analysis of Lord Henry's key aphorisms, it is demonstrated that the enantiosemy in the original text relies on the internal form of the English words and the pragmatic presuppositions prevalent in the late 19th century. The study finds that the canonical Russian translation results in a systematic neutralization of this ambiguity. Due to the asymmetry between the two lexical-semantic systems, the ironic interplay is lost, with the cynical modality replaced by either a didactic maxim or a naive paradox. Consequently, the characters are simplified, and the philosophical depth of the original work is diminished.

Keywords: enantiosemy, ironic modality, O. Wilde's idiostyle, pragmatic shift, translation strategies, deconstruction.

Актуальность данного исследования обусловлена непреходящим интересом лингвистов к идиостилю Оскара Уайльда, в котором ирония выступает как фундаментальный способ познания действительности. Энантиосемия является наиболее концентрированным выражением этой иронии, заставляя читателя одновременно удерживать в сознании два взаимоисключающих смысла [7, с. 145]. В современной лингвокогнитивистике лексическая энантиосемия обоснованно рассматривается как ментальный триггер, запускающий прагматический сдвиг и формирующий комический или иронический эффект за счет намеренного когнитивного диссонанса в рецепции адресата [1, с. 88].

Цель работы — выявить специфику функционирования энантиосемии как инструмента создания иронической модальности в романе «Портрет Дориана Грея» и проанализировать переводческие стратегии, применяемые для ее воссоздания.

Для достижения поставленной цели были определены следующие задачи исследования: 1) определить лингвистическую и прагматическую природу энантиосемии в контексте эстетизма О. Уайльда; 2) выделить основные лексико-семантические группы слов, подверженных энантиосемическому сдвигу в оригинале романа; 3) проанализировать перевод М. Абкиной с точки зрения сохранения или нейтрализации двусмысленности; 4) систематизировать причины трудностей воссоздания энантиосемии при переводе с английского языка на русский.

В качестве материала исследования выбран роман «Портрет Дориана Грея» (The Picture of Dorian Gray, 1890). Рассматриваемый роман репрезентирует ключевые эстетические и нарративные принципы прозы О. Уайльда. В отличие от сказок, где ирония часто скрыта за аллегорией, в романе энантиосемия выполняет философскую функцию, служа инструментом разрушения викторианской морали. Главным носителем иронической модальности выступает лорд Генри Уоттон, чьи афоризмы построены на намеренном столкновении этических полюсов [2, с. 45]. Материалом для анализа послужил перевод Марии Абкиной, обладающий статусом канонического в отечественном литературоведении и читательской практике. [8].

Основная проблема заключается в асимметрии лексико-семантических систем английского и русского языков. Энантиосемия О. Уайльда часто опирается на внутреннюю форму английских слов (например, earnest, natural), которые в контексте конца XIX века обладали широким спектром значений. Русский язык, как правило, использует для этих понятий разные лексемы, что делает невозможным прямой перенос семантической игры. Переводчик оказывается перед выбором: сохранить

буквальный смысл, разрушив иронию, или же прибегнуть к прагматической адаптации, стремясь воссоздать имплицитный подтекст оригинала [3, с. 54].

Пример:

O. Wilde: “Being natural is simply a pose, and the most irritating pose I know.” [13]

М. Абкина: «Быть естественным — это поза, и самая ненавистная людям поза!» [12].

В контексте английской культуры конца XIX века слово “natural” функционировало в двух регистрах: эстетико-философском, подразумевающим подлинность, следование своей внутренней природе, искренность, который имел положительную коннотацию; а также в социально-этикетном, означающим лишенность светского лоска, простоватость, неуклюжесть, и употребляющимся с ироничной оценкой [9]. В высшем обществе «быть естественным» означало нарушить строгий кодекс поведения, проявить эмоции, которые следовало скрывать. О. Уайльд совершает семантический перевертыш: он начинает фразу с апелляции к общепринятой добродетели (“Being natural…”), но завершает ее определением “a pose” (позёрство). Лорд Генри доказывает, что искренность — это не отсутствие игры, а самая сложная, самая утомительная и, следовательно, самая неискренняя из всех возможных ролей. Для него «естественность» — это дурной вкус, отсутствие эстетического контроля над реальностью. В оригинале слово “natural” энантиосемично: в контексте высказывания оно означает и «подлинный», и «лишенный искусственной грации». О. Уайльд использует первое значение, чтобы доказать второе. М. Абкина сохраняет структуру парадокса, но снимает семантическое напряжение. Русское «естественный» не имеет устойчивого значения «неуклюжий», поэтому ирония лорда Генри становится менее очевидной [7, с. 152].

Пример:

O. Wilde: “…and I find I have nothing in it but the word “earnest”.” [13]

М. Абкина: «…нахожу в нем только одно слово: “серьезен”». [12]

Для лорда Генри и самого О. Уайльда быть “earnest” — значит быть предсказуемым. Это маска, за которой скрывается отсутствие индивидуальности и легкости. Когда лорд Генри находит в дневнике юности только это слово, он выносит приговор не только себе-прошлому, но и всей викторианской эпохе: его молодость была лишена игры, страсти и парадокса, она была лишь набором добродетельных клише. Фраза звучит как эпитафия загубленной юности.

М. Абкина при переводе выбирает русский эквивалент — «серьезен». В русском языковом сознании «серьезный человек» — это почти всегда положительная

характеристика (надежный, вдумчивый, ответственный) [10, с. 717]. Слово лишено того обязательного иронического оттенка «занудства» и «ханжества», который несет в себе слово “earnest” у О. Уайльда. Фраза в переводе превращается из самоироничного приговора в сухую констатацию факта. Русскоязычный читатель может не понять, почему наличие только одного слова «серьезен» в дневнике — это плохо или смешно. Лексема не содержит в себе внутреннего конфликта. Ироническая модальность, насмешка над собственной прошлой правильностью, исчезает, уступая место нейтральному повествованию.

Пример:

O. Wilde: “The only way to get rid of a temptation is to yield to it.” [13]

М. Абкина: «Единственный способ отделаться от искушения — уступить ему». [12]

Данный афоризм — одна из визитных карточек лорда Генри, демонстрирующая его способность выворачивать наизнанку общепринятую мораль. В отличие от предыдущих примеров, где энантиосемия строилась на многозначности конкретного слова, здесь она перемещается в плоскость прагматики — сферы речевого акта и логических пресуппозиций.

В обыденном сознании выражение “to get rid of” (избавиться) подразумевает уничтожение, искоренение или избегание объекта. “Temptation” (искушение) воспринимается как враг, которого нужно победить силой воли. О. Уайльд строит фразу на инверсии: целью (уничтожением искушения) становится само действие, которое мораль считает недопустимым (уступка). Логика лорда Генри такова: искушение — это психологическое напряжение, вызванное подавлением желания. Единственный способ снять это напряжение («избавиться» от него) — это удовлетворить желание, тем самым обнулив его притягательность. Энантиосемия здесь заключается в том, что глагол “get rid of” в контексте фразы приобретает значение не уничтожить, а реализовать, чтобы прекратить хотеть. М. Абкина переводит фразу практически дословно, но интонационный сдвиг меняет модальность высказывания с иронической на назидательную [4]. В русском языке глагол «уступить» часто несет коннотацию слабости, капитуляции или вынужденного компромисса [5]. В сочетании с «отделаться» фраза начинает звучать как житейская мудрость уставшего человека или совет психолога.

Пример:

O. Wilde: “You are a wonderful creation.” [13]

М. Абкина: «Вы — дивное создание». [12]

Данный пример иллюстрирует, как энантиосемия может строиться не на внутренней полярности одного слова, а на прагматическом столкновении двух несовместимых контекстов: эстетического любования и холодного научного интереса. В английском языке “wonderful” обладает широким спектром значений: от «прекрасного, восхитительного» до «поразительного, вызывающего изумление, странного» [14, с. 517]. В контексте романа, в устах лорда Генри, это слово функционирует как энантиосемичный термин. Сразу после того, как Генри изложил Дориану свою циничную философию гедонизма и фактически предложил ему сделку по продаже души в обмен на вечную молодость, он произносит эту фразу. В этом контексте “wonderful” расщепляется на два полюса: эстетический («Вы — прекрасное произведение искусства». Лорд Генри выступает в роли художника, ценителя красоты) и цинично-научный («Вы — поразительный объект для эксперимента, идеальный материал». Лорд Генри выступает в роли скульптора, который будет лепить из Дориана чудовище. Энантиосемия заключается в том, что «чудесность» Дориана для Генри заключается не в его добродетели, а в его пластичности, податливости и пустоте, которые позволяют заполнить сосуд любым ядом. Это комплимент, который одновременно является приговором.

М. Абкина в своем варианте перевода выбирает слово «дивное». Слово «дивное» в русском языке имеет исключительно эстетическую, возвышенную и даже слегка мистическую коннотацию. Оно прочно ассоциируется с красотой и гармонией [11, с. 173]. Таким образом, в переводе полностью отсекается циничный подтекст. Читатель не считывает в словах лорда Генри угрозы или намерения «экспериментировать». Пропадает пугающая двойственность: лорд Генри в переводе М. Абкиной выглядит просто эстетом, а не расчетливым манипулятором. Ироническая модальность, а именно скрытая насмешка над наивностью жертвы, исчезает, уступая место открытой лести.

Пример:

O. Wilde: “Nowadays most people die of a sort of creeping common sense…” [13]

М. Абкина: «В нынешнее время люди всему знают цену, но ничего не умеют ценить». [12]

Этот афоризм является одним из самых глубоких философских парадоксов романа. В этом примере энантиосемия носит концептуальный характер: О. Уайльд выворачивает наизнанку саму категорию «мудрости». Энантиосемия в данном случае заключается в полном отождествлении жизни и смерти: то, что должно сохранять жизнь (здравый смысл), здесь представлено как хроническая болезнь. Для О. Уайльда

«здравый смысл» — это трусость, отказ от крайностей, отказ от ошибок. А ошибки, которые осуждает благоразумие, — это и есть единственный способ почувствовать вкус жизни. Таким образом, благоразумие становится синонимом духовной смерти, а безрассудство — синонимом истинной мудрости. Здравый смысл в рассматриваемом контексте — это антитеза искусству, так как искусство иррационально. М. Абкина полностью отказывается от передачи этой сложной концептуальной игры. Переводчик выбрасывает ключевой глагол “die” (умирать) и метафору “creeping” (ползучий). Смерть как физическое следствие заменяется на абстрактное рассуждение о психологии потребления. Оригинальная энантиосемия, где благоразумие приравнивается к яду, полностью разрушена. Ироническая модальность, ужас перед торжеством посредственности, подменяется назидательной модальностью, а именно поучением о том, что нужно ценить духовное выше материального.

На основе проведенного анализа могут быть сформулированы следующие выводы:

- энантиосемия служит основным механизмом создания иронии у О. Уайльда: сталкивая противоположные значения внутри одного слова, автор деконструирует викторианскую систему ценностей;

- анализ перевода М. Абкиной показывает, что в большинстве случаев энантиосемия оригинала при переводе нейтрализуется. Это происходит из-за невозможности найти в русском языке лексические единицы с аналогичным семантическим потенциалом;

- утрата энантиосемии ведет к упрощению образов: цинизм лорда Генри воспринимается как прямолинейная проповедь гедонизма, а не как сложная интеллектуальная игра. Ироническая двусмысленность заменяется в переводе либо наивным парадоксом, либо тяжеловесной сентенцией [2, с. 102];

- для более адекватного воссоздания иронической модальности Уайльда переводчику требуется не просто подыскивать словарные эквиваленты, а выстраивать гибкую стратегию компенсации, направленную на сохранение имплицитного подтекста художественного произведения с опорой на когнитивный потенциал принимающего языка [6, с. 2485].

Список литературы

1. Плотникова С. Н., Кузнецова О. В. Лексическая энантиосемия как когнитивный триггер комического эффекта // Вестник ВолГУ. Сер. 2, Языкознание. 2022. Т. 21, № 4. С. 88.
2. Походня С. И. Языковые виды и средства реализации иронии. Киев : Наукова думка, 1989. 128 с.

3. Нефедова, Л. А. Когнитивно-прагматические аспекты перевода художественного текста : ирония, подтекст, имплицитность : монография / Л. А. Нефедова. – Москва : ФЛИНТА, 2023. – 184 с.
4. Герасева, А. Е. Иронический дискурс как проблема перевода художественного произведения (на материале переводов романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» на итальянский язык) / А. Е. Герасева // XXVII Открытая конференция студентов-филологов в СПбГУ (Санкт-Петербург, 22–26 апреля 2024 г.) : сборник тезисов. – Санкт-Петербург : СПбГУ, 2024. – С. 175.
5. Мусатова Г. А. Глаголы с уступительной семантикой // Актуальные вопросы исследования и преподавания родных языков и литератур. Чебоксары : ИД «Среда», 2020. С. 119.
6. Косинова, Е. В. Прагматический потенциал иронии Оскара Уайльда и проблемы его сохранения в русскоязычных переводах / Е. В. Косинова // филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2021. – Т. 14, № 8. – С. 2481–2486.

Список источников

7. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – Изд. 9-е, стер. – Москва : ЛЕНАНД : URSS, 2022. – 576 с.
8. Аннотации к переводам: «Портрет Дориана Грея» Оскара Уайльда // Горький : [сайт]. — 2022. — 2 сент. — URL: https://gorky.media/context/annotatsii-k-perevodam-portret-doriana-greya-oskara-uajlda (дата обращения: 27.10.2026).
9. Апенко, Е. М. Эстетизм и творчество Оскара Уайльда / Е. М. Апенко, Л. Н. Полубояринова. — Текст : непосредственный // История зарубежной литературы XIX века : учебник для вузов / Е. М. Апенко [и др.] ; под редакцией Е. М. Апенко. — 2-е издание, переработанное и дополненное. — Москва : Издательство Юрайт, 2020.
10. Большой толковый словарь русского языка / Ин-т лингвистических исследований РАН; составитель и главный редактор С. А. Кузнецов. – Новое издание, исправленное и дополненное. – Санкт-Петербург : Норинт, 2024. – С. 1181.
11. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / под ред. Л. И. Скворцова. 28-е изд., испр. М. : Мир и Образование, 2024. 1376 с.
12. Уайльд, О. Портрет Дориана Грея / Оскар Уайльд ; перевод с английского М. Абкиной. – Москва : Гослитиздат, 1960. – 286 с.
13. Wilde, O. The Picture of Dorian Gray / Oscar Wilde. – Oxford : Oxford University Press, 1989. – 234 p.
14. Wonderful // The Oxford English Dictionary : in 20 volumes / prepared by J. A. Simpson and E. S. C. Weiner. – 2nd edition. – Oxford : Clarendon Press, 1989. – Vol. XIX : Unemancipated–Wau-wau. – P. 517.

ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ. ТЕКСТОЛОГИЯ

Дата публикации 22.10.2026

УДК 82.091

Гурьянова Т.А., Петрова Е.С. Феномен автофикшн в свете когнитивных аспектов восприятия (на материале романа Ричарда Флэнагана «Первое лицо»)

Гурьянова Татьяна Александровна
канд. филол. наук, доцент, старший преподаватель кафедры английского языка в сфере философии и социальных наук факультета Иностранных Языков
Санкт-Петербургский государственный университет, РФ, г. Санкт-Петербург
tagur3@mail.ru

Петрова Елена Серафимовна
канд. филол. наук, доцент, переводчик, Изд-во «Азбука-Аттикус»
РФ, г. Санкт-Петербург
saint-petelena@mail.ru

Autofiction in Relation to the Cognitive Aspects of Perception (based on Richard Flanagan's novel "First Person")

Guryanova Tatyana Aleksandrovna
PhD (English Philology), assistant professor, senior lecturer of the Department of the English Language in the Sphere of Philosophy and Social Sciences, the Faculty of Foreign Languages, Saint Petersburg State University, Russia, St. Petersburg

Petrova Elena Serafimovna
PhD (English Philology), assistant professor, translator, Azbooka-Atticus Publishers
Russia, St. Petersburg

Аннотация. В статье рассматриваются специфические особенности феномена автофикшн на материале романа современного австралийского писателя Ричарда Флэнагана «Первое лицо» – произведения, которое переведено на многие европейские языки и привлекло внимание как читающей публики, так и отечественных, и зарубежных ученых. Авторы статьи четко разграничивают явления автобиографической и автофикциональной прозы, указывая при этом, что феномен автофикшн еще не получил однозначного литературоведческого статуса. Цель исследования – расширить теоретические представления об автофикциональной прозе за счет обращения к вербальным и невербальным параметрам художественного произведения. Авторы впервые последовательно анализируют отмеченные в изучаемом тексте людические (прежде всего игру с читателем), ономастические (в первую очередь соотнесенные с общекультурными источниками) и метаязыковые явления. Помимо этого, новизна полученных результатов обусловлена выявлением невербальных (пунктуационных и графических) параметров автофикционального текста. В качестве отличительной черты собственно текстовой основы романа Р. Флэнагана «Первое лицо» указывается наличие не одной пары «протагонист – антагонист», а двух соотнесенных пар. Актуально обращение к проблеме восприятия

инокультурного переводного текста (роман опубликован в переводе одного из авторов статьи), не снабженного примечаниями и осложненного указанными автофикциональными признаками, которые усиливают когнитивную нагрузку на инокультурного читателя-реципиента и в то же время позволяют исследователям выделить те стилистические, текстовые, собственно языковые и внеязыковые факторы, совокупность которых составляет отличительный признак конкретного произведения автофикциональной прозы.

Ключевые слова: автофикшн, Ричард Флэнаган, роман «Первое лицо», когнитивная нагрузка, вербальная и невербальная специфика автофикшна

Abstract. This article examines the specific features of the autofiction phenomenon, drawing on the novel First Person by contemporary Australian author Richard Flanagan—a work translated into many European languages that has attracted attention from both the general reading public and scholars, both in Russia and abroad. The authors clearly distinguish between autobiographical and autofictional prose, noting that the phenomenon of autofiction has yet to attain a definitive status within literary studies. The study aims to broaden theoretical understandings of autofictional prose by exploring both the verbal and non-verbal parameters of the literary work. For the first time, the authors provide a systematic analysis of the ludic elements (primarily the interplay with the reader), onomastic features (linked, in particular, to broader cultural sources), and metalinguistic phenomena present in the text. Furthermore, the study's novelty lies in its identification of non-verbal (punctuational and graphic) parameters within the autofictional text. A distinctive feature of the textual foundation of Richard Flanagan's First Person is identified as the presence of two interrelated pairs of "protagonist–antagonist" figures, rather than a single pair. The article also addresses the issue of how a translated text from another culture—in this case, a novel published in a translation by one of the authors—is perceived. The text lacks explanatory notes and is further complicated by the aforementioned autofictional markers; these increase the cognitive load on the reader from a different cultural background, while simultaneously allowing researchers to isolate the specific stylistic, textual, linguistic, and extra-linguistic factors that, in combination, define this particular work of autofictional prose.

Key words: autofiction, Richard Flanagan, the novel First Person, cognitive load, verbal and non-verbal autofiction distinguishing characteristics

Разновидность прозы, обозначаемой термином «автофикшн», в последние десятилетия неизменно привлекает внимание исследователей и читающей публики. Вопрос об отнесенности автофикшна к полноправному литературному жанру остается дискуссионным. Более того, сам термин «автофикшн», предложенный, как известно, Сержем Дубровским [1, с. 45] еще в 1977 г., не сразу был принят научным сообществом и не отражен во многих специализированных справочных изданиях [7, 8, 9], но в настоящее время достаточно прочно вошел в научный обиход и, безусловно, найдет свое место в справочной и научной литературе.

В качестве предшественников современных романов, граничащих со сферой автофикшна, может рассматриваться, в частности, классическая отечественная проза взросления, написанная от первого лица (например, трилогия «Детство. Отрочество. Юность» Л.Н. Толстого, повесть «Детство» М. Горького и др.), к которой примыкает

детская литература (например, повесть В. Инбер «Как я была маленькая») и множество других автобиографических произведений. Но вместе с тем типичный автофикшн во многом коррелирует и с крылатой фразой Н.В. Гоголя: *«…всё не то, чем кажется!»* [10, с. 239].

Вместе с тем сам феномен автофикшна в силу своей специфики требует от читателя более значительных когнитивных усилий, нежели традиционная биографическая и автобиографическая литература – прежде всего в плане развития сюжета. Значительный вклад в когнитивный анализ восприятия автофикшна внесла британская исследовательница Элисон Гиббонс. В ее работе [2, с. 471-493], посвященной когнитивной модели восприятия автофикшна, показано, что читатель автофикциональной прозы задействует одновременно две разные когнитивные схемы: установку на факт и установку на вымысел, а это в свою очередь, обусловливает «онтологический диссонанс» – такую ситуацию, при которой в процессе чтения сознание «колеблется» между доверием к реальному факту биографии и осознанием возможности художественного допущения и вымысла. Это приводит к активизации когнитивной деятельности и ментальной вовлеченности читателя.

Следует отметить, что автофикшн зарубежных авторов, с которыми отечественный читатель знакомится в оригинале или в переводе, усиливает эту когнитивную нагрузку уже вследствие связи с инокультурным предшествующим (фоновым) опытом, иной культурологической спецификой материала и наличием иных реалий, прежде всего топонимики и антропонимики. Это, безусловно, относится и к роману австралийского писателя Ричарда Флэнагана «Первое лицо», увидевшему свет в 2017 г. и опубликованному в русском переводе двумя годами позже. Из числа опубликованных на русском языке произведений Р. Флэнагана роман «Первое лицо» [11] выбран нами не случайно: он рассчитан на реципиента, интересующегося не только австралийской «экзотикой», но и процессом литературного труда, который в случае главного героя носит весьма специфический «подневольный» характер, и развитием жанра автофикшн в целом. Драматичное содержание романа «Первое лицо», отмеченное переплетением сюжетных линий, подробно изложено в статье С. Сиротина «В защиту лжи» [3] и проанализировано в работах [1, 4, 5]. Роман содержит все признаки автофикшна, отмечаемые исследователями:

1. *Повествование от первого лица;*

2. Необязательность классического сюжета и традиционной композиционной структуры; жанровая пластичность, допускающая синтез различных форм повествования;

3. Сплетение действительности и фантазии;

4. Смещение акцента на эмоциональную сферу (преимущественно отрицательные эмоции) и травматический опыт.

Нетрудно заметить, что в ходе повествования Р. Флэнаган последовательно выдерживает в этом романе все отличительные черты автофикшна, включая примеры психологии влияния, философии обмана и зла, смены масок.

Но вместе с тем в этом романе наблюдаются и особые стилистические черты, которые, насколько удалось установить, пока не становились предметом отдельного исследования.

Англоязычная литература Австралии не столь хорошо знакома широкому российскому читателю, как литературы Великобритании и США, переводческая традиция и литературоведческое изучение которых имеют в нашей стране давнюю и прочную историю. Характерно, что переводное издание автофикционального романа «Первое лицо» не снабжено переводческим комментарием, а значит, оставляет читателю когнитивный выбор: произвести (по ходу восприятия сюжета или впоследствии) самостоятельный информационный поиск инокультурных реалий, сделать попытку информационной догадки или же пренебречь компонентом текста, не нашедшим когнитивного отклика, и продолжить чтение, сосредоточив внимание на сюжете, который увлекателен сам по себе. Фабула романа сводится к тому, что начинающему писателю Кифу Келману, уроженцу Тасмании, посредник предлагает написать мемуары австралийского бизнесмена-авантюриста по имени Зигфрид Хайдль. Не находя других способов обеспечить семью, Киф соглашается на роль писателя-призрака. Работа идет с большим трудом: Хайдль, находящийся под следствием, всячески препятствует написанию книги, лжет и уходит от ответов. При этом он постепенно становится для Кифа учителем жизни. Киф невольно сращивается с Хайдлем, сам становится лжецом и меняет творческую работу писателя на доходное место в индустрии развлечений. Преуспевая финансово, он теряет семью и утрачивает положительные человеческие качества.

В этом романе автофикшн приобретает не только ставшие уже традиционными признаки, но и наделяется особыми стилистическими чертами, как будет показано ниже.

Прежде всего, Р. Флэнаган усложняет базовую модель автофикшна за счет введения «зеркальных» пар персонажей: первая пара протагонист – антагонист (реальные Ричард Флэнаган и Джон Фридрих) – дополняется второй: вымышленные Киф Келман и Зигфрид (он же Зигги) Хайдль.

Далее, здесь отчетливо прослеживается и сугубо языковой *людический*, то есть игровой компонент, отсылающий к основополагающему труду нидерландского исследователя Й. Хейзинги «Homo ludens» [6]. Характерно, что Р. Флэнаган задает людический компонент романа с самого начала: читатель вовлекается в интеллектуальную игру еще до знакомства с текстом: при восприятии неоднозначного заглавия. Действительно, устойчивое словосочетание «первое лицо» в прямом смысле обозначает грамматический модус повествования, а в переносном указывает на человека самого высокого ранга и статуса в каком-либо коллективе или социуме, но совершенно не обязательно – образцового гражданина. Оба смысла «работают» на текст произведения, что может прогнозироваться читателем с самого начала, и последовательно подтверждается при знакомстве с содержанием романа. Кроме того, термин «первое лицо» обыгрывается автором и в сугубо позитивном, глубоко личном смысле, когда речь заходит о семейных ценностях и об ожидании предстоящего пополнения в семье. «*Мы*. Это великолепное, сладостное первое лицо, множественное число» [11, с. 49]. Многослойность смыслов, значимость грамматического – и личностного – первого лица акцентирована здесь и невербальным способом – курсивом.

Обращает на себя внимание также *ономастический* компонент романа, составляющий элемент языковой игры. Характерно, что ономастический компонент столь же неоднозначен, как игровой. Об этом свидетельствует уже имя протагониста романа – Киф Келман (*англ*. Kif Kelmann). Киф -- не традиционное имя, это своего рода когнитивный вызов читателю. Истоки этого имени не лежат на поверхности. В нем можно проследить, с одной стороны, созвучие со сленговым термином “keef” или “keefer”, который отсылает к существительному со значением дурмана, вызывающего измененное сознание. Действительно, измененное сознание постепенно завладевает молодым прозаиком вследствие того, что он согласился стать «писателем-призраком» для бизнесмена-афериста, «первого лица» в глазах обывателей, и со временем перенял его сущность, отказавшись от творчества. Однако наряду с этим когнитивные операции выявляют – в духе автофикшна – и прямо противоположный смысл этого имени. Редкое имя «Киф» на арамейском языке означает «камень» или «скала», так же, как и греческое имя Петр: оно встречается в Новом Завете шесть раз и во всех случаях обозначает апостола Петра. Логично заключить, что Ричард Флэнаган, который получил степень бакалавра искусств с отличием в Университете Тасмании, а затем окончил исторический факультет в одном из колледжей Оксфорда, владел этой информацией и придал дополнительное ономастическое измерение

своему роману. В то же время подготовленный инокультурный – российский – читатель, возможно, отметит, что имя «Киф», которое в русском синодальном переводе звучит как «Кифа», значится среди имен православных святых.

Наконец, имя главного антагониста, Зигфрид («Зигги») Хайдль, отнюдь не случайно оказалось созвучным контексту Второй мировой войны. Особые качества Хайдля – «ледяная воля […], способность украсть. А то и убить» [11, с. 128-129]. По признанию Кифа, Хайдль внушал ему «самую жгучую ненависть» [11, с 45].

Вместе с тем следует отметить такую своеобразную черту авторского стиля, как *метаязыковая составляющая*, то есть рассуждения о языке и его элементах разных уровней. Устами Кифа Келмана автор делится с читателем трудностями языкового оформления художественного замысла, начиная от специфики самых простых слов, даже служебных, и заканчивая рассуждениями о выстраивании всей ткани романа – текстуальности. Например, повествователь обращает внимание на «все более и более странное словцо «*и*». Оно предполагало наличие и обязательность связи. Но у меня в голове никакой связи не возникало» [11, с. 70]. Читатель – как носитель исходного языка, так и иноязычный – отметит и такое наблюдение за формированием культурно-исторического континуума: «Слово за слово, фраза за фразой, абзац за абзацем в мир приходят любовные истории, войны, нации, а также книги» [11, с 70].

Когнитивных усилий требует от читателя и восприятие невербальных компонентов текста – прежде всего, пунктуационного оформления диалогов. Р. Флэнаган не использует традиционную пунктуацию (тире, кавычки) и не отделяет слова, вводящие прямую речь, при помощи тире и двоеточий или особых шрифтов. Нетрудно заметить, что при этом прямая речь персонажей «сплавлена» с авторской речью в единый поток коммуникации.

Например:

Понял тебя, ответил Хайдль. Это про меня.

Великий персонаж, заметил я.

Великой книги [11, с. 30]

Наконец, стихотворная цитата из Шекспира также не получает традиционного оформления: белый стих не разбивается на строки, не заключается в кавычки, но получает наглядное шрифтовое выделение курсивом, что обеспечивает ему особое выдвижение и отличает его от прямой речи персонажей:

Нет, это Яго так сказал. В «Отелло». *Но чем открыть лицо свое – скорей я галкам дам склевать свою печенку. Нет, милый мой, не то я, чем кажусь*, – процитировал я [11, с. 30].

Приведенный пример отсылает отечественного читателя-реципиента к процитированной выше цитате из «Петербургских повестей», но, для рядового носителя англйиского языка, эта когнитивная параллель скорее всего, останется незамеченной, что еще раз свидетельствует о различии восприятия автофикшна реципиентами, принадлежащими к разным культурам.

Материал проведенного исследования подтверждает, что автофикшн может отличать не только сюжетная, но и языковая, и метаязыковая специфика. Вербальные и невербальные средства, включенные в автофикциональный текст, увеличивают когнитивную нагрузку на реципиента, активизируют внимание и расширяют читательский кругозор.

Список литературы

1. Муравьева Л.Е. Критика и вымысел: опыт автофикшна (Серж Дубровски и Раймонд Федерман // Вопросы литературы, 2023. № 1, С. 41–60.
2. Gibbons, A. A Cognitive Model of Reading Autofiction // English Studies, 2022. 103(3). P. 471-493.
3. Сиротин, С. В. В защиту лжи // Урал. 2019. № 9. С. 225–228.
4. Ермолин Е. А. Автофикшн как медийная стратагема // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 2 (29). С. 71–79.
5. Белогорцев А. Д. Автофикшн, или Псевдоавтобиография: особенности жанра в современной русской литературе // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2023. № 3. С. 23–33.
6. Хёйзинга, Й. Homo ludens. Человек играющий / Й. Хёйзинга ; перевод с нидерландского В. В. Ошиса. — Москва : Азбука-Аттикус, 2019. — 416 с.

Список источников

7. Литературный энциклопедический словарь // под ред В. М. Кожевникова и П. А. Николаева, М., 1987. – 751 с.
8. Белокурова С.П. Словарь литературоведческих терминов, СПб, 2007. – 329 с.
9. Charters Glossary of Literary Terms, 1987. – 260 p.
10. Гоголь Н.В. Петербургские повести // Художественная литература, М., 1984. – 446 с.
11. Флэнаган Р. Первое лицо / Ричард Флэнаган : [пер. с англ. Е. С. Петровой]. – Москва : Эксмо, 2019. – 384 с.

Дата публикации 22.10.2026

УДК 82.091

Чернецов А.Д. Модель фантастического хронотопа

Чернецов Алексей Дмитриевич
магистр филол. наук, младший научный сотрудник отдела теории и истории литературы Института литературоведения Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы, Национальной академии наук Беларуси
Республика Беларусь, Минск
alexchernetsoff@gmail.com

A Model of the Fantastic Chronotope

Charniatsou Aliaksei Dmitrievich
MA in philology, Junior Research Fellow Department of Literary Theory and History Institute of Literary Studies the Center of Belarusian culture, language, and literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus

Аннотация. Статья посвящена тому, как устроен фантастический хронотоп и чем отличается от реалистического. В фантастике пространство и время участвуют в создании художественного мира, который возникает вокруг фантастического допущения и под его воздействием меняет свои границы и внутреннюю логику. В статье предлагается многоуровневая модель такого хронотопа. В пространственном плане рассматриваются экстрапространство, внешнее пространство мира и внутреннее пространство человека; во временном – экстратекстовый, внутренний и внешний уровни. Такая модель помогает точнее описывать фантастический мир и работать с конкретными произведениями.

Ключевые слова: хронотоп, фантастический хронотоп, фантастика, время, пространство

Abstract. This article examines the structure of the fantastic chronotope and how it differs from the realistic one. In fantastic fiction, space and time play a role in shaping the fictional world – a world that emerges around a fantastic premise and, under its influence, alters its boundaries and internal logic. The article proposes a multi-level model of such a chronotope. Regarding the spatial dimension, it considers extra-space, the world's external space, and the individual's internal space; regarding the temporal dimension, it addresses extra-textual, internal, and external levels. This model facilitates a more precise description of the fantastic world and aids in the analysis of specific literary works.

Keywords: chronotope, fantastic chronotope, science fiction, time, space

Внедрение в художественный текст иных миров или видоизменение привычного мира, подключение других времен или добавление новых связей между ними – это прерогатива фантастической литературы. Фантастике свойственно расширение границ возможного внутри текста. Достигается это тем, что авторы снижают степень правдоподобия в рамках художественного мира, ориентируясь на допущение о том, что возможно *нечто сверхъестественное*. Причин тому

множество, от адаптивного эскапизма до практически научного стремления смоделировать обостренную до предела ситуацию. В такой ситуации существующее явление или закономерность переносятся в иные условия, где автор может проследить, как поведут себя люди в новом мире, ином обществе или при иных законах. Как справедливо отмечает фантастовед Д. Сувин, фантастическая литература функционирует в качестве механизма «*когнитивного остранения*» [1], когда читателю дают возможность увидеть привычное под другим углом.

В описанных случаях речь идет про особый тип хронотопа – *фантастический*. Распространен он достаточно широко – во всем спектре жанров фантастики: в научной фантастике, фэнтези, мистике/ужасах и в пограничных зонах. При этом его не стоит расширять до всех произведений, где есть фантастические, то есть сверхъестественные элементы. Вслед за Е. Н. Ковтун мы выделяем два понимания фантастического. В первом, широком понимании, оно «*выступает в художественном произведении как способ изображения, основанный на одной из разновидностей "явного" вымысла*» [2, с. 23]. Во втором, более узком, но распространенном сейчас, фантастическое «*выступает как особая область художественной словесности, прежде всего современной*» [2, с. 24]. Целесообразным представляется по отношению к первому пониманию использовать непосредственно термин «фантастическое», а ко второму, как к области литературы – уже устоявшиеся в быту названия *фантастика* и *фантастическая литература*. Такое разделение вызвано существующей проблемой, которую, как указывает С. Б. Алиев, «*можно обозначить как проблему неконтролируемого расширения границ фантастики*» [3, с. 286]. Её суть в том, что традиционное синонимичное понимание фантастического и фантастики, восходящее к античности, побуждает включать в область фантастики все тексты, где используется сверхъестественное, а это слишком объёмный пласт. Фантастическое может встречаться в литературном мифе и литературном фольклоре, религиозной словесности, визионерских текстах, сатире, утопии, готике, романтизме, гротеске, фантасмагории, магическом реализме, постмодернизме и не только. Разграничение терминов позволяет решить эту проблему. Фантастическое не всегда образует фантастику, но фантастика всегда основана на фантастическом. В этой области литературы оно становится ключевым приемом, вокруг которого организуется произведение. Далее мы рассматриваем особенности единого времени и пространства именно в фантастике, не касаясь всего фантастического.

Фантастический хронотоп не то чтобы строится по каким-то новым правилам, но снимает ограничения, заложенные классической традицией, и расширяет поле для экспериментов с пространством и временем. Такой хронотоп давно стал одной из ключевых, наиболее узнаваемых черт фантастической литературы. Яркие и необычные миры привлекают внимание своей эстетикой, входят в массовую культуру и закрепляются в ней, как самобытное Средиземье Дж. Р. Р. Толкина, космическая «Далёкая галактика» Дж. Лукаса, магическая Великобритания Дж. К. Роулинг. Чем более живым и детальным получается художественный мир, тем больше эмоциональная вовлеченность читателя в суть произведения.

Поэтому и важно научное обращение к фантастическому хронотопу. Одновременно затрагиваются сразу несколько областей:

- непосредственно сам хронотоп фантастики, его роль в организации фантастического текста;

- устройство хронотопа в принципе – то есть развивается фундаментальная теория;

- связь хронотопа и иных категорий: жанра, композиции, сюжета, рецепции текста (как существенные изменения пространства и времени влияют на читательское восприятие).

Классическая теория представляет хронотоп как нечто достаточно абстрактное, *не вполне поддающееся систематизации и внутреннему членению*. Фундамент теории заложил ещё М. М. Бахтин в работе «**Формы времени и хронотопа в романе**» [4]. Тем самым он внес большой вклад в литературоведение, да и в целом в гуманитаристику, но при этом не стремился создать механизм хронотопического анализа, то есть системно определить критерии выделения пространства и времени, их границы и механизмы действия в произведении. У Бахтина хронотопами становятся явления разного масштаба и типа, например, образы и мотивы («*дорога*», «*порог*», «*встреча*»), отдельные места действия («замок», «салон»), жанровые и художественные модели («авантюрный хронотоп», «раблезианский хронотоп»). Этот ряд не исчерпывающий, поскольку «*любой образ существенно хронотопичен*» [4, с. 360]. Так что в тексте работы встречается ещё несколько десятков подобных примеров. В этом и кроется главная проблема: если хронотопом можно назвать практически любой образ, мотив и модель, если они не имеют иерархии и структуры, то *теряется аналитическая точность понятия, а собственно пространство и время отходят на второй план*. Подробнее вопрос рассматривается в статье «**Хронотоп М. М. Бахтина: актуализация и реструктуризация**» [5].

После Бахтина в XX веке не сложилось столь же фундаментальной разработки хронотопа как цельной категории, «*устойчивой взаимосвязи пространственных и временных отношений, художественно освоенных литературой*» [4, с. 286]. Исследователи развивали частные аспекты. Д. С. Лихачев в «**Поэтике древнерусской литературы**» [6] анализировал время – в первую очередь в древнерусской словесности, но с высокой степенью обобщения, и некоторые его выводы легко перенести на литературу в целом. Ю. М. Лотман в «**Структуре художественного текста**» [7] исследовал художественное пространство в русле структурно-семиотического подхода, через систему оппозиций – «своё/чужое», «внутреннее/внешнее», «центр/периферия». Далее тенденция продолжалась – отдельно исследовались пространство (В. Н. Топоров, С. Ю. Неклюдов), время (З. Я. Тураева), точка зрения (Б. А. Успенский), пространственно-временной континуум (И. Р. Гальперин, М. А. Сапаров) и другие аспекты организации художественного текста. Одну из наиболее последовательных попыток систематизировать разрозненные исследования хронотопа представляет монография «**Категории хронотопа и темпорального ритма в литературе**» А. Б. Темирболат (2009) [8]. Но и эта работа не ставит целью создать универсальную методику анализа. Следовательно, есть некоторое несоответствие: понятие широко используется, а модель его анализа до сих пор не сформирована.

Параллельно развивается изучение фантастического хронотопа – вместе с увеличением популярности фантастики. С начала XXI века возникает ряд исследований, для которых характерны две тенденции:

- это или локальные обращения к хронотопам конкретных произведений – от ранних в жанровом смысле текстов Г. Майринка, Г. Ф. Лавкрафта, А. Р. Беляева и Дж. Р. Р. Толкина до текстов современных авторов, например, Дж. К. Роулинг или Н. Геймана;

- или обобщающие работы, которые описывают типы фантастических миров, но недостаточно системно: критерии выделения могут быть размыты, могут не охватывать всю фантастику.

В большинстве случаев речь идёт о небольших статьях, опубликованных в сборниках, а комплексных и фундаментальных исследований до сих пор не появилось. Из всего перечня наиболее убедительными в плане общей теории представляются два исследования.

1. В 2008 году О. А. Чигиринская выступает с докладом «Фантастика: выбор жанра, выбор хронотопа», позже изданным в виде статьи **«Проблема жанра**

относительно фантастики» [17]. В нем она рассматривает фантастический жанр через особенности хронотопической организации и выделяет три типа:

- *утопию* как изображение несуществующего пространства;

- *ухронию* как перенос действия в нереальное время;

- *ускэвию* как появление нереального элемента в подчеркнуто реальном мире.

Суть модели и её преимущество – в акценте на ключевом для фантастики элементе: отношении реалистического и фантастического, на том, что именно отличает мир фантастики от эмпирического мира. Однако на практике применение типологии ограничено, потому что выбранные типы широки и не разграничивают большой массив текстов. Невозможное пространство может существовать:

- в несхожих между собой *фэнтези* и *научной фантастике* – фэнтезийная Нарния в «Хрониках Нарнии» К. С. Льюиса [18] и научно-фантастический Солярис в одноименном романе С. Лема [19]. Устроены они очевидно по-разному: в первом случае это параллельный мир со средневековой эстетикой, во втором – другая планета, покрытая мыслящим океаном;

- в ином времени – в «Машине времени» Г. Уэллса [20] описываются нереальные мир Элоев на поверхности и подземный мир Морлоков на Земле будущего;

- быть тем элементом, что добавляется в «подчеркнутую реальность» – подземный мир в «Плутонии» В. Н. Обручева [21].

Невозможное время может возникать:

- при путешествиях во времени – например, в «Стальной крысе» Г. Гаррисона;

- при переносе действия в фантастическое пространство: события «Властелина колец» Дж. Р. Р. Толкина [22] – это прошлое, которого не было в нашем мире, но было в фантастическом мире Арды (этот мир Толкин в своих письмах описывает как мифическое прошлое Земли, но нигде в самом тексте произведения на это не указывает).

В итоге такая классификация не всегда охватывает все разнообразие текстов – и даже целых жанров. При этом включает в фантастику несвойственные ей жанры вроде ранней утопии, которая скорее выступает предтечей, чем актуальной её составляющей.

2. В работе 2019 года «**Пространственно-временные модели фэнтези**» О. С. Наумчик [9] выделяются основные типы организации фэнтезийного мира, а в основании типологии лежит количество пространственных центров. Среди моделей:

- мир с одним самодостаточным пространственно-временным центром;

- два противопоставленных мира;

- переходная модель с двумя перетекающими друг в друга системами пространственно-временных координат;

- пространственная множественность миров;

- множественность миров, связанная с путешествиями во времени.

На уровне общего устройства мира концепция действительно разграничивает ряд фэнтезийных миров, и на этом уровне её можно распространить на другие жанры фантастики – научную фантастику, мистику/ужасы. Но при углублении в классификацию возникает несколько нюансов.

Во-первых, автор осознанно не обращается ко всему объёму хронотопа и к самому термину, «*потому что для решения поставленной задачи потребуется ориентироваться прежде всего на пространственные модели с разным количеством сюжетно-композиционных центров*» [9, с. 357], следовательно, временной уровень затрагивается в меньшей степени, только в пункте, связанном с путешествиями во времени.

Во-вторых, концепция оставляет в стороне тот важнейший элемент, на который ориентируется О. А. Чигиринская – отличия фантастического хронотопа от реального мира (в первом пункте типологии упоминается только автономный от эмпирического мир); кроме того, она не касается устройства хронотопа *внутри* этих миров. Хронотоп – это система систем, потому что состоит из пространства и времени, тоже составных. Следовательно, важно изучать его на всех уровнях.

В-третьих, при удачном критерии выделения внутри типологии есть ряд вопросов. Первый тип определяется как «*мир с одним пространственно-временным центром, который осмысляется как самодостаточная вселенная, не зависящая от нашей реальности*» [9, с. 361]. Однако есть расхождение с примерами. Так, мир «Сильмариллиона» Дж. Р. Р. Толкина [23] нельзя назвать однозначно цельным пространственно-временным центром: в нем есть Валинор – место, вынесенное из Арды, в котором обитают высшие сущности – и Чертоги Мандоса как загробный мир; есть Чертоги Безвременья и Внешняя Тьма – трансцедентные области вне доступного для понимания мира; есть искаженная восприятием версия Арды, которую видят назгулы, Саурон и владелец Кольца Всевластия: «*ты сам наполовину оказался в мире призраков, и Всадникам ничего не стоило тебя схватить, потому что в том мире ты видел их, а они – тебя*» – говорит Гэндальф Фродо в «Содружестве Кольца» [23, с. 185]. Переходная модель раскрыта не до конца – возникает вопрос к статусу и отношениям этих систем. На практике чаще всего в таких случаях одна система

доминирует над другими. Например, в цикле о Гарри Поттере Дж. К. Роулинг [24–31], на который здесь ссылается автор, магическая реальность зависима от реальности обыденной, вклинивается в него анклавами. Их количество невелико и чаще всего их границы диффузны. В другом её примере – в романе «Никогде» Н. Геймана [32] – реальность Нижнего Лондона скорее производная от реальности Верхнего Лондона, и она не выглядит цельной – это распределенные по реальности Верхнего Лондона локации, куда могут попасть только существа с правом доступа. То есть в этом определении стоит делать акцент на неравных ролях пространственно-временных систем, иначе неясна граница между третьим и вторым пунктом классификации (двумя противопоставленными мирами). Пятый элемент типологии – множественность миров в хронофантастике – несколько выпадает из общей концепции, в которой анализируется «*пространственные модели с разным количеством сюжетно-композиционных центров*», а не тип связи между ними. К тому же перемещения во времени связывают не то чтобы новые миры, а скорее показывают разные состояния одного и того же локуса.

Следовательно, обе концепции важны как для изучения фантастического хронотопа, так и для фантастоведения в целом, но охватывают проблему на отдельных уровнях и не до конца корректно разграничивают типы. Их синтез без существенной переработки концепций представляется невозможным, потому что в текущем виде нет критерия, который позволил бы гармонично объединить обе классификации.

Проведенный экскурс в историю изучения хронотопа как в общем виде, так и в его фантастическом варианте, приводит к двум выводам:

- есть необходимость в создании модели хронотопического анализа, потому что существующие исследования трактуют хронотоп как категорию скорее абстрактную и философскую, чем аналитическую;

- есть необходимость в создании теоретической модели фантастического хронотопа для более последовательного и системного его исследования.

Решение первого вопроса в полном объёме представляется слишком глобальной задачей, ведь для подобной модели ещё нет разработанной исследовательской базы. Но такая база может быть разработана на материале фантастического хронотопа – явления, в котором особенности функционирования пространства и времени в художественном тексте проявляются наиболее отчетливым образом. Следовательно, **целью статьи** становится формирование модели, позволяющей описать специфику фантастического хронотопа на основании единого критерия, объединяющего все уровни пространства и времени в фантастике.

Поиск подобного критерия представляется довольно затруднительным, ведь он связан с другой не до конца решенной проблемой – определением фантастики как области литературы. В работе «**От вопросов фантастической поэтики к системной модели фантастической литературы**» [10] мы отмечали, что эволюция представлений о фантастике проходила осложнено и прерывисто. Но её можно разделить на три направления/этапа:

- понимание фантастики как функции текста – для чего автор пишет произведение: для моделирования реальности, прогнозирования, этико-философского анализа (Е. П. Брандис [11], А. Ф. Бритиков [12]);

- акцент на восприятие фантастики – колебание между реальностью и сверхъестественным у Цв. Тодорова [13], возникновение фантастики «*когда рядом с верой встаёт неверие*» [14, с. 48] у Ю. И. Кагарлицкого, отчасти у его последовательницы Т. А. Чернышевой [15];

- поэтологический подход, ориентированный на выявление того элемента, который отличает фантастику от других типов литературы: «новум» у Д. Сувина [1], фантастическая посылка у Е. Н. Ковтун [2].

Функция текста, вопросы рецепции сами по себе не решают вопрос определения фантастики, так как скорее описывают работу фантастической литературы, её бытование, чем суть. Куда ближе к решению оказывается поэтологический подход – идея объединить фантастику вокруг внутреннего стержня, природы фантастического. Но и здесь есть нюансы. Новум Сувина выступает практически аналогом вторичной условности, ср.:

- «*новум – это всеохватывающее явление или отношение, отклоняющееся от нормы реальности, принятой автором и подразумеваемым читателем» [1, с. 64];*

- *«вторичная условность художественная – это демонстративное нарушение художником правдоподобия в изображении предметов или явлений, сознательное обращение к фантастике <…>»* [16, с. 245].

В обоих случаях речь идёт об одном: об отклонении от правдоподобия, от нормы реальности. Определение Сувина не становится специфичным для фантастики, потому что подразумевает ту же широкую область литературы, что и вторичная условность, и фантастическое как прием. К тому же автор настаивает на использовании «новума» только применительно к научной фантастике. Следовательно, нужно такое определение, которое было бы применимо исключительно к фантастике как области литературы (включая НФ, фэнтези и

мистику/ужасы и пограничные зоны между ними) и ни к каким другим литературным областям.

Е. Н. Ковтун же не ставила перед собой задачу дать определение фантастике, потому что занималась более широким вопросом – типами повествования о необычайном, то есть исследовала ряд ключевых воплощений вторичной условности, включая и два вида фантастической условности: рациональную фантастику (свойственную НФ и смежным жанрам) и fantasy (свойственную, разумеется, фэнтези). Тем не менее, она неоднократно употребляет сочетания «фантастическая посылка», «f-посылка» или «посылка в fantasy», «фантастическое допущение», просто не ставит их строго в центр концепции и не дает им однозначного определения.

Отметим, что Д. Сувин не единственный определял фантастическую литературу через её центральный элемент. Так, Р. Кайуа описывал фантастику как «*нарушение общепринятого порядка, вторжение в рамки повседневного бытия чего-то недопустимого, противоречащего его незыблемым законам*» [33, с. 110–111]. Похожая мысль прослеживается и у русскоязычных авторов. А. и Б. Стругацкие писали: «*Фантастика есть отрасль литературы, подчиняющаяся всем общелитературным законам и требованиям, рассматривающая общие литературные проблемы (типа: человек и мир, человек и общество и т.д.), но характеризующаяся специфическим литературным приемом – введением элемента необычайного*» [34]. Наиболее емко, пусть и афористично, эту мысль выразили Г. Л. Олди: «*фантастика – это литература плюс фантастическое допущение*» [35].

Термин «**фантастическое допущение**» был впервые использован, предположительно, Ю. Ю. Зубакиным в методическом пособии «**Применение фантастических допущений в курсе развития творческого воображения**» (1992). Однако в широкий обиход понятие вошло, вероятно, после использования Олди. При этом строго научного, и, главное, релевантного определения у фантастического допущения нет. Дело в том, что внутри этого определения должны быть обозначены параметры, которые позволяют отграничить фантастическое от множества других допущений. И собрать их в цельную формулировку означает сочетать ряд разнородных и сложносочетаемых понятий.

В рамках вышеупомянутой статьи мы предприняли подобную попытку: «*фантастическое допущение – это системное отступление от законов эмпирической реальности, которое утверждается в художественном мире как*

действительное, предполагает преимущественно автологическое восприятие, перестраивает границы возможного и становится поэтико-эстетической доминантой текста» [10, с. 199].

Нет необходимости раскрывать все элементы определения, которые призваны разграничивать фантастическое допущение от других типов условности, сделаем акцент только на последнем. Поэтико-эстетическая доминанта в данном случае коррелирует с «всеохватывающим» в определении новума Д. Сувина, но конкретизирует его. Речь о том, что допущение становится ключевым звеном поэтики и эстетики произведения, подчиняет себе другие звенья. Следовательно, оно становится структурообразующим и для хронотопа как одной из ведущих категорий поэтики. Мысль подкрепляется утверждением Сувина: «*еще одним следствием введения "новума" (нового элемента) для повествования является то, что он формирует научно-фантастический "хронотоп"*» [1, с. 78].

Следовательно, опираясь на это определение и определение хронотопа М. М. Бахтина, мы можем трактовать фантастический хронотоп **как такую взаимосвязь пространственных и временных отношений, в которой ведущим критерием становится фантастическое допущение**.

Именно фантастическое допущение определяет:

- чем отличается пространство фантастики от реального пространства, как оно устроено на уровне модели мира и внутри этого мира;

- чем отличается время фантастики от реального времени, как оно устроено внутри мира и как нарушается его стандартное течение.

Далее раскроем каждый элемент этой модели по отдельности. Ведь в произведении хронотоп не даётся сразу в готовом виде, а выстраивается последовательно: сначала читатель видит одну локацию, потом персонаж или повествователь переходит в другую, третья включает предыдущие две – так складывается их пространственная система. События происходят одно за другим, раньше или позже, одно длится дольше, другое длится меньше – формируется временной ряд. У каждого элемента подобных цепочек своё устройство и свои границы, но у всех них есть общие закономерности, которые можно и нужно изучать. При этом хронотоп – это система систем, которая работает на разных уровнях произведения. Охватить их все сразу невозможно, поэтому анализировать такую структуру необходимо пошагово – от отдельных элементов к общему устройству.

1. **Пространство.** Построение фантастического мира опирается на три ключевых уровня пространственной организации. На первом уровне автор неизбежно

отталкивается от собственной реальности, изменяя её при помощи фантастического допущения:

- передает реальное пространство целиком, но включает в него нереальные объекты или события (мыслящий андроид, глобальная катастрофа),

- изменяет реальное пространство, включая в него фантастические локации (переносит действие в космос, в аномалии и т.д.);

- создает принципиально иной мир.

На втором уровне он выстраивает внутреннюю структуру пространства художественного мира, при всей фантастичности обеспечивая его связность и внутреннюю логику. На третьем уровне автор передает внутреннее пространство персонажей: как они воспринимают фантастическое окружение и как фантастическое проявляется внутри них самих. Уровни этой системы не всегда выстраиваются в строгую иерархию, скорее взаимодействуют и дополняют друг друга.

Первый уровень пространственной организации – экстрапространство (от лат. *extra – вне, снаружи)* – связан с тем, как пространство художественного мира соотносится с пространством реальности. Точнее – не с пространством реальности как таковой, а с представлением о нем, которое разделяют автор и предполагаемый им читатель. Это представление зависит от того, какой образ реальности свойственен эпохе и как он отражается в сознании автора: что тот знает, во что верит и как ошибается. Так, при создании произведения автор может опираться на достоверные для своего времени знания, а позже наука их опровергает (как каналы на Марсе, использованные Г. Уэллсом для «Войны миров», позже признанные оптической иллюзией); или, наоборот, то, что в момент создания текста выглядит нереальным, позднее становится привычным – как многофункциональные подводные лодки у Ж. Верна. Произведение при этом сохраняет статус фантастического. Итак, на этом уровне выделяются три основные пространственные формы: *автономная*, *вариантная* и *скрытая*.

Автономная форма – это мир, который существует сам по себе, отдельно от мира автора. Подобная форма выделяется не впервые – о схожем явлении говорит О. А. Чигиринская в пункте про утопию, а О. С Наумчик – в пункте про один пространственно-временной центр. У этого мира есть своя география, уникальная история и собственные правила, связанные, но не сводимые к нашему миру. То есть фантастическое здесь – изначальная норма мира, более или менее привычная его жителям. Наиболее распространена автономная форма в «высоком» фэнтези, например, Средиземье Дж. Р. Р. Толкина и Земноморье У. Л. Гуин, но подходит и для

научной фантастики, в которой описывается максимально отдаленное пространство, как в «Дюне» Ф. Герберта. Такое миропостроение (worldbuilding в англоязычной традиции, например, у Р. А. Лупоффа, «sub-creation» в терминологии Дж. Р. Р. Толкина [36]) позволяет создавать условия жизни, в корне отличающиеся от привычных – но в конечном итоге опирающихся на мифологические, магические, социальные или научные представления. И в эти условия помещаются носители различных типов сознания и культуры: от архаичного до современного (ср.: типичный для эпики Арагорн или более сложный, тонко чувствующий Фродо во «Властелине Колец»). Они по-разному воспринимают и по-разному преодолевают возникающие препятствия, что порождает различные сюжетные и жанровые формы.

Вариантная форма – это мир, похожий на реальный. Внутри него раскрываются знакомая читателю география, близкая история стран и человечества в целом, но меняются отдельные элементы: в определенный момент иначе идут события, по-другому устроено общество, по-другому действуют законы. Соответственно, в данном случае фантастическое допущение меняет мир привычный, дополняет его. Так, в «Человеке в высоком замке» Ф. К. Дика победа стран Оси во Второй мировой войне искажает всю историю человечества, в «Мы» Е. И. Замятина создается другое общество, а в «Войне миров» Г. Уэллса обычная жизнь разрушается вторжением инопланетян. Вариантная форма позволяет развивать тенденции:

- уже существующие в реальности – например, развитие науки закономерно ведет к появлению полноценного искусственного интеллекта, а дальше автор рассматривает варианты сосуществования ИИ и общества;

- существовавшие ранее – что если бы Мерлин действительно существовал и обладал бы пророческими способностями, как у М. Стюарт в «Саге о короле Артуре» [37];

- не существующие в реальности, но прогнозируемые наукой или культурой – например, существование инопланетных цивилизаций и контакт с ними;

а далее предполагать, как в этих тенденциях будут действовать люди.

Скрытая форма – мир, где фантастическое спрятано внутри обычного. Оно существует рядом, но остается неизвестным для большинства, проявляясь лишь иногда или открываясь только избранным. Примеры – циклы о Гарри Поттере Дж. К. Роулинг и «Дозоры» С. Лукьяненко. Здесь магические локации скрыты от обычных людей при помощи магии – либо вынесены за пределы обычного мира, либо замаскированы внутри него. Использование этой формы даёт возможность создавать гибридные сюжетные и жанровые модели: как в реальных условиях будут действовать

носители отличного от нашего сознания (например, вампир в современном городе), как реальные люди будут жить в иных условиях (современный школьник в средневековом магическом замке).

Различая эти формы, исследователь может делать ряд выводов. Выделить модель, которую использует автор, определить, как он видит свою реальность и что из неё переносит в реальность художественную. Проследить, как автор использует стандартный для жанра тип пространства и что вносит нового: на основании чего создан мир, какой тип сознания помещен в это пространство, какие препятствия в нем использованы и как они связаны с реальным миром.

Второй уровень касается непосредственно пространства художественного мира. Условно мы назовем его **внешним пространством –** в противовес третьему пункту, обозначающему внутреннее пространство. Здесь происходит основное действие произведения, перемещения героев и рассказчика. На этом уровне реализуется та самая специфика фантастики: чем более проработанный и живой мир создает автор, тем сильнее эффект вовлечения и погружения в этот мир.

Устройство этого уровня определяет система **локусов**. С. Ю. Неклюдов, а за ним и Ю. М. Лотман, трактуют локус как твёрдую приуроченность определённых ситуаций и событий к определённому месту [7, с. 300]. В контексте исследования речь шла в первую очередь о былинах, которые устроены достаточно схематично. В них действительно одному месту может соответствовать ограниченный набор событий. Говоря о литературе, тем более о литературе современной, к которой можно причислить фантастику, стоит признать, что каждому месту здесь может соответствовать если не неограниченный, то, как минимум, широкий ряд событий. Поэтому применительно к фантастике локус стоит понимать в первую очередь как *цельную и однозначно локализованную пространственную единицу (комната, дом, город, лес, страна, океан), в которой происходит действие,* не увязывая её напрямую с конкретными событиями.

По масштабу локусы оптимально различать на три уровня (ориентируясь, но не придерживаясь строго, на уровни бытия человека в философии):

- микролокусы (комната, салон авто, лужа, палатка);
- мезолокусы (дом, корабль, поляна),
- макролокусы (город, страна, океан, планета).

В зависимости от масштаба локусов выделяются два основных проявления внешнего пространства – большее масштабная *модель мира* и более детальная *модель локусов*.

Пространственная модель мира играет ключевую роль, поскольку определяет общую структуру мира – то, как соотносятся самые крупные его части, то есть макролокусы. Этот подход отчасти пересекается с типологией О. С. Наумчик, только у нее речь идет о пространственно-временных центрах, а здесь – о крупных пространственных единицах, выделяемых по конкретным параметрам, после чего учитываются их число и характер связей между ними. По этому признаку выделим три модели: *единую*, *дуальную* и *множественную*.

Единая модель строится вокруг одного макролокуса, в пределах которого происходит основное действие произведения, без перемещения в иные макролокусы. В каком-то смысле пространственное единство связано с единством мысли, которую выражает произведение – здесь, как правило, одна ведущая тема, единая линия сюжета и один ключевой конфликт. Сам макролокус при этом вовсе не монолитен, внутри него могут быть зоны с особым статусом. Отсюда и два варианта единой модели – *однородный* и *анклавный*.

В *однородном* варианте макролокус устроен по принципу целого, которое отражается в каждой своей микроскопической части. Он может быть составным, то есть дробиться на более мелкие элементы, условно: макролокус города – в городе есть дом – в доме есть комната. Но различия между частями макролокуса не настолько велики, чтобы разрушать его целостность, это все еще единое пространство. Таков мир романа «1984» Дж. Оруэлла [38], все действие которого происходит в Лондоне, от министерств до комнаты 101 – это один макролокус со своими законами. Здесь упоминаются и другие макролокусы, более крупные: Океания как страна, в которой находится Лондон, Евразия и Остазия как противники Океании – но полноценного перехода в них не происходит, как и не происходит перехода в Лондон извне. Следовательно, это замкнутое пространство без выхода, что усугубляет ощущение безысходности, пронизывающее роман.

В *анклавном* варианте внутри общего мира возникают зоны, отделенные от окружающего пространства и действующие по другим законам. Но они остаются в пределах того же макролокуса и не образуют иного мира. По этому принципу построена Зона в «Пикнике на обочине» А. и Б. Стругацких [39]. Зона представляет собой огороженный от мира забором и военными аномальный участок, внутри которого существуют свои законы и объекты, но который все же – здесь, на Земле, рядом с обычным городом. Возникновение подобной аномалии неизбежно вызывает реакцию властей и населения:

- власти изучают и охраняют Зону как от вторжений изнутри, так и извне, пытаются извлечь из неё выгоду;

- население или дистанцируется, или тоже пользуется возможностями Зоны – вопреки действиям властей; из последней группы происходит и главный герой повести.

Следовательно, конфликт пространств вызывает конфликт внутри общества, точнее, подчеркивает и так существующее расслоение.

Дуальная модель – это два макролокуса, соотнесенные между собой, но разделенные границей (физической или метафизической). Разделение это, соответственно, делит и весь мир как минимум на две системы ценностей, две точки зрения, а сюжет связан с возможностью перехода между макролокусами и формами их взаимодействия. У модели можно выделить два варианта: *контрастный* и *автономный*.

В первом случае два макролокуса-мира противопоставлены друг другу по своим ценностям и логике: свое-чужое, добро-зло – и один из них часто выглядит более предпочтительным. Пространство «Властелина колец» в общем виде можно разделить на два противопоставленных, сложно устроенных макролокуса – Добро (Шир, Ривенделл, Лотлориэн, Рохан, Гондор) и Зло (Мордор, Изенгард, Дул-Гулдур, Ангмар). Углубляясь в историю мира, эти локусы можно расширять множеством единиц, например, Валинор – Утомно/Ангбанд (крепости Моргота). Такое разделение отражает борьбу двух высших систем ценностей, продолжающуюся практически от начала времен и во многом соотносимую с христианской картиной мира. Эру Илуватор воплощает созидательное начало, Моргот – хаотичное, искаженное, паразитирующее творение. Противопоставление настолько глобально, что пронизывает буквально каждый элемент: формирует историю мира, географию, причины основных конфликтов. Испытания Фродо, Сэма, Арагорна и других героев, вся Война Кольца – это только малая часть глобальной борьбы.

Во втором случае миры существуют скорее независимо друг от друга, и перемещение между ними становится точкой, после которой жизнь героя кардинально меняется. Ему приходится осваиваться в новом макролокусе, принимать свой новый статус, его недостатки и преимущества. Подобная форма способствовала возникновению популярного поджанра фантастки – литературы о «попаданцах». Однако один из первых примеров появился значительно раньше. Речь про «Хроники Нарнии» К. С. Льюиса: обычный мир и Нарния не зависят друг от друга напрямую, но связаны системой переходов. Переходы происходят при помощи разных элементов –

платяного шкафа, волшебных колец Дигори, магии Аслана и т.д. Герои перемещаются в Нарнию в основном в тот момент, когда ей угрожает опасность, и возвращаются, когда опасность устранена. Уточним, что пространство цикла в целом устроено сложнее, и постепенно раскрывается как множественная модель, но основные книги цикла («Лев, колдунья и платяной шкаф», «Принц Каспиан», «Покоритель Зари, или Плавание на край света») описывают именно дуальное соотношение. Его можно описать как соотношение между обычным миром и как бы «истинной реальностью» – миром, в котором работают законы справедливости, христианские ценности и побеждает добро.

Множественная модель строится на сосуществовании ряда макролокусов-миров, связанных переходами, отношениями иерархии, конкуренции или просто сосуществования. Такая пространственная организация приводит к усложнению самого произведения: конфликтов становится больше, появляются разные точки зрения, сюжет развивается сразу в нескольких направлениях. Поэтому множественная модель особенно естественна для крупных литературных форм – романа, цикла, эпопеи. Здесь тоже возможны два варианта – *контрастный* и *автономный*.

В *контрастном* варианте множественные миры противопоставлены на основании единого критерия: они соотносятся как высшее и низшее, порядок и хаос, центр и периферия. Так устроены, например, «Хроники Амбера» Р. Желязны [40], где мультивселенная разделена на два полюса: миры Порядка (Амбер) и миры Хаоса (Дворы Хаоса) – между которыми существует множество миров-Теней. Перемещаться по ним могут, например, члены королевской семьи Амбера, усилием воли трансформируя пространство вокруг себя. В основание этого сложного мироустройства положена концепция бесконечного множества вариантов каждого события. Только герой с сильной волей способен найти путь через это множество и добиваться поставленных целей. Следовательно, при помощи пространственного устройства автор описывает само человеческое существование, постоянный моральный и бытовой выбор, способность к этим выборам.

В *автономном* варианте, самой сложной из моделей, каждый мир существует практически самостоятельно, а целостность создается переходами между ними и фигурой героя, который связывает эти пространства. В качестве примера – цикл С. Кинга «Темная башня» [41], где главной межмировой осью становится как раз Темная башня, которая находится в каждом из бесчисленных миров. Без неё мироздание схлопнется, превратится в хаос (Тодес). Чтобы этого не случилось, Башню

поддерживают шесть глобальных Лучей – и в проекции вселенную Темной Башни можно представить как глобальное колесо, что представляет собой отсылку на Колесо Сансары. Главный герой – Роланд Дискейн – находится в постоянном поиске Темной башни, чтобы найти вответы на вопросы и защитить своё мироздание. Но, войдя в Башню, Роланд попадает обратно на начало пути, то есть проходит круг Сансары, потому что его предназначение не в том, чтобы найти ответы, а в том, чтобы их искать, при этом ценить своих товарищей (ка-тет), которых он до этого ставит ниже своей цели. В итоге через пространственное устройство Кинг показывает постоянный поиск самого себя и смысла жизни.

Выбор пространственной модели мира, модели макролокусного устройства влияет на ключевые элементы произведения:

- конфликт и сюжет – из вышеупомянутых примеров: насилие над личностью, попытки выбраться в месте без выхода у Оруэлла, социальное неравенство у Стругацких, выбор между личной и высшей целью у Кинга;

- систему ценностей – добро и христианские ценности против очевидного зла у Толкина и Льюиса, воля и способность выбора у Желязны;

- жанр – «высокое» фэнтези у Толкина, «попаданцы» у Льюиса, антиутопия у Оруэлла,

и многие другие элементы.

В **пространственной модели локусов** организация выделяется уже внутри пространственных единиц, и связана с конкретными местами действия, то есть местами концентрации сюжета. Здесь напрямую раскрывается воздействие фантастического допущения на пространство произведения. Касается это в первую очередь микролокусов и мезолокусов, хотя иногда включает и макролокусы. *Микролокусы* – это определенные точки, сцены, где фантастическое проявляется максимально близко к позиции рассказчика: комната, в которой колдует волшебник, лаборатория, где происходит эксперимент, портал в иную реальность. *Мезолокусы* – это комплексные локации, собранные из нескольких связанных микролокусов: дом с привидениями, космический корабль, магический лес. Фантастической может стать практически любая локация – в зависимости от характера допущения. Но их можно объединить в четыре ключевые группы: *переходные*, *анклавные*, *аномальные* и *дублирующие* локусы.

Переходные локусы – это пространственные единицы, которые обеспечивают переход между разными участками фантастического хронотопа. В цикле о Гарри Поттере наиболее наглядно их устройство видно на примере вокзала Кингс-Кросс на

мезоуровне и колонны между платформами 9 и 10 на микроуровне: они связывают мир маглов с локациями магов. Однако на протяжении книг переходные локусы представлены гораздо шире: это и каминная сеть для перемещения при помощи Летучего пороха, и туалеты, через которые работники проходят в Министерство магии, и ниша с манекенами при входе в больницу Святого Мунго, и многие другие локусы. К переходным локусам можно отнести и автобус «Ночной рыцарь» – он, конечно, представляет собой транспортное средство, но и сам обладает внутренним содержанием и пространственными характеристиками.

Анклавные локусы – это обособленные, труднодоступные участки пространства, возникновение которых связано с действием фантастического допущения, хотя сами они остаются частью общего мира. Таков подземный мир в романе В. А. Обручева «Плутония» – обширная полость внутри планеты, вход в которую расположен в трудноступных районах Арктики. По масштабу это очевидный макролокус, но по своему устройству он играет роль анклава, потому что он изолирован от остального пространства. Из этого можно сделать вывод, что анклавы практически не ограничены масштабом – главное, чтобы они были меньше содержащего их первичного макролокуса.

Аномальные локусы работают по законам, отличным от привычной реальности, и это отличие чаще не получает рационального объяснения, а если и получает, то частичное и не сразу. В «Пикнике на обочине» мезолокус Зоны явно нарушает физические законы мира, а текст не дает полноценной разгадки происходящего, только версии. Фантастическое здесь проявляется в ряде элементов: предметы с сверхъестественными свойствами, аномальные пространственные точки (которые вполне можно назвать аномальными миролокусами) – и даже необъяснимое чутьё Рэдрика Шухарта, который в этом пространстве ориентируется.

Дублирующие локусы создают искаженный двойник отдельного участка пространства – дома, комнаты, улицы или коридора. Исходное место часто остается узнаваемым, но его устройство меняется и подчиняется другой, часто деформированной, нечеловеческой логике. Пример – дом герцогини в книге «Проклятый горн» [42] цикла А. Пехова «Страж». В первичной реальности это обычная усадьба аристократической семьи. Но после прохождения через портал герои попадают в двойник дома, находящийся в Аду, и чем дальше они перемещаются по этому дому, тем сильнее он искажается.

Принадлежность локусов к одному типу не исключает принадлежность к другому. Например, Зона у Стругацких одновременно и анклавный, и аномальный

локус. В то же время Плутония Обручева при своих очевидных анклавных свойствах не становится аномальной в полном смысле слова – да, здесь созданы условия для обитания давно вымерших видов, но этому есть наукообразное объяснение. Здесь не появляются очевидно вымышленные животные вроде драконов – только известные или предполагаемые наукой. То есть чаще всего локус имеет одну определяющую характеристику. В итоге дифференциация на этом уровне помогает разделить локусы по доминирующему способу организации фантастического и определить функцию каждого в структуре произведения.

Третий и последний уровень – внутреннее пространство человека, в котором фантастическое проявляется через восприятие героя или может быть сосредоточено в самом герое. Этот уровень находится на границе между собственно хронотопом и сознанием героя, но все же важен именно хронотопически.

Во-первых, здесь мы получаем информацию о внешнем пространстве через восприятие персонажа: эта информация может быть объективной, может быть искаженнной. Показателен «Сумеречный дозор» С. В. Лукьяненко [43]: ведьма Арина скрывает свой дом мороком, и Городецкий, зайдя внутрь, видит в комнате обычную обстановку вместо ведьмовских артефактов. Лишь по мелким несостыковкам он понимает, что пространство устроено иначе, что это иллюзия. Читатель оказывается дезинформирован ещё больше, потому что герой до последнего скрывает, что разагадал обман.

Во-вторых, здесь эта информация получает эмоциональную окраску: мы понимаем, привычно ли пространство для героя или чуждо, приносит ли дискомфорт или опасность, как путешествие через гиперпространство (например, в романе «Кристалл Альвандера» Сергея Садова [44] для перемещения через глубокие уровни гиперпространства требуется особая защита – собственно, мыслящий кристалл), или расслабляет, как Ривенделл во «Властелине колец».

И в третьих, фантастическое может зарождаться непосредственно в самом герое, в его теле или сознании. В «Странной истории доктора Джекила и мистера Хайда» Р. Л. Стивенсона [45] фантастическое связано с раздвоением личности – то есть во внутреннем пространстве одного человека появляется другая личность. В цикле «Яцхен» А. Рудазова [46–49] вживленный в мозг главного героя симбиот создает ему новое тело, новые возможности и на протяжении цикла общается с героем мысленно, становясь советником и другом.

2. **Время** в фантастическом хронотопе опирается на систему уровней, в общих чертах схожую со структурой уровней пространства, описанной выше. Но это сходство

не делает время второстепенным – оба аспекта равноправны и находятся в отношениях взаимозависимости.

При создании фантастического времени автору нужно решить три вопроса:

- как соотнести время своего мира с реальным – когда происходят события: в настоящем времени, раньше или позже;

- как организовать последовательность событий внутри этого мира с учётом фантастического допущения;

- как может нарушаться течение времени под воздействием фантастического.

Поэтому временной аспект фантастического хронотопа удобно рассматривать на трех уровнях – *экстратекстовом*, *внутреннем* и *внешнем*. Каждый из них по-своему работает с ключевыми элементами времени: прошлым, настоящим и будущим.

На **экстратекстовом уровне** соотношение реального и художественного времени определяется через эстетику мира – тот историко-культурный образ реальности, который задает текст – и её отличия от образа актуальной автору реальности. Эстетика мира складывается из:

- распространенных технологий – условно «мечи» или «бластеры»;

- общественного устройства – феодализм, капитализм, процветающее или гибнущее общество будущего;

- уровня культуры – от инстинктивно-примитивного до духовно и интеллектуально развитого.

Если мир близок к более ранним культурным моделям (античность, средневековье, новое время), экстратекстовый уровень ориентирован на **прошлое**. Такой тип чаще всего встречается в фэнтези, хотя возможен и в научной фантастике, и в мистике. С ним нередко связаны мифологические и фольклорные мотивы, а также сюжеты, построенные вокруг судьбы и нравственного выбора. Корпус обширен: «Властелин колец» Дж. Р. Р. Толкина, «Волшебник Земноморья» У. Л. Гуин, «Песнь льда и пламени» Дж. Р. Р. Мартина, «Ведьмак» А. Сапковского, «Хроники Сиалы» А. Ю. Пехова и многие другие произведения.

Если мир, напротив, опережает реальность автора – по технологиям, общественному устройству, физическим или ментальным возможностям – экстратекстовый уровень ориентирован на **будущее**. Чаще это научная фантастика, но не только. Такой тип связан с прогнозами, с попыткой проследить, к чему ведут уже заметные тенденции, чем оборачивается развитие технологий, как меняются общество и человек. Примеров множество: цикл «Основание» А. Азимова, «Мечтают

ли андроиды об электроовцах» Ф. К. Дика, «О дивный новый мир» О. Хаксли, «Обитаемый остров» А. и Б. Стругацких и т.д.

Если же мир в целом сопоставим с современностью автора, речь идет об установке на **настоящее**. Она не закреплена строго за каким-то одним жанром, может проявляться в разных формах: научной фантастике, фэнтези, мистике. Здесь фантасты поднимают проблемы современности, показывают её противоречия, настроения общества в наглядном, часто сатирическом виде. Для примера – большинство произведений Ж. Верна, сборник «Зов Ктулху» Г. Ф. Лавкрафта, «Американские боги» Н. Геймана, «Великий Гусляр» Кира Булычева, «Тайный город» В. Панова и другие.

Внутренний уровень времени задается текущим «здесь и сейчас» сюжета:

- все, что предшествует этой точке, относится к прошлому – история мира, предыстория героев, предпосылки событий;

- сама эта точка образует настоящее – тот момент действия, в котором находится повествование и читатель без отступлений в прошлое и обращений к будущему;

- все, что еще не произошло, но уже предвосхищено в тексте, относится к будущему.

Но по мере движения сюжета эта точка смещается, и вместе с ней меняется соотношение трех пластов. Будущее наступает и становится настоящим, настоящее уходит в прошлое, а прошлое может раскрываться постепенно, обрастая новыми деталями. При этом в разных текстах один из трех пластов получает ведущую роль – и такой пласт удобно называть **доминантным**.

Если определяющее фантастическое событие, на котором построен сюжет, происходит сейчас – то есть не оказывается в итоге ретроспекцией или проспекцией – и дальнейшие события разворачиваются как реакция на него, то доминирует *настоящее*. В «Собачьем сердце» М. А. Булгакова [50] профессор Преображенский проводит операцию по переносу гипофиза в самом начале текста – во второй главе. Это событие меняет привычную жизнь обитателей квартиры и самого Шарика-Шарикова. В дальнейшем сюжет строится на текущем моменте: наблюдении за последствиями эксперимента, на попытках обучить Шарикова культуре, на том, как он ломает привычный порядок. То есть читатель следит за событиями так, как будто они происходят прямо сейчас – до самого конца эксперимента.

В других случаях действие постоянно возвращается к тому, что уже произошло. Здесь доминантным оказывается *прошлое*. Герой пытается понять, как все началось

и почему, справиться с последствиями произошедшего, восстановить то, что было утрачено. Так устроен «Солярис» С. Лема – герои действуют «здесь и сейчас», но их действия постоянно связанны с произошедшим ранее:

- во-первых, они изучают записи предыдущих исследователей инопланетного океана, анализируют их действия;

- во-вторых, сталкиваются с фантомами из своего прошлого, из личной жизни, которых присылает мыслящий океан в попытке изучения своих гостей.

Если же «сейчас» наполнено ожиданием того, что еще не произошло, то речь идет про доминанту *будущего*. В «Мы» Е. И. Замятина [51] возникает конфликт между сложившимся порядком вещей, где всё подчинено строгой логике, направлено на отсутствие индивидуальности, и между настоящими чувствами, ощущением свободы. Действие ведет к тому, что сложившаяся система должная быть разрушена, а ключевая интрига направлена на то, сможет ли бунт победить. И когда он в итоге проигрывает, этот мир лишается будущего.

Последний уровень – внешний уровень времени – связан с хронологическим порядком событий, иначе говоря, с фабулой. В общем виде он описывает их последовательность от самого раннего к самому позднему, а в фантастике – те случаи, когда этот порядок нарушается фантастическим допущением. Такое нарушение может принимать несколько основных форм.

Перемещение во времени возникает тогда, когда герой так или иначе попадает из своей временной точки в прошлое или будущее. Классический пример – «Машина времени» Г. Уэллса, где ученый изобрел машину времени и отправился сначала на сотни тысяч лет вперед, в мир ранее упомянутых Морлоков и Элоев, а потом и на миллионы лет вперед, к умирающей Земле. При этом перемещение возможно не просто в прошлое или будущее определенного локуса, но и, например, в чужие воспоминания – по принципу Омута памяти из книг о Гарри Поттере.

Временная петля строится на замыкании времени, когда один и тот же отрезок переживается снова и снова или предыдущие события обусловлены последующими. Такой тип особенно нагляден в рассказе «Все вы зомби» Р. Хайнлайна [52], где герой зачинает сам себя, а потом вербует себя же в Службу времени, где уже давно служит. Его кольцо с изображением Уробороса символизирует этот закольцованный процесс, но ключевая мысль героя идет дальше – он пытается понять, кто же он в таком случае, возникший буквально из ниоткуда и двигающийся в никуда.

Наконец, возможно *несовпадение времени миров*, когда в разных пространствах время течет с разной скоростью и переход между ними оказывается

одновременно и временным сдвигом. В «Хрониках Нарнии» нарнийское и земное времена не совпадают – возвращение в обычный мир происходит буквально в ту же секунду, что и отбытие из него.

В итоге выбранная модель фантастического хронотопа и ее уровни позволяют где-то с большей степенью абстракции, где-то более конкретно рассматривать широкий спектр элементов художественного целого. Экстрапространство и экстравремя показывают соотношение вымышленного мира с миром реальным, подчеркивают тему произведения – то есть отвечают на вопрос «о чем» оно: о перспективах жизни в будущем или о неизвестном в прошлом; о совершенно другом или все же нашем мире; о его скрытом уровне или ином историческом, социально-культурном устройстве. Внешнее пространство и внутреннее время играют важную роль в организации композиции и сюжета, который можно представить как смещение точки настоящего по координатной плоскости, состоящей из оси времени и оси пространства – и отступления от этой точки в прошлое или будущее. Внутреннее же пространство позволяет приблизить фантастическое к читателю, показать эмоции, раскрыть по-иному образ человека. А внешнее время задает структуру событий – или же нарушает ее. В совокупности это позволяет, с одной стороны, расширить возможности анализа фантастического произведения, а с другой стороны – продолжать выявление закономерностей и теоретических возможностей хронотопа.

Список литературы

1. Сувин, Д. Метаморфозы научной фантастики: Поэтика и история литературного жанра / Д. Сувин ; перевод с английского А. С. Голиковой. – Мн. : Подсолнечник, 2023. – 432 с.
2. Ковтун, Е. Н. Поэтика необычайного: Художественные миры фантастики, волшебной сказки, утопии, притчи и мифа (На материале европейской литературы первой половины XX века) / Е. Н. Ковтун. – М. : Изд-во МГУ, 1999. – 308 с.
3. Алиев, С. Б. К проблеме типологии фантастики / С. Б. Алиев // Вестник ТвГУ. Серия «Филология». 2013. Выпуск 2. Издатель: Тверской государственный университет. – Тверь : Вестник ТвГУ, 2013. – С. 286–291.
4. Бахтин, М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике / М.М. Бахтин // Вопросы литературы и эстетики. – М. : Худож. лит., 1986. – С. 234–407.
5. Чернецов, А. Д. Хронотоп М. М. Бахтина: актуализация и реструктуризация / А. Д. Чернецов // Вестник МГЛУ. Серия 1. Филология. Научно–практический журнал / отв. за выпуск Л. А. Тарасевич. Издатель: учреждение образования «Минский государственный лингвистический университет». – Минск: Вестник МГЛУ, 2022. – С. 169–175.
6. Лихачёв, Д. С. Поэтика древнерусской литературы / Д.С. Лихачёв. – М. : Наука, 1979. – 351 с.

7. Лотман, М. Ю. Структура художественного текста / М.Ю. Лотман. – М.: Искусство, 1970. – 384 с.
8. Темирболат, А. Б. Категории хронотопа и темпорального ритма в литературе. Монография / А. Б. Темирболат. – Алматы : Ценные бумаги, 2009. – 504 с.
9. Наумчик, О. С. Пространственно–временные модели фэнтези / О.С. Наумчик. // Парадигмы переходности и образы фантастического мира в художественном пространстве XIX–XXI вв. – Нижний Новгород: Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 2019. – 463 с.
10. Чернецов А. Д. От вопросов фантастической поэтики к системной модели фантастической литературы / А. Д. Чернецов // Вестник БГУИЯ. Серия 1. Филология. № 4 (6). Научно–практический журнал / отв. за выпуск Л. А. Тарасевич. Издатель: учреждение образования «Минский государственный лингвистический университет». – Мн. : Вестник БГУИЯ, 2026. – С. 193–201.
11. Брандис, Е. П. Советский научно-фантастический роман / Е. П. Брандис. – Л.: Общество по распространению политических и научных знаний РСФСР (Ленинградское отделение), 1959. – 48 с.
12. Бритиков, А. Ф. Русский советский научно-фантастический роман / А. П. Бритиков. – Л. : Наука. Ленинградское отделение, 1970. – 447 с.
13. Тодоров, Цв. Введение в фантастическую литературу / Цв. Тодоров. – М. : Дом интеллектуальной книги, 1999. – 144 с.
14. Кагарлицкий, Ю. И. Что такое фантастика? / Ю. И. Кагарлицкий. – М. : Художественная литература, 1974. – 352 с.
15. Чернышева, Т. А. Природа фантастики / Т. А. Чернышева. – Иркутск: Изд-во Иркутского университета, 1984. – 336 с.

Список источников

16. Белокурова, С. П. Словарь литературоведческих терминов / С. П. Белокурова. – СПб. : Паритет, 2006. – 314 с.
17. Чигиринская, О. А. Проблема жанра относительно фантастики / О. А. Чигиринская
// Полдень. XXI век, 2009, № 04 / глав. ред. Б. Н Стругацкий. – М. : Вокруг света, 2009. – 180 с.
18. Льюис, К. С. Хроники Нарнии / К. С. Льюис. – М. : Эксмо, 2017. – 912 с.
19. Лем, С. Солярис / С. Лем. – М. : АСТ, 2019. – 288 с.
20. Уэллс, Г. Машина времени / Г. Уэллс. – М. : Эксмо, 2023. – 384 с.
21. Обручев, В. А. Плутония / В. А. Обручев. – М. : Эксмо, 2025. – 352 с.
22. Толкин, Дж. Р. Р. Властелин колец / Дж. Р. Р. Толкин ; перевод М. Каменкович, В. Каррика. – М. : АСТ, 2016. – 1696 с.
23. Толкин, Дж. Р. Р. Сильмариллион / Дж. Р. Р. Толкин. – М. : АСТ, 2016. – 416 с.
24. Роулинг, Дж. К. Гарри Поттер и философский камень / Дж. К. Роулинг. – М. : Росмэн, 2002. – 400 с.
25. Роулинг, Дж. К. Гарри Поттер и Тайная комната / Дж. К. Роулинг. – М. : Росмэн, 2006. – 480 с.
26. Роулинг, Дж. К. Гарри Поттер и Тайная комната / Дж. К. Роулинг. – М. : Росмэн, 2006. – 480 с.
27. Роулинг, Дж. К. Гарри Поттер и Узник Азкабана/ Дж. К. Роулинг. – М. : Росмэн, 2005. – 512 с.

28. Роулинг, Дж. К. Гарри Поттер и Кубок огня / Дж. К. Роулинг. – М. : Росмэн, 2007. – 667 с.
29. Роулинг, Дж. К. Гарри Поттер и Орден Феникса/ Дж. К. Роулинг. – М. : Росмэн, 2007. – 832 с.
30. Роулинг, Дж. К. Гарри Поттер и Принц-Полукровка / Дж. К. Роулинг. – М. : Росмэн, 2007. – 685 с.
31. Роулинг, Дж. К. Гарри Поттер и Дары Смерти/ Дж. К. Роулинг. – М. : Росмэн, 2007. – 640 с.
32. Гейман, Н. Никогде / Н. Гейман. – М. : АСТ, 2025. – 416 с.
33. Кайуа, Р. Вглубь фантастического / Р. Кайуа. – СПб. : Издательство Ивана Лимбаха, 2006. – 280 с.
34. Стругацкий, А. Н., Стругацкий, Б Н. Ответ на анкету / А. Н. Стругацкий, Б. Н. Стругацкий // Иностранная литература. – 1967. – № 1. – С. 257.
35. Генри Лайон Олди. Что такое фантастика? Фантастическое допущение. 2016 – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.mirf.ru/book/chto-takoe-fantasticheskoe-dopuschenie (дата обращения 18.06.2026).
36. Толкин, Дж. Р. Р. О волшебных сказках / Дж. Р. Р. Толкин // Чудовища и критики. – М. : АСТ, 2018. – С. 151–221.
37. Стюарт, М. Сага о короле Артуре / М. Стюарт. – М. : Эксмо, 2009. – 1280 с.
38. Оруэлл, Дж. 1984 / Дж. Оруэлл. – М. : Альпина Паблишер, 2021. – 352 с.
39. Стругацкий, А. Н., Стругацкий, Б. Н. Пикник на обочине / А. Н. Стругацкий, Б. Н. Стругацкий. – М. : АСТ, 2019. – 256 с.
40. Желязны, Р. Хроники Амбера / Р. Желязны. – М. : Эксмо, 2022. – 1280 с.
41. Кинг, С. Тёмная башня. Том 1. Мн. : Глобус ББК, 2017. – 1008 с.
42. Пехов, А. Ю., Бычкова, Е. А. Проклятый горн / А. Ю. Пехов, Е. А. Бычкова. – М. : Альфа-книга, 2014. – 416 с.
43. Лукьяненко, С. В. Сумеречный дозор / С. В. Лукьяненко. – М. : АСТ, 2022 – 446.
44. Садов, Сергей. Альвандер / Сергей Садов. – СПб. : Ленинградское издательство, 2012. – 896 с.
45. Стивенсон, Р. Л. Странная история доктора Джекила и мистера Хайда / Р. Л. Стивенсон. – М. : Азбука, 2022. – 320 с.
46. Рудазов, А. В. Три глаза и шесть рук / А. В. Рудазов. – М. : Армада: «Издательство Альфа-книга», 2004. – 440 с.
47. Рудазов, А. В. Шестирукий резидент / А. В. Рудазов. – М. : Альфа-книга, 2005. – 410 с.
48. Рудазов, А. В. Демоны в Ватикане / А. В. Рудазов. – М. : Альфа-книга, 2008. – 512 с.
49. Рудазов, А. В. Сын архидемона / А. В. Рудазов. – М. : Альфа-книга, 2011. – 313 с.
50. Булгаков, М. А. Собачье сердце / М. А. Булгаков. – М. : Азбука, 2013. – С. 179–318.
51. Замятин, Е. И. Мы / Е. И. Замятин. – М. : Азбука, 2019. – 224 с.
52. Хайнлайн, Р. Все вы зомби / Р. Хайнлайн // Патруль Времени. – М. : Эксмо, 2015. – С. 217–242.

Международный научно-практический журнал

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

№ 10 (138), 2026

По вопросам и замечаниям к изданию,
а также предложениям к сотрудничеству обращаться
по электронной почте office@scipress.ru

Подготовлено с авторских оригиналов

Данный сборник распространяется по лицензии
Creative Commons Attribution 4.0 Всемирная (CC BY 4.0)
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru

ISSN 2412-8953

Подписано в печать 15.11.2026
Формат 60x84/16. Печать цифровая.
Усл.печ.л. 16,4. Тираж 500 экз.
Научно-издательский центр «Открытое знание»
www.scipress.ru